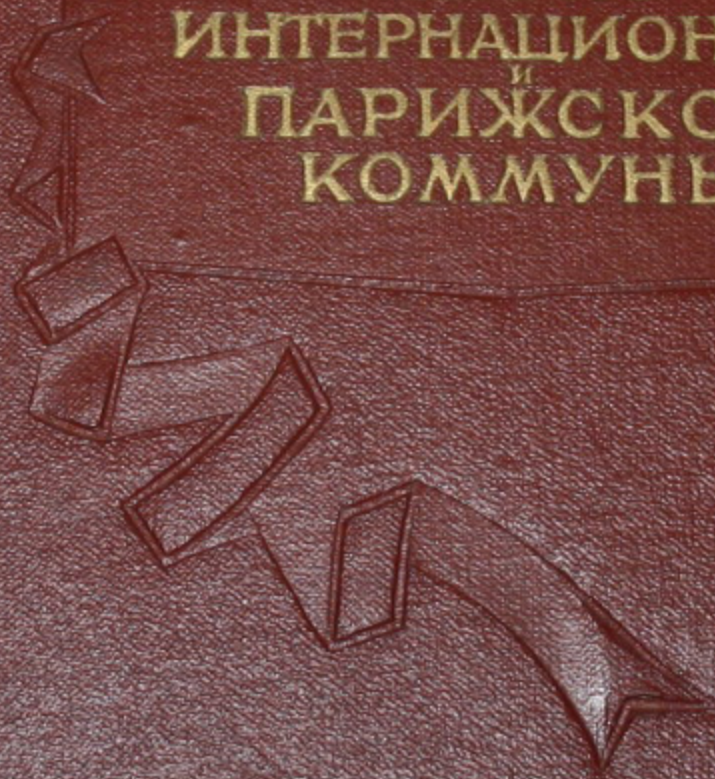

И. О. КНИЖНИК-ВЕТРОВ

РУССКИЕ
ДЕЯТЕЛЬНИЦЫ
ПЕРВОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА
И
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЫ

В книге подробно рассказано о жизни и общественно-политической деятельности трех замечательных русских; женщин, участниц I Интернационала и Парижской коммуны 1871 г., об их связях с русским и международным рабочим движением,, возглавлявшимся К. Марксом. Книга основана на печатных и неопубликованных архивных источниках, на устных и письменных свидетельствах родных и друзей этих деятельниц и т. п. материалах, собиравшихся автором в течение нескольких десятилетий.

Книга является одновременно научным исследованием и популярной работой, рассчитанной на массового советского читателя.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

О. Л. ВАЙНШТЕИН

ВВЕДЕНИЕ

Уже сто лет назад, при царском режиме, русские женщины вели борьбу за свои права. Передовые женщины из буржуазных и дворянских семей (А. П. Философова, М. В. Трубникова и др.) добились права для женщин учиться в русских университетах и заниматься так называемыми либеральными профессиями (адвокатов, врачей и т. п.). Среди этих женщин были и такие выдающиеся личности, как Софья Перовская, Вера Фигнер и др., которые наравне с революционерами-мужчинами участвовали в борьбе против самодержавия, за демократию и социализм.

К числу женщин — демократок и социалисток этого времени относятся и три русские деятельницы I Интернационала и Парижской Коммуны — Е. Л. Дмитриева, А. В. Корвин-Круковская (Жаклар) и Е. Г. Бартенева, о которых идет речь в настоящей книге.

Уже в конце 60-х годов XIX в. они считали главным вопросом русской общественной жизни и своей задачей организацию трудящихся масс России для такой же борьбы, которую вели рабочие в Западной Европе, объединенные в секции руководимого Карлом Марксом I Интернационала.

Эти русские женщины в сущности отреклись от своего класса, от интересов и предрассудков среды, в которой они выросли, и примкнули к борцам за интересы трудящихся и эксплуатируемых. Русский народ вправе гордиться своими замечательными дочерьми. О них, на деле доказавших, как близко к сердцу они принимали героическую борьбу коммунаров Парижа 1871 г., должен знать советский читатель.

Они были далеки от понимания исторического материализма

Маркса и считали себя ученицами Чернышевского. Они ошибались, видя в крестьянской общине и рабочей артели отправной пункт для социалистического преобразования России. Вместе с тем у Маркса они восприняли идеи, развитые им в Учредительном манифесте и Уставе Интернационала, о необходимости объединения рабочих всех стран. Они были ревностными пропагандистками э

идей в рабочем движении в Женеве и в Парижской Коммуне и намеревались пропагандировать их и в России среди рабочих, ремесленников и крестьян-бедняков.

Они приняли деятельное участие в основании Русской секции Интернационала в Женеве, которая ставила своей целью, как писал Комитет этой секции Марксу 12 марта 1870 г., «оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала среди русских рабочих и объединять их во имя этих принципов».¹ Для этого секция считала необходимым создание профессиональных союзов, поддержку стачек, как школы экономической и политической борьбы, и основание «Партии народного освобождения», в которую вошли бы все трудящиеся и эксплуатируемые.

Не понимая, что только пролетариат является той силой, которая в состоянии построить социализм, основатели Русской секции тем не менее высоко оценивали историческую роль пролетариата, подчеркивая, что это — «новая сила в развитии человечества, с которой волей-неволей приходится считаться. .. ибо она осознала самое себя и начертала сама себе последовательный ход».² «Рабочий был решительно до сих пор ничем иным, как куском мяса для удобрения ренты барышников, а должен быть он решительно всем, потому что один он представляет собой могучую производительную силу, а барышнический паразитизм обречен на смерть».³

Каким же образом возникла в Женеве Русская секция? Что было причиной ее появления?

Ответ на эти вопросы мы получим прежде всего, если обратимся к русской периодической печати 60-х годов XIX в. Последняя была буквально наводнена материалами о тяжелом экономическом положении рабочих и об их борьбе против хозяев.

В 1862 г. Н. Воскобойников в статье «Несколько вопросов о положении фабричных рабочих, преимущественно на петербургских фабриках» говорил о безотрадных условиях труда рабочих в душных, тесных и смрадных помещениях.⁴ Рабочий Блахин в статье «Жизнь фабричного рабочего» описал ужасные жилищные условия петербургских рабочих, которые, работая по 14 часов в день, получали заработную плату в размере от 7 до 12 рублей в месяц.⁵ В 1864 г. в передовице журнала «Народное богатство» от 15 февраля отмечалось как самое обычное явление грубое обращение хозяев с рабочими.

В 1865 г. в «Архиве судебной медицины» (№ 2) автор-врач, ссылаясь на материалы медицинского обследования русских фаб-

рик указывал, что средняя годовая цифра рабочих, покалеченных р шинами, «ужасающе велика», и настаивал на необходимости запрещения работы детей на фабриках.

Тогда же Н. А. Некрасов в стихотворении «Железная дорога» описал страдания рабочих — строителей Петербургско-Московской железной дороги, а в следующем году в стихотворении «Наборщики» так определял условия труда типографских рабочих: «и в самых рудниках тошней труда не сыщешь». Глеб Успенский в рассказе «Первая квартира» изобразил бедственное положение мастериц в швейных мастерских. В. А. Слепцов в «Записках метафизика» описал невыносимые условия жизни петербургских булочников. Ф. М. Решетников в романе «Где лучше?» показал несчастную жизнь уральских рабочих, попавших в поисках лучшей доли на петербургские заводы, но оказавшихся и здесь не в лучшем положении.

В 1869 г. в радикальном журнале «Дело» (№ 11) П. Н. Ткачев привел много фактов о каторжных условиях жизни русских рабочих на золотых приисках в противовес лживым рассказам об этих условиях в рецензируемой им книге буржуазного экономиста Н. В. Латкина «Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа». В том же году в буржуазной газете «Новое время» (№ 187) в передовой статье указывалось, что многие рабочие нарочно совершают преступления, чтобы попасть в тюрьму или в ссылку и таким путем избавиться по крайней мере от голода.

В 1870 г. в прогрессивном журнале «Неделя» были напечатаны очерки П. Благовещенского «На ткацкой фабрике», где описывалось жалкое положение ткачей-рабочих, их скудная заработная плата, выдаваемая, как правило, с большим опозданием и постоянно сокращаемая незаконными вычетами и штрафами.

А. Михайлов в 1870 г. в статье «Жилища рабочих» привел много фактов, показывающих, что «на русских фабриках сгруппированы все противогигиенические условия»,⁶ а «Эм-Пе» в статье «Рабочий вопрос на мануфактурной выставке» отметил, что из 2508 фабрик России, участниц этой выставки, только 11, из них 3 петербургских, позаботились о бытовых и культурных нуждах своих рабочих (банях, больницах, библиотеках и школах для детей, работающих на фабриках).⁷

В Петербурге, среди интеллигенции которого были особенно сильны просветительские традиции лучших деятелей русской культуры, уже в 1858—1862 гг. появились воскресные школы для неграмотных и малограмотных рабочих. Для руководства этими школами был создан совет, в числе членов которого были передовой профессор П. В. Павлов, вскоре высланный за «неблагонадеж-

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. Госполитиздат, 1951, стр. 36.

² «Народное дело», 1869, № 7—9, стр. 114.

³ Там же, стр. 112.

⁴ «Библиотека для чтения», т. 171, июнь, отдел 2-й.

⁵ Там же.

«Дело», 1870, № 1, стр. 115.

«Русская летопись», 1870, 19 июля.

ность», С. А. Ольхин, привлекавшийся к суду за пропаганду в воскресных школах, и др. После лета 1862 г. воскресные школы разрешалось открывать только в том случае, если во главе их стояли священники. Но и в эти школы просачивалась пропаганда передовых идей. В 1862 г. бывший петрашевец Ф. Г. Толль с помощью Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе издал для народных учителей и народных школ «Список русских и малороссийских книг», рекомендуемых для чтения и отличающихся демократической тенденцией.

Вспомним, что и герой романа Чернышевского «Что делать?» Лопухов, служа на заводе, вел среди рабочих просветительскую работу, обучая их грамоте, наставляя их, как учить грамоте других, часто бывал в харчевнях, посещаемых рабочими, беседовал с ними. В подобной просветительской работе принимали участие и члены тайной революционной организации «Земля и воля», и писатели-демократы, и вообще представители прогрессивной интеллигенции.

В те же 60-е годы в русской печати стали появляться и первые сведения о борьбе рабочих против хозяев.

Еще в 1864 г. стачки рабочих, столкновения между рабочими и фабрикантами в центре русской хлопчатобумажной промышленности, Иваново, «русском Манчестре», отмечал, как свидетель, буржуазный экономист Вл. Безобразов.⁸ Он считал, что русские рабочие гораздо более единодушны в проявлении «злых чувств» к хозяевам, чем западноевропейские рабочие.⁹ В другой статье он обращал внимание читателей на то, что рабочие фабрик села Иваново ежедневно вступают «в распри с хозяевами, принимающие иногда характер западноевропейских забастовок».¹⁰

Н. В. Шелгунов в 1865 г. писал: «Против рабочего стоит хозяин—капиталист. . . Две эти силы стоят враждебно одна против другой, — вражда их принимает страстный характер, и между рабочими (пролетариями) и фабрикантами (капиталистами) являлись и являются столкновения».¹¹

В 1869 г. П. Н. Ткачев в рецензии на книгу Аристова «Промышленность древней Руси», говоря о современном русском рабочем, приписывает ему понимание ненормальности капиталистического строя, который вызвал его на борьбу, «поощряет его способности для этой борьбы, дает средства продолжать ее и, наконец, подкрепляет надеждою рано или поздно одержать победу».¹²

⁸ Вл. Безобразов. Село Иваново. Общественно-экономический очерк. «Отечественные записки», 1864, № 1, стр. 185.

⁹ Там же, стр. 267.

¹⁰ Вл. Безобразов. Будущность села Иваново. «Современная летопись», 1865, № 17, стр. 2 (воскресное прибавление к газ. «Московские ведомости»).

¹¹ Н. В. Шелгунов. Женское безделье. «Русское слово», 1865. № 7, стр. 31.

¹² «Отечественные записки», 1869, № 1, стр. 2.

Конфликты рабочих с хозяевами были настолько злободневны — что нашли отражение даже в беллетристике. В журнале «Дело» за 1866 г. (№ 12) и 1867 г. (№№ 7 и 9) был напечатан ооман Решетникова «Глумовы», где изображены стихийные возмущения (из-за ужасных условий труда в рудниках) уральских горных рабочих накануне крестьянской реформы. Тот же Решетников оомане «Где лучше?», печатавшемся в 1868 г. в «Отечественных записках», показал передового петербургского рабочего, организатора волнений в период после крестьянской реформы. В 1869 г. Глеб Успенский в «Разорении» (ч. I — «Наблюдения Михаила Ивановича») изобразил возмущение рабочих против эксплуатации. В 1870 г. в романе Омулевского «Шаг за шагом», напечатанном в журнале «Дело», показана борьба рабочих на суконной фабрике и стекольном заводе.

Обеспокоенные подъемом стачечного движения и обострением вражды между рабочими и хозяевами, органы правительственной и буржуазной печати пропагандировали необходимость их примирения, доказывая, что благосостояние рабочих могут обеспечить не стачки, а только мирные ассоциации, основанные на сбережениях рабочих. Так, газета «Русские ведомости» в передовице от 11 февраля 1869 г. предлагала обратить внимание на русский пролетариат, «охотно способствующий разрушению того положения вещей, которое оберегает ему нет ни выгоды, ни расчета».

В эти же годы был издан приспособленный к русским условиям перевод французской популярной книги Ж. Рапе «Начала общественного благосостояния. Руководство к нравственности и политической экономии. Преимущественно назначено для рабочего класса» (СПб., 1863). Книга проповедовала рабочим смирение и уважение к собственности, ибо «всякое посягательство на собственность вредно всеобщему благоденствию».

В «Журнале мануфактур и торговли» за 1864 г. (декабрь) в статье А. А. Шерера «Рабочая слобода в Мюльгаузене во Франции» пропагандировалась идея об устранении вражды между хозяевами и рабочими путем постройки для последних домов, отдаваемых им сначала внаймы, а затем переходящих в их собственность.

Но больше всего проповедовались в буржуазной печати рабочие кассы взаимопомощи, основанные на сбережениях рабочих. Журнал «Промышленность» призывал к организации сберегательных касс «при всякой фабрике, при всяком значительном заводе».¹³

То же самое рекомендовал и журнал «Русский ремесленник», приводя примеры таких касс в Англии,¹⁴ при петербургской фабрике «Лаферм» и при кооперативном обществе живущих в Петербурге

«Промышленность», 1861, т. 2.

Общества взаимного пособия в Великобритании. «Русский ремесленник», 1864, № 3.

немецких рабочих «Пальма».¹⁵ И хотя после покушения Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. все кассы были закрыты, так как правительство и в них усмотрело «зачаток коммунизма», все же часть их, руководимая «благонадежными» лицами, сохранилась под названием «вспомогательных обществ». Если верить их списку, напечатанному в «Правительственном вестнике» от 22 августа 1870 г., во всей России таких обществ было 63, из них 6 в Петербурге. Фабриканты и заводчики относились к рабочим кооперативным обществам положительно, рассматривая их как средство для отвлечения рабочих от борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. На I-м съезде фабрикантов и заводчиков в Петербурге в 1870 г. было высказано пожелание об издании «нормальных положений обществ потребительских, ссудо-сберегательных и т. п.».

Демократическая печать, хотя и совершенно по другим мотивам, вслед за Чернышевским и его соратниками, тоже относилась к рабочим кооперативным обществам положительно.¹⁶ А. Михайлов, особенно ярко выражавший демократические тенденции, писал, что рабочие кассы будут помогать стачечникам (чтобы они могли переждать время, пока хозяева удовлетворят их требования), а также тем рабочим, которые пожелают основать производительные или потребительские ассоциации.

Развитие капитализма и рост рабочего движения вызвали в петербургской печати 60-х годов интерес к Марксу и Энгельсу, как к самым передовым писателям по рабочему вопросу, и к Интернационалу, как международной организации, борющейся за интересы рабочих. Так, в 1865 г. в «Русском слове» (№ 12) П. Н. Ткачев отозвался с полным одобрением о предисловии к книге Маркса «К критике политической экономии». В «Современнике» (№ 6) тогда же появилась статья Ватсона «Стачки рабочих во Франции и в Англии», в которой приведен ряд мест из Учредительного манифеста Интернационала и назван его автор — К. Маркс, хотя Манифест был напечатан анонимно.

Первый том «Капитала» Маркса вышел в 1867 г., а уже летом 1868 г. петербургский кружок «Рублевое общество», в который входили Г. А. Лопатин, М. Ф. Негрескул, Ф. В. Волховский, Н. Ф. Даниельсон и Н. Н. Любавин, задумал перевести «Капитал» на русский язык (перевод этот издан был весной 1872 г. Н. П. Поляковым). Этот же кружок начал и перевод книги Маркса «К критике политической экономии», но арест М. Ф. Негрескула приостановил эту работу. Перевести «Капитал» собирались в 1868 г.

¹⁵ Сберегательные кассы для рабочих в С.-Петербурге. «Русский ремесленник», 1866, № 12.

¹⁶ См.: И. К. Рочдельское общество взаимного вспомоществования. «Современник», 1860, № 4; Ватсон. Вопросы об улучшении быта рабочих в Германии. Там же, 1863, №№ 8 и 9; П. Конради. Общества рабочих в Германии. «Неделя», 1867, № 5.

и А. А. Серно-Соловьевич, и петербургский издатель В. О. Ковалевский, что видно из письма А. А. Серно-Соловьевича от 18 октября 1868 г., напечатанного в сборнике «Звенья» (кн. 5) за 1935 г.

Но и до появления перевода «Капитала» его немецкий оригинал в 1869 г. неоднократно цитировался в «Отечественных записках» (№ 4) Г. З. Елисеевым (в разделе «Современное обозрение»). В 1870 г. в том же журнале (№ 4) была напечатана статья В. И. Покровского «Что такое рабочий день», где пересказывались соответствующие главы «Капитала» Маркса. Эти примеры, число которых можно увеличить, показывают, что имя Маркса было хорошо известно в передовых общественных кругах России, так что русская революционная молодежь, попадая в Западную Европу, знала, на кого ей ориентироваться.

Деятельность международного рабочего политического союза — Первого Интернационала, основанного в сентябре 1864 г. в Лондоне при участии Маркса, тоже нашла свое отражение в петербургской печати.¹⁷

Правительственные и буржуазные газеты Петербурга сначала не поняли, что это за организация, и поместили об основании ее ряд информационных статей. «Санкт-Петербургские ведомости» 25 сентября 1864 г. перепечатали из английских газет описание митинга в Лондоне, на котором был основан Интернационал. Затем ряд информационных статей появился в 1865 г. в «Русском инвалиде» (№ 55) и других петербургских газетах. О первом конгрессе Интернационала в Женеве в сентябре 1866 г. дала информацию газета А. Краевского «Голос». Все эти газеты не заметили, что Учредительный манифест Интернационала провозгласил завоевание политической власти рабочими.

Подлинная цель Интернационала — освобождение труда из-под власти капитала — была разъяснена в ряде статей, помещенных в журнале «Дело» в 1867—1868 гг.¹⁸

¹⁷ Из новейших работ о проникновении в Россию марксизма, о рабочем вопросе в русской прессе 1860-х годов и о формировании русского пролетариата см.: В. Н. Бурлак. Из истории проникновения идей марксизма в Россию в разночинский период освободительного движения. Изд. «Высшая школа», М., 1961; Т. М. Ягодина. «Рабочий вопрос» в русской легальной демократической прессе 60-х годов XIX в. Труды Московского историко-архивного института, т. 9, 1957, стр. 113—137; В. В. Сельчук. Русская публицистика как источник для изучения рабочего движения в России в 60-е годы XIX в. РУДЫ Гос. библиотеки СССР им. Ленина, т. I, 1957, стр. 204—209; А. С. Трофимова. Рабочее движение в России 1861—1894 гг. М., 1947; А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, М.—Л., 1958; Л. И в а и о в. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России. «Вопросы истории», 1958, № 4.

¹⁸ Первый конгресс Интернационала. «Дело», 1867, № 2; Луг-н. Больные места в Швейцарии. Там же, 1868, № 10; Элизе Реклю. Международный конгресс в Брюсселе. Там же. Под псевдонимом «Луг-н» печатался В. Ф. Лугнин, товарищ Н. И. Утина.

В 1869 г. в журнале «Дело» (№ 8) под невинным заглавием «Политическая и общественная хроника» была напечатана информация Жака Лефрэнга о политическом рабочем конгрессе в Эйзенахе, на котором была основана социал-демократическая партия Германии, объявившая себя секцией Интернационала. В статье указаны были и все пункты выработанной на этом конгрессе программы: всеобщее право голоса, участие рабочих в правительстве, уничтожение всех привилегий богатства, рождения и религии, замена постоянного войска народной милицией, отделение церкви от государства и школы от церкви, начальное обязательное и даровое обучение, независимость суда, учреждение суда присяжных и публикация судебных прений, полная свобода печати, право схода, собраний и ассоциаций, уничтожение всех косвенных налогов и установление единого прогрессивного прямого налога.

Русские женщины, о которых идет речь в настоящей книге, с юных лет читали русские журналы, увлекались романом Чернышевского «Что делать?», имели знакомых среди сотрудников «Современника» и «Русского слова». Поэтому естественно, как это читатель увидит из их биографий, что в поле их зрения оказались рабочий вопрос, учение Маркса и деятельность Первого Интернационала. Вполне понятно и то, что, очутившись в Женеве, центре тогдашней русской эмиграции, многие члены которой входили в Интернационал и активно участвовали в движении женеvских рабочих, они также вступили в Международное Товарищество Рабочих. В Женеве они сблизились с Н. И. Утиным, вместе с которым основали Русскую секцию Интернационала, а Маркса просили быть их представителем в Генеральном Совете.

Подробное изучение формирования революционных взглядов каждой из рассматриваемых нами деятельниц Интернационала убеждает в том, что их участие в Парижской Коммуне не было случайностью, а органически вытекало из общего состояния русского рабочего и революционного движения 60-х годов, не находившего для себя достаточного простора в самой России, но уже связывавшего себя с идеей «освобождения труда» и с пролетарской революцией на Западе.

Биографии этих трех русских революционерок опубликованы мною более 30 лет назад в виде статей о Дмитриевой и Бартеневой и книжки о Корвин-Круковской (Жаклар) и использованы некоторыми историками и беллетристами. Ныне они исправлены, дополнены и сопровождаются введением, позволяющим понять ту роль, которую сыграла в жизни этих женщин связь с рабочим движением, участие их в пропаганде среди рабочих.

Эти биографии основаны на материалах, извлеченных: 1) из нескольких государственных и частных архивов (все они указаны); 2) из огромного количества русских и иностранных газет и журна-

лов справочных изданий, мемуаров и монографий времени I Интернационала и Парижской Коммуны, имеющихся в главных библиотеках Ленинграда и Москвы; 3) из личных бесед и переписки с разысканными мною родственниками и близкими знакомыми Е. Л. Дмитриевой, А. В. Корвин-Круковской (Жаклар) и Е. Г. Бартеневой. О последней я получил некоторые дополнительные данные в июле 1963 г. от ее внучки Е. Г. Смирновой.

По некоторым общим вопросам (о рабочем вопросе в 60—80-х годах XIX в., о формировании пролетариата и распространении марксизма в России, об Интернационале, бакунизме и нечаевщине) учтена и новейшая советская литература по библиографическим спискам, полученным мною от научных сотрудников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина П. С. Богомоловой и И. И. Фроловой.

Как правило, всюду указаны источники — печатные, письменные и устные, — из которых почерпнуты сообщаемые в настоящей книге факты или объяснения тех или иных событий.

Примечания эти, рассчитанные прежде всего не на широкого читателя, а на специалистов, желающих проверить надежность приведенных здесь сведений, могут быть полезными еще одной категории читателей — беллетристам, драматургам, киносценаристам и т. п., которых интересуют какие-либо опущенные мною подробности.

ЕЛИЗАВЕТА ЛУКИНИЧНА ДМИТРИЕВА

Елизавета Лукинична Дмитриева, урожденная Кушелева, по первому мужу Томановская, все свое довольно значительное состояние, доставшееся ей по наследству, отдала для дела революции. В 20 лет она стала одной из учредительниц Русской секции Интернационала и помогала Марксу в *его борьбе* с дезорганизаторской деятельностью Бакунина в I Интернационале. В декабре 1870 г. она была командирована Русской секцией к Марксу в Лондон и общалась с ним в течение трех с половиной месяцев. Маркс поручил ей быть корреспонденткой Генерального Совета во время Парижской Коммуны. Она не только выполняла это поручение, но и была наиболее активным организатором парижских рабочих во время Коммуны, агитатором в рабочих клубах, основательницей и председательницей «Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым» и предводительницей женского отряда, сражавшегося против врагов Коммуны до ее последнего дня.

Каковы же были условия ее жизни?

I. В СЕМЬЕ (1851—1868 гг.)

1

Елизавета Дмитриева была незаконной дочерью родовитого и богатого дворянина и помещика Холмского уезда Псковской губернии Луки Ивановича Кушелева и мещанки — бонны и сестры милосердия Каролины Доротеи Троскевич, приписанной к городу Газенпоту Курляндской губернии.

Отец Елизаветы Лукиничны в 1813 г., двадцати лет, окончил 1-й кадетский корпус в Петербурге и сразу был зачислен в лейб-гвардии егерский полк. Он участвовал в походах против Наполеона I, побывал в Пруссии, Саксонии, Богемии и Франции, затем был адъютантом генерал-лейтенанта князя Горчакова, а позднее переведен в гусарский принца Оранского полк.

Луку Ивановича, сына сенатора, лично знал Александр I. Царь сосватал ему богатую невесту — дочь помещика Бахметева и крепостной крестьянки, узаконенную только в 16 лет, незадолго до

¹ Что фамилия Дмитриева — революционный псевдоним Елизаветы Лукиничны Кушелевой, сообщено мне в декабре 1928 г. лично знавшим ее Г. В. Бартевым, сыном товарищей Дмитриевой по революционной работе — В. И. и Е. Г. Бартевых. Впервые фамилия Кушелева указана в печати в моей статье «Героиня Парижской Коммуны Елизавета Кушелева („Дмитриева“)», опубликованной в ленинградском журнале «Красная панорама» (1929, № 12). Имевшие до этого указания в печати на фамилию Дмитриевой по отцу — Томашевская (см.: А. Тверитинов. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому. СПб., 1906, стр. 30—31) и Тумановская (см.: Клуб червонных вальтов. Уголовный процесс. М., 1877, стр. 500) — были неправильными и вели по ложным следам. Узнав девичью фамилию Дмитриевой, я установил по родословным книгам российского дворянства, составленным П. Долгоруким и А. Бобринским, что место рождения Дмитриевой — село Волок Псковской губернии, и с помощью старожила г. Пскова К. А. Иеропольского вступил в переписку с племянницей Дмитриевой Е. А. Селиховой, жившей в семье Кушелевых 24 года (от рождения до 1898 г.), и с дальним родственником Дмитриевой — П. Н. Куропаткиным, братом бывшего военного министра А. Н. Куропаткина. От них я получил первые сведения о матери Дмитриевой, уточненные благодаря архивным источникам (в печати о матери Дмитриевой нет никаких сведений). Письма эти переданы мною в рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

сватовства, и получившую в наследство несколько имений в пяти губерниях с 1600 крестьянских душ.

Женившись на Бахметевой в 1823 г., тридцати лет, Л. И. Кушелев вышел в отставку в чине майора с мундиром и зажил помещиком в одном из имений жены в Нижегородской губернии. Но из-за жестокого обращения Луки Ивановича с крепостными крестьянами его жена, сама в недавнем прошлом крепостная, ушла от мужа, хотя имела уже трех дочерей. Она поселилась с ними в Нижнем Новгороде, а впоследствии переехала в Петербург, где дочери поступили в Институт благородных девиц. Но на летние каникулы дочери приезжали к отцу, поселившемуся в родовом имении Кушелевых — в селе Волок Холмского уезда Псковской губернии.²

Летом 1843 г. Лука Иванович пригласил для дочерей немку — бонну и сестру милосердия, упомянутую выше Троскевич, 21 года. Он оставил ее затем при себе и имел от нее несколько детей, в том числе и Елизавету Дмитриеву, родившуюся в мае 1851 г.

Троскевич управляла домашним хозяйством Луки Ивановича и была у него на положении прислуги, хотя окружающие смотрели на нее как на его жену и очень любили ее за доброту. Только в феврале 1856 г., после того как Троскевич спасла жизнь Луке Ивановичу, которого несколько крестьян хотели убить за его жестокость, он обвенчался с ней в церкви (первая жена Луки Ивановича умерла еще в 1854 г., и он получил в наследство часть ее состояния).

Через 3 года после второй официальной женитьбы, 3 февраля 1859 г., Лука Иванович умер от апоплексического удара. В завещании он щедро обеспечил своих детей от Троскевич, но называл их своими «воспитанниками». Барская спесь и прерассудки не позволяли Луке Ивановичу равнять детей, рожденных вне брака от мещанки, со сбоими законными детьми от первой жены.

В год смерти отца Елизавете Лукиничне было 8 лет. Она росла в обстановке, полной контрастов: нищета крепостных крестьян и роскошь барского дома, жестокое обращение с крестьянами отца и доброе отношение к ним матери. Немалое влияние оказали на нее родственники и знакомые, посещавшие семью Елизаветы Лукиничны, ее учителя и учительницы.

У Луки Ивановича был дальний родственник по матери, впоследствии военный министр Алексей Николаевич Куропаткин, родившийся лишь тремя годами раньше Елизаветы Лукиничны. Он

² Интересующихся подробностями биографии Луки Ивановича Кушелева отсылаю к моей статье «Детство и юность Елизаветы Дмитриевой», напечатанной в журнале «Каторга и ссылка» (1930, № 11). Там названы все печатные и архивные источники, включая письма ко мне разных лиц, на которых эта биография основана.

проводил с детства летние месяцы, рождественские и пасхальные праздники в имении матери Шешурино Холмского уезда и часто общался с детьми Кушелевых. Быт крепостных этого уезда описан им следующим образом: «Крепостные нашей местности, хорошо помню, были забытый, покорный народ, одетый во все серое, бедное, домашнего производства: зипуны, полушубки, портянки, лапти. Не помню, чтобы кто даже в праздничные дни, кроме нашего приказчика, имел сапоги. Из женщин даже прислуга ходила в лаптях, а в комнатах босиком. Избы были бедные, так называемые курные, т. е. печи были без труб, потолки и стены закопченные, крыши крыты соломой. Окна были малые, задвижные, давали недостаточно света, часто без стекол. Освещались избы лучиной, воткнутой в каганец... Мякинный хлеб был явлением обыденным».³ И далее: «Обстановка изб была очень бедная. Все больше скамьи, простые некрашенные столы, деревянные лари, а в углах и по стенам полки, заменявшие буфеты... Во всем нашем приходе не было ни одного даже фельдшерского пункта».⁴

Всю эту жалкую обстановку крестьянского быта Елизавета Лукинична хорошо знала с детства, так как часто сопровождала мать, посещавшую крестьян для их лечения.

А недалеко от этих крестьянских курных изб, вросших в землю и покрытых гнилой соломой, стоял на горе большой двухэтажный дом Кушелевых из 22 комнат с мезонином и флигелем в китайском стиле. За домом был большой фруктовый сад с оранжереями, гротом и родником, вода которого даже в сильную жару оставалась холодной. За садом находились роскошный парк, березовая роща, сосновый бор, а под горой река Сережа. Аллея из тополей вела от парка в «собственную» церковь с погостом и усыпальницей рода Кушелевых. Размеры барской усадьбы заставляют думать, что в ней была многочисленная дворня для ее обслуживания.

Но в Волоке семья Луки Ивановича жила только весной и летом, а осенью и зимой — в собственном доме в Петербурге.

При жизни Луки Ивановича, а затем и многие годы после его смерти в Волоке собирались во время пасхальных праздников и в летнее время помещики всего Холмского уезда с семьями, а также и из других уездов.

Многие из помещиков также жили зимой в Петербурге и бывали у Кушелевых. Среди лиц, посещавших последних в селе Волок и в Петербурге, были и передовые помещики, как Ткачевы, Лавровы и дальние родственники Куропаткины и Мусоргские.⁵

³ См. в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) рукопись: А. Н. Куропаткин. Воспоминания за 70 лет моей «изни», т. I, ч. 1 (1858—1866), стр. 1. Указание на существование этой рукописи получено мной от П. Н. Куропаткина.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Эти фамилии сообщены мне Е. А. Селиховой.

Гостеприимный и любезный Лука Иванович, с его связями при дворе и рассказами о заграничных походах, представлял достаточно большой интерес для помещичьего общества. При всей своей жестокости по отношению к крестьянам Лука Иванович считался просвещенным человеком, так как говорил на немецком, французском и английском языках, а в последние годы своей жизни и на итальянском, который изучил во время частых поездок в Венецию и Неаполь для лечения. В его петербургской квартире была богатая библиотека на четырех языках, не считая русского. Он вел знакомство с профессором высшей математики Артиллерийской академии П. Л. Лавровым и с родителями известного публициста

Н. П. Ткачева.

Вторая жена Луки Ивановича — Каролина Доротея, впоследствии при принятии ею православия переименованная в Наталью Егоровну, будучи родом из Курляндии, хорошо знала немецкий язык, а по-русски всю жизнь говорила с немецким акцентом. Женщина простая и малообразованная сравнительно с Лукой Ивановичем, она, однако, в качестве бывшей бонны и сестры милосердия имела достаточный жизненный опыт. Живя в течение 15 лет с Лукой Ивановичем, она научилась поддерживать внешний лоск помещичьей жизни, когда стала хозяйкой дома. В быту она почти не отличалась от помещичьей среды, выделяясь только своим исключительно добрым отношением к бедному люду.

После смерти Луки Ивановича она положила 20 тысяч рублей в банк для устройства приюта для крестьянских и мещанских детей — сирот и полусирот, купила для приюта дом и сама занялась его устройством, часто посещала, следила за питанием и всей постановкой ухода за детьми.⁶ Это особенно привлекло к ее семье родственников и знакомых из либерально-буржуазной интеллигенции, интересовавшихся общественными вопросами.

На Елизавету Лукиничну мать оказала положительное влияние: она приучила дочь к общению с людьми низших классов различных национальностей. Наталья Егоровна так часто общалась в быту с арендаторами — латышами, финнами, евреями, что даже умела говорить с ними на их языках.

Большое влияние на Елизавету Лукиничну оказали и такие ее дальние родственники, как будущий композитор М. П. Мусоргский, который «всегда относился ко всему народному и крестьянскому с особенной любовью»,⁷ и старик Куропаткин, который сам происходил из крестьян Екатеринославской губернии.⁸

Крестьянский вопрос был тогда злободневным, и о нем говорили и спорили в каждой помещичьей семье. Эти разговоры и

⁶ Сообщено мне Е. А. Селиховой в письмах от 6 и 29 мая 1930 г.

⁷ См. высказывание о М. П. Мусоргском его брата, цитируемое в биографическом очерке композитора, написанном В. В. Стасовым («Вестник Европы», 1881, №№ 5 и 6).

А. Н. Куропаткин. Воспоминания. . . , стр. 38.

споры вызывались и многочисленными стихийными бунтами среди крестьян после их «освобождения», и кровавым подавлением этих бунтов.

3

Положительное влияние оказали на Елизавету Лукиничну и условия ее воспитания. В раннем детстве она в отличие от детей других помещиков находилась на попечении не крепостных нянек, а только своей матери, бывшей тогда на положении прислуги. В то же время она была близка к дворовым слугам и вполне им сочувствовала, когда на них обрушивался гнев или каприз ее отца. Затем она получила образование, и притом хорошее, дома, а не в каком-нибудь из тогдашних женских институтов благородных девиц, с их оуплявшей и приучавшей к трусливому лицемерию дисциплиной.

Лука Иванович был достаточно богат, чтобы не жалеть средств на образование своих «воспитанников»—детей его и Натальи Егоровны, тем более что все расходы по воспитанию его законных трех дочерей несла его первая жена, имевшая собственное состояние. Лука Иванович сам из-за границы привез, очень образованную пожилую англичанку, затем образованную француженку и немку, знавшую музыку. Языки дети знали великолепно. Позднее из Петербурга привозились наилучшие учителя и учительницы, которые и обучали детей.⁹

После смерти мужа Наталья Егоровна, как и он, ценившая образование, подбирала учителей для детей так же тщательно. Так, дальний родственник Кушелевых М. П. Мусоргский, живший в Волоке весной 1862 г. в качестве гостя и занимавшийся музыкой с детьми Натальи Егоровны, высоко оценивает одного из воспитателей детей — немца.¹⁰

⁹ Из письма Е. А. Селиховой к К. А. Иеропольскому от 5 мая 1930 г.

¹⁰ См. письмо М. П. Мусоргского М. А. Балакиреву из села Волок от 31 марта 1862 г. в кн.: М. П. Мусоргский. Письма и документы. Собрал и приготвил к печати А. Н. Римский-Корсаков. М.—Л., 1932, стр. 78—79. В письме Е. А. Селиховой ко мне от 17 июля 1832 г., т. е. написанном до выхода в свет книги Римского-Корсакова, она сообщила, что в качестве бедного родственника Луки Ивановича М. П. Мусоргский сам просил в письме разрешения Натальи Егоровны «приехать иа Волок отдохнуть и провести лего. Бабушка тотчас же пригласила. . . Когда она увидела, что Мусоргский — великолепный музыкант и композитор, она предложила ему давать детям уроки музыки, конечно платные, чему он был очень рад. И так прожил он на Волоку года два-три, учил и сам учился». Однако, как видно из писем и документов Мусоргского, он жил в Волоке не два-три года, а только два-три месяца весной 1862 г. Но дальним родственником Луке Ивановичу Кушелеву Он действительно приходился (см. родословную М. П. Мусоргского по мужской и женской линиям, напечатанную между страницами 14 и 15 в № 5—6 журнала «Музыкальный современник» за 1917 г., специально посвященного композитору). Материальное положение семьи Мусоргских после 1861 г., с уничтожением крепостного труда, действительно сильно ухудшилось (см. статью З. Савеловой «Мусоргский в кругу его личных знакомств» в кн.: М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти. М., 1932, стр. 169).

Обучение Елизаветы Лукиничны не ограничивалось одним только заучиванием школьных учебников по казенной программе. Она могла много читать и беседовать о прочитанном со своим братом Александром и со сверстниками вроде А. Н. Куропаткина, которому в 13,14

Русским учителям и учительницам Елизаветы Лукиничны, большей частью детям разоренных помещиков, мелких чиновников и попов, никто не мешал знакомить свою ученицу с беллетристической которая не значилась ни в одной из тогдашних школьных программ, но была известна всем передовым русским людям. Таковы «Записки охотника» Тургенева, «Повести и рассказы» Григоровича, стихотворения Некрасова, Никитина и Кольцова, сочинения Помяловского, Слепцова, Решетникова, Н. Успенского, Островского. В произведениях этих писателей изображалось тяжелое положение крестьян, известное Елизавете Лукиничне по личным впечатлениям с детства. Эта художественная литература, а также критические статьи Добролюбова, Писарева, Ткачева вызвали у нее живой интерес к вопросу о причинах социального неравенства.

А когда Елизавета Лукинична немного подросла, она стала увлекаться статьями Н. Г. Чернышевского в редактировавшемся им журнале «Современник», который был центром самой революционной и в то же время научной и философской мысли тогдашней России. Эти статьи научили ее разбираться в политических вопросах.

А. Н. Куропаткин следующим образом описывает среду, окружавшую его в те времена, когда он был юнкером Павловского военного училища, — среду, оказавшую огромное влияние и на Елизавету Лукиничну: «Все интеллигентное общество 1863—1866 гг. переживало период подъема. Хождение в народ, служба народу, особенно на поприще народного образования, стали частыми явлениями и увлекали молодежь. Земские учреждения, остановившиеся на губернском земстве, казались незаконченными. Шли толки о необходимости общерусского „земского собора“, о конституции. Запрещенная литература множилась и проникала сквозь училищные стены. . . ,¹² Прогрессивные журналы, особенно „Современник“ и „Русское дело“,¹³ читались в училище с захватывающим интересом. . . Вместе с Писаревым, Добролюбовым и Белинским выхватывали мысли Прудона и знакомились с философом Огюстом Контом. Слушали секретно программы наших первых революционеров. . . Велись горячие споры на религиозные темы. . . Дух отрицания, общий в те годы в образованном русском обществе, витал и в юнкерских умах. . .

«Большое влияние на наши умы. . . имели не только научные труды, поверхностно нами усваиваемые, но и литературные труды

! Д и и

12 г. Другом месте А. Н. Куропаткин сообщает, что в военные училища

13 г. «аа?»: Лондонский «Колокол» Герцена и Огарева (там же, стр. 78).

¹⁴ М. Куропаткин по ошибке называет «Русское слово».

современных тому времени писателей, в особенности Чернышевского, Тургенева и Некрасова. „Что делать“ Чернышевского читалось и перечитывалось по нескольку раз... Решение женского вопроса Лопухиным по отношению Веры Павловны приводило нас в восхищение».¹⁵

По словам А. Н. Куропаткина, Елизавета Лукинична стала «гораздо революционнее» его. «В последний год моего пребывания в училище, в 1865—1866 г. ..., — пишет он в своих «Воспоминаниях», — я часто проводил время с младшей дочерью Натальи Егоровны Кушелевой — Лизой, моей сверстницей по возрасту.¹⁶ Это была выдающейся красоты девушка, с благородным образом мыслей и способностью говорить образно и пылко. Она уже была в большей мере, чем я, проникнута идеями службы на пользу народа и непрерывно доказывала мне необходимость оставить военную службу и идти в народ. Обладая значительными денежными средствами, независимыми от матери,¹⁷ Лиза звала меня в сотрудники по той работе, которую она мечтала создать для себя... В основание своей деятельности она думала положить устройство в Холмском уезде мельниц на артельном начале».¹⁸

В «План осуществления теории трудящихся» Чернышевского тоже входило создание добровольных производительных товариществ при помощи суд от государства. Мысль об устройстве мельниц на артельных началах, вероятно, появилась у Елизаветы Лукиничны под влиянием Чернышевского.

В то время владельцы ветряных или водяных мельниц сильно эксплуатировали крестьян, взимая за помол зерна очень высокую плату. Устройство мельниц на артельных началах рассматривалось как одно из средств облегчения жизни крестьян. Осуществила ли Елизавета Лукинична этот план, мы не знаем. Вероятнее всего, что он не был осуществлен, так как после 4 апреля 1866 г. — покушения Каракозова на Александра II — наступила сильная реакция, отдавшая всю Россию во власть Муравьева-вешателя, усмирителя Польши. То и дело производили обыски, аресты, сажали в тюрьмы и ссылали сотни людей. Назначенный незадолго до этого в Холмский уезд судебный следователь А. К. Маликов в мае 1866 г. был арестован за то, что на прежнем месте службы, в Жиздринском уезде Калужской губернии, агитировал среди рабочих Мальцовских заводов за устройство чугунолитейного завода на артельных началах.

¹⁴ Так ошибочно назван А. Н. Куропаткиным Лопухов — герой романа «Что делать?».

¹⁵ А. Н. Куропаткин. Воспоминания... , стр. 75—76.

¹⁶ Это не точно, так как А. Н. Куропаткин был старше Елизаветы Лукиничны на 3 года.

¹⁷ А. Н. Куропаткин имел в виду завещанные Дмитриевой отцом 50 000 рублей, драгоценности и имение, но до ее совершеннолетия все это находилось под опекой ее матери.

¹⁸ А. Н. Куропаткин. Воспоминания... , стр. 81.

В рабочей артели царские чиновники видели что-то коммунистическое. В Петербурге были закрыты, как «неблагонадежные», *кассы* взаимопомощи типографских рабочих, приказчиков и т. п., запрещены устраивавшиеся ими для сбора средств лекции и концерты.

Знакомство Елизаветы Лукиничны с университетской молодежью через старшего брата Александра Лукича, который два года состоял вольнослушателем Института гражданских инженеров, представлявшего в то время рассадник революционных идей, оказало на нее особенно большое влияние.

Это были студенты, которые участвовали в студенческом движении осенью 1861 г., когда Петербургский, Московский и Казанский университеты были временно закрыты, тысячи студентов исключены, а в Петербурге 26 студентов посажены в Петропавловскую крепость и 200 — в Кронштадтскую. Многие из них читали прокламацию «Молодая Россия».

Среди студенческой молодежи было в то время много разночинцев из небогатых личных дворян, мелких купцов, мелкого чиновничества, духовенства и даже крестьян. Для них образование служило единственным средством к материальному устройству жизни, а между тем со стороны правительства они встречали всяческие препятствия на своем пути к знаниям. Студенты возмущались действиями реакционного министра народного просвещения и одновременно прокурора Синода графа А. Д. Толстого. В опубликованных им 20 марта 1867 г. правилах для студентов он ввел систему шпионажа инспекторов за студентами, запретил все студенческие собрания, устройство концертов и лекций, сборы с которых шли для помощи бедным студентам, сократил число вольнослушателей, установил 20%-ю норму приема для студентов поляков. Не допускал Толстой к высшему образованию молодых женщин, для которых овладение одной из либеральных профессий, как и для мужчин, стало жизненной необходимостью.

Сильно волновало студентов и ужасное положение крестьян. В Холмском уезде в 1867 г. начался страшный голод и неизбежные его последствия — эпидемии сыпного тифа и возвратной горячки, истребившие около одной седьмой части всего крестьянского населения.²⁰

А в это самое время Елизавета Лукинична читала в радикальном журнале «Дело», что за границей имеется Международное об-

¹⁹ Дочь Александра Лукича, Е. А. Селихова, сообщила мне, что отец ее сохранил оппозиционное отношение к правительству на всю жизнь и поэтому, хотя впоследствии нуждался в заработке, никогда из принципа не поступал на РЛСП^а тв е д н у ю с л у ж б у - з н а я о той революционной роли, которую сыграла Елизавета Лукинична в Парижской Коммуне -1871 г., он в 1874 г. когда ^{№20} Р о д и л а с ь первая дочь, назвал ее в честь своей сестры Елизаветой. Лозной и с в я с т в о « в а ш и х в 1867-1869 г. в Холмском уезде эпидемия тифа и с я з а н а с в о й с т в о м г о р я ч к и « д ж и з р х и в а п с к о в « о г о г у б е р н с к о г о в р а ч е б - н о г о и н с п е к т о р а Л . М о р а в с к о г о . « А р х и в с у д е б н о й м е д и ц и н ы », 1869, № 4.

шество рабочих — Интернационал, оказывающий рабочим разных стран материальную помощь в их борьбе с эксплуататорами, действующий организации кооперативных обществ среди рабочих

21

и т. п.

В Петербурге тайный кружок «Сморгонская академия» соби-рался произвести переворот, освободить Чернышевского, организо-вать широкую пропаганду революционных идей, установить связь с Интернационалом. Но полицейский гнет слишком давил на об-щественную жизнь на каждом шагу. Из-за него многие радикалы «поправели», стали трусливыми обывателями и отказывались чем-либо помочь революционерам. В такой атмосфере тайный кружок ничего не мог сделать.

Некоторые передовые молодые русские женщины, добровольно решив «служить страждущему народу», уезжали за границу учиться медицине или праву (Н. П. Суслова, А. М. Евреинова и др.), а бо-лее революционно настроенные отправлялись туда затем, чтобы связаться с молодыми русскими эмигрантами и с их помощью выяснить, что надо делать в России. Елизавета Лукинична была в числе тех, кто хотел за границей учиться революционному делу.

Но Елизавета Лукинична по официальному своему положению была незаконнорожденной, т. е. совершенно бесправной личностью. Да и мать ее вряд ли могла отнестись положительно к желанию доч-ери поехать за границу. Правда, у нее были свои большие сред-ства, но до совершеннолетия она не могла ими распоряжаться.

4

Чтобы освободиться от опеки матери, Елизавета Лукинична при-бегла к средству, которое было обычным среди передовых русских девушек 60-х годов, находившихся в ее положении. Средством этим был фиктивный брак с человеком, который сочувствовал бы пере-довым идеям эпохи. С помощью фиктивного замужества она рас-считывала получить материальные средства в виде приданого, а за-тем и отдельный паспорт и разрешение уехать за границу.

Елизавета Лукинична часто бывала в доме своей сестры Адела-иды Лукиничны, единственной из оставшихся к тому времени в живых трех дочерей Луки Ивановича Кушелева от первого брака. Аделаида Лукинична была замужем за В. Н. Томановским, офице-ром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.²² Елизавета Лу-

²¹ Так, в журнале «Дело» (1867, № 2) в отделе «Новости заграничной жизни определялась цель Интернационала, там же давалась его история с 1864 г. и информация о работе Женевского конгресса 1866 г. (см. на стр. 72—73: «Международный конгресс рабочих в Женеве», «Мнения, изложенные на Женевском конгрессе», «Вопрос о взаимном вспомоществовании», «О рабочих часах», «О труде женщин и детей»).

²² О частом посещении Елизаветой Лукиничной дома Томановских сооб-щено мне ее племянником по первому мужу Д. Д. Томановским.

чна сблизилась с братом мужа своей сестры — Михаилом Ни-олаевичем Томановским, очень начитанным, передовым и обя-тельным человеком.

М. Н. Томановский происходил из небогатых помещиков Мыш-кинского уезда Ярославской губернии и служил офицером в улан-ом принца Фр. Вюртембергского полку, а позднее в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Заболев чахоткой, он вышел в 1864 г. в отставку в чине полковника с мундиром.

Матери Елизаветы Лукиничны М. Н. Томановский представ-лялся вполне подходящим женихом для дочери, хотя был вдвое старше последней и болен чахоткой.

Елизавете Лукиничне удалось убедить М. Н. Томановского, чтобы он фиктивно с ней повенчался и сопровождал ее за границу.

После венчания сверх средств, выделенных ей еще Лукой Ива-новичем, а также кроме столового серебра и драгоценностей, Ели-завета Лукинична получила 50 тысяч рублей деньгами и имение, расположенное рядом с имением Томановских.

²³ О М. Н. Томановском см. подробности в моей статье «Детство и юность Елизаветы Дмитриевой» («Каторга и ссылка», 1930, № 11).

²⁴ Сведения о первой поездке Елизаветы Лукиничны вместе с М. М. То-мановским в Швейцарию сообщены мне его племянником Д. Д. Томановским в письме от 22 марта 1931 г. Он же сообщил мне 27 февраля 1930 г. что Ели-завета Лукинична вышла замуж за М. Н. Томановского в 1869 или 1870 г. зная от Е. А. Селиховой, что Елизавета Лукинична вышла замуж в 16 лет, я считаю, что Д. Д. Томановский ошибается в дате брака: на самом деле брак был заключен в 1867 г. О том, что брак был фиктивный, родные, конечно, не знали, и потому впоследствии, в 1873 г., все Томановские (по словам Д. Д. Томановского) были в обиде на Елизавету Лукиничну за то, что она ушла от мужа, хотя сам муж ее, как увидим дальше, не обижался на нее. А. Н. Куропаткин в уже цитированных своих «Воспоминаниях» подтверждает указание Е. А. Селиховой, что Елизавета Лукинична вышла замуж в 1867 г. Как он сообщает, ему писали, что «блестящий гусарский офицер» крепко полюбил Лизу, что «молодые широко и любовно пожили около года, а затем Лиза бросила своего мужа, уехала в Женеву и страстно отдалась революционной дея-тельности», а «гусар, муж Лизы, не вынес постигшего его испытания и за-стрелился». Все эти указания, кроме лишь того, что в Женеве Елизавета Лу-кинична занялась революционной деятельностью, не подтвердились. Совер-шенно неверно и утверждение Ф. Н. Томановского (см.: «Летописи марк-сизма», 1930, № 2 (12), стр. 5), что Елизавета Лукинична выехала за границу только в 1870 г. Правда, ни в письмах швейцарских эмигрантов, ни в шпион-ских донесениях за период от 1867 до 1871 г. не упоминается имя Елиза-веты Лукиничны, но это объясняется конспиративными приемами русских эми-грантов, с одной стороны, и невежеством и неопытностью заграничных царских шпионов — с другой. К тому же до 1870 г. Елизавета Лукинична еще не играла в заграничных революционных кружках заметной роли.

²⁵ Сообщено Е. А. Селиховой в письме от 5 мая 1930 г. к К. А. Иеро-польскому. Отмечу кстати, что из архивных документов о семье Томановских и из французского начертания этой фамилии, какое употребляли К. Маркс, П. Л. Лавров, видно, что правильная фамилия Елизаветы Дмитри-евой по первому мужу — Томановская, а не Тумановская, как напечатано пер-воначально в книге «Клуб червонных валетов» и в «Письмах деятелей I Интер-национала в дни Коммуны 1871 г.» (М., 1933).

Ее желание уехать за границу теперь могло осуществиться.

К общению с передовыми умами Западной Европы и из среды русских эмигрантов она была подготовлена и хорошим знанием трех иностранных языков, и серьезным чтением и некоторым знакомством с русской революционной литературой.

Елизавета Лукинична хорошо знала все, что писал Н. Г. Чернышевский.²⁶ Она читала и такие книги, как сочинение Гакстгаузена «Исследование о внутреннем состоянии народной жизни и в особенности о земельных отношениях в России», вышедшее в 1847 г., в котором «описана общинная система в России».²⁷ Надо полагать, что она читала кое-что и о Марксе.

Сам Маркс указывает, что его «сочинение против Прудона» («Нищета философии», 1847 г.) и «то, что издал Дункер» («К критике политической экономии», 1859 г., с знаменитым предисловием, где вкратце изложена теория исторического материализма), «нигде не нашли такого сбыта, как в России».²⁸

В 60-е годы в Петербурге было много книгонош, которые разносили по квартирам известных им лиц из среды передовой интеллигенции новинки русской и иностранной литературы, часто запрещенные цензурой.²⁹ Через книгонош попали книги Маркса к писателям П. Л. Лаврову, П. Н. Ткачеву и Г. З. Елисееву. Лавров цитировал слова «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса о классовой борьбе без указания источника в редактировавшемся им журнале «Заграничный вестник».³⁰ Ткачев ссылался на предисловие «К критике политической экономии» в декабре 1865 г. в журнале «Русское слово» и проводил идеи этого предисловия и в других статьях. Он заявлял, что выраженный в этом предисловии взгляд Маркса уже «сделался почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей, и едва ли умный человек найдет против него хотя

какое-нибудь серьезное возражение».³¹ Елисеев в статье «Ответ на критику» в «Современном обозрении» «Отечественных записок» отзывался о Марксе как о «даровитейшем и честнейшем из современных политико-экономов» и цитировал неоднократно его «Капитал».

Таким образом, Н. И. Утин был совершенно прав, когда писал весной 1870 г. о Марксе: «Его имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением».³³

Недаром В. И. Ленин писал, что «примерно с 40-х и до 90-х годов... передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом Европы и Америки в этой области“.

Будучи усердной читательницей передовых журналов, Елизавета Лукинична не могла не получить некоторых сведений и об учении Маркса.

II. В ЖЕНЕВЕ. ЗНАКОМСТВО С ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ (ОСЕНЬ 1868 г.)

1

Легко себе представить, что при решении вопроса о том, куда именно ехать за границу, Елизавета Лукинична прежде всего имела в виду установление связей с русскими эмигрантами.

В начале 1865 г. издание «Колокола» было перенесено из Лондона в Женеву, так как Швейцария стала тогда центром молодой русской эмиграции. И вот осенью 1868 г. Елизавета Лукинична вместе с мужем приехала в Женеву. Как и все русские эмигранты, она, конечно, прежде всего набросилась на революционные русские издания. К этому времени (с 1 июля 1867 г.) издание «Колокола» было Герценом приостановлено, а спустя полгода возобновлено, но уже на французском языке. Злобой дня в Женеве была вышедшая еще весной 1867 г. в Веве брошюра А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», направленная против Герцена.

Александр Александрович Серно-Соловьевич (родился в 1838 г.) был одним из организаторов петербургского тайного общества «Земля и воля». Весной 1862 г. он уехал за границу для лечения и лишь благодаря этому избежал ареста и ссылки на каторжные работы по делу «о сношениях с лондонскими пропаганди-

²⁶ О статье Чернышевского об общине Е. Л. Дмитриева упоминает в письме к Марксу от 7 января 1871 г., напечатанном в «Летописях марксизма» (1930, № 2 (12)). Как указывает А. Тверитинов в книге «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому» (СПб., 1906, стр. 30—31), Елизавета Лукинична сделала большим почитателем Чернышевского члена Парижской Коммуны Бенуа Малона, а для этого ей надо было самой хорошо знать сочинения великого русского демократа.

²⁷ Слова Е. Л. Дмитриевой в ее письме Марксу от 7 января 1871 г. (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е. Госполитиздат, 1951, стр. 47). Здесь же она сообщает, что имеет экземпляр этого сочинения в России и могла бы его послать Марксу. Об этом письме еще будет идти речь дальше.

²⁸ См. письмо Маркса к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 534.

²⁹ См.: А. Пыпин. Мои заметки. «Вестник Европы», 1905, № 3, стр. 8.

³⁰ «Заграничный вестник», 1864, июнь, стр. 413 (вступительная заметка редактора Лаврова к статье Л. Родигера «Национальность»). Источник цитаты не указан, очевидно, по цензурным условиям. Это первая цитата в русской печати из «Коммунистического манифеста».

³¹ «Русское слово», 1865, № 12 (рецензия на книги Ю. Жуковского). Перепечатано в кн.: П. Н. Ткачев, Избранные сочинения на социально-политические темы в трех томах, т. I, М., 1932, стр. 89—90.

«Отечественные записки», 1869, № 4, стр. 347.

³³ 50-е Дело Женева - 1870 № 1. 15 апреля, стр. 3.
В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 7—8.

стами» — Герценом и Огаревым. В декабре 1864 г. он заочно был лишен всех прав и изгнан навсегда из России. За границей у него с Герценом сначала установились дружеские отношения, но из-за критических высказываний Герцена по адресу новых эмигрантов он стал его противником.

Н. В. Шелгунов, хорошо знавший А. А. Серно-Соловьевича, говорит о нем: «Это был человек кипучей энергии, горячий, смелый и очень умный... В Швейцарии, где он поселился, он стал вождем и трибуном рабочих. Когда он умер, швейцарские рабочие поставили на его могиле памятник. Это нужно было заслужить... По энергии темперамента, по пылкой страстности характера, по быстроте соображения, тонкому, ироническому уму и по беззаветности, с какой Серно-Соловьевич отдавался делу, не думая о себе, — он был один из очень немногих людей того времени».

А. А. Серно-Соловьевич выпустил в Женеве в 1868 г. памфлет на французском языке против немецкого буржуазного демократа Гегга («Ответ Геггу. По поводу стачки»), имевший огромный успех. Он руководил стачкой женеvских строительных рабочих, участвовал в комиссии, проектировавшей создание новой газеты Федеративного совета Интернационала в Романской Швейцарии, был одним из инициаторов создания партии «социал-демократической республики» на выборах в Женевское законодательное собрание в ноябре 1868 г. и тогда же издал в Женеве два номера газеты «Интернационал» на французском языке.³⁶

Из брошюры Серно-Соловьевича—памфлета против Герцена Елизавета Лукинична узнала, что Герцен не признается больше ни политиком, ни теоретиком и что его обращения с письмами к царю и его идея «земского царя» заслуживают осмеяния. Герцену противопоставлялся Чернышевский.

Жизнь коренных жителей Женевы тоже должна была привлечь к себе внимание Елизаветы Лукиничны, так как в это время все женеvцы стали говорить как о злобе дня о волнениях среди местных строительных рабочих. В этих волнениях принимал активное участие все тот же Серно-Соловьевич в качестве члена Интернационала и активного сотрудника женеvского органа Интернационала «Либертэ» («Свобода»). 20 ноября 1868 г. он писал Марксу, что рабочее движение в Швейцарии приобрело большой размах «лишь благодаря существованию Интернационала» и что «сила движения в стране находится в прямом отношении к силе Интернационала».³⁷

На улицах Женевы в виде объявлений были расклеены афиши, в которых «Либертэ» живо и остроумно вела полемику по рабочему вопросу и об Интернационале с буржуазной газетой «Журналь де Женев» («Женеvская газета»).

³⁵ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. ГИЗ, М.—Л., 1923, стр. 158.

³⁶ См. его письмо к Марксу от 20 ноября 1868 г.: Переписка Маркса к Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 32–35.

³⁷ Там же, стр. 33.

Как поняла Елизавета Лукинична, Интернационал — это было совсем не то, о чем она читала год назад в петербургском журнале «Дело», из которого она вынесла впечатление, что главная цель Интернационала — содействие организации кооперативных обществ среди рабочих. Она поняла, что цель Интернационала — организация международного объединения пролетариата и освобождение труда из-под власти капитала.

Вместе с эмигрантами Елизавета Лукинична стала посещать рабочие митинги и заседания Центральной женеvской секции Интернационала, собиравшейся в бывшем масонском храме Тамплэ-Юник.

Интернационал, как известно, возник еще в 1864 г. в Лондоне под руководством Карла Маркса, который написал для него Учредительный адрес и Устав.

«Интернационал был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы».³⁸ Целью его были прежде всего объединение рабочих масс разных стран для общих действий и определение тех общих требований, которые затрагивают интересы рабочего класса во всех капиталистических странах. Рабочие массы в те годы еще только начинали втягиваться по-настоящему в политическую борьбу. Во Франции большинство рабочих шло за Пруденом, рекомендовавшим рабочим бороться за свое освобождение не путем стачек против капиталистов и самостоятельной политической борьбы за свержение империи Наполеона III, а путем учреждения «равной для всех» собственности и мирной экономической самопомощи в виде организации дарового кредита и справедливого обмена между простыми товаропроизводителями.

Большой вред причинял Интернационалу Бакунин, пропагандировавший во всех романских странах систематические мелкие бунты как подготовку к всеобщему восстанию, которое одним ударом должно было сразу привести к социальной революции и установле-

³⁸ Анонимный рецензент книги В. А. Горохова «Первый Интернационал и русский социализм» (М., 1925) утверждает («Летописи марксизма», 1926, № 1, стр. 129), что русской революционной молодежи идеи Интернационала стали известны через Бакунина. Это неверно, так как с середины 60-х годов молодежь знакомилась с этими идеями следующим образом: 1) через легальную печать, 2) во время своих поездок в Женеву и 3) через женеvский журнал «Народное дело» (№ 1 вышел под редакцией Бакунина, последующие номера — под Редакцией Н. И. Утина), который был более известен в России, чем полагает анонимный рецензент. Сообщение газеты «Русский инвалид» (1865, № 55) об основании Интернационала и о предстоящей его конференции осенью 1865 г. было перепечатано почти во всех других газетах. Газета «Голос» в «Заграничье» и хронике» (1866, № 254) дала подробный отчет о I конгрессе Интернационала в Женеве. Журнал «Дело» говорил об Интернационале в ряде статей: «История международной жизни» (1867, № 2; см. выше, примеч. 21), «Большие места в Швейцарии» (1868, № 5; статья ученика П. Л. Лаврова по Артиллерийской академии В. Лугинина) и «Международный конгресс в Брюсселе»

³⁹ «Дело» (1868, № 10).

Ф *.-м- письмо Маркса к Ф. Вольте от 23 ноября 1871 г.: К. Маркс и Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 269.

нию анархического строя. Бакунин не понимал, что придется вести долгую борьбу с буржуазией даже после победы социальной революции. Он стоял за диктатуру не пролетариата, а тайного общества заговорщиков из всех стран, которое он назвал Альянсом социалистической демократии. Бакунин пренебрежительно судил о пролетариате, попираемом буржуазией и государством, и не видел в нем единственной силы, способной вести борьбу за осуществление социализма, так как он больше всех других классов общества заинтересован в этой борьбе. Более квалифицированных рабочих Бакунин считал обуржуазившимися и писал, что лишь в «нищенском пролетариате—весь ум и вся сила будущей социальной революции». «Буржуазному и доктринерскому социализму городов» Бакунин предпочитал «примитивный, дикий социализм деревни». «Его программой, — по словам Маркса, — была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — равенство классов (!), отмена права наследования как *исходная точка* социального движения (сенсимонистская чепуха), *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как догма, а в качестве главной догмы *по-прудонистски* *воздержание от участия в политическом движении*. Эта детская азбука встретила сочувственный прием... в Италии и Испании, где реальные предпосылки рабочего движения еще мало развиты, а также среди некоторых тщеславных, честолюбивых, пустых доктринеров в Романской Швейцарии и в Бельгии. .. Генеральному совету приходилось годами бороться против этого заговора (который до известной степени встречал поддержку у французских прудонистов, особенно в *Южной Франции*)»⁴⁰

Энгельс впоследствии писал о Бакуине: «Главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а государство. .. Бакунин утверждает, что государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства».⁴¹ Бакунин не понимал, что «отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица, уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства».⁴²

Интернационал под руководством Маркса ставил себе целью отвлечь рабочих от подобных сектантских нелепостей, заставить их понять на собственном опыте экономической и политической

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 175. О Бакуине см. также: «И. В. Григорьева. Идеиные истоки влияния бакунизма в итальянском рабочем движении эпохи I Интернационала. «Новая и новейшая история», 1962, № 3, стр. 92—107; C. Ivis. Michele Bakunin. «Critica sociale», Milano, 1957, № 11, стр. 253—255; G. Woodcock. Bakunin. The destructive urge. «History today», London, vol. II, 1961, № 7, стр. 469—478.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 175—176

⁴² Там же, стр. 203—204.

борьбы, что нельзя достичь социализма без установления диктатуры пролетариата и что это — длительный процесс, требующий многократных битв.

Наряду с Англией, где были заложены первые основы Интернационала, большую роль для его развития сыграла Швейцария, в которой благодаря ее центральному положению на материке и относительной политической свободе собирались рабочие разных стран, политические эмигранты, а также созывались различные международные съезды.

Во главе Интернационала в Швейцарии стоял друг Маркса, бывший подмастерье-щеточник Иоанн Филипп Беккер (1809—1886), участник революционного движения в Германии с 1830-х годов, сражавшийся вместе с Энгельсом во время восстания в южной Германии в 1849 г. После поражения германской революции 1848—1849 гг. он бежал в Женеву и остался там как эмигрант. Когда возник Интернационал, Беккер стал его представителем в Швейцарии, переписывался с Марксом и Энгельсом и с 1 января 1866 г. издавал в Женеве журнал «Форботе» («Предвестник»), дававший обширную информацию о работе Интернационала и о рабочем движении во всех странах. Благодаря Беккеру к Интернационалу примкнула значительная часть профессиональных рабочих союзов Швейцарии, Германии и Австрии, т. е. десятки тысяч рабочих.⁴³ В «Форботе» Беккер знакомил читателей с историей Интернационала.

Недалеко от Женевы, в Лозанне, всего за несколько месяцев до приезда в Женеву Елизаветы Лукиничны состоялся второй конгресс Интернационала (с 2 по 8 сентября 1867 г.). На нем между прочим была принята направленная против прудонистов и бакунистов резолюция, в которой говорилось, что «социальное освобождение рабочих не отделимо от их политического освобождения» и что «установление политических свобод является мерой первой и безусловной необходимости». О Лозаннском конгрессе писали во всех газетах. В лондонской газете «Таймс» были помещены статьи о конгрессе «от собственного корреспондента».

На собраниях Центральной женевской секции Интернационала в Тампль-Юник часто выступал и автор брошюры «Наши домашние дела» А. А. Серно-Соловьевич. Он обращал внимание слушателей на положение строительных рабочих в Женеве, состоявших из

Ой Сми в £ Засулич - Очерк истории Международного Общества "и лжкнд сбс Рник статсй В. И. Засулич, т. I (без места и года издания); ИУ. М. Стекло в. Первый Интернационал. Изд. 3-е. М.—Игр. 1923; Протоколы генерального Совета I Интернационала. Госполитиздат, 1961; 1. -. I алкин I Интернационал. Парижская Коммуна. Госполитиздат, 1963; • оензер. Душа Интернационала. К 140-летию со дня рождения К. Маркса. «Наука и жизнь», 1958, № 5, стр. 3—5.

иностранцев (итальянцев, савояров, немцев) и получавших при более тяжелом труде вдвое меньшую заработную плату, чем коренные жители Женевы — рабочие-часовщики. У строительных рабочих не было никаких касс взаимопомощи, а у часовщиков были богатые кассы.

19 января 1868 г. состоялось большое собрание строительных рабочих Женевы, на котором под руководством А. А. Серно-Соловьевича был принят проект общих требований об оплате по часам, а не по дням, об увеличении заработной платы на 20% и об уменьшении рабочего дня на два часа (10 вместо 12). Был избран рабочей комитет для ведения переговоров с хозяевами.

Хозяева отнеслись к требованиям рабочих с полным пренебрежением. Тогда по предложению А. А. Серно-Соловьевича рабочие на специальном собрании решили официально обратиться за помощью к Центральной женевской секции Интернационала. Заручившись помощью, рабочие вступили в переговоры с хозяевами, но те ответили, что с Интернационалом они ни в каком случае не желают иметь дело.

После этого состоялось заседание руководителей Центральной женевской секции при участии А. А. Серно-Соловьевича, на котором решено было составить и расклеить по всей Женеве афишу с ультиматумом хозяевам: если до вечера 23 марта они не удовлетворят требования строительных рабочих, то барабанным боем будет создано общее рабочее собрание для решения того, что делать дальше.

Когда оказалось, что хозяева и на этот раз ничего не ответили, в 6 часов вечера по всему городу начался барабанный бой. Возмущенные рабочие толпами шли на собрание. Буржуазию Женевы охватил страх. Лавочники стали поспешно, раньше обычного запирать лавки и прятать свои кассы в безопасные места. Между тем собравшиеся рабочие, в числе до 5 тысяч, мирно разошлись в 9 часов вечера, решив только прекратить работу.

Стачка началась 24 марта 1868 г. среди каменщиков, штукатуров и плотников. Все остальные союзы строительных рабочих, должны были продолжать работу, чтобы поддерживать стачечников из своего заработка. Агитация среди часовщиков оказалась успешной: удалось убедить и их раскрыть свои богатые профсоюзные кассы для помощи стачечникам.

Обеспокоенные этим, хозяева 26 марта 1868 г. расклеили на всех углах объявление, в котором выражался протест против Интернационала, желающего «предписывать свою волю патронам и рабочим». Вместе с тем хозяева угрожали, что если забастовка будет продолжаться, то будут прекращены работы и в тех отраслях производства, которые ею не охвачены.

Угроза хозяев не испугала Комитет действия рабочих и руководившую ими Центральную женевскую секцию Интернационала. В тот же день они ответили хозяевам прокламацией, тоже расклеен-

ной по всем углам улиц. Еще более усилена была агитация среди часовщиков Женевы, из которых многие стали присоединяться к Интернационалу. Производились сборы денег в пользу стачечников на каждом собрании эмигрантов. Велась переписка с Генеральным Советом Интернационала в Лондоне и с членами Интернационала в Париже, чтобы и они помогли сборами денег в пользу стачечников Женевы.

В итоге, когда хозяева осуществили свою угрозу и прекратили работы на всех строительных предприятиях, так что еще 3 тысячи рабочих семейств остались без всяких средств, помощь пришла от рабочих из-за границы. Первыми откликнулись члены Интернационала в Париже, собравшие в несколько дней около 10 тысяч франков.

Таким образом, хозяевам не удалось взять рабочих измором. Совершенно неожиданно рабочим невольно помогли в борьбе с хозяевами и швейцарские газеты. Они громили «иностранцев» из Интернационала и сообщали лживые сведения о сотнях тысяч франков, которые посылаются стачечникам Женевы из Лондона, Парижа, и других городов. Желая очернить Интернационал, газеты преувеличивали его силу, и это испугало хозяев.

Прекращение работ лишало хозяев барышей, а так как стачке не видно было конца, они обратились к посредничеству начальника Департамента юстиции и полиции Женевы для переговоров с Центральной женевской секцией, руководившей стачкой. В результате переговоров почти все требования рабочих были удовлетворены. Рабочий день был ограничен в мае 1868 г. 9 часами зимой и 11 часами летом, а заработная плата должна была быть постепенно доведена до 45—50 сантимов в час.

Победа Интернационала стала известна всему миру благодаря газетам. Рабочие Женевы после этого стали массами вступать в Международное Товарищество Рабочих.

Ввиду той огромной роли, которую сыграл А. А. Серно-Соловьевич в женевской стачке строительных рабочих и в переговорах Интернационала с хозяевами, он был избран в мае 1868 г. секретарем Центральной женевской секции.⁴⁴

Посещая рабочие митинги и заседания Центральной женевской секции в Тампль-Юник и жадно читая газеты, Елизавета Лукинична была хорошо осведомлена о женевской стачке и о роли в ней интернационала. Когда на собраниях производились сборы денег

Р д, женевской стачке строительных рабочих см. «статью вторую» уг на (Лугинина) «Больные места в Швейцарии» («Дело», 1865, № 5), у ю выше статью В. И. Засулич об Интернационале «Очерк истории ?о тм ОГО Общества Рабочих» и воззвание Генерального Совета от 5 июля 1870 г Л., г *яе i и ,, г» • «Локаут строительных рабочих в Женеве» («Коммунистический Интернационал», 1933, № 4, стр. 43—44). О роли А. А. Серно-Соловьевича н эт о и «Тачке см» Б - П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в Интернационале и в женевском рабочем движении («Исторический сборник», 1936,

в пользу стачечников, она давала для них всякий раз деньги, ясно сознавая историческую важность той борьбы, которую вели рабочие и Интернационал. На нее произвела такое огромное впечатление международная солидарность рабочих, делавшая их непобедимыми, что она стала выступать на рабочих собраниях и вступила в члены Интернационала.

А. Н. Куропаткин в своих рукописных «Воспоминаниях» сообщает о Елизавете Лукиничне, что в Женеве «выступала она на многих митингах и своею красотою и умением говорить пламенные речи имела большой успех» (к сожалению, о содержании ее речей Куропаткин ничего не сообщает).⁴⁵

Итак, в Женеве Елизавета Лукинична узнала о первых вспышках стачек рабочих-строителей, была свидетельницей пробуждения их классового самосознания, наблюдала их манифестации и сама принимала в них участие.

3

Вскоре Елизавета Лукинична познакомилась на заседаниях Центральной секции с молодой четой эмигрантов — Николаем Исааковичем Утиным и его женой Натальей Иеронимовной, урожденной Корсини, оказавшими на нее большое влияние.

Утин принимал большое участие в студенческих волнениях осенью 1861 г., когда был еще студентом 3-го курса историко-филологического факультета Петербургского университета. В качестве члена студенческого комитета он был заключен 26 сентября 1861 г. в Петропавловскую крепость и освобожден из нее через 2 1/2 месяца под поручительство его отца, банкира и коммерции советника. Но Утин не прекратил революционной работы. 10 января 1862 г. он вместе с Н. Г. Чернышевским, П. Л. Лавровым, Н. А. Некрасовым, Д. И. Писаревым и другими передовыми деятелями был на открытии в Петербурге Шахматного клуба, ставшего сразу легальным центром революционной интеллигенции. 8 июня 1862 г. клуб был закрыт за то, что в нем, как указывалось, «происходят и из него распространяются неосновательные суждения... о современных событиях».⁴⁶ Как видно из донесения агента III отделения от 18 апреля 1862 г., в Шахматном клубе ходили по рукам прокламации, составленные Утиным.⁴⁷ Вместе с Н. Г. Чернышевским, Г. З. Елисеевым, П. Л. Лавровым, В. Д. Спасовичем и Н. Курочкиным он входил в комиссию, хлопотавшую об открытии вновь Шахматного клуба.⁴⁸ В 1862—1863 гг. Утин играл руководящую роль в петербургском комитете тайного общества «Земли и воля» и, предупрежденный кем-то о предстоящем аресте, в мае 1863 г. бе-

жал в Лондон. Царское правительство вызывало его через газеты явиться в Россию, а затем присудило заочно (27 ноября 1865 г.) к смертной казни.

Еще при окончании университета осенью 1862 г. Утин выделялся среди других студентов, получив золотую медаль за сочинение о греческом философе Аполлонии Тианском (его конкурент Д. И. Писарев за то же сочинение получил серебряную медаль). Писал он также в «Энциклопедическом словаре», издававшемся под редакцией П. Л. Лаврова,⁴⁹ составил ряд прокламаций для «Земли и воли».

За границей Утин сначала примкнул к Герцену, занявшись организацией пересылки его изданий в Россию. Вслед за Герценом он переехал из Лондона в Швейцарию и жил в городке Веве в том же доме, где жил Бакунин. Когда А. А. Серно-Соловьевич издал свою брошюру, направленную против Герцена, Утин вместе с другими эмигрантами (исключая Элпидина и Николадзе) был против нее.⁵⁰ Он даже предлагал Герцену купить все издание брошюры, но Герцен от этой «гнусной сделки» отказался. Через полгода Утин под влиянием Серно-Соловьевича и женевских событий, описанных выше, отошел от Герцена, стал живо интересоваться Интернационалом и сделался его активным членом.

Его жена Наталья Иеронимовна, хотя и происходила из княжеской семьи, участвовала в радикальных петербургских кружках. Это была первая женщина, начавшая посещать университет в 1860 г. Она активно участвовала в студенческом движении 1861 г., за что была посажена в крепость, затем работала в студенческом комитете при Литературном фонде для помощи уволенным студентам до его закрытия в июне 1862 г. За границу она уехала вскоре после Н. И. Утина, в августе 1863 г., а 17 февраля 1866 г. обвенчалась с ним в Женеве. Она вполне разделяла взгляды своего мужа.⁵²

«Привыкнув к тому влиянию, которое он имел среди университетской молодежи Петербурга, даровитый и самолюбивый»,⁵³

⁴⁹ Сотрудником «Энциклопедического словаря» Н. И. Утин официально не числился, но что он писал для «Словаря», видно из переписки его с П. Л. Лавровым, имеющейся в архивном военно-судебном деле о последнем за 1866 г. См.: В. Н. Нечаев. Процесс П. Л. Лаврова 1866 г. Сборник материалов и статей, изд. Главным управлением архивным делом. Госиздат М 1921.

⁵⁰ Огарева-Тучкова. Воспоминания. 1848—1870. М., 1903, стр. 242.

⁵¹ Л. К. Лемке, т. XIX, СПб., 1922, стр. 336.

⁵² «Рн н ?орс» нн «л см чтам же т х v i 1922 стр 433 и 439 т XX. 1923. 10⁴4 / . Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1/34 (см. по указателю имен в конце книги). О дружбе Елизаветы Лукиничны с Утиным и о вступлении ее в Интернационал документальные данные см. в следующей главе.

⁵³ Слова П. Л. Лаврова, который хорошо знал Н. И. Утина с осени 1861 г., как казначей Литературного фонда, как редактор «Энциклопедического

⁴⁵ А. Н. Куропаткин. Воспоминания..., стр. 82.

⁴⁶ «Русский инвалид», 1862, № 126.

⁴⁷ Агентурные наблюдения за Н. Г. Чернышевским. «Красный архив» 1926, т. I (14), стр. 118.

⁴⁸ Там же, стр. 111.

Н. И. Утин вскоре выдвинулся среди эмигрантов на первый план благодаря его оппозиции М. А. Бакунину.

Н. И. Утина Бакунин знал еще по Лондону, куда он бежал к Герцену после 13 лет тюрьмы и ссылки. Бакунин относился к Утину с большим интересом,⁵⁴ однако вскоре обстоятельства заставили его насторожиться. Когда друг Бакунина Н. И. Жуковский задумал весной 1868 г. издание революционной газеты «Народное дело» под руководством Бакунина, сестра жены Н. И. Жуковского Ольга Степановна Левашева, бывшая участница ишутинского кружка в Москве, финансировавшая газету, потребовала, чтобы Утин, которого она высоко ценила, был включен в число членов редакции этой газеты.⁵⁵ Одновременно с Утиным в редакцию газеты вошли его жена, О. С. Левашева, члены бакунинского Альянса — З. С. Оболенская, В. Мрочковский и Я. Загорский.

Взяв на себя руководство газетой «Народное дело», Бакунин не предполагал, что может встретить в редакционной коллегии какую-нибудь оппозицию. Между тем оказалось, что после выхода 1 сентября 1868 г. первого номера «Народного дела», почти целиком написанного Бакуниным, направление его встретило суровую критику со стороны Утина, поддержанную и большинством редакционной коллегии, кроме одного лишь Н. И. Жуковского.⁵⁶ Для Бакунина эта оппозиция была тем более неприятна, что расстраивала некоторые его планы.

Живя в Италии с 1864 г., Бакунин основал там тайное братство, по преимуществу из деклассированной буржуазной молодежи, под названием Альянс социалистической демократии. В Альянс, сначала чисто итальянский, вступили вскоре испанцы, французы, поляки, русские, шведы, норвежцы, датчане и бельгийцы. Это были в большинстве своем одиночки, стоявшие в стороне от рабочего движения, но Бакунину казалось, что, взаимно поддерживая друг друга, они способны стать в ближайшем будущем вдохновителями и руководителями восстания, которое сразу приведет к мировой социальной революции и к разрушению всех государств. Бакунин не понимал, что освобождение крестьян и рабочих от эксплуатации

словаря» и как участник «Земли и воли», петербургский комитет которого собирался иногда в его (Лаврова) квартире (см.: П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. Л., 1925, стр. 27).

⁵⁴ Это видно из письма Бакунина к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г., где он просит в приписке к Герцену передать Утину «усердный поклон» и спрашивает: «Что делает он и чем занимается?» (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 263).

⁵⁵ Что издание «Народного дела» было задумано еще весной 1868 г., видно из письма Бакунина от 9 апреля 1868 г. к Иоганну Якоби, приведенного во II томе монографии о Бакунине (см.: Ю. М. Стеклов. М. А. Бакунин т. 2 М.—Л., 1927, стр. 357—358).

⁵⁶ См. об этом в статье М. А. Бакунина «Интриги г-на Утина» в русском ежемесячнике «Голос труженика» (Чикаго, 1925, № 3—4). Статья перепечатана в «Материалах для биографии Бакунина» (т. 3, Бакунин в I Интернационале. ГИЗ, М., 1928).

помещиков и капиталистов не может быть достигнуто только победоносным восстанием, а потребует продолжительной борьбы, для чего пролетариату нужно сначала захватить государственную власть, установить свою диктатуру и лишь затем подготовить ликвидацию классов и отмирание государства.

Осенью 1867 г. Бакунин переехал в Швейцарию, где при наличии интернациональной среды и в связи с часто происходящими международными съездами можно было успешнее, чем в Италии, вербовать новых членов в Альянс.

Действительно, 9 сентября этого года, через день после окончания второго конгресса Интернационала в Лозанне, в Женеве состоялся первый конгресс буржуазно-демократической организации — Лиги мира и свободы.

Бакунин произвел сильное впечатление на большинство участников съезда Лиги своими блестящими речами, и ему удалось завербовать целый ряд новых членов в свой тайный Альянс. Так как на конгрессе Лиги мира и свободы присутствовало много членов Интернационала, то Бакунину удалось привлечь и некоторых из них. И Лигу и Интернационал Бакунин намеревался сделать опорными пунктами для пропаганды своих идей, а для этого стал стремиться к их слиянию. Войдя в Центральный комитет Лиги, он в июле 1868 г. вступил и в члены Центральной женевской секции Интернационала.

Когда на втором конгрессе Лиги мира и свободы в сентябре 1868 г. требование Бакунина о признании социального вопроса главным вопросом было отклонено, он ушел с конгресса вместе с другими 18 членами его и основал открытый Международный альянс социалистической демократии. Этот открытый Альянс Бакунин предполагал влить в качестве самостоятельной организации, со своей собственной атеистическо-анархическо-революционной программой, в Интернационал, чтобы использовать его для своего тайного Альянса. В открытый Альянс Бакунину к концу октября 1868 г. удалось привлечь и И.-Ф. Беккера.

Став во главе журнала «Народное дело», Бакунин хотел и русское революционное движение связать с Интернационалом, но при этом проводить программу не Маркса, а свою. Имея в составе редакции большинство из членов своего тайного Альянса, Бакунин не ждал помехи своим планам.⁵⁷ Но все обернулось для него иначе из-за противодействия Утина, на сторону которого стало большинство редакции.

Узнав от Утина о конфликте в редакции «Народного дела» и о том, что журнал перейдет к Утину, Елизавета Лукинична примк-

⁵⁷ По поводу выхода первого номера «Народного дела» в «Колоколе» была напечатана статья Герциса с приветствием новому изданию и пожеланием ему успеха (см.: А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXI, 1923, стр. 83—84).

нула к последнему, и под его влиянием окончательно определились ее политические взгляды.

Своего больного мужа она убедила вернуться в Россию и поздней осенью 1868 г. отвезла его к родным в Москву, а потом в Новгородскую губернию. Она побывала и у матери, переехавшей уже в это время на петербургскую квартиру. Свои ценности она обратила в деньги, чтобы использовать их для революционной работы. Но она не успела получить часть денег и просила выслать их ей впоследствии по адресу, который она укажет. Намереваясь к концу года уехать опять надолго в Женеву, она снялась в лучшей петербургской фотографии, чтобы оставить карточки родным и подругам.⁵⁸

В декабре 1868 г. Елизавета Лукинична покинула Петербург, где свирепствовала реакция, и вернулась в Женеву.

III. В РЕДАКЦИИ «НАРОДНОГО ДЕЛА». ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА (ДЕКАБРЬ 1868—МАРТ 1870 г.)

1

Часто встречаясь с Утиным, Елизавета Лукинична была, как уже указано, осведомлена о тех несогласиях, которые возникли в редакции «Народного дела» при самом ее зарождении.

Почти весь первый номер «Народного дела» оказался составленным одним Бакуниным. Только статья «Наша программа» была написана Н. И. Жуковским, но и в ней излагались идеи Бакунина.⁵⁹ Мало того, Бакунин и Жуковский выпустили первый номер, не показав его предвзвешенно Утину, так как номер уже начал набираться, когда Утин вошел в редакционную коллегию.

По выходе номера Утин в разговорах с Жуковским подверг его жестокой критике. Утин, ссылаясь на свое близкое знакомство с настроениями революционной молодежи в России, полагал, что последняя отнесется отрицательно к проповеди «окончательного разрушения», «искоренения всякой государственности» (эти слова имелись в «программе» Жуковского). Он доказывал, что революционеры России должны добиться «справедливого преобразования

⁵⁸ У меня имеется фотография Елизаветы Лукиничны с надписью на обратной стороне «1868». В письме от 4 сентября 1935 г. Е. А. Селихова сообщила мне, что бабушка (т. е. мать Елизаветы Лукиничны) говорила ей, что Елизавета Лукинична снималась в Петербурге в 1868 г. Дата на фотографии позволяет уточнить время возвращения Елизаветы Лукиничны в Россию. Это было не в 1869—1871 гг., как сообщил мне в письме от 7 февраля 1930 г. Д. Д. Томазовский, а в конце 1868 г. Что во время этой поездки Елизавета Лукинична занята была и денежными вопросами и, не получив части денег, просила выслать ей их впоследствии, видно из цитируемого дальше письма ее к Юнгу от 24 апреля 1871 г. (см. стр. 90—92).

⁵⁹ См. об этом заявление самого Бакунина в его брошюре «Наука и насущное революционное дело» (вып. 1, Женева, 1870, стр. 1).

государства в интересах рабочего класса», как этого требует Интернационал, а потому прежде всего должны стремиться к завоеванию народом политической власти. Он возражал и против агитации за немедленные бунты, указывая, что эти бунты несомненно будут жестоко подавлены и только усилят правительственную реакцию. Вместо агитации за немедленные бунты Утин предлагал провести в народе серьезную разъяснительную работу, чтобы дать ему понять, за что следует бороться.⁶⁰

Присутствовавшая во время споров Утина и Жуковского сестра жены последнего — О. С. Левашева поддержала Утина. Она знала из рассказов эмигрантов, что первый номер «Народного дела» обсуждался в Петербурге на студенческих сходках в Медико-хирургической академии. Радикальная часть студенчества решала бросить учение и идти «в народ», но не для призыва его к немедленному бунту, а для того, чтобы «зажить с ним одной общей жизнью, содействуя всеми способами поднятию его умственного уровня, возвышению его культуры и улучшению его материального и духовного благосостояния».⁶¹ С этой целью составлена была в Медико-хирургической академии социально-революционная библиотека.

Услышав о критике Утина, Бакунин вышел из редакции «Народного дела». Жуковский последовал его примеру. Оболенская, Мрочковский и Загорский, хотя и поддерживавшие Утина, тоже отошли от газеты. Тогда Утин привлек в редакцию участников «Казанского заговора» 1863 г. — М. К. Элпидина, С. Я. Жеманова и А. Я. Шербакова, бывших студентов Казанского университета, бежавших из тюрьмы осенью 1865 г., и вместе с ними и О. С. Левашевой поспешно выпустил двойной номер журнала в октябре 1868 г.⁶² Хотя в этом номере «Народного дела» Утин заявил, что перемены в составе редакции не отразятся на направлении журнала, однако на деле журнал стал антибакунистским.⁶³

С Бакуниным порвал не один Утин. В январе 1869 г. на сторону Утина перешла часть членов бакунинского тайного Альянса, и в их числе Антон Данилович Трусов и молодая чета Бартеневых.⁶⁴

⁶⁰ О пунктах разногласия Утина с Бакуниным и Жуковским см. в указанной выше статье Бакунина «Интриги г-на Утина», а также в журнале «Народное дело» (1869, № 7—10, стр. 129).

⁶¹ Слова из воспоминаний бывшего студента Медико-хирургической академии С. Л. Чудновского («Былое», 1907, № 7, стр. 14).

⁶² *Р/Р⁶⁰ * * * * * Р^Д * Ц * И «Народного дела» после ухода Бакунина см. указание И. О. А. Элпидина * с * * * * * «Библиографическом каталоге» (Каруж (Женева), 1906, стр. 19—21). Сам Элпидин вскоре отошел от редакции.

Что «Народное дело» с № 2 изменило направление, став антибакунистским, признал и бакунинско-нечаевский листок «Издание общества народной 1 П^С П^Н 3^М вышедший летом 1869 г. В вышедшем в ноябре 1869 г. № 7—10 «Народного дела» этот и другие бакунинско-нечаевские листки характеризуются как «бред беззубого старчества рядом с бормотанием доморожденных Митрофанов» (стр. 34).

п⁴ * А V П^н * с * * * * * Бакунина от 26 января 1869 г. «Всем этим господам»: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, стр. 326—331.

А. Д. Трусов, сын почтальона города Борисова Минской губернии, которому в 1868 г. было 33 года, учился около четырех лет в Московском университете на медицинском факультете, где примыкал к революционной части студенчества. Во время польского восстания 1863 г. он командовал повстанческим отрядом в 300 человек и заочно был приговорен царским правительством к смертной казни. Ему пришлось бежать в Париж, где он работал в типографии наборщиком. В 1868 г. он участвовал в конгрессе Лиги мира и свободы в Берне, где познакомился с Бакуниным и Утиным. Бакунин привлек его в свою организацию, из которой, однако, Трусов вскоре вышел. Утин пригласил его заведовать типографией журнала «Народное дело», как только стал его редактором. Трусов стал также и секретарем редакции.

Переход Трусова и Бартеневых на сторону Утина произвел на Елизавету Лукиничну особенно большое впечатление, так как, познакомившись с ними вскоре после их приезда в Женеву, в конце осени 1868 г., она близко с ними сошлась и была осведомлена о причинах расхождения их с Бакуниным.⁶⁵

Екатерина Григорьевна и Виктор Иванович Бартеневы были особенно знакомы с экономической и политической жизнью европейских стран и с сочинениями Чернышевского. Очутившись в Женеве как раз после второго конгресса Лиги мира и свободы, они познакомились с Бакуниным и сразу же были вовлечены им в тайное интернациональное братство. Они вступили также в члены Центральной женевской секции Интернационала, чтобы в ней содействовать планам Бакунина. Однако, узнав о конфликте Утина с Бакуниным в редакции «Народного дела», Бартеневы стали на сторону Утина и сочли ошибкой свое вступление в бакунинское тайное общество. По своим петербургским революционным связям они стояли близко в той революционной части молодежи, которая не верила в возможность немедленного победоносного восстания в России и находила необходимым сначала заняться его подготовкой.

Не желая отрезать себе пути к возвращению в Россию, Виктор Иванович Бартенев пользовался для конспирации псевдонимом «Нетов», которым в качестве члена Комитета Русской секции подписывал официальные документы и письма секции.

⁶⁵ Г. В. Бартенев сообщил мне, что Елизавета Лукинична познакомилась с его родителями в Женеве в 1867 или 1868 г. Но из сообщенного им же факта, что его родители до поездки в Женеву жили некоторое время в Петербурге и сблизилась там с кружком, получившим впоследствии название чайковцев (М. А. Натансоном и др.), следует, что поездка Бартеневых в Женеву произошла не раньше поздней осени 1868 г., так; как известно, что М. А. Натансон приехал в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию в августе 1868 г. (см. конспект автобиографии Натансона за 1868 г., приведенный в кн.: Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, стр. 182). Для того чтобы Натансон образовал кружок и сблизился с Бартеневыми, должно было пройти несколько месяцев.

По поимеру Бартенева и Елизавета Лукинична скрыла свою фамилию Друзья из кружка Утина и его противники-бакунисты, в том числе и познакомившийся с Елизаветой Лукиничной сторонник Бакунина Джемс Гийом, у которого жили Бартеневы, звали ее для конспирации «гражданкой Элизой».

Вскоре произошли события, которые заставили Елизавету Лукиничну и Есех других сторонников Утина сплотиться и выступить открыто против Бакунина.

В России студенческие волнения, начавшиеся в конце декабря 1868 г., еще более усилились в начале 1869 г. Во главе их стал вольнослушатель Петербургского университета С. Г. Нечаев, сын бывшего дворового графа Шереметева, призывавший студентов бросить учение и идти «в народ», чтобы возглавить крестьянские бунты.

Но среди студентов столицы вскоре начались обыски и аресты. Нечаев скрылся и бежал в марте 1869 г. в Женеву.⁶⁷ Он обратился к Герцену с письмом, в котором, говоря о себе, что он бежал из Петропавловской крепости и является делегатом тайной революции, действующей в России, просил напечатать его прокламацию «Студентам Университета, Медико-хирургической академии и Технологического института в Петербурге».

Герцена в это время в Женеве не было, и письмо получил Огарев. Полагая, что письмо Нечаева позволит ему и Герцену восстановить связи с революционной организацией в России, Огарев с большим доверием отнесся к Нечаеву, напечатал его прокламацию и решил сам отозваться на студенческое движение, написав по его поводу две прокламации.

Огарев познакомил Нечаева с Бакуниным. Решив использовать Бакунина для своих целей, как старого революционера, очень попу-

⁶⁶ См. об этом в изданном в Сонвилле (в Швейцарии) «Мемуаре, представленном Юрской федерацией Международного Общества Рабочих всем федерациям Интернационала» (Memoire presente par la federation Jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs a toutes les federations de l'Internationale. Sonvillier, 1873, стр. 199—201), а также во 2-м томе книги Джемса Гийома «Интернационал» (G. Guillaime. L'Internationale. Documents et souvenirs, t. II. Paris, 1907, стр. 158—159).

⁶⁷ О С. Г. Нечаеве и студенческом движении 1868—1869 гг. см. в работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVIII, стр. 323—452). См. также: Н. Л.-д-в. Московский университет в 60-х годах. «Русские ведомости», 1909, № 8; Б. П. Коз*мин. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг. Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932; Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. М.—Л., 1931; Б. П. Козьмин. Новое о С. Г. Нечаеве. «Красный архив», 1926, т. XIV и XV; Ю. М. Стеклов. М. А. Бакунин, т. III (глава «Нечаевское дело»); Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак. Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». «История СССР», 1960, № 6, стр. 172—193.

лярного в Западной Европе и в России, и вместе с тем чтобы придать себе в глазах Бакунина больше веса, Нечаев рассказал и ему те же небывлицы о себе, которыми он ввел в заблуждение Огарева.

Бакунин был очарован фанатичной преданностью Нечаева делу революции и легко поверил ему. Желая использовать Нечаева для пропаганды своих идей в России, Бакунин выдал ему 12 мая 1869 г. за своей подписью мандат с печатью не существовавшего в действительности «Главного комитета Европейского революционного союза», под которым подразумевался Интернационал. Мандат удостоверял, что «податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза, № 2771». Этот номер должен был у всякого читателя мандата вызвать мысль, что таких агентов, как Нечаев, у Бакунина в России тысячи.

Мало того, Бакунин убедил Огарева передать Нечаеву половину революционного фонда, оставленного Герцену и Огареву неким Бахметевым. Нечаев получил благодаря этому возможность выпустить в свет с помощью Бакунина и Огарева ряд листовок и брошюр, которые в запечатанных конвертах рассылались по всей России.

В этих брошюрах и листовках заявлялось, что «разбой — одна из почтеннейших форм русской жизни», что «разбойник в России — настоящий и единственный революционер, революционер без фраз, без книжной риторики» (листочка «Постановка революционного вопроса»). Народ призывался «отдаться безраздельно разрушению, постоянному, безостановочному, неослабному, пока не останется ничего из существующих общественных форм для разрушения». «Яд, нож, петля и т. п. . . . революция все равно освящает в этой борьбе» (брошюра «Начала революции»). Даже по отношению к революционерам рекомендовалось их «беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих» (брошюра «Революционный катехизис»).

Утину и его сторонникам рассказы и листовки Нечаева очень скоро показались подозрительными. Началось с того, что приехавший весной 1869 г. в Женеву участник петербургских революционных кружков М. Ф. Негрескул, женатый на дочери П. Л. Лаврова, разоблачил мистификацию Нечаева, будто бы тот бежал из крепости и является делегатом революционеров из России.⁶⁸ Группе Утина стало известно из русских газет о содержании рассылаемых

⁶⁸ О М. Ф. Негрескуле см.: сб. «Герман Александрович Лопатин», Пгр., 1922, стр. 55, 62. Утверждение З. Ралли в его статье «Мих. Ал. Бакунин. Из моих воспоминаний» («Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 153), будто Утина з марта 1869 г. еще не могли предостеречь против Нечаева, неверно.

Нечаевым по России листовок и брошюр. Зная о начавшейся уже в то время пропагандистской деятельности сторонников М. А. Натансона — будущих чайковцев (они распространяли и «Народное дело»), Утин и его сторонники в Женеве понимали, что произойдет немедленный разгром всех русских революционных кружков, которым будут вменены в вину нечаевские прокламации, и что этим кружкам выгоднее временно уклониться от открытого выступления против царского правительства, помещиков и капиталистов.

Так как Утин и его группа знали, что Нечаев действует с благословения Бакунина и при его содействии, естественно, что у них возникла мысль противопоставить Бакунину другого известного передовой русской молодежи революционного вождя — Маркса.

Русская революционная молодежь бесспорно имела достаточно ясное общее представление о Марксе. Она могла познакомиться в авторитетных русских журналах с восторженными отзывами о Марксе Ткачева и Елисеева. Знаменитый критик и талантливый популяризатор-публицист Д. И. Писарев незадолго до смерти, летом 1868 г., собирался популяризировать Маркса.⁶⁹ Осенью 1868 г. окончивший университет Н. И. Зибер читал в студенческих кружках в Киеве рефераты о «Капитале» Маркса и на своем магистерском экзамене в том же году изложил социологическую теорию Маркса, о чем было известно из русских газет.⁷⁰

Бликий петербургский знакомый М. Ф. Негрескула (по «Рублевому обществу», ставившему себе целью распространение в народе дешевых книг) Н. Ф. Даниельсон, известный впоследствии в литературе под псевдонимом «Николай — он», вступил в то же время в переписку с Марксом по поводу издания его сочинений в России. Первые письма Даниельсона к Марксу были доставлены последнему студентом Н. Н. Любавиным, также членом «Рублевого общества». Петербургский издатель Н. П. Поляков взялся через посредничество Любавина за издание в русском переводе первого тома «Капитала» уже через год после его выхода, о чем Даниельсон написал Марксу 18 сентября 1868 г.⁷¹ Негрескул вместе с некоторыми товарищами по «Рублевому обществу» начал перевод для печати «К критике политической экономии» Маркса.⁷²

У Утина и его сторонников возникла, таким образом, в марте 1869 г. мысль основать Русскую секцию Интернационала, во главе

⁶⁹ См. об этом: Л. Кульчицкий (Мазовецкий). История русского революционного движения, т. I. СПб., 1905, стр. 240.

⁷⁰ См. об этом: С. Г. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. «Исторический сборник», изд. жури. «Бывшее», СПб., 1907, стр. 218.

⁷¹ См. об этом в переписке Н. Ф. Даниельсона с Марксом: «Летописи марксизма» 1930, № 2 (12), стр. 34.

⁷² См. письмо Г. А. Лопатина к М. Ф. Негрескулу от 15 сентября 1869 г.: «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 26.

которой стал бы Маркс. «Народное дело» они решили превратить в официальный орган Русской секции.³

Мотивы обращения Русской секции к Марксу объяснялись следующим образом: «Его имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Международного Товарищества Рабочих, и он всегда ратовал против того всероссийского и всеславянского земского царизма, которому пели восторженные гимны наши великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции. Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал пробуждения русского народа, изучая его социальный быт на его собственном русском языке. Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Генеральном Совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашим на пользу и необходимость водружения интернационального знамени в России».⁴

Одной из учредительниц Русской секции Интернационала стала и Елизавета Лукинична вместе с Бартеневыми, А. Д. Трусовым, О. С. Левашевой, Н. И. Утиной и А. Я. Щербаковым. Руководителем этой группы был Н. И. Утин.⁵ Вслед за Левашевой Елизавета Лукинична также стала финансировать орган Русской секции. Ею даны были средства на основание отдельной типографии «Народного дела».⁶ Кроме журнала «Народное дело», группа Утина предполагала издавать также «Библиотеку Международного Товарищества Рабочих», но приступила к этому делу гораздо позже.⁷

В статьях в «Народном деле» группа Утина старалась философски осмыслить все, что происходило в революционном движении России и Западной Европы. О взглядах этой группы можно судить по статье «Русская ветвь Международного Товарищества Рабочих», помещенной в № 1 «Народного дела» за 1870 г. и несом-

³ «Народное дело», 1870, № 1, стр. 3.

⁴ Там же.

⁵ З. Ралли в своих воспоминаниях о Бакуине («Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 153) утверждает, что в Русскую секцию входил и Аитов (очевидно, Давид Александрович), но это неверно, так как Аитов попал впервые за границу лишь через несколько лет.

⁶ Извещение об основании отдельной типографии «Народного дела» появилось в № 4—6 «Народного дела» от мая 1869 г. за подписью «секретаря редакционного совета» А. Д. Трусова. Основание отдельной типографии требовало значительных средств. А так как мы знаем из письма Н. И. Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г., что Елизавета Лукинична «не жалела своего состояния для революционного дела» («Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 8), то мы вправе думать, что именно ею были даны деньги на основание типографии «Народного дела».

⁷ Первое извещение о предполагаемых выпусках «Библиотеки Международного Товарищества Рабочих» напечатано в № 6—7 «Народного дела» за 1870 г.

ненно принадлежащей перу Утина. «Признание Генеральным Советом Интернационала за нами дорогого права быть по отношению к России выразителями и сподвижниками всеобщего движения пролетариата налагает на нас строгие обязанности. Мы должны быть добросовестными выразителями этого движения и всеми силами должны мы стремиться к тому, чтобы интернациональная организация успешно проникала в русский рабочий мир и охватывала собой все ремесленные, фабричные и земледельческие слои народа...

«Народная жизнь в России за последние годы представляет некоторые замечательные явления, которые указывают на возможность и необходимость в настоящее время образовывать в ней рабочие союзы, согласно с программой и организацией Международного Товарищества... Мы твердо убеждены в том, что пора в России бросить мысль о возможности какой-то революции, производимой одной молодежью, когда она не имеет никакой, а не то уже что прочной, связи с народом».⁸ В последних словах — явный намек на Бакуина, который утверждал, что «среди русского студенчества насчитывается свыше 40000 деклассированных молодых людей, не видящих иного выхода из тяжелого положения, в котором они находятся, кроме революции».⁹ Утин отмечает надежды «либеральной партии» на «шульце-деличские и другие подобные организации и банки». Он считает, что «устройство подобных ассоциаций, при основании их во всяком случае на совершенно иных рациональных началах, чем начала Шульце-Делича и К⁰, может известной стороной своей только помогать ходу освобождения, как одно из средств, а отнюдь не служит целью, достижения которой будто бы возможно при сохранении современного порядка... Вынужденный своим современным положением на отчаянную борьбу хотя бы за нищенское существование, рабочий народ все сознательнее будет сосредоточиваться на ассоциационном группировании своих производительных сил, столь привычном ему и в общинном земледельческом и в артельном ремесленном быту, долженствующем получить дальнейшее рациональное развитие».¹⁰

Мы видим, таким образом, что Утин понимает, что «всеобщее движение пролетариата» обязывает его группу «быть добросовестными выразителями этого движения». Но при этом он считает «общинный земледельческий» и «артельный ремесленный быт» исходным пунктом ассоциирования крестьян и рабочих на социалистических началах. У него нет четкости и в понимании понятия «пролетариат». Применяя это понятие к России, он говорит о «рус-

⁸ Цит. по: Экономическая платформа Русской секции I Интернационала.

M 1959 ст^{ТР}87алов ообщей редн доктора эконом_ наук н_ к_ Каратаева_

80 тт*1 письма Бакуина в немецкой газете «Volkstaat» (1870, №№ 31, 32).
89—90 По: экономическая платформа Русской секции I Интернационала,

ском рабочем мире», т. е. о трудящихся вообще, о «всех ремесленных, фабричных и земледельческих слоях народа». Он не понимает роли фабрично-заводских рабочих как передовых борцов всего пролетариата городов и деревень.

Много месяцев заняли у учредителей Русской секции Интернационала письменные сношения с возможными сторонниками в России, главным образом из среды петербургского кружка М. А. Натансона. Последний установил связи с Москвой и другими городами, распространял легальные книги радикального направления и начал пропагандистскую работу среди рабочих.⁸¹ Русской секцией велась переписка и с русскими эмигрантами в других городах Швейцарии, и с друзьями в славянских землях, чтобы, во-первых, обеспечить регулярное снабжение «Народного дела» корреспонденциями и систематическое распространение этой газеты; во-вторых, создать сеть местных агентов «Народного дела» для той и другой цели и, в-третьих, еще более удостовериться в справедливости своего взгляда «на возможность начать в самих славянских странах образовывать в настоящее время секции Международного Товарищества Рабочих».⁸²

Лишь получив «вполне одобрительный отзыв» от друзей и единомышленников из России и русской эмиграции, Русская секция приступила к окончательной выработке программы и устава.

Согласно программе, Русская секция ставила своей задачей:

«1) пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами, — особый род и способ которых вытекают из самого положения страны, — идеи и начала интернациональной ассоциации;

«2) способствовать устройству интернациональных секций в среде русских народных масс;

«3) помогать установлению прочной солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения».

Не только в России, но и в других славянских землях, находившихся под гнетом Австрии и Турции, Русская секция призвала к образованию секций Интернационала, «которые вызвали бы составление ремесленных союзов, федерацию этих союзов и, наконец, вступление их, помимо всех искусственных границ, в общий интернациональный союз всех ремесл и профессий».⁸³

⁸¹ Совершенно неверно утверждение И. Браславского, что Русская секция — это «эмигрантская организация, абсолютно оторванная от России» (И. Браславский. Материалы к истории I и II Интернационалов. Изд. «Новая Москва», 1926, стр. 116). См. мою статью «К вопросу о связях Русской секции в России» («История СССР», 1964, № 4).

¹² «Народное дело», 1870, № 1, статья «От редакции. Русская ветвь Международного Товарищества Рабочих».

⁸³ Цит. по: И. Браславский. Материалы к истории I и II Интернационалов, стр. 121. Программа и устав Русской секции опубликованы в № 1 «Народного дела» за 1870 г. Они перепечатаны: Историко-революцион-

Мотивировалось все это тем, «1) что отсталые идеи панславизма производят пагубное влияние на дух и развитие рабочих в славянских землях Австрии и Турции; 2) что такие идеи, поддерживаемые слепой верою в царизм, всегда были только гнусною западнею для славянских народностей; 3) что идея панславизма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды, которую представляют рабочей массе как пугало, разрушающее всякую независимость. . . 4) что завоевательный режим находится в прямом противоречии со всеми принципами международного братства; 5) что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, препятствующий политической и социальной свободе обоих народов, русского и польского».⁸⁴

Программа революционных действий в России, выработанная Русской секцией, стояла на уровне идей I Интернационала: главным условием победы в революции она считала не заговор и не террор, а воспитание и организацию народных масс, чему она сама училась практически на опыте пролетарской классовой борьбы в Швейцарии. Все свои надежды она возлагала не на деклассированную молодежь, как Ткачев, и не на «готовых революционеров» — люмпен-пролетариев города и деревни, как Бакунин и Нечаев, а на широкие массы трудящихся. Она считала также необходимым участие рабочих в политической борьбе.

Устав Русской секции был составлен по образцу Устава Интернационала.

Общее собрание всех членов секции избирало из своей среды распорядительный комитет на 1 год из 5 членов (§ 1). Президентской должности не существовало, согласно предложению Генерального Совета на Базельском конгрессе. Члены распорядительного комитета председательствовали по очереди (§ 2).

Каждому члену Русской секции вменялось в обязанность «употреблять все свои силы на пропаганду в России истинных принципов Интернационала, на организацию рабочих союзов сообразно с этими принципами» (§ 11). Ежемесячные и единовременные членские взносы предписывалось тратить: «1) на пропаганду среди рабочего класса в России, 2) на помощь стачкам в России, 3) на помощь стачкам в Европе, 4) на посылку делегатов на различные собрания и конгрессы, 5) на обязательный взнос в Генеральный Совет» (§ 16).

Выработка программы и устава потребовала у Русской секции много времени, так как ее часто отвлекали от этого дела события, требовавшие активного вмешательства.

ная хрестоматия, т. I. Изд. «Новая Москва», 1923, стр. 95—101; В. А. Городов. Первый Интернационал и русский социализм. «Народное дело». Русская секция Интернационала. М., 1925, стр. 41—45.

⁸⁴ Цит. по: И. Браславский. Материалы к истории I и II Интернационалов, стр. 121—122.

В Женеве в течение 1869 г. возобновились стачки рабочих кирпичных заводов. Этим рабочим весной 1869 г. многие предприниматели отказались платить за 11 часов летней работы больше, чем за 9 часов зимней. А. А. Серно-Соловьевич в это время заболел душевным расстройством и 16 августа 1869 г. отравился. Место Серно-Соловьевича в Центральной женевской секции занял Н. И. Утин, принявший активное участие в агитации среди стачечников и добившийся повышения их оплаты.

Но еще большее внимание учредителей Русской секции привлекли события, связанные с именем Нечаева.

Нечаев вернулся в начале сентября 1869 г. в Москву с готовым планом организации тайного общества «Народная расправа», эмблемой которого был топор. Он призывал к истреблению высших царских чиновников, капиталистов и публицистов, так или иначе защищавших правительство царя. Он уверял своих сторонников, что вся Россия уже полна революционными «пятерками» общества «Народная расправа» и, показывая мандат, данный ему Бакуниным, выдавал свое общество за русское отделение «Всемирного союза», т. е. Интернационала.

Мандат производил огромное впечатление. В Москве Нечаеву удалось привлечь к себе около 100 человек. Но когда один из привлеченных — студент Иванов начал сомневаться в некоторых рассказах Нечаева, спорить с ним и возражать, Нечаев объявил его опасным для революционного дела, готовым на предательство и измену. Вместе с несколькими товарищами из той же «пятерки», к которой принадлежал и Иванов, Нечаев заманил последнего 21 ноября 1869 г. в темный грот парка при Петровско-Разумовской земледельческой академии и убил его, а труп забросил в пруд парка. Через несколько дней труп всплыл, и убийство было раскрыто. В Москве и Петербурге среди студентов начались аресты. Нечаеву же удалось бежать в Женеву, опять к Бакунину.

Бакунин в это время (в январе 1870 г.) жил в Локарно и занимался переводом на русский язык «Капитала» Маркса по договору с посредником Полякова Любавиным, узнавшим от Негрескула, что Бакунин сильно нуждается в заработке, и выдавшим ему в виде аванса 300 рублей.

Застав Бакунина за переводом, Нечаев посоветовал Бакунину бросить эту работу, говоря, что нужно отдаться всецело революционному движению, которое усилилось в России, а дело с издателем Поляковым уладит он, Нечаев. Бакунин, успевший перевести первые два печатные листа «Капитала» и начавший уже тяготиться этой очень трудной работой, поддался на уговоры Нечаева. Тогда Нечаев написал Любавину на бланке «Народной расправы» письмо, где указал, что «Русскому революционному комитету» понадобятся услуги Бакунина, а потому Бакунин окончить перевода не может; если же издатель будет настаивать на выполнении заклю-

ченного с Бакуниным договора, то «Комитет» предпримет по отношению к издателю репрессивные меры.

О шантаже Нечаева скоро стало известно кружку Утина, который считал прикосновенным к этому делу и Бакунина и поэтому еще более подозрительно стал относиться к революционной пропаганде последнего.

Между тем пропагандистская деятельность Бакунина и Нечаева все более усиливалась. После смерти А. И. Герцена (21 января 1870 г.) Бакунин уговорил Огарева передать Нечаеву, как единственному заграничному представителю русского революционного дела, остаток бахметевского революционного фонда (около 10 тысяч франков), уговорил и дочь Герцена Наталью Александровну, располагавшую по наследству большими средствами, дать деньги на возобновление «Колокола».

Сам Бакунин в это время с помощью Нечаева издал воззвание «К офицерам русской армии», где призывал их к созданию тайной организации, и две брошюры — «Наука и насущное революционное дело» и «Всесветный революционный союз социальной демократии. Русское отделение». В этих брошюрах он громил «государственников» школы Маркса и развивал программу Альянса, согласно которой «истинные» революционеры не могут ставить иной цели, кроме полного разрушения государства. Вообще вся программа Бакунина состояла из отрицаний: отрицания государства, отрицания диктатуры пролетариата, отрицания политической борьбы и необходимости организации пролетариата в самостоятельную политическую партию.

Брошюры Нечаева и Бакунина рассылались по России в то время, когда революционная молодежь делала все возможное, чтобы уничтожить всякие внешние признаки движения, так как царскому правительству выгодно было его раздуть, чтобы после его разгрома изобразить себя «спасителем общества» от «гидры революции».

Однако Бакунин стремился воздействовать не только на русское революционное движение. Когда в сентябре 1869 г. состоялся конгресс Интернационала в Базеле, Бакунин добился мандата на участие в нем от рабочих Лиона и Неаполя, развернув до конгресса конспиративную подрывную деятельность в рядах Интернационала для подготовки открытого выступления против Маркса и захвата руководства всей международной рабочей организацией. На конгресс Интернационала в Базеле были делегированы с фальшивыми мандатами сторонники Альянса. Опираясь на них, Бакунин попытался по ряду вопросов противопоставить свои взгляды взглядам Маркса, изложенным в докладе последнего от имени Генерального Совета. В итоге, например, по вопросу о наследовании предложение сторонников Бакунина получило больше голосов, чем предложение сторонников Маркса, и не прошло только потому, что за него не высказалось абсолютное большинство делегатов.

Это показало, что деятельность Бакунина стала серьезнейшим препятствием для дальнейшего развития Интернационала. Действительно, после Базельского конгресса Бакунин стал проявлять свою «тиранию» в комитете французского отдела Центральной женевской секции Интернационала.⁸⁵ Он овладел четырьмя органами Интернационала (двумя газетами в Швейцарии, третьей в Испании и четвертой в Италии), выступил с открытой полемикой против Генерального Совета, старался утвердить свое влияние в Германии посредством союза с лассальянцами и в Париже — через группу рабочей газеты «Труд».⁸⁶

По словам Бакунина, Н. И. Утин присутствовал на Базельском конгрессе Интернационала, «окруженный своей женской свитой» (разумеются Н. И. Утина, Е. Г. Бартенева, О. С. Левашева и Е. Л. Дмитриева), и принял участие в банкете (после съезда), на котором произнес речь о женщинах вообще и о русских женщинах в частности. Члены Русской секции близко познакомились с английскими делегатами съезда.⁸⁷

Надо думать, что Утин и его группа хорошо поняли смысл выступления Бакунина на конгрессе против Маркса по вопросу о наследовании и о «социальной ликвидации» (т. е. об «упразднении политического и юридического государства»). Английскими делегатами конгресса были мебельщик Люкрафт, генеральный секретарь союза плотников и столяров Эппльгарт и казначей Генерального Совета Степни, затем три эмигранта из Лондона: швейцарец Герман Юнг и два немца — Лесснер и Эккариус. На конгрессе в Базеле они в большей степени, чем другие делегаты, были выразителями взглядов Маркса, так как были им проинструктированы. Естественно поэтому, что группа Утина сблизилась именно с английскими делегатами.

Утин и его группа повели борьбу против Бакунина не только среди русских революционеров, но и во французском отделе Центральной женевской секции. В ноябре 1869 г. в № 7—10 «Народного дела» был напечатан «Запрос А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину» по поводу прокламаций Нечаева,⁸⁸ Затем в январе 1870 г.

⁸⁵ См об этом письмо Маркса к Энгельсу от 30 октября 1869 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 222.

⁸⁶ См. об этом письмо Маркса к Энгельсу от 17 декабря 1869 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 274.

⁸⁷ М. Бакунин, Избранные сочинения, т. V, Игр.—М., 1922, стр. 142.

⁸⁸ Утин знал, как мы видели, что упомянутые выше листовки — плод совместного творчества Бакунина и Нечаева, но в «Запросе» называл их автором только Нечаева. В этих листовках, между прочим, содержалась брань по адресу Чернышевского, его единомышленников и «Народного дела» и восхвалялся Бакунин. Герцен в письме к Огареву от 13 декабря 1869 г. (см.: А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 534) пишет об этом «Запросе»: «Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в деле, против которого я протестовал всеми силами. Оно было нелепо». Как видно из этого же письма Герцена, он написал для «Народного дела» еще раньше, чем там был напечатан «Запрос», статью, которую Утин обещал напеча-

Утин был введен комитетом французского отдела Центральной женевской секции Интернационала в редакцию ее французского органа «Эгалитэ» («Равенство»), где господствовал Бакунин, и вытеснил последнего и всех его сторонников.⁸⁹

Вскоре и И.-Ф. Беккер, с конца октября 1868 г. бывший членом открытого Альянса, узнал о связи Бакунина с Нечаевым и стал во враждебные отношения с Бакуниным. Беккер оказал большую помощь группе Утина при оформлении ее как Русской секции Интернационала. Он сам отослал 12 марта 1870 г. в Лондон секретарю Генерального Совета для Швейцарии Герману Юнгу программу и устав Русской секции и ее просьбу к Марксу быть ее представителем в Генеральном Совете. Беккер писал, что Русская секция послужит для Интернационала «операционным базисом на Востоке... Помимо того, что социалистическая и антипанславистская пропаганда и сама по себе может иметь большое значение, она оказалась бы чрезвычайно полезной, если бы ей удалось хоть на время связать руки русскому правительству, когда в Западной Европе вспыхнет социально-политическая революция». Беккер просил «как можно скорее уладить дело Русской секции, для того чтобы участвующие в ней славные люди бодро и беспрепятственно

могли продолжать начатое дело».⁹⁰

Действительно, на заседании Генерального Совета 22 марта 1870 г. Русская секция была утверждена единогласно, причем Маркс «с удовольствием» принял «почетную обязанность» быть ее представителем в Генеральном Совете.⁹¹ Одновременно, однако, сообщая Энгельсу в письме от 24 марта 1870 г. о принятии им предложения Русской секции быть ее представителем в Генеральном Совете, Маркс писал: «Drole de position⁹² для меня — выступать в качестве представителя jeune Russie.⁹³ Человек никогда не знает, до чего он может пойти и в какой strange fellowship⁹⁴ может оказаться».

Причиной того, что Маркс считал Русскую секцию «странной» для себя компанией, несомненно было то, что программа этой секции не была вполне марксистской. В вопросах теории революционного движения она восприняла у Маркса только его общие идеи

и которая была уже набрана, но все же не напечатана. Ряд других упоминаний Герцена о «Народном деле» (см. указатель имен в т. XXII) свидетельствует, что он внимательно читал этот журнал.

⁸⁹ См. письмо Маркса к Энгельсу от 10 февраля 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 232.

⁹⁰ См письмо И.-Ф. Беккера к Г. Юнгу от 12 марта 1870 г. в приложении к кн.: Г И е к к. Интернационал. Перевод с немецкого. Изд. «Молот», СПб., 1906, стр. 91. В др у гих русских переводах этой книги приложение пропущено).
⁹¹ См письмо И.-Ф. Беккера к Г. Юнгу от 12 марта 1870 г. в приложении к кн.: Г И е к к. Интернационал. Перевод с немецкого. Изд. «Молот», СПб., 1906, стр. 91. В др у гих русских переводах этой книги приложение пропущено).
⁹² Забавное положение (фр.).

⁹³ Молодой России (фр.).

⁹⁴ Странной компании (англ.).

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 310.

о классовой борьбе, о тождественности исторического развития России и Западной Европы, о нераздельности социализма и политической борьбы. Основную же идею марксизма о том, что исторический процесс направляется развитием производительных сил и определенным состоянием общественных отношений, Русская секция у Маркса проглядела и, подобно Чернышевскому, считала двигателем исторического процесса умственное развитие, социализм — его продуктом, а крестьянскую общину и рабочую артель — его отправным пунктом.

И вот в этой-то Русской секции Интернационала, связанной с Марксом, но своим учителем считавшей все же Чернышевского, Елизавете Лукиничне пришлось сыграть значительную роль.

IV. РАБОТА В РУССКОЙ СЕКЦИИ.

ПОЕЗДКА К К.МАРКСУ (МАРТ—НОЯБРЬ 1870 г.)

1

Как мы видели выше, Елизавета Лукинична знакоилась в Женеве не с одними интеллигентными революционными кругами, но и с рабочей массой. Обладая большими денежными средствами, она в то же время жила скромно, не жалея денег только на дело революции.

Елизавета Лукинична была самой молодой из учредителей Русской секции (ей было всего 20 лет весной 1870 г.), но она работала в ней не менее усердно, чем другие.

21 мая 1870 г. произошла третья стачка женеvских рабочих, еще более ожесточенная, чем две предыдущие. Штукатуры и маляры, работавшие из-за своей неорганизованности на условиях, существовавших до 1868 г., потребовали одинаковых условий с другими цехами рабочих-строителей. Тогда предприниматели объявили локаут всем женеvским рабочим-строителям. Холостым рабочим пришлось уехать из Женевы, а около 2000 семейных рабочих, которые уехать не могли, очень бедствовали. Генеральный Совет 5 июля 1870 г. издал специальное воззвание о помощи женеvским строительным рабочим.⁹⁷

⁹⁶ О взглядах Русской секции более подробно см. в книге Б. П. Козьмина «Русская секция I Интернационала» главу «Вопросы программы и тактики в „Народном деле“ в 1870 г.» (М., 1957, стр. 248—270). См. также: Х. С. Гуревич. К вопросу об идейном направлении Русской секции I Интернационала. «Вопросы истории», 1961, № 7, стр. 207—211; О. Д. Соколов. 1) Новые материалы о распространении идей I Интернационала в России. Там же, 1959, № 1, стр. 201—203; 2) К вопросу о деятельности I Интернационала и его Русской секции. (О борьбе царского правительства против распространения идей I Интернационала. По новым документам). «История СССР», 1960, № 1, стр. 161—162; Б. С. Итенберг. Распространение изданий Русской секции I Интернационала в революционном подполье России. «Вопросы истории», 1962, № Ю, стр. 40—49.

⁹⁷ См. указанное выше воззвание Генерального Совета в журнале «Коммунистический Интернационал» (1933, № 10, стр. 44). Об этой стачке см.

Русская секция в лице Н. И. Утина приняла активное участие в стачечном комитете, агитировала за поддержку рабочих-строителей всеми рабочими Женевы, занятыми в других отраслях, производила денежные сборы, опубликовала подробный отчет об этой стачке в «Народном деле».

В апреле и мае 1870 г. Русская секция организовала подписку в пользу семейств стачечников в Крезе во Франции. Там на крупнейший металлургический завод Шнейдера были вызваны войска, стрелявшие в бастовавших рабочих. Первый взнос в 100 франков был послан Русской секцией вместе с выражением сочувствия осужденным стачечникам Крезе в орган Интернационала в Париже — газету «Марсельеза».

Организована была Русской секцией подписка и в пользу стачечников Австрии. Велась переписка с революционерами Сербии и Болгарии, которые поместили корреспонденции о рабочем революционном движении этих стран в «Народном деле» (№№ 2—3 и 6—7 за 1870 г.).

Когда в мае 1870 г. женеvская полиция, содействовавшая русскому правительству, по ошибке арестовала вместо Нечаева студента Семена Серебrenникова, бывшего содержателя артели и типографии в Петербурге, Русская секция в лице Утина хлопотала перед женеvской полицией о его освобождении, открыла подписку для покрытия расходов по процессу, который Серебrenников начал против швейцарского правительства в связи с незаконным содержанием его в тюрьме в течение 12 дней, и поместила описание всего этого процесса в № 3 «Народного дела».⁹⁸

Когда корреспондент парижской газеты «Марсельеза» и один из организаторов стачки в Крезе Бенуа Малон, живший одно время в Женеве и познакомившийся с Елизаветой Лукиничной, был арестован в июне 1870 г. по третьему процессу Интернационала в Париже и один из друзей взял его на поруки, внеся 500 франков, вследствие чего он не решался бежать, Русская секция написала ему, что он может бежать, так как внесет эти деньги.

В первой половине июля 1870 г. Русская секция, узнав о побеге П. Л. Лаврова в Париж из вологодской ссылки, попыталась наладить связь с ним через жену Утина. Лаврову был послан полный комплект «Народного дела».¹⁰⁰ По прочтении его Лавров, основываясь на своем знакомстве с рабочим движением в Париже,

также статьи «Стачки кирпичников» («Народное дело», 1870, № 4, стр. 2—J) и «Общая стачка всех строительных ремесел в Женеве» (там же, №№ 5, 6).

⁹⁸ См.: В. А. Горохов. Первый Интернационал и русский социализм, стр. 49—51.

⁹⁹ Об этом же говорится в письме А. В. Корвин-Круковской от начала августа 1870 г.

¹⁰⁰ См. об этом письмо П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер от 15 июля 1870 г.: «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 111.

составил в ноябре того же года для тайных кружков в России «Программу самообразования и практической деятельности».

Не довольствуясь перепиской, Русская секция посылала в разные города своего доверенного Владимира Серебренникова для рассылки оттуда русским адресатам по почте номеров «Народного дела», так как письма, направляемые в Россию из Женевы, непременно задерживались царскими жандармами. Для удобства рассылки Утин уменьшил формат «Народного дела» и сократил номера до 4 страниц. Но В. Серебренников был близким другом Нечаева, чего Утин, конечно, не знал. Нечаев поручил В. Серебренникову втереться в доверие к Утину, чтобы «держаться Нечаева в курсе всего, что говорилось и делалось в группе Утина». Разъезжая по городам Швейцарии и Германии по поручению Утина и на его счет, В. Серебренников, по словам М. П. Сажина, «на самом деле исполнял поручения Нечаева». Эта провокаторская деятельность В. Серебренникова в Русской секции была прекращена лишь по настоянию друга Бакунина М. П. Сажина, который был противником «нечаевщины».¹⁰¹

Таким образом, В. Серебренников не способствовал, а препятствовал проникновению в Россию номеров «Народного дела». И все же, несмотря на это, «Народное дело» через других сочувствовавших ему лиц проникало в Россию, способствуя политическому и экономическому изобличению царского произвола и капиталистической эксплуатации.

В августе 1870 г. Русская секция пополнилась новым членом — Анной Васильевной Корвин-Круковской, которая бежала в Женеву вслед за своим мужем Жакларом, привлеченным по делу о заговоре против Наполеона III.

О. С. Левашева и жена Утина были близки с А. В. Корвин-Круковской еще в Петербурге, считали ее незаурядной писательницей и привлекли ее к переводам брошюр для приложений к «Народному делу», в виде «Библиотеки Международного Товарищества Рабочих».

В ее переводе, сделанном в августе 1870 г., были выпущены в самом начале 1871 г. «Первый манифест Международного Товарищества Рабочих», написанный Марксом, и брошюра «Международное Товарищество Рабочих», содержащая Общий Устав Интернационала, также написанный Марксом; к этому Уставу был приложен и устав Русской секции Интернационала.¹⁰²

¹⁰¹ М. П. Са ж и н. Воспоминания. М., 1925, стр. 63—64.

¹⁰² См. об этом мое введение к I тому «Избранных сочинений на социально-политические темы» П. Л. Лаврова (М., 1934, стр. 56). См. также: Русская подпольная и зарубежная печать. Библиографический указатель, I. М., 1935, стр. 26, № 47; стр. 76, № 344; стр. 80, № 361. Русская секция собиралась издавать отдельную брошюрой и отчет о трех процессах Интернационала во Франции (март и май 1868 г. и июль 1870 г.). См. об этом: Вторая империя перед рабочим вопросом. «Народное дело», 1870, № 6—7, примеч. на стр. 6.

Русская секция продолжала вести разоблачительную кампанию против Бакунина, как она обещала Марксу при принятии ее в Интернационал. Некоторый добавочный материал против Бакунина Утин получил из рассказов Г. А. Лопатина, приехавшего в мае 1870 г. в Женеву. Утина особенно возмущало то, что в России Бакунин и Нечаев «создавали и поддерживали умышленную путаницу между их программой и программой Интернационала и, выдавая Альянс за Интернационал, под его флагом совершили убийство, ответственность за которое правительственная и буржуазная пресса возлагала на Интернационал».¹⁰³ Утин и его группа собирались издать специальную брошюру о Бакунине, для чего запросили ряд сведений о Бакунине у самого Маркса, который, как им известно было, знал Бакунина с 40-х годов.¹⁰⁴ Издать брошюру о Бакунине Русской секции не пришлось, но Утину удалось зато добиться в Центральной женевской секции Интернационала поднятия вопроса об исключении из нее Бакунина и его трех ближайших друзей за то, что они состояли одновременно и в женевской секции Альянса. 13 августа 1870 г. состоялся товарищеский суд над Бакуниным и его друзьями, и Комитет Центральной женевской секции Интернационала исключил их из членов секции.¹⁰⁵

Это исключение Бакунина из Центральной женевской секции не означало еще, однако, исключения из Интернационала вообще, так как женевская секция Альянса продолжала входить в состав Интернационала, будучи принята большинством конгресса романских секций, состоявшегося в Шо-де-Фоне 4 апреля 1870 г., несмотря на противодействие Утина, исполнявшего на этом конгрессе обязанности секретаря и разоблачавшего Бакунина.¹⁰⁶ На этом конгрессе меньшинство, считая принятое большинством (в 3 голоса) решение губительным для интересов Интернационала, образовало свой особый федеральный комитет, противостоящий комитету бакунинского большинства. Генеральный Совет по предложению Маркса, зная, что большинство у бакунистов было номинальное (они представляли только 600 человек, тогда как их противники представляли 2000), сохранил функции федерального женевского комитета за меньшинством, а комитету бакунистов предложил принять какое-либо местное название.

Бакунисты были этим крайне раздражены и в сентябре на ближайшем конгрессе Интернационала собирались выступить против

¹⁰³ Подробности об этом см. в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 18, стр. 323—452).

¹⁰⁴ См. об этом указания Маркса в его письме к И.-Ф. Беккеру от 2 августа 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 64).

¹⁰⁵ См.: Джемс Гильюм. Интернационал, тт. I—II. Перевод с французского. Пгр.—М., 1922, стр. 172—173.

¹⁰⁶ См. письмо Маркса к Энгельсу от 14 апреля 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 314.

Генерального Совета и захватить в нем власть. Но конгресс Интернационала был отложен, так как в июле 1870 г. началась франко-прусская война. Этой войной воспользовался Бакунин, чтобы поднять анархическое восстание 28 сентября 1870 г. в Лионе, а затем в Марселе, но эти восстания кончились поражениями.

Сторонники Бакунина созвали 9 октября 1870 г. общий конгресс Романской федерации в Сент-Имье, на котором некоторые делегаты предложили образовать особую бакунистскую федерацию под названием Юрской, так как большинство секций, примыкавших к федеральному комитету бакунистов, находились в области Юрских гор.¹⁰⁷

Тогда Романский федеральный комитет, бывший противником бакунистов и считавший себя единственно правомочным в качестве признанного Генеральным Советом, поставил вопрос о принадлежности к Интернационалу бакунистского Романского федерального комитета как секции Альянса.

В письме к И.-Ф. Беккеру от 2 августа 1870 г. Маркс писал, что будет очень рад, если кто-нибудь из Русской секции придет к нему в Лондон.¹⁰⁸ В это время (поздней осенью 1870 г.) О. С. Левашева уехала со своими пятью малолетними детьми в Россию,¹⁰⁹ а А. В. Корвин-Круковская вслед за своим мужем Жакларом уехала в Лион и затем в Париж. Туда же собиралась и Е. Г. Бартенева, близко знакомая с целым рядом деятелей в Париже. Поэтому Русская секция решила послать в Лондон Елизавету Лукиничну, и ей было поручено поднять там вопрос об Альянсе.

Между тем деятельность бакунистов сильно беспокоила Русскую секцию. Они издавали брошюры об Интернационале, «Народный альманах на 1871 год», собирались издать большой том о федеральном социализме в противовес «Капиталу» Маркса.¹¹⁰ Надо было во что бы то ни стало доказать, что бакунисты не имеют права вести пропаганду от имени Интернационала.

Отправляя Елизавету Лукиничну в Лондон, Комитет Русской секции снабдил ее письмом, датированным 9 декабря 1870 г., за подписью В. И. Бартенева, Н. И. Утина и А. Д. Трусова, в котором «горячо» рекомендовал своего «лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и сердечно преданную революционному делу в России». «Мы будем счастливы, — говорилось в письме, — если при ее посредстве нам удастся ближе познакомиться с Вами и

¹⁰⁷ См.: Джемс Гильом. Интернационал, стр. 186—187.

¹⁰⁸ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 45.

¹⁰⁹ См. письмо А. В. Корвин-Круковской к ее двоюродной сестре и А. М. Евреиновой от начала августа 1870 г. из Женевы в Гейдельберг, хранящееся в архиве С. В. Ковалевской (копия его имеется у меня).

¹¹⁰ См.: Джемс Гильом. Интернационал, стр. 186—187.

в то же время более подробно осведомить Вас о положении нашей секции, о которой она Вам сможет обстоятельно рассказать».¹¹¹

Как видно из конца этого письма, Елизавета Лукинична собиралась близко изучить организацию рабочих союзов и политическую и общественную жизнь в Англии, чтобы затем передать все сведения об этом секции. Она привезла Марксу циркуляры инициативной группы пропаганды, которую группа Утина создала в Женеве вместе с Беккером и другими женевскими эмигрантами.

2

Когда Елизавета Лукинична приехала в Лондон (в первой половине декабря 1870 г.), для Маркса уже достаточно выяснились тайные интриги Бакунина и его сторонников внутри секций Интернационала разных стран. Благодаря двум письмам Анри Перре, рабочего-резчика, секретаря Романского федерального комитета в Женеве, от первой половины января 1870 г. Маркс был осведомлен о фальшивых мандатах бакунистов на Базельском конгрессе и о том, что Альянс представляет «элемент дезорганизации» в Интернационале.¹¹² К концу марта 1870 г. Маркс писал о подрывной работе Бакунина в «Конфиденциальном сообщении» Браунгшвейскому комитету социал-демократической рабочей партии Германии; он предлагал тогда же своему зятю Лафаргу, находившемуся в Париже, организовать «наблюдение» за парижскими бакунистами. 28 июня Маркс участвовал в заседании Генерального Совета, где обсуждался вопрос о расколе, происшедшем на апрельском конгрессе романских секций в Шо-де-Фоне, причем по его предложению были единогласно приняты решения, направленные против бакунистского федерального комитета. 2 августа Маркс писал И.-Ф. Беккеру, прося его дать точные сведения об интригах Альянса.¹¹³ 16 сентября Маркс предложил секретарю Генерального Совета для Франции Э. Дюпону протестовать против шовинистического бакунистского манифеста Марсельской секции Интернационала. 11 октября на заседании Генерального Совета Маркс сделал сообщение о восстании 28 сентября в Лионе под руководством Бакунина и характеризовал его как путч, т. е. как попытку небольшой заговорщицкой группы произвести государственный переворот без надлежащей подготовки масс.¹¹⁴

В частности, относительно конспирации Бакунина в России и о злоупотреблении им и Нечаевым именем Интернационала Маркс

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 45.

О письмах А. Перре см. в письме Маркса к Де-Папу от 24 января 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 38.

¹¹³ Там же, стр. 64.

¹¹⁴ См.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. Изд. ИМЭЛ, М., 1934, стр. 277, 284 и 285.

знал от Г. А. Лопатина, рекомендованного ему Лафаргом. Лопатин поселился близ Лондона, в Брайтоне, с 3 июля 1870 г., часто бывал у Маркса по случаю предпринятого им продолжения перевода «Капитала» и по предложению Маркса 6 сентября 1870 г. был кооптирован в члены Генерального Совета, исполнял обязанности докладчика по русским делам и принимал деятельное участие во всех заседаниях Совета. От Лопатина Маркс узнал, между прочим, что Бакунин распространяет про Маркса слух, будто он — агент Бисмарка, узнал и все подробности про самозванство Нечаева.¹¹⁵

В то время, когда Елизавета Лукинична прибыла в Лондон, Лопатина там уже не было. Он уехал в Сибирь, чтобы попытаться освободить Чернышевского, которого, как он знал, высоко ценил Маркс.

Маркс еще с 1843—1844 гг., когда он встречался в Париже с проживавшими там русскими аристократами, интересовавшимися коммунистическим движением, а по возвращении в Россию превращавшимися в обыкновенных эксплуататоров-помещиков или либералов-чиновников, имел основание не доверять русским.¹¹⁶ Интриги Бакунина в Интернационале и пропаганда его против политической борьбы рабочих тоже не располагали Маркса к доверию к русским эмигрантам. Марксу был ненавистен всякий политический произвол, связанный с экономическим гнетом пролетариата. Поэтому отрицание Бакуниным самой непосредственной и важной задачи социалистов — борьбы за завоевание политической власти — приравнивалось Марксом к измене делу социализма и революционному делу вообще.

Но ко времени приезда Елизаветы Лукиничны в Лондон отношение Маркса к русским эмигрантам резко изменилось. Деятельность А. А. Серно-Соловьевича в пользу Интернационала в Женеве, о которой говорилось выше, не осталась незамеченной Марксом, тем более что он переписывался с Серно-Соловьевичем, зная, что тот тоже настроен против Бакунина.¹¹⁷ Понравился Марксу и Берви-Флеровский, автор книги «Положение рабочего класса в России», которую послал Марксу Даниельсон. 10 февраля 1870 г. Маркс писал Энгельсу по ее поводу: «Это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения „Положение рабочего класса в Англии“».¹¹⁸

¹¹⁵ См.: Эд. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры. Изд. «Пролетарий», Харьков, 1923, стр. 39; Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 280, 283.

¹¹⁶ Так, богатый казанский помещик Г. М. Толстой обещал Марксу в Париже в 40-х годах при приезде в Россию продать имение и вырученные деньги пожертвовать на нужды европейской революции и, конечно, обманул его (см. предисловие К. Чуковского к кн.: Авдотья Панаева. Воспоминания. Л., 1928, стр. 12—13).

¹¹⁷ См. также высказывание Энгельса об А. А. Серно-Соловьевиче после его смерти в письме к Марксу от 1 ноября 1869 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 243.

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 232.

Затем Маркс познакомился с сочинениями Чернышевского, и прежде всего с «Дополнениями и примечаниями на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля». Маркс убедился, что в этой книге Чернышевский, которого он называет «великим русским ученым и критиком», «мастерски выяснил... банкротство буржуазной политической экономии».¹¹⁹

В апреле 1870 г. Лафарг расхвалил Марксу «ученую русскую» — А. В. Корвин-Круковскую, жену Жаклара, с которой он познакомился в Париже.¹²⁰ С июля по октябрь Маркс часто виделся с Г. А. Лопатиным, произведшим на него прекрасное впечатление.¹²¹ Борьба Русской секции в Женеве против Бакунина тоже не могла не одобряться Марксом. Он написал И.-Ф. Беккеру, что будет очень рад, если кто-нибудь из Русской секции придет к нему в Лондон.¹²² По свидетельству рабочего Лесснера — члена Союза коммунистов с 1847 г. и затем члена Генерального Совета Интернационала, Маркс «придавал большое значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие жертвы для изучения и распространения теоретических сочинений, точно так же, как и о их понимании современных идеи».

Таким образом, Елизавете Лукиничне был обеспечен у Маркса хороший прием, тем более что, несмотря на свою юность, она уже имела некоторый пропагандистский опыт и была несколько подготовлена и теоретически. Правда, как последовательница Чернышевского, она высоко оценивала русскую общину и принимала социализм за продукт умственного развития, как и вся Русская секция, но Маркс хорошо знал, что в это время и в европейских секциях Интернационала было мало людей, которые прониклись до конца его учением. Для Маркса было важно прежде всего то, что Елизавета Лукинична, как и вся Русская секция, ставила на первый план пропаганду в России идей Интернационала, организацию секций Интернационала среди русских

¹¹⁹ Маркс впоследствии хотел «напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему на Западе», и для этого просил фактических данных у А. В. Корвин-Круковской (Жаклар) и у Н. Ф. Даниельсона (см. письмо А. В. Жаклар к Марксу от 12 ноября 1872 г. в архиве Института марксизма-ленинизма и письмо Маркса к Даниельсону от 12 декабря 1872 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 306).

¹²⁰ См. письмо Маркса к Энгельсу от 14 апреля 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 314.

¹²¹ В письме к Н. Ф. Даниельсону (Николай—ону) от 28 мая 1872 г. Маркс пишет о Лопатине: «Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, сто. 80).

¹²² См. письмо Маркса к И.-Ф. Беккеру от 2 августа 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 240—241.

¹²³ Ф. Лесснер. Воспоминания рабочего о Марксе. Сб. «Карл Маркс — мыслитель, человек, революционер», М., 1923, стр. 175.

рабочих и установление прочной связи между трудящимися классами России и Западной Европы. Преданность членов Русской секции идеям Интернационала Маркс видел в том, что они «главным пунктом своей программы выставили борьбу с пансла-¹²⁴

в и з м о м».

Маркс ввел Елизавету Лукиничну в свою семью и познакомил ее с Энгельсом, поселившимся около 18 сентября 1870 г. в Лондоне. Хорошо отнеслась к Елизавете Лукиничне и жена Маркса. Подружились с ней и стали у нее часто бывать дочери Маркса — старшая Женни, которая была старше Елизаветы Лукиничны лет на семь и весной 1870 г. начала сотрудничать под псевдонимом «Дж. Вильяме» (об ирландских делах) в парижской газете Интернационала «Марсельеза», и самая младшая — Элеонора, которую в семье звали Тусси (ей было в это время 16 лет). Элеонора также проявляла глубокий интерес к революционному движению, являвшемуся постоянно главной темой разговоров в семье Маркса. Елизавета Лукинична видела суровую простую, трудовую жизнь Маркса и его семьи, умевших довольствоваться самыми малыми средствами.

Встречалась она с рабочими, близкими к Марксу. Еще на Базельском конгрессе Интернационала в сентябре 1869 г., как мы видели выше, Елизавета Лукинична близко познакомилась с шестью английскими делегатами: Эккариусом, Лесснером, Юнгом, Степни, Люкрафтом и Эппльгартом. Все они были членами Генерального Совета и бывали у Маркса.

Из них Елизавета Лукинична виделась чаще с Германом Юнгом, по происхождению швейцарцем, хорошим оратором, изысканным свободно по-немецки, по-французски и по-английски и поэтому ведущим переписку не только с членами Интернационала из Швейцарии, но и из других стран.

Выше уже говорилось, что именно Юнгу, как секретарю Генерального Совета для Швейцарии, Беккер писал о Русской секции, прося утвердить ее возможно скорее. Естественно поэтому, что Елизавета Лукинична прежде всего из членов Генерального Совета была направлена Марксом к Юнгу.

Часто виделась Елизавета Лукинична и с Робертом Эппльгартом, по профессии плотником, которым Маркс очень дорожил в Генеральном Совете, так как Эппльгарт обоими английскими палатами, нижней и верхней, был признан официальным представителем английских тред-юнионов.¹²⁵ Маркс еще в сентябре 1870 г. дал Эппльгарту инструкцию для составления депутации к премьер-министру Гладстону по вопросу об официальном признании английским правительством республики во Франции, надеясь, что

¹²⁴ Письма Маркса к Кугельману. ГИЗ, М., 1928, стр. 85.

¹²⁵ См. об этом письмо Маркса к Энгельсу от 4 декабря 1869 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 264.

это обеспечит «почетный мир» для Франции и сильно облегчит борьбу французских членов Интернационала. С этой целью Эппльгарт организовал и ряд рабочих митингов.¹²⁶ Елизавете Лукиничне пришлось, как видно будет из дальнейшего, принять участие в «устройстве» дочери Эппльгарта.

Елизавета Лукинична посещала английские рабочие митинги, устраивавшиеся с целью выразить сочувствие Франции и потребовать от английского правительства признания французской республики. Такой митинг, состоявшийся под председательством профессора древней истории Бизли, Елизавета Лукинична посетила Ю января 1871 г.¹²⁷

3

Перед посещением этого митинга, в начале января 1871 г., Елизавета Лукинична заболела и известила об этом Маркса запиской. Маркс немедленно ответил ей письмом, которое не сохранилось, но о содержании которого можно судить по ответу на него Елизаветы Лукиничны, приводимому дальше.

Маркс писал Елизавете Лукиничне, что советует ей принять хлорал (по-видимому, в записке она жаловалась на бессонницу) и позвать врача, писал о судьбе общинного землевладения в России и о том, что читает четвертый том сочинений Чернышевского («Очерки из политической экономии по Миллю»), присланный ему по его просьбе Русской секцией¹²⁸ (Маркс в начале 1870 г. изучил русский язык и читал на нем довольно бегло¹²⁹).

В ответ Елизавета Лукинична написала Марксу следующее письмо: «Прошу извинить меня за мой запоздалый ответ, вчераш-

¹²⁶ См. об этом письма Маркса к Энгельсу от 10 и 14 сентября 1870 г.: там же, стр. 397 и 402.

¹²⁷ См.: «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 9. О Бизли см.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 284—285. Другой митинг в защиту Франции состоялся 23 января 1871 г. в Трафальгарсквере в Лондоне под председательством члена Генерального Совета Оджера. О нем говорится в еженедельном московском журнале «Русская летопись» (1871, № 5, 31 января, стр. 198—199).

¹²⁸ В письме к И.-Ф. Беккеру от 2 августа 1870 г., которое уже нами цитировалось, Маркс пишет, что будет очень благодарен членам Русской секции, если они пришлют ему «только что вышедший четвертый том сочинений Чернышевского». О выходе этого тома Маркс узнал, несомненно, из объявления об этом в № 4 «Народного дела» от 4 июня 1870 г., где сказано, что четвертый том включает в себе «изъяснения Милля, дополнения к нему и критику Чернышевского по существеннейшим предметам политической экономии, начиная с собственности». Речь идет об изданном М. К. Элпидиным и отпечатанном в его типографии в Женеве четвертом томе «первого полного издания сочинений Чернышевского в 4 томах» (см.: Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Пгр., 1920, стр. 173; Русская подпольная зарубежная печать. М., 1935, стр. 136—137).

¹²⁹ См. письмо Маркса к 3. Мейеру от 21 января 1871 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 256.

нее утро было у меня занято различными делами. . . устройством маленькой Эппльгарт, а вечером я по обыкновению чувствовала себя плохо.

«В воскресенье вечером я буду дома, так как выхожу очень редко; напр имер, в ближайший вторник пойду на митинг с участием Бизли. Я прошу поэтому мадемуазель Женни¹³⁰ не предупредить меня, когда она захочет доставить мне удовольствие провести у меня вечер. Я всегда в ее распоряжении.

«Благодарю Вас за совет насчет хлорала и в особенности за ту доброту, с которой Вы заботились о моем здоровье. Конечно, я вовсе не желаю разрушать его, но, откровенно говоря, не люблю лечиться. Во всяком случае, если я обращусь к врачу, то только к женщине.

«Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к несчастью, превращение его в мелкую собственность весьма вероятно. Все меры правительства — ужасающее и непропорциональное повышение налогов — имеют своей единственной целью введение индивидуальной собственности путем уничтожения круговой поруки. Закон, изданный в прошлом году,¹³¹ уже уничтожает ее в общинах, население которых менее 40 душ (мужских; женщины, к счастью, не входят в это число); официальная и либеральная пресса несколько не стесняется расхваливать благодетельные последствия, которые она выводит из этой реформы. И действительно, такое Прекрасное начало много обещает.

«Я позволю себе послать Вам номер „Народного дела“, в котором разбирается этот вопрос.¹³² Предполагаю, что Вы, быть может, не имеете всех номеров этого журнала.

«Вы несомненно знакомы с трудом Гакстгаузена,¹³³ вышедшим в 1847 г., в котором описана общинная система в России. Если Вы случайно не имеете его, то прошу сообщить мне об этом. Я имею экземпляр в России и могла бы его сейчас же послать Вам.

«Этот труд содержит много фактов и положительных данных об организации и управлении общин. В статьях об общинном землевладении, которые Вы теперь читаете, Вы увидите, что Чернышевский часто упоминает его и дает из него отрывки.

«Я не хочу, конечно, отнимать у Вас время, но если бы в воскресенье вечером Вы имели в своем распоряжении несколько ча-

¹³⁰ Р е ч ь и д е т ь о старшей дочери Маркса.

¹³¹ И д е т о законе 17 ноября 1869 г., ограничившем применение круговой поруки.

¹³² Здесь имеется в виду номер от 7 мая 1870 г. со статьей «Крестьянская реформа и общинное землевладение».

¹³³ Имеется в виду сочинение Гакстгаузена «Исследование о внутреннем состоянии народной жизни и особенностях о земельных отношениях в России» (1847).

сов, то я убеждена, что Ваши дочери были бы так же счастливы, как я, видеть Вас у нас.¹³⁴

«Прошу передать от меня привет г-же Маркс и принять уверение в моем искреннем уважении. Елизавета Томановская.

«Жму руки Женни и Тусси. Простите мне мое длинное письмо».¹³⁵

Как видно из этого письма, Елизавета Лукинична была близко знакома с Марксом и его семьей и пользовалась его доверием.

V. ОЗНАКОМЛЕНИЕ С СОБЫТИЯМИ В ПАРИЖЕ (ДЕКАБРЬ 1870 — МАРТ 1871 г.)

1

Елизавета Лукинична провела в Лондоне три с половиной месяца, с 12 декабря 1870 г. до 28 марта 1871 г.¹³⁶ Поручения от Русской секции отошли на задний план в связи с революцией 18 марта 1871 г. в Париже. Так как Маркс был готов во всякое время обсуждать с товарищами по борьбе актуальные политиче-

¹³⁴ По-видимому, Елизавета Лукинична ожидала у себя в воскресенье дочерей Маркса — Женни и Тусси.

¹³⁵ Это письмо Е. Л. Дмитриевой к Марксу цитируется по переводу с французского (на котором оно написано), напечатанному в «Летописях марксизма» (1930, № 2 (12), стр. 6—7). Письмо без даты, но дата — 7 января 1871 г. — установлена Институтом марксизма-ленинизма.

¹³⁶ В моей статье о Е. Л. Дмитриевой «Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Томановская („Елизавета Дмитриевна“)» («Летописи марксизма», (928, № 7—8), основываясь на указаниях книги Гийома об Интернационале (G. Guillaume, L'Internationale, t. II, стр. 157—159), я писал, что Дмитриева была у Маркса в феврале 1871 г. Но из приведенного в «Летописях марксизма» (1930, № 9) письма Дмитриевой к Марксу видно, что писала она это письмо в Лондоне 7 января 1871 г., а из письма Комитета Русской секции 9 декабря 1870 г. (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 45) следует, что в Лондон она приехала 12 декабря 1870 г. Гийом указывает также, что Дмитриева приехала из Лондона в марте 1871 г. в Женеву, между тем из письма Ы. И. Утина к Марксу от 17 апреля 1871 г. (там же, стр. 48) ясно, что указание Гийома неправильно, так как за три недели до 17 апреля 1871 г., т. е. 27 марта 1871 г., Дмитриева писала из Лондона о своем «намерении поехать с Юнгом на две недели в Париж». «Мемуар Юрской федерации», где впервые бакунисты писали о Дмитриевой, относится к 1873 г., а Гийом в своей книге перепечатал это место из «Мемуара» через 34 года, т. е. в 1907 г. Поэтому из этих двух источников мы должны отдать предпочтение более раннему документу — письму Утина, из которого явствует, что Дмитриева после Лондона вовсе не ездила в марте в Женеву, а поехала прямо в Париж. Из письма Юнга к Марксу, помеченного 29 марта 1871 г. (Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г. М., 1933, стр. 18—19) видно, что Юнг получил «только-что» в Лондоне письмо Дмитриевой, «которая благополучно приехала в Париж». Но в этом письме Юнга дата явно неверна. Юнг пишет, что «Серрайе прибыл в Париж вчера утром», т. е. 28 марта, между тем из письма Серрайе к жене от 29 марта 1871 г. (там же, стр. 19) видно, что он приехал в Париж утром 29 марта. Из этого следует, что письмо

ские события, то он, конечно, говорил о них и с Елизаветой Лукиничной. Несомненно от него она восприняла отношение к Коммуне 1871 г. как к великому делу пролетариата.

С самого начала франко-прусской войны парижские дела сильно беспокоили Маркса. Обе революционные партии, действовавшие в Париже, — бланкисты (социалисты «лишь по революционному инстинкту») и прудонисты (последователи «философа и экономиста мелкой буржуазии») — поддались шовинистическим настроениям. Манифест Парижского федерального совета Интернационала по поводу войны показал, что его члены находятся во власти шовинистических фраз и старых фантастических представлений «о превосходстве Франции, об освященной 1793 годом почве».¹³⁷

А тут еще к парижанам присоединились все члены лондонской эмигрантской Французской секции, уехавшие 6 сентября в Париж, чтобы, по словам Маркса, «делать там глупости от имени Интернационала... свергнуть временное правительство», учредить Парижскую Коммуну.¹³⁸

Маркс в день отъезда членов Французской секции из Лондона написал письмо Парижскому федеральному совету с анализом военного положения Франции и дал ему директивы, как действовать. В тот же день вечером он беседовал о тактике Интернационала в Париже с отъезжавшим туда членом Генерального Совета — рабочим-сапожником Огюстом Серрайе из Марселя, «человеком весьма высоких умственных способностей».¹³⁹ Серрайе отправился в Париж на две недели в качестве полномочного представителя Генерального Совета, но потом остался там для того, чтобы принять участие в обороне и оказывать влияние на Парижский федеральный совет.

Юнга могло быть написано не 29, а 30 марта 1871 г. Так как на переезд из Лондона в Париж нужно не более суток и так как можно предположить, что Дмитриева написала Юнгу в самый день приезда в Париж, после того, однако, как она повидалась с Малоном (это видно из цитируемых Юнгом слов Дмитриевой из ее письма к нему), то надо считать установленным, что она приехала в Париж 29 марта 1871 г., а из Лондона выехала не вместе с Юнгом, как собиралась, а одна 28 марта 1871 г. Все, что Дмитриева должна была сообщить Утину и Русской секции о поручении — по поводу принятия секции Альянса в Интернационал, она, очевидно, сообщила письмом, а не лично. К сожалению, в моей статье «Карл Маркс и Елизавета Дмитриева» («Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 157) я опять повторил указание Гийома, будто Дмитриева поехала из Лондона в Женеву, и это мое неверное указание цитируется без критики в книге «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности» (стр. 286).

¹³⁷ Слова из письма Энгельса к Марксу от 7 сентября 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 395). Из писем Маркса к Энгельсу от 6 и 10 сентября 1870 г. (там же, стр. 393 и 397) видно, что Маркс был о парижских членах Интернационала того же мнения, что и Энгельс.

¹³⁸ Слова из письма Маркса к Энгельсу от 6 сентября 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 393).

¹³⁹ См.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 283. О Серрайе см. также письмо Маркса к Энгельсу от 12 февраля 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 290) и к Э.-С. Бизли от 12 сентября 1870 г. (там же, т. XXVI, стр. 73).

Огюсту Серрайе поручено было Марксом разъяснить парижским членам Интернационала и тем из бланкистов, которые состояли в Интернационале, позицию Генерального Совета по вопросу о франко-прусской войне. Во втором манифесте Генерального Совета, датированном 9 сентября 1870 г., говорилось следующее: учреждение республики во Франции еще далеко не прочно, так как временное французское правительство состоит «частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев». «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния».¹⁴⁰

Энгельс в письме к Марксу от 12 сентября в том же духе писал, что французским членам Интернационала надо использовать все средства, предоставляемые им республиканской свободой, чтобы основательнее укрепить свою партийную организацию (Интернационал), которая со времени войны совершенно распалась. Если бы восставшие рабочие даже победили сейчас в Париже, до заключения мира, то они вынуждены были бы «взять на себя наследство Бонапарта и нынешней паршивой республики; они будут бесполезно раздавлены немецкими армиями и снова отброшены на двадцать лет назад... После мира все шансы будут благоприятнее для рабочих, чем до того... Активная сила сопротивления Франции сломлена для данной войны и... благодаря этому рушится надежда на изгнание вторгшегося врага путем революции».¹⁴¹

Серрайе поручено было также сообщить парижанам, что Маркс развернул в Англии широкую агитацию за признание французской республики. Такую же широкую агитацию Маркс развил в Германии через ее рабочую печать против аннексии Эльзаса и Лотарингии.

Но эти советы и действия Генерального Совета не удовлетворили Парижский федеральный совет Интернационала, состоявший из прудонистов и бланкистов. Когда они получили от Генерального Совета второй манифест по поводу франко-прусской войны, от 9 сентября 1870 г., где Маркс высказал все приведенные выше директивы, они просто саботировали его, как «слишком прусский», не перевели и не напечатали его и таким образом скрыли от рабочих масс.

Это Маркс узнал от Серрайе, который приехал 19 февраля 1871 г. из Парижа для доклада Генеральному Совету и в тот же день предварительно рассказал все о парижских делах Марксу.¹⁴²

Слова Маркса из Второго воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны от 9 сентября 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, ¹⁴⁰ИМТМ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 399.

¹⁴² У докладе О. Серрайе Генеральному Совету от 28 марта 1871 г. см.: сб. «Парижская коммуна», Партиздат, М., 1932, стр. 25. О докладе его Марксу см.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 288.

Серрайе сообщил также, что ему так и не удалось выправить политическую линию Парижского федерального совета и потому пришлось пойти на раскол. Он начал агитацию среди отдельных секций и 11 из них (а их было в Париже около 40) отвоевал. Эти 11 секций выбрали новый федеральный совет. Два федеральных совета существовали в Париже параллельно несколько месяцев. Чтобы избавиться от старого федерального совета, Серрайе предложил распустить оба федеральных совета и произвести новые выборы. Но это предложение не было принято. Вместо новых выборов в старый федеральный совет были кооптированы члены нового, и они механически объединились. Количественный перевес остался у членов старого федерального совета во главе с бакунистами Комбо и Пенди, левыми прудонистами Варленом и Малоном, к которым примыкали правые прудонисты Толэн, Т. Мюра и Жоаннар.¹⁴³

2

Маркс достаточно хорошо знал (лично или по рассказам) всех этих лиц. Для него было несомненно, что уже один Варлен придает всей этой оппозиционной группе огромную силу.

Варлен, переплетчик-кустарь, затем мастер фирмы Деньер, был членом Интернационала с первого года его существования, делегатом его первой конференции в 1865 г. и почти всех его конгрессов, активным участником профессионального и кооперативного движения, организатором многих секций Интернационала в Париже и в провинции. Этого пламенного агитатора и пропагандиста идей Интернационала дважды присуждали к тюремному заключению за участие в Международном Товариществе Рабочих.

Маркс знал Варлена лично с сентября 1865 г., когда Варлен приехал в Лондон на первую конференцию Интернационала и горячо участвовал в прениях. Казалось бы, он менее всякого другого был способен стать участником заговора сектантской революционной группы. Но именно Варлена Бакунин привлек на свою сторону на конгрессе Интернационала в Базеле в сентябре 1869 г. Варлен напечатал 24 января 1870 г. в «Марсельезе» воззвание брюссельской административной комиссии и главного бельгийского совета Интернационала к парижским рабочим, заключающее, по словам Маркса, «глупый призыв к восстанию». Воззвание это было написано бакунистом Евгением Гинсом. 13 марта 1870 г. Варлен председательствовал в Лионе на массовом пяти тысячном рабочем собрании, организованном местными бакунистами, на котором читалось письмо Бакунина. 21 апреля Варлену пришлось бежать в Брюссель, и там еще больше он сблизился с Гинсом. На третьем процессе Интернационала 22 июня 1870 г. читалось

¹⁴³ О бакунископрудонистском руководстве в Парижском федеральном совете до 19 февраля 1871 г. см. по докладу О. Серрайе в сборнике «Парижская Коммуна» (1932, стр. 26—27).

письмо Варлена к Обри в Руан от 25 декабря 1869 г., где он говорил, что на Базельском конгрессе победил «коммунизм неавторитарный» и что группа «Марсельезы», а в том числе, конечно, и он, собирается подготовить революцию во всей Европе через год или

дваа- ,

Сразу же после провозглашения республики, в сентябре, Варлен вернулся в Париж, вступил в 193-й батальон национальной гвардии и был избран его командиром. В то же время он был избран в состав ЦК 20 округов. 11 октября 1870 г. было напечатано его письмо как командира 193-го батальона в газете «Ревей» («Пробуждение»), где он высказался за продолжение войны до изгнания врага с территории Франции. Он участвовал в восстаниях 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. и пользовался огромнейшим авторитетом у французских рабочих. В Парижском федеральном совете Варлену и его товарищам противостояли члены оппозиции — Анри Гулле и Лео Франкель, очень слабо подкованные теоретически.¹⁴⁴

Опасаясь за будущее поведение Парижского федерального совета, Серрайе приехал в Лондон для доклада Генеральному Совету и для получения дальнейших инструкций, так как из-за осады Парижа немцами с 18 сентября 1870 г. по 28 января 1871 г. стала почти невозможной переписка с Лондоном. Между тем во Франции 8 февраля 1871 г. произошли выборы в Национальное собрание. В него попали и два члена Парижского федерального совета (Малой и Толен), но в большинстве оно состояло из монархистов. Последние 17 февраля избрали главой исполнительной власти с правом назначать министров богатого заводчика Тьера, ставленника реакционеров всех мастей и крестьян, желавших «мира во что бы то ни стало».

Тьер, по словам Маркса, «ни разу в течение всей своей долговременной политической карьеры... не был виновником ни одной хоть сколько-нибудь полезной практической меры, пусть даже самой мелкой. Тьер был верен себе только в своей жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство... Мастер мелких государственных плутней, артист в вероломстве и предательстве,

¹⁴⁴ О Варлене см.: М. Доманже. Коммунар Варлен. Л., 1927; «La vie ouvrière», Paris, 1913, 5 Mai, № 87 (номер специально посвящен Варлену); Д. Гильом. Варлен-заговорщик. Сб. «Парижская Коммуна», Изд. Коминтерна, Пгр., 1921, стр. 104—135; G. Guillaume. L'Internationale, t. I, стр. 258, примеч. 1. Письмо Варлена от 11 октября 1870 г. см.: «Историк-марксист», 1935, № 4. Маркс называл Гинса «тщеславным ничтожеством» в письме к Ф.-А. Зорге от 21 июня 1872 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 269). Что Маркс был невысокого мнения о теоретических познаниях Франкеля, можно судить по пренебрежительному отзыву об одной из его статей экономического характера в письме Маркса к Энгельсу от 14 апреля 1870 г. (там же, т. XXIV, стр. 314).

¹⁴⁶ Что Тьер был собственником железоделательных заводов в восточной части Франции, Лафарг сообщил Марксу в письме от 1 августа 1871 г. (см.: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 47—48).

набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; всегда готовый раздуть революцию, когда он не у дел, и затопить ее в крови, как только встанет у кормила власти; человек с классовыми предрассудками вместо идей и с тщеславием вместо сердца; настолько же подлый в частной жизни, насколько гнусный в жизни общественной».¹⁴⁶

Тьер намеренно провоцировал конфликт с пролетариатом Парижа целым рядом своих действий. Он делал двусмысленные заявления насчет законности существования республики. Он назначил посланниками орлеанистов, губернатором Парижа — бонапартиста Винуа, префектом полиции Парижа — бонапартистского жандарма Валантена, а главнокомандующим национальной гвардии — иезуита генерала Орель де-Паладина, тоже бонапартиста. Все эти назначения не могли быть истолкованы иначе, как желание взять пролетариат Парижа в ежовые рукавицы, подготовить реакционный переворот и восстановить монархию.

Как только Национальное собрание собралось в Бордо, Тьер разъяснил ему, что «предварительные условия мира должны быть приняты немедленно, даже без требуемых приличием парламентских прений, ибо таково единственное условие, на котором Пруссия разрешит им начать войну против республики и ее оплота — Парижа».¹⁴⁷

26 февраля Национальное собрание ратифицировало предварительный мирный договор с Пруссией, по которому Франция обязалась уплатить 5 миллиардов франков контрибуции и отдать Пруссии Эльзас и Лотарингию. Можно было не сомневаться, что буржуазия постарается переложить всю тяжесть этого позорного мира на рабочих, что заработная плата будет уменьшена, а цены на продукты широкого потребления будут увеличены. Между тем положение парижских рабочих и без того было очень тяжелым. Почти все они входили в национальную гвардию, получали в день по полтора франка и на жену 75 сантимов, которых могло хватить только на полуголодное существование.¹⁴⁸ Можно было ожидать, что Центральный комитет национальной гвардии, который решено было организовать 16 февраля 1871 г. и который действительно был организован 3 марта (причем решено было переизбрать всех офицеров и оставить только тех, которые сочувствуют социализму),¹⁴⁹ не преминет призвать массы к восстанию. К тому же

Центральный комитет владел пушками, намеренно оставленными правительством Тьера в кварталах, подлежащих занятию пруссаками.

Действительно, когда правительство Тьера 10 марта закрыло пять левых республиканских газет, ввело налог в 2 сантима на каждый экземпляр любого издания, а 11 марта Национальное собрание постановило перенести свои заседания из Бордо в Версаль вместо Парижа, угрожая Парижу лишением звания столицы, и издало декрет об уплате в двухдневный срок по всем просроченным с 13 августа 1870 г. векселям, что повело к опротестованию 150 тысяч векселей в течение 4 дней в одном только Париже, — все это возбудило против правительства не только свыше 200 тысяч рабочих, состоявших в национальной гвардии, но и мелкую буржуазию. Когда же правительство Тьера сделало провокационную попытку утром 18 марта захватить у национальной гвардии ее пушки, чаша терпения последней переполнилась. Тьер требовал сдачи пушек под тем ложным предлогом, будто пушки принадлежат государству, между тем как все знали, что «эта артиллерия создана на средства, собранные национальной гвардией по подписке... и в тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и как таковая была исключена из общей сдачи победителю оружия, принадлежащего правительству».¹⁵⁰ Эта попытка захватить пушки вызвала восстание населения и национальной гвардии.

Маркс знал подробности восстания в Париже 18 марта и о том, что за ним последовало, из буржуазных газет, английских и французских, а также на основании сведений, полученных Энгельсом из Парижа и доложенных им на заседании Генерального Совета 21 марта.¹⁵¹

ЦК национальной гвардии, став правительством в Париже, обратился к департаментам с призывом создать немедленно республиканские учреждения. В «Официальной газете» Коммуны от 21 марта была ясно указана основная задача пролетариата — за-

тельные в политическом отношении, уже заменены социалистами (см.: *Les seances officielles de l'Internationale a Paris*, стр. 82 и 84). В своей 2-й корреспонденции в «Интернационал» в Брюссель Лавров говорил о «всем известных социалистических симпатиях большинства членов ЦК национальной гвардии» (см.: *И. Книжник-Ветров*. П. Л. Лавров о Парижской Коммуне. «Каторга и ссылка», 1931, № 10). Но был в ЦК и предатель Люлье. Маркс считал, что в ЦК «было много бонапартистов и интриганов, умышленно потерявших в бездействии первые дни революции, которые они обязаны были посвятить ее укреплению» (см.: *Лондонская конференция I Интернационала 17—23 сентября 1871 г.* Парт издат, 1936, стр. 64).

¹⁵⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 23.

Выписки Маркса о революции 18 марта из газет за период от 18 до -8 марта 1871 г. см.: там же, стр. 93—125, 131—133. О докладе Энгельса на заседании Генерального Совета 21 марта о событиях 18 марта в Париже см.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 289: сб. «Парижская Коммуна», 1932, стр. 29—30,

¹⁴⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 15—17.

¹⁴⁷ Там же, стр. 19.

¹⁴⁸ О положении рабочих Парижа — национальных гвардейцев см. заявление Варлена на нескольких заседаниях Парижского федерального совета в январе 1871 г.: *Les seances officielles de l'Internationale a Paris*. 3-e ed. Paris, 1872, стр. 47 и др.

¹⁴⁹ На заседании Парижского федерального совета 1 марта 1871 г. по вопросу о ЦК национальной гвардии Варлен заявил о необходимости духовно овладеть национальной гвардией, но так, чтобы это не исходило открыто от Интернационала, и сообщил, что члены ЦК национальной гвардии, подозри-

хват власти и создание новых пролетарских ее органов. Для осуществления этой задачи ЦК послал своих комиссаров во все министерства и другие государственные учреждения, чтобы разрушить старый буржуазный государственный аппарат. Все ведущие чиновники были уволены, а их работу выполняли рабочие и служащие, связанные с Интернационалом и другими массовыми организациями. На ратуше было водружено красное знамя. Были упразднены военные суды. Объявлена амнистия по политическим делам. ЦК начал проведение ряда мер для улучшения экономического положения трудящихся. 21 марта была приостановлена продажа заложенных в ломбард вещей, причем вещи стоимостью до 15 франков возвращались их владельцам. Запрещалось выселение жильцов из квартир и гостиниц за невнесение квартирной платы. Отпущен был 1 миллион франков для пособия наиболее нуждающимся. Платежи по векселям приостановлены на 6 месяцев. Грабежи и воровство были прекращены расстрелами на месте нескольких грабителей.

Но в то же время ЦК сделал ряд ошибок, которые были губительны для Коммуны. Вместо того чтобы использовать до конца свой авторитет, которого никто из рабочих не оспаривал, так как ЦК был избран не менее чем от 200 тысяч населения, главным образом рабочего, он сразу же из боязни вызвать гражданскую войну решил отказаться от власти и первой своей задачей поставил проведение выборов в Коммуну. Он не закрепил своей победы 18 марта и не преследовал правительства Тьера, что позволило тому подтянуть войска к Версалу и изолировать Париж от остальной Франции. Непоправимой ошибкой вождей ЦК явилось то, что «они дали членам правительства спокойно удалиться в Версаль (даже тем, кто, как мэр Парижа Ферри, были у них в руках)».¹⁵²

«Центральный комитет был так мало уверен в своей победе, что поспешил принять посредничество мэров и депутатов Парижа. . . Вместо того, чтобы обезвредить полицейских, перед ними раскрыли двери. . . дали уйти 43-му линейному полку; распустили по домам всех солдат, братавшихся с народом; позволили реакции организоваться в самом центре Парижа». Верили Тьеру, когда он говорил в Национальном собрании, что «не пошлет вооруженную силу против Парижа», а он так говорил только потому, что «у него еще не было войск для этого».

Из-за противодействия мэров и депутатов Парижа пришлось два раза отложить выборы в Коммуну, и, наконец, они были назначены на 26 марта. Мэры решили принять участие в выборах лишь после того, как ЦК объявил, что выборы состоятся и без

¹⁵² См. «Первый набросок „Гражданской войны во Франции“ Маркса: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 367, Там же.

них. ЦК не обезвредил враждебную ему буржуазную печать, которая клеветала на его деятелей и боролась с ними. ЦК разоружил буржуазные мэрии и распустил буржуазные батальоны национальной гвардии лишь после того, как буржуазные элементы (некоторые мэры и офицеры буржуазных батальонов) организовали контрреволюционные демонстрации 21 и 22 марта. И после восстания «партии порядка» 22 марта, вопреки советам своих наиболее энергичных членов — Тридона, Варлена, Вайяна, которые считали нужным немедленно перебить роялистов, ЦК «не двинулся сразу на Версаль... где воцарилась величайшая растерянность, потому что еще не было организовано никаких сил для сопротивления».¹⁵⁴ ЦК не захватил французского банка, который продолжал снабжать Тьера деньгами для борьбы с Парижем. ЦК стремился избежать гражданской войны и мечтал, следуя Прудону, о примирении классов на основании фантастического «общественного договора»; он не произвел поэтому немедленной экспроприации экспроприаторов, а надеялся, что само создание Коммуны и «организация обмена и кредита» приведут к справедливому устройству рабочих. При этом ЦК заявил также, что не имеет агрессивных намерений по отношению к Германии и будет соблюдать предварительные условия о мире.

Маркс ожидал, что При избрании Совета Коммуны в Париже 26 марта в него попадут многие члены Интернационала. Но его сильно беспокоили отсутствие подробных сведений о положении дел и трудности с получением газет, издававшихся сторонниками Коммуны в Париже.¹⁵⁵

«Тьер отдал приказ через своего министра внутренних дел Эрнеста Пикара помешать „Международному Товариществу“¹⁵⁶ иметь сообщение с Парижем».¹⁵⁷ Тысячи полицейских комиссаров, рассеянных в окрестностях Парижа, получили от жандармского префекта Валантена приказ отбирать все газеты любого направления, которые печатаются в восставшем городе, и сжигать их публично, как в лучшие времена святой инквизиции.¹⁵⁸

Все это делалось для того, чтобы «окружить провинции стеною лжи, чтобы удержать их в подчинении и предотвратить их общее восстание в защиту Парижа». «Только ложь и клевета версаль-

¹⁵⁴ Там же, стр. 375.

¹⁵⁵ Как можно видеть из выписок Маркса из газет до 28 марта по поводу событий Коммуны, ему были доступны из парижских газет только реакционные «Либертэ» и «Фигаро» « республиканские буржуазные газеты «Националь», «Клош», «Пти-журналь» и «Раппель». В одной из этих газет только раз цитировалась издаваемая Коммуной «Официальная газета». Объясняется это тем, что Тьер позаботился об изоляции мятежного Парижа.

Имеется в виду Генеральный Совет в Лондоне.

¹⁵⁷ См. «Первый набросок „Гражданской войны во Франции“ Маркса: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 71.

¹⁵⁸ Там же, стр. 295.

ских газет, — писал Маркс, — проникают в департаменты и царят в них безраздельно».¹⁵⁶

28 марта в Париж отправился Серрайе, который был выставлен кандидатом в Совет Коммуны во 2-м округе, самом реакционном из 20 районов Парижа.¹⁶⁰ Можно было ожидать, что Серрайе будет привлечен к работе в Совете Коммуны и у него не будет времени для информации Генерального Совета.¹⁶¹ Поэтому Маркс решил отправить Елизавету Лукиничну в Париж в качестве корреспондентки Генерального Совета, чтобы она окольными путями присылала ему парижские газеты и информацию о событиях.¹⁶²

Сначала предполагалось, что Елизавета Лукинична пробудет в Париже не более двух недель и что вместе с нею (также для информации) поедет член Генерального Совета Герман Юнг, но в последнюю минуту Юнг от поездки отказался и было решено, что Елизавета Лукинична задержится в Париже дольше.¹⁶³

Мы знаем, как смотрели Маркс и Энгельс на парижскую революцию 18 марта и на ее вождей. Поэтому для нас ясны те инструкции, которые Маркс, вероятно, дал Елизавете Лукиничне перед ее отъездом в Париж, имея в виду ее работу для Интернационала.

Франция не была готова к социалистической рабочей революции. Требующиеся для такой революции материальные условия не достигли во Франции нужной степени зрелости.¹⁶⁴ Рабочий класс Парижа состоял преимущественно из ремесленников, кустарей или рабочих мелких предприятий. Парижские рабочие, «будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготели, сами того не сознавая, к старому строю».¹⁶⁵ Возникшие При Наполеоне III в больших городах, в связи с их перестройкой, многочис-

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ На это указывает сам Серрайе в письме к жене от 29 марта 1871 г. (см.: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 20).

¹⁶¹ Действительно, хотя Серрайе не был избран на первых выборах 26 марта в Совет Коммуны, получив гораздо меньше голосов, чем другие кандидаты 2-го округа, однако он был кооптирован 5 апреля в Комиссию труда и обмена (см. справочник: George d'Hervey-Lille. Le livre rouge de la Commune, extrait du Journal Officiel. Paris, 1871, стр. 99). Это видно и из письма его к жене от 12 апреля 1871 г. (см.: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 30).

¹⁶² Что Е. Л. Дмитриева получила специальное полномочие корреспондента Генеоального Совета, видно из цитированного в сборнике «Парижская Коммуна» (1932, стр. 20) протокола Генерального Совета. Это подтверждается и указанием знакомого Дмитриевой бакуниста М. П. Сажина, который подчеркнул, что она «была специально прислана из Лондона, между прочим для информации» (М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 56).

¹⁶³ О поездке Е. Л. Дмитриевой в Париж на две недели вместе с Г. Юнгом говорится в указанном выше письме Н. И. Утина к Марксу от 17 апреля 1871 г. (см.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 48).

¹⁶⁴ См.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 219—220.

¹⁶⁵ К. Маркс. Письма к Кугельману. Л., 1925, стр. 16.

ленные кадры рабочих-строителей, выходцев из крестьянства, недалеко ушли от мелких буржуа и крестьян. Революционные партии в Париже были слабы. Бланки, самый значительный из революционных вождей Парижа,¹⁶⁶ 9 марта 1871 г. был приговорен заочно к смерти военным трибуналом за участие в восстании 31 октября и арестован 17 марта на юге Франции, где скрывался у своего племянника.¹⁶⁷ Очень популярным был Рошфор, но он не подходил к роли вождя социалистической революции. У революционеров Парижа не было настоящих вождей.¹⁶⁸ «Они еще недостаточно развили свою организацию, чтобы начать решительный поход против буржуазии».¹⁶⁹

Но при всей неподготовленности руководителей Коммуны, при всех допущенных ими ошибках надо помнить, что, провозгласив Коммуну, «Париж поднял знамя человечества», что он стремился «возродить французский народ, делая его борцом за возрождение общества».¹⁷⁰ Правительственный уполномоченный при «Официальной газете» Коммуны недаром писал в ней 20 марта: «Пролетарии столицы среди банкротства и измены правящих (господствующих) классов поняли, что для них настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои собственные руки управление (заведывание) общественными делами (государственными делами)... Неужели рабочим, которые производят все и не пользуются ничем, которые страдают от нищеты среди накопленных продуктов, плодов их труда и их пота... неужели никогда не будет им дана возможность работать для своего освобождения! Пролетариат, перед лицом постоянного посягательства на его права, перед лицом полнейшего отрицания всех его законных стремлений, гибели страны и всех его надежд, понял, что его повелительный долг и безусловное право — взять в собственные руки свою судьбу и обеспечить свое торжество захватом государственной власти».¹⁷¹

Маркс писал: «Теперь парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами ста-

«Маркс и Энгельс ставили Бланки гораздо выше молодых французских революционеров. Энгельс смеялся над парижским письмом Моисея эсса в «Фолкскш-гаат»-«о Флурансе и других новых силах заменяющее ар г Бланки» (см. письмо Энгельса к Марксу от 22 февраля 1870 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 297).

¹⁶⁷ См.: М. Доманже. Бланки. Л., 1925, стр. 39.

¹⁶⁸ В письме от 15 августа 1870 г. Энгельс писал Марксу: «Хуже всего то, что в случае действительного-революционного движения в Париже некому стать во главе его. Рошфор наиболее популярен, а единственно пригодный — Бланки, кажется, забыт». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. XXIV стр. 300).

¹⁶⁹ Из письма Маркса к Ф. Больте от 23 ноября 1871 г.: (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 173).

¹⁷⁰ См. «Первый набросок „Гражданской войны во Франции» Маркса: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 283.

¹⁷¹ См. там же, стр. 351.

рого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания».¹⁷²

Через несколько дней после 18 марта лондонские газеты опубликовали телеграмму, где заявлялось, что революция была подготовлена Марксом «в тайном сотрудничестве с Бланки и г. Асси» (парижский рабочий, член Интернационала), которые якобы прибыли в Лондон, чтобы сговориться с Марксом. Маркс тогда же заявил в лондонской газете «Тайме», что все это — детские сказки, сфабрикованные французской полицией.

Но хотя Маркс и не «подготовил» революции 18 марта, он гордился «выдающейся ролью, которую парижские секции Интернационала сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто Париж или какая-либо другая секция Интернационала получила приказы из центра. Но так как цвет рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к Интернационалу, то он во всех движениях рабочего класса несомненно должен играть руководящую роль».¹⁷⁴

VI. РАБОТА В ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

(29 МАРТА — 28 МАЯ 1871 г.)

1

Елизавета Лукинична приехала в Париж утром 29 марта 1871 г., на следующий день после того, как Коммуна была торжественно провозглашена и афиши о результатах выборов в Коммуну были уже расклеены.

Первое лицо, с которым Елизавета Лукинична постаралась увидеться, был уже знакомый ей по Женеве член Коммуны Бенуа Малон.¹⁷⁵

Малой был сыном бедного крестьянина-поденщика и узнал грамоту только благодаря своему старшему брату, учителю сельской школы. С 7 до 19 лет он был пастухом, затем поселился в Париже и здесь работал три года в качестве грузчика, чернорабочего и красильщика. В то же время он усердно читал книги, сочинял стихи и занимался общественной работой. В 1865 г. он подружился с Варленом, одним из виднейших руководителей Интернационала во Франции, и стал активнейшим членом этой организа-

ции. В 1866 г. он был делегирован на первый конгресс Интернационала в Женеву, в 1868 г. два раза привлекался к суду по процессам Интернационала, сидел три месяца в тюрьме, затем ездил в Женеву, где познакомился с Бакуниным, стал членом его «Интернационального братства», но в начале 1869 г. ушел оттуда вместе с Бартеневыми. Последние познакомили Малона с членами Русской секции, в том числе и с Елизаветой Лукиничной. Вернувшись затем в Париж, Малон опять принял активное участие в деятельности Интернационала, был выбран секретарем секции Интернационала в промышленном городке Пюто, близ Парижа, и здесь же заведовал кооперативной лавкой. Он разъезжал по крупным промышленным городам северной Франции, где основал около 20 секций Интернационала, участвовал и в профессиональном рабочем движении, основывая рабочие союзы. С начала 1870 г. он был членом редакции органа Парижского федерального совета Интернационала «Марсельеза». В апреле 1870 г. Малон поехал в качестве корреспондента этой газеты в Крезе, где вместе с рабочим Асси был организатором стачки на металлургических заводах Шнейдера, о которой писал корреспонденции.

В июне 1870 г. он был арестован по третьему процессу Интернационала, но один из друзей взял его на поруки, внеся за него 500 франков залога. Когда его присудили к году тюрьмы и 100 франкам штрафа, Русская секция, узнав об этом, написала ему, что внесет залог в случае его побега. Однако Малон отказался бежать, говоря, что Интернационал нуждается в мучениках и что пребывание его в тюрьме будет иметь большее морально-политическое значение для дела Интернационала, чем изгнание. Однако совершившаяся вскоре революция 4 сентября 1870 г. освободила его. Малон принял сразу же активное участие в ЦК 20 округов и был избран в Батиньоле, в 17-м округе Парижа, одном из наиболее рабочих по составу населения, помощником мэра. Он принял участие в восстании 22 января 1871 г. и на выборах 8 февраля был избран членом Национального собрания. После принятия большинством Национального собрания позорных условий мира Малон 3 марта вместе с Рошфором, Тридоном и Ранком заявили о сложении депутатских полномочий, мотивируя этот шаг тем, что избиратели послали их в качестве представителей республиканской, единой, неделимой Франции. Национальное же собрание своим голосованием 1 марта расчленило Францию, и поэтому «его решения отныне не имеют никакой силы».

Когда произошла революция 18 марта и у власти в Париже стал ЦК национальной гвардии, назначивший выборы в Коммуну, Малон, считавший, что Коммуна будет слабой, стоял за соглашение с Версалем и поставил свою подпись под прокламацией депутатов и мэров Парижа и помощников мэров от 22 марта, призывавшей к бойкоту выборов. Но на следующий день он понял контрреволюционный характер поведения мэров и депутатов и

¹⁷² См. письмо Маркса к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 105.

¹⁷³ См. письмо Маркса к Лео Биго от 12 июля 1871 г.: там же, стр. 131.

¹⁷⁴ См. «Второй набросок „Гражданской войны во Франции“» Маркса: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 439.

¹⁷⁵ Что Е. Л. Дмитриева прежде всего увиделась по приезде в Париж с Б. Малонем, видно из письма ее к Г. Юнгу, которому она написала сразу же по приезде и который цитирует это письмо в письме к Марксу от 30 марта 1871 г. (по ошибке, как указано выше, оно помечено 29 марта).

двумя письмами в печати заявил, что его подпись была поставлена без его ведома и что он присоединяется к воззванию Центрального комитета национальной гвардии о выборах 26 марта.¹⁷⁶

Это непонимание политической ситуации, хотя и продолжавшееся всего 4—5 дней, набросило на Малона в глазах вождей парижских рабочих некоторую тень. Он не был включен в список кандидатов в Совет Коммуны, выставленный от ЦК 20 округов. Но, несмотря на это, когда его выдвинула в качестве депутата газета «Политическая карикатура», он был избран в 17-м округе, где пользовался большой популярностью среди рабочих.¹⁷⁷

О своем избрании в члены Совета Коммуны и о своих ошибках во время попытки мэров противодействовать ЦК национальной гвардии по вопросу о выборах в Коммуну Малон сейчас же сообщил Елизавете Лукиничне.¹⁷⁸ Он рассказал ей также о своем невении в успех выборов в Коммуну, которое он высказал на заседании Федерального совета 22 марта.¹⁷⁹ Между тем оказалось, что выборы в Коммуну имели огромный успех, и из 92 человек, избранных в члены Коммуны, 57 принадлежали к Интернационалу или сочувствовали ему.¹⁸⁰

¹⁷⁶ О Малоне см.: I. C i è g e. Les hommes de la Commune. Paris, 1861, стр. 110—112. Однако здесь неправильно указано, будто Малон был делегатом Базельского конгресса, тогда как среди делегатов последнего он не значится (см.: Базельский конгресс Первого Интернационала. Партиздат, М., 1934). О связях Малона с Бакуниным и с Русской секцией в Женеве см. указанное выше письмо Бакунина «Всем этим господам» и письмо А. В. Корвин-Круковской о Малоне от августа 1870 г. О сложении Малоном депутатских полномочий в Национальном собрании см.: В. M a l o n. La troisieme defaite du proletariat francais. Geneve, 1871, стр. 57—58. Об отношении Малона к выборам в Коммуну см. два его письма в сборнике афиш «Elections des 26 Mars et 16 Avril 1871» (Paris, 1871, стр. 63—65, 75, 78). В своих письмах в печати Малон подписывался как «помощник мэра». Мэром 17-го округа он стал только после того, как был избран в Коммуну, будучи делегирован в мэрию 17-го округа.

¹⁷⁷ Список кандидатов ЦК 20 округов в Коммуну см. в кн.: Elections des 26 Mars et 16 Avril 1871, стр. 116—117. Список кандидатов в Коммуну от газеты «Политическая карикатура» см.: там же, стр. 140.

¹⁷⁸ Это видно из письма Е. Л. Дмитриевой к Г. Юнгу, о котором последний сообщил Марксу в письме от 30 марта 1871 г.

¹⁷⁹ Протокол заседания Парижского федерального совета 22 марта 1871 г. см.: Les seances officielles de l'Internationale a Paris. 3-e ed. Paris, 1872, стр. 126.

¹⁸⁰ «Из 92 избрано уже 60 наших», — пишет Серрайе своей жене 30 марта 1871 г. (см.: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 21). Подлежало избранию 93 человека (см.: Протоколы Парижской Коммуны, т. I. М., 1959, стр. 51—53), но так как Бланки был арестован версальцами, то их оставалось 92. На самом деле избрано было на 6 человек меньше (86), так как некоторые были избраны одновременно в двух и трех округах (Арну — в 4-м и 8-м, Варлен — в 6-м, 12-м и 17-м, Делеклюз — в 11-м и 19-м, Тейс — в 12-м и 18-м, Флуранс — в 19-м и 20-м, Бланки — в 18-м и 20-м). Но поскольку Серрайе еще не знал об этом, ему казалось, что избрано 92 человека. Из этих 86 членов Коммуны членами Интернационала состояли 28 человек, бланкистов было 20 и социалистов других групп 15, а всего 63 социалиста, т. е. больше, чем полагал Серрайе, на 3 человека. См. краткие биографии деятелей

У Малона Елизавета Лукинична познакомилась с известной передовой писательницей Андре Лео. Муж Андре Лео, Де-Шансе, был республиканцем и сотрудничал вместе с утопическим социалистом Пьером Леру в редакции журнала «Ревю социаль» («Социальное обозрение»). Вместе с мужем она прожила восемь лет в изгнании в Швейцарии, имела двух сыновей — близнецов Андре и Лео, и, когда ее муж умер в 1863 г., стала писать романы, избрав литературным псевдонимом имена своих детей.

Елизавета Лукинична слышала об Андре Лео еще в России и читала некоторые ее романы и сочувственные отзывы о них Д. И. Писарева и П. Н. Ткачева. Тогда же она слышала и о переписке Андре Лео с петербургским кружком А. П. Философовой и М. В. Трубниковой, ратовавшим за высшее женское образование в России.¹⁸¹ Елизавета Лукинична, вероятно, знала также, что в женевском органе Интернационала «Эгалитэ», когда он еще был в руках Бакунина, было напечатано в начале 1869 г. «исповедание веры» Андре Лео политического характера, очень умеренное, после чего Бакунин обозвал ее «буржуазной социалисткой» и заявил, что она не будет сотрудницей его газеты.¹⁸²

В 1869 г. Андре Лео вместе с Марией Дерем, Ноэми Реклю, Луизой Мишель и другими передовыми французскими женщинами основала «Общество борьбы за право женщин» и газету «Право женщин».¹⁸³

В начале 1870 г. Андре Лео вступила в члены Интернационала и от его имени написала 1 мая 1870 г. письмо протеста, когда Малон был арестован.¹⁸⁴

После революции 4 сентября 1870 г. Андре Лео приняла активное участие в работе народных клубов, выступая по вопросам эмансипации женщин и других социальных реформ. 18 сентября она вместе с Луизой Мишель была послана участниками демонстрации в осажденный Страсбург.¹⁸⁵ Позднее она с Малоном руководила Коммуны 1871 г.: Протоколы Парижской Коммуны 1871 г., т. 2. М., 1960, стр. 401—422.

¹⁸¹ Об Андре Лео см.: G. G u i l l a i m e. L'Internationale, t. II, стр. 167, примеч. 1; D e l i o r i. Les membres de la Commune. Paris, 1871, стр. 374. О романах Андре Лео Д. И. Писарев писал в №№ 1 и 2 «Отечественных записок» за 1868 г., а П. Н. Ткачев — в №№ 4 и 5 «Дела» за 1868 г. О переписке Андре Лео с А. П. Философовой и М. В. Трубниковой см.: Е. Писарева. Памяти А. П. Философовой. СПб., 1912, стр. 28. См. также: А. И. Молок. Андре Лео. «Под знаменем марксизма», 1928, № 6.

¹⁸² Egalite, 1869, 27 Mars, № 10. См. об этом также: M. V a k o u n i n e, Oeuvres, t. V. Paris, 1911, стр. 25—36.

¹⁸³ См. об этом: Бар он де В и л ь е. Женские клубы и легионы амазонок. М., 1912, стр. 390.

¹⁸⁴ См. это письмо: O. T e s t u. L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe, t. I. Paris, 1872, стр. 291.

¹⁸⁵ См.: О. Неустроева. Жизнь Луизы Мишель. М.—Л., 1929, стр. 31—32.

дила газетой секции Интернационала - "Республика трудящихся», выходящей с 10 января 1871 г., но вскоре из-за

отсутствия средств это издание прекратилось.

После избрания в Совет коммуны большинства членов-социалистов

Андре Лео решила выпускать газету «Ля Сосиаль» («Социальная республика»), которая и выходила ежедневно вечерам с 31 марта при сотрудничестве ее приятельницы Анны Шаклар. Елизавету Лукиничну Андре Лео и Малон также пригласили пригласить участие в этой газете. Из их рассказов об общем положении Коммуны Елизавета Лукинична сделала заключение, что «в Париже дела идут хорошо».

Елизавета Лукинична сообщила Малону и Андре Лео, что хотела бы работать по объединению работниц Парижа в единый активный союз, «чтобы оказать Коммуне ценную помощь и создать точку опоры для освобождения женщин».¹⁸⁹ Малон обещал связать

¹⁸⁶ См.- Les seances officielles de l'Internationale a Paris, стр. 46, w O газете «Ля Сосиаль» см.: F. M a i l l a r d. Histoire des journaux publies a Paris pendant le siege et sous la Commune. Paris, 1871 стр. 1в3—186; V a r e r e a u. Dictionnaire universel des contemporains. 4-e ed, Paris, 187 J, supplements de L. Gamier, стр. 99 и 116.

¹⁸⁸ Эта фраза из письма Г. Юнга Марксу от 30 марта 1871 г., где Юнг пишет: «судя по письму» Дмитриевой.

¹⁸⁹ Фраза из сообщения Малона о деятельности Дмитриевой во время Коммуны в его книге о Коммуне, написанной им сразу же после ее падения (см.: V. M a l o n. La troisieme defaite du proletariat francais, стр. 274—279). Это сообщение Малона вместе с письмом Дмитриевой к Юнгу от 24 апреля 1871 г., которое будет приведено дальше, является важнейшим источником для характеристики деятельности Дмитриевой во время Коммуны 1871 г., а потому мы приведем его полностью: «Молодая русская, которая подписывалась «Элиза Дмитриева», принялась за работу. Под влиянием великой революционной традиции Парижа и страстной преданности народному делу она хотела объединить в активную Лигу работниц Парижа, чтобы оказать Коммуне ценную помощь и создать точку опоры для освобождения женщин. Она начала с объединения нескольких женщин с прекрасным сердцем, среди них гражданки Лемель, одной из основательниц общества переплетчиков и переплетчиц Парижа И временной секретарши одного из потребительских обществ, основанных Варленом. Маленький комитет решил основать клубы женщин. Эти клубы имели успех. Комитет принял название „Центрального комитета союза женщин“. Пропагандисты все умножались: днем они выступали в собраниях, затем вечером в своих клубах и члены примыкали к ним толпами. Они открывали клубы и в кварталах подвергавшихся бомбардировке, и в других, и толпа валела к ним постоянно

«Вскоре основано было 20 комитетов по 11 членов во всех 20 округах Парижа, и они были сгруппированы федеративно вокруг Центрального комитета засаженного в мэрии 10-го округа.

«Призывая к преданности делу революции и настаивая в Коммуне чтобы им дали оружие и опасные посты, они пропагандировали социальные идеи Интернационала, образовывали ячейки обществ работниц и ихсиндикальные мер и домогались основания международной федерации работниц Ж и ж О * не пренебрегали и настоящим Они г.т.,-,,,,,,о раии ниц Парижа. (ни

требовали только оружия "тобы ой г Г п Т т п шш И т все м «ТМ» о т р я д ы г р а ж д а н о в ы - которые сражений посылали отряды cTZ Z T T п шш И т все м «ТМ» нх. Вскоре все походные госпитал, Гк ели т м ? " в " п е р е в а з ы м ы е р а н е т в р у к а х р е в о л ю ц и о н е р о в - ф е д е р а ц и о н н ы х д л я с е М а л о н п р и в о д и т н а п и с а н н о е Д м и т р

ать Елизавету Лукиничну с популярной в рабочей среде учительницей Натальей Лемель, членом Интернационала с 1866 г., и с некоторыми другими деятельницами из работниц.

В тот же день вечером Елизавета Лукинична с оказией написала в Лондон секретарю Генерального Совета Герману Юнгу краткое письмо. Она сообщила о своем благополучном прибытии в Париж, об избрании Малона в Коммуну, о его первоначальных ошибках и об общем положении дел в Париже. Кланялась «всем своим друзьям и приятельницам», разумея под ними членов Генерального Совета и дочерей Маркса, и просила инструкций.¹⁹⁰ В спешке она забыла написать Юнгу свой адрес.¹⁹¹

Елизавета Лукинична энергично приступила к работе по объединению парижских работниц.

Некоторая работа по объединению женщин Парижа до Елизаветы Лукиничны, еще во время первой осады города, была проведена учительницей Луизой Мишель, пламенной республиканкой, пользовавшейся огромной популярностью среди рабочих 18-го Монмартрского округа. Осенью 1870 г. она основала Республиканский комитет бдительности гражданок 18-го округа, была избрана его председательницей и делала попытки объединения с женскими

риевой воззвание ЦК Союза женщин «К гражданкам Парижа» (см. ниже, стр. 84—85).

¹⁹⁰ О том, что Дмитриева просила инструкций, можно догадаться из слов Юнга, что ему «нужно ей написать». Если бы письмо Дмитриевой содержало одну информацию, без просьбы об инструкциях, то Юнг мог бы, не отвечая, ждать следующего письма.

¹⁹¹ Приводим полностью текст письма Юнга к Марксу с выдержкой из письма Дмитриевой, причем, как указано выше, мы исправляем его датировку (30 марта вместо 29-го) и транскрипцию — «Томановская» вместо «Тумановская»:

«Дорогой Маркс!

«Я только что получил письмо от г-жи Томановской, которая благополучно приехала в Париж; Серрайе прибыл в Париж вчера утром. Г-жа Томановская пишет очень мало, опасаясь, по-видимому, что ее письмо может попасть в руки врагов. Малон, очевидно, в Париже, но, кажется, он действовал если и не против Центрального комитета, то и не вместе с ним (далее в этом по-английски написанном письме идет цитата из письма Дмитриевой на французском языке в кавычках, — И. К.-В.). Малон избран в Коммуну, но он принял участие в ней, не поняв ситуации, и — несмотря на свою крайнюю честность — в движении муниципалитетов против Центрального комитета (здесь слово «в ней» является лишним, так как получается, что он принял участие в Коммуне; между тем если мы выбросим «в ней», то «принял участие» будет относиться к движению муниципалитетов», — И. К.-В.).

«Судя по письму, в Париже дела идут хорошо, но я жду оттуда более подробных известий. Однако г-жа Томановская не дает мне адреса, а мне нужно ей написать. Не можете ли Вы дать мне какой-либо адрес в Париже, по которому я мог бы посылать письма? Она кланяется всем своим друзьям и приятельницам. Весь Ваш Г. Юнг».

комитетами других округов Парижа, созывая их делегаток «во имя спасения отечества» на собрания комитета 18-го округа.¹⁹²

Но вскоре Луиза Мишель увлеклась стрельбой, стремясь стать искусным стрелком, и приняла участие в восстании 22 января 1871 г. вместе с 101-м батальоном национальной гвардии. В составе 61-го батальона национальной гвардии она одной из первых приняла участие в революции 18 марта.¹⁹³ Работа по объединению женщин ею была заброшена, но по отдельным округам еще продолжалась без ее участия. Так, в женском комитете бдительности 18-го округа секретарем президиума являлась Анна Васильевна Корвин-Круковская (Жаклар), товарищ Елизаветы Лукиничны по Русской секции Интернационала в Женеве.¹⁹⁴ В 17-м рабочем округе, Батиньоле, в президиуме женского наблюдательного комитета работала Андре Лео.¹⁹⁵

Это давало Елизавете Лукиничне уверенность, что она встретит содействие в своей работе со стороны наблюдательных комитетов. Она основала Комитет женщин в помещении секции Интернационала Гобелен в 5-м округе, на улице Аррас, в доме 3.

С первых же дней работы Елизаветы Лукиничны по объединению парижских работниц выявилась необходимость использовать их прежде всего для оказания помощи Коммуне в начавшейся гражданской войне с Версалем.

Елизавета Лукинична уже знала со слов Маркса, что вожди ЦК национальной гвардии совершили величайшую ошибку 18 марта, допустив, чтобы правительство Тьера с войсками бежало в Версаль. Теперь она узнала на этот счет некоторые подробности. Вожди ЦК назначили выборы в Коммуну, благодушно полагая, «что когда муниципальное самоуправление коммун прочно установится, то и свободы, которые из него вытекают, обеспечат порядок, взаимное доверие и, следовательно, новую эру мира и всеобщего благоденствия».¹⁹⁶ А в это самое время, пользуясь передышкой, Тьер добился разрешения немецкого командования сконцентрировать вокруг Парижа войска в количестве, превышающем 40 тысяч, т. е. больше того, что предусматривалось предварительным

¹⁹² См. объявление о созыве собрания делегаток всех республиканских женских комитетов Парижа за подписью Луизы Мишель в газете Бланки «Отечество в опасности»: «La Patrie en danger», 1870, 20 Octobre, № 40.

¹⁹³ См. об этом в моей статье «Героиня коммуны (Луиза Мишель)» («Новости искусства, литературы и науки», приложение к журналу «Красная панорама», 1928, № 3, стр. 5—6).

¹⁹⁴ О работе А. В. Жаклар в президиуме женского комитета бдительности 18-го округа см. дальше, стр. 181.

¹⁹⁵ О работе Андре Лео среди женщин 17-го округа упоминает Малон, см.: В. М а I о п. La troisieme defaite du proletariat francais, стр. 274.

¹⁹⁶ Слова из письма члена ЦК национальной гвардии и члена Коммуны Варлена к начальнику 35-го батальона национальной гвардии в Нейи. написанного в 5 часов вечера 28 марта 1871 г. Письмо хранится в Институте марксизма-ленинизма. Напечатано в моем введении к I тому «Избранных сочинений на социально-политические темы» П. Л. Лаврова (М., 1934, стр. 67).

мирным соглашением. Он пополнил версальскую армию национальными гвардейцами из других городов, пропущенными через оккупированную немцами территорию, а также солдатами, отпущенными из прусского плена Бисмарком. Составив армию в 130 тысяч, Тьер изолировал ее от населения, поднял в ней дисциплину, установив непрерывный надзор офицеров над солдатами, и настроил ее против революционного Парижа, рисуя последний как скопище «грабителей» и «поджигателей», «пытающихся на развалинах несчастной страны создать царство лени, разврата, разбоя и убийств».¹⁹⁷

После этого Тьер начал гражданскую войну, которую вожди Коммуны полагали возможным предотвратить.

2 апреля утром неожиданно из Версаля сделали вылазку против Парижа три бригады из войск Тьера. Артиллерийским огнем они заставили национальных гвардейцев Коммуны очистить городки близ Парижа — Курбвуа и Пюто и мост у Нейи, убили 12 человек и несколько взяли в плен, причем пять пленных расстреляли.¹⁹⁸

Эта вылазка версальцев страшно возмутила всех парижан, которые не понимали неизбежности гражданской войны, не ожидали, что Тьер реорганизует и увеличит свою армию, и питались иллюзией, что солдаты Тьера, если их пошлют против Парижа, перейдут на его сторону. Большинство членов Коммуны разделяли эти иллюзии, только немногие из них понимали, что военная борьба с Версалем — дело нешуточное.

И вот на рассвете 3 апреля шесть тысяч коммунаров выступили против Версаля, не подготовившись к походу как следует и имея во главе начальников, мало понимающих в военном деле. Они сразу же попали под истребительный огонь занятого версальцами форта Мон-Валерьен, о котором предполагали, полагаясь на честное слово его начальника, что он стрелять не будет. В течение 3 и 4 апреля они потерпели большое поражение, многих потеряли убитыми, в том числе членов Коммуны Дюваля и Флуранса, и вернулись совершенно деморализованными.

В эти дни впервые батальон из трехсот женщин, с красным знаменем во главе, двинулся к ратуше и «потребовал, чтобы им дали возможность идти против врага».¹⁹⁹

Елизавета Лукинична, естественно, вынуждена была обратить всю свою энергию на военные дела.

4 апреля многие женщины на возвышенности Шатильона участвовали в перестрелке с версальцами. Другие женщины перевязывали

Слова из прокламации тьеровского генерала Дюкро к Шербургскому гарнизону, направленной против парижских коммунаров. См.: Луи Дю-Рейль. Коммуна 1871 г. Пгр., 1920, стр. 193.

См.: Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871 г. СПб., 1906, " «Ч...» «Первый набросок „Гражданской войны во Франции» Маркса: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 375.

Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871 г., стр. 149—152.

вали раны коммунарам. Своим бесстрашием перед лицом смерти они поддерживали мужество коммунаров. О храбрости и преданности одной из них, оставшейся в живых, — Маргариты Генде, по мужу Лашез, перевязывавшей раненых весь день во время сражения 3 апреля, не обращая внимания на выстрелы артиллерии, рассказали национальные гвардейцы 66-го батальона в «Официальной газете» Коммуны от 9 апреля (под рассказом более 70 подписей).

Только теперь некоторые вожди Коммуны поняли, что началась гражданская война. 5 апреля ЦК национальной гвардии выпустил воззвание к населению Парижа, в котором писал: «Рабочие, не обманывайтесь! Идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством. Если вы устали кончать в невежестве и прозябать в нищете; если вы хотите, чтобы ваши дети сделались людьми, пользующимися плодами своего труда, а не животными, выдрессированными для мастерской и для казармы, которые создают своим потом богатство эксплуататоров и Проливают свою кровь для какого-нибудь деспота; если вы не хотите, чтобы ваши дочери, лишённые необходимого надзора и воспитания, становились орудием наслаждения в руках денежной аристократии; если вы не хотите, чтобы разврат и нужда толкали мужчин в ряды полиции, а женщин к проституции; если вы хотите, наконец, царства справедливости, будьте смелы, рабочие, восстаньте, и пусть ваши сильные руки низвергнут презренную реакцию».²⁰⁰

Чтобы это воззвание проникло в массы и помогло им яснее понять исторические задачи пролетариата и задачи текущей борьбы с Версалем, надо было начать энергичную агитацию в массах. Такую агитацию, по свидетельству М. П. Сажина,²⁰¹ Елизавета Лукинична вела ежевечерне в рабочих клубах. Одаренная от природы блестящим ораторским талантом и хорошо зная историю революционного движения в России и за границей, она говорила страстно и увлекательно и в то же время ясно и убедительно.

Каждый вечер Елизавета Лукинична выступала в клубных собраниях, а днем занималась работой по привлечению членов и по организации в 20 округах Парижа отделений Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Имелась в виду охватывающая весь Париж организация работниц для борьбы с версальцами на баррикадах, для помощи раненым во время сражений и для обслуживания бойцов походными кухнями. Во время вечерних собраний в клубах производились сборы деньгами и натурой в пользу Союза женщин.

Вместе с несколькими наиболее энергичными работницами Елизаветой Лукиничной был выработан устав Союза женщин по

²⁰⁰ См.: А. И. Молок. Парижская Коммуна в документах и материалах (хрестоматия). Л.—М., 1925, стр. 256—257.

²⁰¹ Об этом бакунист М. П. Сажин (Росс) рассказал мне при личном свидании с ним 6 апреля 1928 г., причем тогда же этот рассказ был мною записан.

образцу Устава Интернационала. Вскоре во всех 20 округах Парижа было основано 160 комитетов работниц по 11 членов в каждом.

4

Первой прокламацией, написанной Елизаветой Лукиничной, была афиша, расклеенная по всему Парижу 7 апреля 1871 г. под заглавием «К гражданкам Парижа» и напечатанная в «Официальной газете» Парижской Коммуны 11 апреля.²⁰²

Эта афиша появилась на следующий день после того, как 6 апреля во враждебной Коммуне буржуазной парижской газете «Клош» («Колокол»), выходящей, кроме обыкновенного, и в миниатюрном издании, предназначавшемся для провинции, было напечатано «от имени всех матерей» письмо некоей «вдовы Ришар», протестовавшей против декрета делегата при военном ведомстве Коммуны генерала Кюзере об обязательной службе в боевых батальонах национальной гвардии всех холостых мужчин от 17 до 35 лет.²⁰³

Елизавета Лукинична была очень плохого мнения о генерале Кюзере и даже предупреждала против него Малона.²⁰⁴ Отметим, что и Маркс писал о Кюзере: «это — легкомысленный, поверхностный, навязчивый, хвастливый малый».²⁰⁵ Но утверждённый Коммуной приказ Кюзере об усилении боевых батальонов для борьбы с Версалем Елизавета Лукинична не могла не поддержать, тем более что в реакционной газете против него протестовала буржуазная женщина «от имени всех матерей».

Вместе с тем, в виду того что Исполнительная комиссия Коммуны выпустила 6 апреля воззвание к департаментам,²⁰⁶ в котором говорилось, что Коммуна не ставит себе целью создание диктатуры пролетариата, а хочет ограничиться завоеванием коммунальных вольностей и упрочением республики, Елизавета Лукинична в своем воззвании подчеркнула, что задача в том, чтобы «покончить со старым миром». Она решила рассказать и о том, что «не одна Франция теперь поднимается» и что «дыханием революции» опалены также Германия и Россия. Закончила она воззвание страстным призывом к борьбе на баррикадах.

²⁰² См.: Черная книга Парижской Коммуны. СПб., 1871, стр. 308—310. Что эту афишу составила Е. Л. Дмитриева, видно из ее письма к Г. Юнгу от 24 апреля 1871 г. (см. стр. 90—92).

²⁰³ О газете «Клош» см.: F. M a i l l a r d. Histoire de journaux publics a Paris pendant le siege et sous la Commune, стр. 86—87. О том, что афиша Дмитриевой была вызвана письмом «вдовы Ришар», указано в «Черной книге Парижской Коммуны» (стр. 308—310).

См. ее письмо к Юнгу от 24 апреля 1871 г. (см. стр. 90—92).

См. письмо Маркса к З. Мейеру и А. Фохту от 9 апреля 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 46.

См.: А. И. Молок. Парижская Коммуна в документах и материалах, стр. 389—390.

Мы приводим текст этой прокламации, дающей яркое представление о том, насколько Елизавета Лукинична была подлинной выразительницей нужд и настроений парижского пролетариата:

«К гражданкам Парижа!

«Париж подвергнут блокаде. Париж подвергнут бомбардировке. . . Гражданки, где наши дети, наши братья и наши мужья? Слышите ли вы рев пушек и священный призывный звон тревоги?

«К оружию! Отечество в опасности!

«Чужеземец ли предпринял опять нашествие на Францию? Легионы ли объединившихся европейских тиранов убивают наших братьев, надеясь уничтожить вместе с великим городом даже память о бессмертных победах, которые куплены в течение целого столетия нашей кровью и которые люди называют свободой, равенством и братством?

«Нет, эти враги, эти убийцы народа и свободы — французы!..

«Это братоубийственное безумие, овладевшее Францией, эта борьба насмерть — конечный акт вечного антагонизма между правом и силой, трудом и эксплуатацией, народом и его палачами. . .

«Наши враги — это привилегированные существующего социального строя, все те, которые всегда жили нашим потом и жили нашей нуждой. . .

«Они видели, как народ восстал, восклицая: „Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей. . . Мы хотим труда, но чтобы самим пользоваться его плодами. . . Не надо эксплуататоров, не надо хозяев. . . Труд и благосостояние для всех, самоуправление народа, Коммуна, жить и работать свободно или умереть в борьбе!“.

«И вот страх предстать пред народным судом побудил наших врагов к величайшему преступлению — гражданской войне.

«Гражданки Парижа, потомки женщин Великой революции, которые во имя народа и справедливости отправились в Версаль и привели пленного Людовика XVI, мы, матери, жены и сестры французского народа, допустим ли, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец пошел против сына и брат против брата, чтобы они убивали друг друга на наших глазах для прихоти наших притеснителей, которые желают уничтожить Париж после того, как они предали его иностранцам?

«Гражданки, настал решительный час! Надо покончить со старым миром! Мы хотим быть свободными! И не одна Франция теперь поднимается, глаза всех цивилизованных народов направлены на Париж, они ждут нашей победы, чтобы в свою очередь освободиться. Даже Германия, королевские армии которой опустошали наше отечество, обрекая на смерть его демократические и социальные стремления, — даже она потрясена и опалена дыханием революции. Вот уже шесть месяцев, как она на осадном положении, а ее рабочие депутаты в тюрьме. Даже в России, едва гибнут защитники свободы, как на их место появляется новое поколение,

готовое в свою очередь бороться и умереть за республику и социальное переустройство.

«Ирландия и Польша умирают лишь для того, чтобы возродиться с новой энергией; Испания и Италия нашли утраченную мощь, чтобы присоединиться к международной борьбе; в Англии вся народная масса пролетаризирована и живет одной заработной платой и делается революционной по своему социальному положению; в Австрии правительство вынуждено подавлять одновременно восстание самой страны и славянских княжеств. Не указывает ли это постоянное столкновение между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века увлажняемое потоками крови, принесло, наконец, свои плоды?

«Гражданки, перчатка брошена, надо победить или умереть. Пусть матери, женщины, говорящие себе: „что мне в торжестве нашего дела, если я должна потерять тех, кого люблю“, — пусть они убедятся, что единственное средство спасти тех, кто им дорог, — мужа, поддерживающего их, или дитя, в котором они видят всю свою надежду, — это принять деятельное участие в завязавшейся борьбе, чтобы прекратить навсегда эту братоубийственную борьбу, которая может кончиться только торжеством народа или возобновиться в ближайшем будущем.

«Горе матерям, если народ будет еще раз побежден! Их сыновья заплатят за поражение, ибо участь наших братьев и мужей уже решена и реакция разгуляется во всю. . . Милосердия мы не хотим, — ни мы, ни наши враги. . .

«Гражданки, примем решение объединиться, поможем нашему делу! Будем готовы к защите и к мести за наших братьев! К воротам Парижа, на баррикады, в предместья — все равно куда! Будем готовы в нужный момент помочь им! Если негодяи, расстреливающие пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, тем лучше! Крик ужаса и негодование Франции и всего мира закончат то, что мы начали. И если оружие и штыки разобраны нашими братьями, у нас останутся еще булыжники с мостовой, чтобы сразить ими изменников. . . Группа гражданок».²⁰⁷

Воззвание это ясно показывает, что Елизавета Лукинична как агитатор умела ставить себя самое на место рабочей массы, умела мыслить ее мыслями и чувствовать ее чувствами. Для дела Коммуны она готова была пожертвовать жизнью.

²⁰⁷ Воззвание «К гражданкам Парижа» напечатано в моем переводе в статье о Е. Л. Дмитриевой «Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Томановская («Елизавета Дмитриева»)» («Летописи марксизма», 1928, № 7—8, стр. 67—68). В то время я еще не знал о ее письме к Юнгу от 24 апреля 1871 г., из коего видно, что она является автором этого воззвания. Фельетон Н. Щербаня «С перепутья» («Голос», 1871, № 114) указывает, что воззвание было расклеено в виде афиши с подписями Дмитриевой и нескольких парижских рабочих.

Через два дня после того, как была расклеена афиша от имени «Группы гражданок», 9 апреля, было созвано Елизаветой Лукиничной первое организационное собрание Центрального комитета Союза женщин из представительниц всех 20 округов Парижа.

К этому времени Союз женщин имел уже в каждом из 20 округов Парижа свои комитеты или секретариаты; в среднем в каждом округе было по 8 местных комитетов. Всего активных комитетов было 160, а членов Союза более 1800; а так как по уставу Союза в каждом комитете должно было быть 11 членов, то большинство членов (1760) состояли членами комитетов. С каждым публичным собранием число членов Союза увеличивалось.

Из текста афиши, призывавшей женщин собраться 9 апреля, видно, что Центральный комитет Союза женщин перенес свое местопребывание на улицу Монастыря Нотр-Дам, дом 14, в центр города (в 4-м округе), и установил постоянное дежурство на улице Эколь, дом 8 (в 5-м округе).

На собрании был прочитан (вероятно, самой Елизаветой Лукиничной) общий отчет Центрального комитета, затем сделаны доклады от комитетов всех округов Парижа. По программе собрания предполагались также «различные предложения и дискуссии», прежде всего по вопросу об «организации публичных собраний социальной коммуны» (см. текст афиши в Приложениях, I).

На этом же собрании было постановлено обратиться к Исполнительной комиссии Совета Коммуны с адресом, в котором указывалось, что большое число женщин решило «в случае вступления врага в ворота Парижа сражаться и победить или умереть в бою». Адрес заканчивался просьбой предоставить женским комитетам, во-первых, помещения во всех округах для их постоянных заседаний и для публичных собраний и, во-вторых, право печатать за счет Коммуны циркуляры, афиши и извещения комитетов (см. текст адреса в Приложениях, II).

Второе публичное собрание ЦК всех женских комитетов Парижа было созвано в четверг, 13 апреля, в 8 часов вечера, в мэрии 3-го округа, на улице Тамплль (см. Приложения, III). На этом собрании впервые было принято название — Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым и обсужден проект устава Союза, предложенный Елизаветой Лукиничной. Союз был ею задуман как широкая пролетарская организация, основанная на строгом централизме, но это был централизм демократический.

На третьем публичном собрании, 17 апреля, окончательно был обсужден и принят устав Союза женщин.

Устав был разработан очень подробно. В нем четко выяснены круг вопросов, находившихся в ведении женских комитетов окру-

гов и Центрального женского комитета, состав комитетов, способы отчетности, порядок управления, регламент публичных собраний, цели расходования денежных средств, их источники и т. п. (см. текст устава в Приложениях, IV).

Публичные собрания Союза созывались довольно часто (в мае чуть не ежедневно) и каждый раз в другом округе. Благодаря их большой посещаемости (по 3—4 тысячи женщин) они давали возможность быстро увеличивать число членов Союза и собирать в пользу его значительные суммы. 14 мая состоялось уже 24-е публичное собрание Союза.²⁰⁸

Союз женщин имел среди работниц большой успех, несмотря на то что какая-то другая организация, по-видимому буржуазная, пыталась вплоть до 23 апреля воздействовать на рабочие организации Парижа, чтобы побудить их пойти на примирение с Версалем.²⁰⁹

Нет никакого сомнения, что большому успеху Союза содействовала главным образом энергичная деятельность Елизаветы Лукиничны. Малон, как мы видели выше, называет ее главным организатором Союза женщин. О том же свидетельствуют секретарь русского посольства в Париже Обресков в своем донесении начальнику III отделения графу Шувалову и французская парламентская комиссия, производившая расследование в связи с восстанием 18 марта 1871 г. после его подавления. Последняя приводит в приложении к показанию полковника Гайяра доклад члена 4-го военного совета — капитана Бриэ, полагавшего, что все женщины, обслуживавшие национальную гвардию во времена Коммуны, «рекрутировались комитетами бдительности, организованными в каждом округе Парижа и получавшими инструкции от

²⁰⁸ Объявление о 24-м публичном собрании Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым напечатано в газете «Кри дю пепл» («Крик народа») от 14 мая 1871 г. Вообще объявления о публичных собраниях Союза женщин печатались преимущественно в этой газете, хотя и здесь большей частью с запозданием, после уже состоявшихся собраний. Собрания созывались, по-видимому, с помощью печатных афиш, а объявления в газеты посылались на всякий случай. Возможно, что были собрания и после 14 мая, но сведения о них уже не попали в газеты; афиши также не сохранились.

²⁰⁹ Об этом свидетельствует следующее анонимное воззвание в газете Рошфора «Мо д Ордр» № 60 от 24 апреля, озаглавленное «Рабочим ассоциациям»: «Рабочие и их друзья, которые не могли быть приглашены на первое собрание, имевшее целью установление предварительных условий примирения для подготовки и обеспечения конца войны, если это возможно, настоятельно приглашаются на второе собрание, которое состоится в воскресенье 23 апреля в 2 часа на улице Аррас, 3, чтобы содействовать начатому делу. Это содействие — братский долг, от которого, может быть, зависит восстановление мира». Это воззвание, не упоминаемое ни одним из Историков Коммуны (воззвания о первом собрании я, к сожалению, не нашел), ясно говорит о том, что соглашательские иллюзии Держались у некоторых групп коммунаров очень долго. Характерно, что второе собрание созвано на улице Аррас, в доме 3, где было помещение секции Интернационала Гобелен. По-видимому, инициаторы собрания имели связи с членами Интернационала.

ЦК Союза женщин, заседавшего в мэрии 10-го округа под председательством м-ль Дмитриевой».²¹⁰

Это подтверждает в своем показании парламентской следственной комиссии и Барраль де Монто, сын крупного мануфактуриста с юга и полковник штаба 7-го округа в войсках Коммуны, являвшийся шпионол* Тьера. Он говорит: «Г-жа Дмитриева. . . держала в своих руках Комитет женщин, имевший в каждом округе могущественное бюро, основанное под предлогом ухода за ранеными. Комитет был под руководством одной Дмитриевой и работал только для Интернационала».²¹¹

6

Елизавета Лукинична не забывала также о поручении Маркса информировать Генеральный Совет о событиях Коммуны.

В первые же дни после приезда ее в Париж реакционеры распространили слух, будто французских интернационалистов в Париже сагитировал Маркс, который «заставляет их бастовать, чтобы поднять заработную плату и облегчить немцам конкуренцию».

Еще до 18 марта реакционная газета «Пари-Журналь» напечатала статью «Великий вождь Интернационала», где говорилось, что Маркс — пруссак, живущий в Берлине, и что он якобы писал Серраи, что единственная цель Интернационала — это организация труда, и выражал недовольство тем, что французские рабочие дезорганизуют труд, собираясь бунтовать. А 14 марта газета «Пари-Журналь» опубликовала полностью это мнимое письмо Маркса с датой от 24 февраля 1871 г. Маркс знал про это письмо и писал по этому поводу опровержение в газетах.⁰¹⁹

В начале апреля 1871 г. французские реакционные газеты распространяли сведения, что Маркс «был в 1857 г. личным секретарем графа Бисмарка и никогда не порывал сношений со своим бывшим патроном».²

Эти слухи, распускавшиеся реакционерами, доказывали, что они давали себе ясный отчет о роли Маркса в Интернационале и были заинтересованы в том, чтобы ввести в заблуждение рабочих Парижа.

²¹⁰ См.: Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 Mars. Paris, 1872, стр. 549, стлб. 1. Здесь неправильно смешиваются женские комитеты бдительности, существовавшие во всех округах Парижа, но не имевшие центрального объединения, и женские комитеты защиты Парижа, объединенные ЦК.

²¹¹ Там же, стр. 289, стлб. 2.

²¹² См. письмо О. Серраи к жене от 30 марта 1871 г.: Письма деятелей I Интернационала в Дни Коммуны 1871 г., стр. 21.

²¹³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 17, стр. 301, 304.

²¹⁴ См. об этом в письме Маркса к В. Либкнехту от 10 апреля 1871 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 104.

Не зная, что Марксу все эти фальшивки известны, Елизавета Лукинична считала необходимым предупредить его о них. Но из-за блокады Парижа было очень трудно снести с Марксом. Елизавета Лукинична знала, что писать через почту невозможно, так как все письма из Франции в Лондон перехватывались агентами Тьера. Можно было использовать только такие случаи, как поездка какого-нибудь неизвестного шпионам Тьера лица, чтобы поручить ему опустить письмо в почтовый ящик в зоне, занимаемой пруссаками, или вне Франции, или в самом Лондоне. Но и в этом случае можно было опасаться, что данное лицо будет обыскано на границе и письмо будет у него отнято. В начале апреля Елизавете Лукиничне удалось поручить кому-то отправить из города Кале телеграмму на адрес секретаря Генерального Совета Германа Юнга, содержавшего мастерскую часов в Лондоне. Так как Елизавета Лукинична была уверена, что агенты Тьера не могли знать о роли скромного часовщика Юнга в Генеральном Совете, то она полагала, что адрес его вполне надежен. Спустя несколько дней ей удалось через другого случайного путешественника в Лондон отправить Юнгу письмо.²¹⁵

Затем много дней подряд Елизавета Лукинична не могла найти никого, кто бы собирался в Лондон. По счастью, к ней явился редактор газеты из Базеля, привезший ей письмо от Н. И. Утина. Редактор этот собирался поехать в Лондон 25 апреля. И хотя Елизавета Лукинична опасалась, не будет ли этот редактор обыскан на границе, она рискнула послать через него Юнгу новое письмо, которое она написала 24 апреля.

Так как это письмо дает яркое представление о том, что Елизавета Лукинична делала во время Коммуны и какие вопросы сильнее всего ее волновали, мы приводим его полностью:²¹⁶

²¹⁵ О посылке телеграммы из Кале и письма из Парижа упоминает сама Елизавета Лукинична в своем письме к Г. Юнгу от 24 апреля 1871 г., которое цитируется дальше. Письмо Дмитриевой из Парижа от начала апреля — это как раз то письмо, по поводу которого ее имя упоминалось на заседании Генерального Совета 18 апреля. О последнем факте сообщается в статье Н. М. Лукина «Протоколы Генерального Совета Интернационала как источник для истории Парижской Коммуны» (сб. «Парижская коммуна», Партиздат, М., 1932).

²¹⁶ Письмо написано по-французски и только одна фраза в нем по-английски. Фотография этого письма была выставлена в музее Института Маркса—Энгельса в 1929 г., причем было ошибочно указано, что это — письмо Дмитриевой к Марксу. Письмо было мной переведено и использовано в моей статье «Карл Маркс и Елизавета Дмитриева» («Каторга и ссылка», 1933, № 3). Лишь спустя несколько месяцев, когда вышли «Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г.», где это письмо напечатано в качестве адресованного Г. Юнгу (стр. 38—40), я понял, что предыдущее указание об адресате этого письма было неправильно. Однако работники ИМЭЛ в книге «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности», выпущенной ими в 1934 г., на стр. 292 цитируют это письмо Дмитриевой не по своему переводу с правильным адресатом, а по Моему с неправильным, снова вводя в заблуждение читателей, будто Дмитриева писала Марксу, а не Юнгу.

«Дорогой господин!

«Переписываться по почте невозможно, сообщение прервано, все попадает в руки версальцев. Серрайе, который только что избран в Коммуну²¹⁷ и который чувствует себя хорошо, отправил семь писем из Сен-Дени,²¹⁸ но они, по-видимому, не получены в Лондоне. Я Вам послала телеграмму из Кале и письмо из Парижа, но с тех пор, несмотря на все мои розыски и расспросы, я не могла найти никого, кто бы собирался в Лондон. Как это может быть, что Вы остаетесь там в бездельности, когда Париж может погибнуть от этого! Надо во что бы то ни стало поднять провинцию, чтобы она пришла нам на помощь! Парижское население сражается героически (отчасти), но мы никак не ожидали, что окажемся покинутыми, как теперь. До сих пор мы повсюду сохраняем свои позиции. Домбровский дерется хорошо,²¹⁹ и Париж действительно революционно настроен. В продовольствии нет недостатка.

«Вы знаете, что я пессимистка и никогда не вижу ничего в радужном свете. Я жду смерти в ближайшие дни на баррикаде. Ждут общего нападения версальцев. Я лично думаю, что все зависит от случая.

«Я очень больна, у меня бронхит и лихорадка. Я работаю много, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я устраиваю публичные собрания. Мы учредили во всех округах женские комитеты в самих мэриях и, кроме того, Центральный комитет — все это

В самом конце письма Дмитриевой два слова не были мной разобраны на фотографии письма; они не были разобраны и в том русском переводе письма, который был выставлен тогда же в Музее ИМЭЛ. В «Письмах деятелей I Интернационала» указано, что эти два слова — «Серрайе Оггоста». В остальном перевод дается в том виде, как он был напечатан в журнале «Каторга и ссылка», но с пропуском некоторых моих примечаний к нему.

В письме, как видно из его фотокопии, говорится о манифесте к крестьянам: «Я думаю, что он и совсем не написан, несмотря на то, что... (здесь французский инициал, который я принял за «L», — *И. К.-В.*) и я могли сказать». В «Письмах деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г.» инициал заменен словом «Серрайе» совершенно неправильно, так как из писем Серрайе в дни Коммуны видно, что он был очень далек от мысли о необходимости получить поддержку Коммуне от провинции и от крестьян. В книге «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны» (М., 1941) инициал принят за «J» и имя «Серрайе» заменено именем «Жаклар» (стр. 193), причем из указателя имен видно, что разумеется Виктор Жаклар, но я полагаю, что если инициал действительно «J», то он обозначает не Виктора, а Анну Жаклар, которая была дружна с Елизаветой Лукиничной еще в Женеве и которая, как издательница газеты «Ля Сосналь» (вместе с Андре Лео), была в курсе этого вопроса. Анна Жаклар, о которой, как мы указали выше, Лафарг писал Марксу, могла быть известна Юнгу, как член Русской секции, тогда как Андре Лео вряд ли была известна Юнгу. Таким образом, свое первоначальное предположение, что инициал надо читать как «L» (т. е. «Лео Андре»), я отбрасываю.

²¹⁷ Он был избран в Коммуну 16 апреля во 2-м округе.

²¹⁸ Предместье Парижа.

²¹⁹ Речь идет о генерале Ярославе Домбровском, польском революционере, принявшем активное участие в организации защиты Коммуны от версальцев в качестве коменданта укрепленного района.

целью организовать Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными. Мы вступаем в сношения с правительством,²²⁰ я думаю, что дело наладится, но сколько потерянного времени, и какого труда мне это стоило! Мне приходится говорить каждый вечер, много писать,²²¹ и болезнь моя ухудшается. Если Коммуна восторжествует, наша организация из политической превратится в социальную, мы образуем международные секции.

«Идея социализма в общем легко прививается. Та международная пропаганда, которую веду я, доказывая, что все страны, а также и Германия, находятся накануне своей социальной революции,²²² эта пропаганда имеет большой успех у женщин. У нас на собраниях бывает от трех до четырех тысяч женщин. Несчастье в том, что я больна, и меня некому заменить. Дела Коммуны идут хорошо, только вначале было сделано много ошибок. Ключере был назначен 15—20 дней назад, несмотря на всю нашу пропаганду,²²³ но Малон уже рвет на себе волосы, что не послушал меня. На днях Ключере будет арестован.²²⁴

«Манифест к крестьянам не был составлен вовремя. Я думаю, что он и совсем не написан, несмотря на то, что Жаклар²²⁵ и я могли сказать о его необходимости. Центральный комитет не сложил сразу своих полномочий, произошел ряд историй (столкновений), которые ослабили партии. Но до сих пор все организуется более прочно. Я думаю, что делается все, что возможно.

«Я не могу говорить слишком много из боязни, что прекрасные глаза господина Тьера посмотрят эти строки, так как еще неизвестно, придут ли благополучно в Лондон податель этих строк, швейцарский редактор из Базеля, который привез мне известия от Утина. Я совсем без денег. Если Вы получили мои деньги, постарайтесь мне их послать с кем-нибудь, но не почтой, так как иначе они не дойдут.

²²⁰ Здесь имеется в виду составление адреса Исполнительной комиссии Коммуны, приведенного выше, и переговоры Союза женщин с Комиссией труда и обмена Коммуны об организации женского труда и женских рабочих союзов.

²²¹ Имеются в виду прокламации «К гражданкам Парижа», устав Союза женщин, а также, может быть, и статьи в газете «Ля Сосналь», которая редактировалась Андре Лео и А. В. Жаклар при ближайшем руководстве Малона и большинство статей в которой не имеет подписей.

²²² Эта мысль была развита в прокламации «К гражданкам Парижа», и из настоящей фразы ясно, что автором этой прокламации являлась Елизавета Лукинична.

²²³ Генерал Ключере 3 апреля был назначен вместе с генералом-бланкистом Эдом делегатом в военное ведомство Коммуны, а с 4 апреля, после гибели Эда, оставался один на этом посту. 16 апреля он был избран в члены Коммуны, а 27 апреля — в члены Исполнительной комиссии.

²²⁴ Последняя фраза написана на английском языке. Действительно, 30 апреля Исполнительная комиссия постановила отрешить Ключере от должности, арестовать его и предать суду за небрежное исполнение обязанностей, граничащее с изменой.

²²⁵ Имеется в виду Анна Жаклар.

«Как Вы поживаете? Я думаю о вас всех, когда имею на это время, что, впрочем, бывает редко. Жму руку Вам, Вашей семье и г-дам Марксам. Что подельывает Женни?»²²⁶ Если бы положение в Париже не было таким критическим, как оно есть, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь. Здесь столько дела. Лиза.

«Я вижу мало Малона и Серрайе Огюста. Каждый из нас сильно занят».

7

Письмо это свидетельствует о самоотверженной деятельности Елизаветы Лукиничны в дни Коммуны. «Я жду смерти в ближайшие дни на баррикаде», — пишет она о себе, и это не фраза. Н. И. Утин сообщает о ней Марксу 17 апреля 1871 г.: «Мы очень боимся, как бы отвага и энтузиазм Томановской не привели ее к гибели, а эта утрата была бы исключительно тяжелой. . . Ведь нас и без того мало, чтобы служить общему делу в России».

Затем письмо это свидетельствует о многосторонности деятельности Елизаветы Лукиничны во время Коммуны и о глубококом ее понимании всей серьезности борьбы между Коммуной и Версалем. Елизавета Лукинична, очевидно, знала, что к тому времени, когда она писала письмо (24 апреля), восстания в Лионе, Сент-Этьене, Крезе, Нарбонне, Марселе, Тулузе и Лиможе были подавлены. Она полагала, однако, что необходимо на помощь Парижу «во что бы то ни стало поднять провинцию», и призывала к этому Генеральный Совет. Конечно, это прекрасно понимал с самого начала Коммуны и Генеральный Совет, что доказывает письмо Г. Юнга к Марксу от 2 апреля 1871 г. Убедившись по газетам, что целый ряд членов Интернационала из провинции находятся в Париже и занимают ответственные посты в Коммуне, Юнг пишет: «Я скорблю о безумии наших товарищей, которые с какой-то торопливостью бегут в Париж, чтобы воспользоваться плодами революции, прежде чем обеспечить ей успех. . . Разве они не были бы более полезны у себя, в своих городах, и разве они не сделали бы гораздо больше для успеха революции, выполняя свой долг там?».²²⁸

Юнг не знал, что Гэд в Монпелье, Дюме в Крезе и другие не рвались в Париж, а оставались на местах, ведя энергичную агитацию за поддержку революционного Парижа. Лафарг, приехавший в Париж из Бордо 6 апреля 1871 г., по настоянию Коммуны вернулся в Бордо через 3 дня, чтобы поднять там восстание.

Из письма Елизаветы Лукиничны Юнгу видно также, что она прекрасно понимала важность поддержки Коммуны крестьянами и приветствовала обращение к ним Парижской Коммуны со спе-

²²⁶ Дочь Маркса.

²² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 48.

²²⁸ Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 24.

циальным манифестом.²²⁹ Елизавета Лукинична отмечает, что вместе с Анной Жаклар она говорила об этом вопросе членам Коммуны. Можно думать, что они вместе с Малоном обсуждали планы двух статей в газете «Коммуна» (от 9 и 10 апреля 1871 г.), которые Андре Лео напечатала под заглавием «Франция с нами». В этих статьях развита мысль о привлечении симпатий крестьян к Коммуне путем уменьшения налогов, создания кредитных учреждений и освобождения крестьян от «чудовишной дани, выплачиваемой ими капиталу». Во второй статье Андре Лео было помещено и воззвание к крестьянам. Но правительство Коммуны отнеслось к этому вопросу так пренебрежительно, что только 3 мая разбросало с аэростатов по деревням отдельную листовку «К труженикам деревень» за подписью «Труженики Парижа». Тогда же это воззвание было напечатано в нескольких газетах (однако не в «Официальной газете» Коммуны).

Пренебрежительное отношение правительства Коммуны к крестьянскому вопросу, взгляд некоторых его членов на крестьян как на сплошную реакционную массу (такой взгляд развил, например, член Коммуны и член Интернационала Ж.-Б. Клеман в статье «Негодяи из Баньоле»²³⁰), конечно, тоже были вызваны политической незрелостью парижского пролетариата, обусловленной невысоким уровнем капиталистического развития Франции в 1871 г. Коммуна не понимала всей важности немедленного привлечения на свою сторону крестьянства.

Если мы сравним это единственное дошедшее до нас письмо Елизаветы Лукиничны с четырьмя дошедшими до нас письмами за тот же период времени, написанными Серрайе, мы придем к заключению, что классовый характер Коммуны был понят Елизаветой Лукиничной гораздо глубже, чем Серрайе. Последний простодушно полагал, что «никогда Париж не был так спокоен и единодушен в борьбе за свои права. . . самой прочной опорой Коммуны является буржуазия. . . Тьер вместе с Бисмарком не сумеют разгромить Париж. . . Париж ведет борьбу, не рассчитывая на помощь провинции».²³¹ У Елизаветы Лукиничны не было подобных иллюзий. Она ждала смерти на баррикаде. Она считала положение Парижа настолько «критическим», что не желала приезда в Париж дочери Маркса — Женни.

Но и Елизавета Лукинична не видела всех ошибок Коммуны, не понимала значения отсутствия единого партийного руководства, что делало неизбежной гибель Коммуны.

²²⁹ Еще в сентябре 1870 г. в № 6/7 «Народного дела», вышедшем сейчас же после революции 4 сентября 1870 г. во Франции, была напечатана статья о необходимости привлечь сельские массы Франции на сторону городского пролетариата.

²³⁰ J. B. Clement. Les croquants de Bagnole. «Le cri du peuple», 1871, 3 Mai.

²³¹ См. письма О. Серрайе, особенно от 12 и 15 апреля: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 29—35.

Ошибалась Елизавета Лукинична и в том, что упрекала Генеральный Совет в бездеятельности. Мы знаем, напротив, что Генеральный Совет в лице Маркса был очень озабочен помощью Коммуне. Но большинство членов Коммуны, принадлежавших к Интернационалу, игнорировали указания Маркса и не желали слушаться его советов. Из членов Коммуны обращались к Марксу за советами только Франкель, Варлен и Серрайе.²³² Как только Франкель был назначен в члены Комиссии труда и обмена, — он 30 марта писал Марксу, прося сообщить по конспиративному адресу, какие социальные реформы надо провести в жизнь. Серрайе, работавший в той же комиссии еще до своего избрания в члены Коммуны, 15 апреля просил Маркса составить для этой комиссии проект об ипотечках. Наконец, 25 апреля Франкель вторично писал Марксу, прося его совета о реформах, которые надо провести в Департаменте общественных работ Коммуны.²³³

Но Комиссия труда и обмена была лишь одной из десяти комиссий Коммуны, а мы не знаем почти ни одного случая обращения к Марксу кого-либо из руководителей остальных девяти комиссий. Особенно знаменательно, что Маркса игнорировала Исполнительная комиссия Коммуны, в которой состояли инженер и врач Вайян и рабочий-литейщик Дюваль, лично известные Марксу давнишние члены Интернационала и вожди Парижского федерального совета.²³⁴ Дюваль был расстрелян версальцами, будучи взят ими в плен 4 апреля, но Вайян работал в Коммуне все время до ее падения и притом был членом комиссии по разработке программы Коммуны, а потому должен был бы, казалось, вспомнить о Марксе.

Варлен писал Марксу только один раз около 11 мая, вместе с Франкелем, по поводу документов, компрометирующих министров Тьера.²³⁵

Маркс жалуется в письме к Франкелю, что ему нужны точные сведения от Парижского федерального совета для воззвания по поводу Коммуны, но сведений нет: «Тщетно! Ни слова!».²³⁶

²³² Автор предисловия к «Письмам деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г.» утверждает, что деятели Коммуны послали Марксу «десять писем» (стр. 9). Это утверждение неверно, так как Маркс и Дюпон жаловались на отсутствие известий о Коммуне и упрекали своих корреспондентов.

²³³ См. указанные здесь письма в «Письмах деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г.» (стр. 31 и 40).

²³⁴ О Дювале Маркс пишет в «Гражданской войне во Франции»: «наш храбрый друг, генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда и следствия» (см.: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 31).

²³⁵ Письмо до нас не дошло, но о его содержании можно догадываться по черновику ответа Маркса Л. Франкелю и Л.-Э. Варлену от 13 мая 1871 г. (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 265).

²³⁶ См. письмо Маркса к Л. Франкелю от 26 апреля 1871 г. относительно О. Серрайе: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 112. Письмо это работниками ИМЭЛ датировано неправильно, так как ответ Франкелю Марксу по поводу письма последнего о Серрайе датирован 25 апреля. Значит, письмо Маркса могло быть написано не позднее 24 апреля.

Член Генерального Совета Э. Дюпон тоже пишет о «неизвестности, в которой нас держит Коммуна».²³⁷

Марксу приходилось самому изыскивать средства, чтобы получить о Коммуне какие-нибудь сведения. Для этого Маркс использовал участника Баденского восстания 1849 г. и делегата Генерального Совета в Париже с 1865 г. Виктора Шили, которого он считал одним «из самых дельных, смелых и надежных членов партии», т. е. Интернационала,²³⁸ а также бывшего секретаря Гейне Рейнгардта, немецкого эмигранта в Париже.²³⁹

В дни Коммуны Маркс получает от своих доверенных лиц в Париже информацию, преимущественно устную, через одного немецкого купца, который в течение всего года разъезжал между Парижем и Лондоном, а потому не мог вызвать подозрения.²⁴⁰ Через этого немецкого купца, которому Маркс вполне доверял, он давал советы членам Коммуны не только по тем вопросам, по которым они ему писали, но и по вопросам обороны Парижа и по другим, о чем можно догадаться из письма Маркса к Бизли от 12 июня 1871 г.: «Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил им Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов (правительства) национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен».²⁴¹

Но члены Коммуны не следовали советам Маркса. Северную (прусскую) сторону высот Монмартра они не укрепили, членов Коммуны Пиа, Груссе и Везинье от руководства не устранили, компрометирующие членов правительства Тьера бумаги прислали Марксу поздно.²⁴²

Марксу приходилось довольствоваться тем, что он написал несколько сот писем во все концы света, где существовали секции Интернационала, чтобы разъяснить истинный характер Коммуны и вызвать демонстрации в ее пользу, и поместил несколько со-

²³⁷ См. конец письма Э. Дюпона к Марксу от мая 1871 г.: Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 45.

²³⁸ Отзыв Маркса о В. Шили см. в письме Маркса к Ф.-А. Зорге от 1 сентября 1870 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 70—71. См. также письмо В. Шили к Марксу от 29 апреля 1871 г., где говорится о Л. Франкеле, о непрочности Коммуны и о разоблачении Жюль

2м /i деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 42.
" письмо Р. Рейнгардта к Марксу от 1 мая 1871 г.: Письма деятелей
10^е "ионала в Д" Коммуны 1871 г. стр. 52—53.
" "ЭТЯМ сам" Маркс рассказывает в письме к Э.-С. Бизли от 12 июня

"т-с" Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 266.
1 ам же.

²⁴² Об этих бумагах Маркс пишет Франкелю и Варлену 13 мая 1871 г.

чувственных заметок о Коммуне в английских буржуазных газетах.²⁴³

Маркс не щадил ни своих сил, ни времени для защиты Коммуны, хотя с самого начала не верил в ее победу из-за того, что она не произвела своевременного нападения на Версаль, не заняла Французского банка и дала Тьеру время сосредоточить войска и столкнуться с Бисмарком для борьбы против Коммуны.²⁴¹ Но Маркс считал, как видно из письма его Кугельману от 17 апреля 1871 г., что сдача коммунаров без борьбы означала бы деморализацию рабочего класса и «была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа „вожаков“. Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван».

Маркс в письме к Кугельману от 12 апреля восхищался «попыткой наших геройских парижских товарищей. . . не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее. . . Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма».²⁴²

8

Необходимость борьбы революционного Парижа с Версалем была понята Елизаветой Лукиничной очень глубоко.

²⁴³ Об этом говорит сам Маркс в письме к Френкелю и Варлену от 13 мая 1871 г.

²⁴⁴ См. об этом в письмах Маркса к В. Либкнехту от 6 апреля 1871 г. и к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 262. Бисмарк уже 21 марта 1871 г. сделал предложение Тьеру об оказании ему помощи для подавления восстания в Париже. Прусская осадная артиллерия получила приказ возвращаться назад к Парижу (см. телеграмму русского посла в Берлине от 9(21) марта 1871 г. в кн.: Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г. М.—Л., 1933, стр. 67). О необходимости захвата Французского банка Маркс говорит в письме к Ф. Домела-Нивенгейсу от 22 февраля 1881 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 344). Из письма жены Маркса к Кугельману от 18 апреля 1871 г. можно видеть, что уже в это время для Маркса не было сомнения в окончательной победе Тьера над Парижем благодаря егоговору с Бисмарком насчет возвращения пленных (Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г., стр. 37—38). 12 мая жена Маркса писала Кугельману: «Мы стоим накануне второй июньской бойни» (там же, стр. 44; имеется в виду июньская бойня 1848 г.).

²⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 264.

²⁴⁶ Там же, стр. 263.

В начале мая несколько женщин за подписью «Группа гражданок» расклеили по Парижу афишу-прокламацию, в которой призывали к примирению с Версалем, умоляя версальцев и коммунаров сложить оружие «во имя родины, во имя чести, во имя гуманности».²⁴⁷

В ответ на эту афишу руководимый Елизаветой Лукиничной Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым обратился 5 мая к парижанам с воззванием, где выразил свое глубокое возмущение и решительный протест «против недостойной прокламации. . . анонимной группы реакционерок», просящих мира у версальских «гносных убийц», и высказал готовность непримиримо бороться во имя «полного социального возрождения» наравне с рабочими (см. Приложения, V).

Если мы сравним эту прокламацию с приведенным выше письмом Маркса к Кугельману от 12 апреля 1871 г., особенно те места, где говорится о шести месяцах страданий парижан во время осады, вызванных изменой правительства, и о том, что знамя Парижа — знамя будущего, мы убедимся, что Союз женщин и возглавлявшую его Елизавету Лукиничну во время Коммуны волновали те же чувства и мысли, которые волновали Маркса.

Прокламация Союза женщин против реакционерок имела огромный успех. После ее расклейки афиши реакционной «группы гражданок», умолявшей о примирении, срывались женщинами со стен и топтались ногами при общем одобрении прохожих, что было отмечено в печати.²⁴⁸

Для более успешной борьбы с Версалем Елизавета Лукинична добивалась создания профессиональной организации работниц.

Еще в начале 20-х чисел апреля она вступила в сношение с Комиссией труда и обмена, во главе которой стоял Франкель (намек на это имеется в уже приведенном письме Елизаветы Лукиничны к Юнгу от 24 апреля). Франкель сначала имел в виду создание единой организации рабочих и работниц. Дело это подвигалось у него очень медленно, так как большая часть рабочих была занята обороной Парижа. Вопрос об организации помощи безработным женщинам Франкель поднял на заседании Совета Коммуны только 6 мая, предлагая создать раздаточные пункты для доставления работы женщинам на дом с частичным использованием для этого около 10 миллионов франков, предназначенных Финансовой комиссией Коммуны на выкуп заложенных в ломбарде вещей бедняков.²⁴⁹

Вряд ли такое предложение могло удовлетворить работниц, так как при отсутствии норм выработки в разных отраслях жен-

²⁴⁷ Афиша эта напечатана в сборнике афиш: *Murailles politiques francaises*, t. II. Paris, 1874, стр. 433. Была расклеена 3 мая 1871 г.

²⁴⁸ См. статью Камиллы Биаз о прокламациях Союза женщин в газете «Ванжер» («Мститель») от 16 мая 1871 г.

²⁴⁹ См. «Официальную газету» Коммуны от 7 мая 1871 г.

ского труда раздача работы на дом неизбежно оспромождалась бы произволом раздатчиков и эксплуатацией ими работниц. По-видимому, предложение Френкеля не было осуществлено, так как дальнейших сведений о нем мы не нашли.

Чтобы побудить Комиссию труда и обмена действовать более энергично, Союз женщин созвал 10 мая днем в мэрии 10-го округа собрание наиболее квалифицированных работниц по вопросу об ускорении организации труда женщин.²⁵⁰

15 мая было созвано общее делегатское собрание рабочих синдикатов Парижа, и на это собрание были приглашены и делегатки от работниц: прачки, швеи, модистки, работницы, занятые обработкой страусовых перьев и выделкой искусственных цветов, и т. п.²⁵¹

В тот же день все дело по организации профессиональных союзов женщин было передано в руки Исполнительной комиссии ЦК Союза женщин. Последняя через два дня расклеила по Парижу афишу под заглавием «Воззвание к работницам», в которой пригласила всех парижских работниц на собрание 17 мая для избрания делегаток в синдикальные камеры, а затем делегаток от синдикальных камер в Федеральную камеру работниц (см. Приложения, VI).

На собрании 17 мая были выделены делегатки от каждой отрасли женского труда для образования профессиональных союзов (синдикальных камер) и их объединения (Федеральной камеры). Эта работа была проделана делегатками в течение трех дней, после чего на 21 мая²⁵² было созвано окончательное собрание для профессиональной организации работниц (см. афишу в Приложениях, VII). Но это окончательное собрание по профессиональной организации работниц не могло состояться, так как в воскресенье, 21 мая, в 3 часа дня отряд версальских войск вступил в Париж через ворота Сен-Клу, которые, как сообщил версальцам один из шпионов Тьера, никем не охранялись в этот момент.

Естественно, что и Елизавете Лукиничне, и всему Союзу женщин было не до вопросов организации труда женщин. Все ринулись на баррикады.

22 мая утром в «Официальной газете» Коммуны была напечатана прокламация военного делегата Делеклюза, призывавшая всех к оружию. Совет Коммуны разослал всех своих членов по округам для руководства их защитой, и Елизавете Лукиничне пришлось сражаться в 17-м округе — Батиньоле, где она жила около бульвара Сент-Уэн.²⁵² Под командой ее и Луизы Мишель

батальон женщин, сражавшийся в Батиньоле, «обнаружил чудеса храбрости».²⁵³

Э. Лиссагарэ в своей книге «Восемь дней мая» рассказывает о том же отряде под командой Елизаветы Лукиничны и Луизы Мишель, отошедшем к Монмартру. Имени Елизаветы Лукиничны Лиссагарэ не называет, говоря о «госпоже X»: «высокая и статная. . . поразительно красивая, она, улыбаясь, поддерживала Франкеля, кровь которого стекала на ее элегантное платье». По этому описанию видно, что речь идет о Елизавете Лукиничне. Далее Лиссагарэ добавляет: «Вот уже много дней, как она отдала всю свою энергию борьбе на баррикадах, ухаживая за ранеными, находя в своем великодушном сердце невероятные силы».

Когда округ Батиньоле был взят версальцами, на рассвете 23 мая началось жестокое сражение с ними под руководством Малона и Жаклара на Монмартре, в 18-м округе, где на вершине находились пушки коммунаров. Но пушки эти молчали, большинство их оказались испорченными, так как среди артиллеристов были предатели. И к двум часам дня Монмартр был тоже взят версальцами.

Социалист Луи Баррон, служивший в штабе Коммуны, рассказывает в своем дневнике под датой «вторник 23 мая»: «На рассвете отряд женщин-воительниц, с ружьями на перевязи или на плече, с красными кокардами на головных уборах, заливатски сдвинутых набок, появляется для защиты здания районного муниципалитета. Во главе их, как их предводитель, выступает княжна (?) Дмитриева. Ее длинные волосы развеваются по ветру, на груди красный шарф. Нежным и громким голосом она возглашает: „В то время, как наши братья идут сражаться на баррикадах, мы требуем чести охранять народный муниципалитет: мы будем его защищать до последней капли крови“».²⁵⁶

Упоминает о Дмитриевой — «русской, хорошо известной революционером», сражавшейся на баррикадах Монмартра, «при повороте на улице Лепик», — и член Коммуны Лефрансе, сам сражавшийся на Монмартре.²⁵⁷

По упоминанию об улице Лепик и по описанию наружности Елизаветы Лукиничны, хотя имя ее и не называется, можно убедиться, что именно о ней рассказывает и другой коммунарь — национальный гвардеец Сюттер-Ломан в своей «Истории национального гвардейца»: «На улице Аббатства. . . я вижу толпу женщин

²⁵³ См.: Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 г. ГИЗ, Пгр., 1920, стр. 223.

²⁵⁴ E. L i s s a g a r é . Les huit jours du Mai. Bruxelles, 1871, стр. 115.

См.: Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 г., стр. 222—223.

Louis Barron. Sous le drapeau rouge. Paris, 1889, стр. 178—179.

²⁵⁷ Г. Лефрансе. Воспоминания коммунара. ГИЗ, Л., 1925, стр. 125. Лефрансе говорит о сражении на баррикадах Монмартра 22 мая, но это очевидная ошибка, так как на Монмартре сражались с рассвета 23 мая, а 22 мая сражение шло в Батиньоле.

²⁶⁰ См. заметку о собрании в «Ля Сосиаль» от 11 мая 1871 г.

²⁵¹ См. «Официальную газету» Коммуны от 10 мая 1871 г.

²⁵² Такой приблизительный адрес дает М. П. Сажин, который жил в Париже во время Коммуны и заходил к Елизавете Лукиничне утром 22 мая (М. П. С а ж и н. Воспоминания, стр. 77).

с ружьями на плече, с пороховницами на боку, с высоко поднятыми юбками. Они кричат: „Да здравствует Коммуна!“. Одна из них держит красное знамя, которым она лихорадочно машет. Этими женщинами, числом до 20, командует очень красивая девушка, брюнетка, с вьющимися волосами. Она высока, стройна, хорошо сложена и носит бодро на кончике уха тирольскую фетровую шляпу, украшенную длинным петушиным пером и багровой кокардой. Отряд направляется к улице Лепик».²⁵⁸

После падения Монмартра борьба с версальцами продолжалась в 9-м и 10-м округах. В 9-м округе, на площади Бланш, храбро сражался батальон женщин под командой Луизы Мишель и Елизаветы Лукиничны. «Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня».²⁵⁹

О сражении Елизаветы Лукиничны на площади Бланш рядом с Натальей Лемель, Мальвиной Пулен, Бланш Лефевр и Экскофон (членами ЦК или окружных комитетов Союза женщин) упоминает в своих воспоминаниях о Коммуне и Луиза Мишель.²⁶⁰

О борьбе Дмитриевой на баррикадах в 10-м округе пишет в своем донесении начальнику III отделения графу Шувалову и секретарь русского посольства Обресков: «Я знал, что эта опасная женщина, русская подданная, уже давно бросилась в социалистическое движение, что она интересовалась бесконечно больше действиями Коммуны, чем ранеными своего походного госпиталя, и что она принимала активное участие в беспорядочных манифестациях ей подобных в ратуше. Она организовала в мэрии 10-го округа Центральный женский комитет, имевший целью содействие защите Парижа, и можно было предвидеть, что она сыграет заметную роль в конечном периоде восстания. Действительно, 23 мая, когда армия атаковала этот квартал, Елизавету Дмитриеву видели за баррикадами, она воодушевляла федератов к сопротивлению, раздавала им амуницию и сама стреляла, стоя во главе около пятидесяти мегер. Считаю достоверным, что она активно содействовала словом и делом пожарам, обездолившим Париж».²⁶¹

Хотя никто, кроме царского слуги Обрескова, не упоминает о содействии Елизаветы Лукиничны «пожарам, обездолившим

²⁵⁸ Su l l e r - L a u m a n n. Histoire d'un trente-sous (1870—1871). Paris, 1891, стр. 304.

²⁵⁹ См.: Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 г., стр. 223—224.

²⁶⁰ Луиза Мишель. Коммуна. Изд. «Октябрь», Тверь, 1923, стр. 200.

²⁶¹ Донесение Обрескова написано по-французски и имеет дату 24 июня (6 июля) 1871 г. Оно является дополнением к пересланной Обресковым III отделению еще раньше, 30 апреля (12 мая), печатной прокламации Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым, где подпись «Елизавета Дмитриева» подчеркнута красным карандашом. Оба донесения хранятся теперь в ЦГИАМ. Они были мне предоставлены в копии историком П. Е. Щеголевым.

Париж», можно думать, что Обресков в этом пункте не ошибается.

Как и Маркс, защитники Коммуны считали, что «на войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. Здания, занятые неприятелем, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами предают их огню, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, оказавшихся во время сражения перед фронтом какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. .. Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман специально приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, применяли гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны».²⁶²

Что поджог зданий входил в план борьбы коммунаров Парижа, видно из устава Союза женщин (глава II, статья 14, пункт «в»; см. Приложения, IV). Пункт этот предполагает «покупку керосина и оружия для гражданок, которые захотят сражаться на баррикадах».

История не поставила Коммуне в вину тот факт, что она защищалась между прочим и с помощью пожаров. Нельзя в этом обвинять и одну из защитниц Коммуны — Елизавету Лукиничну.

Историк Коммуны Лиссагарэ сравнивает ее с Теруань де-Мерикур, предводительствовавшей 10 августа 1792 г. толпой женщин и рабочих во время Великой французской революции.²⁶³

Среди выдающихся женщин Парижской Коммуны Елизавета Лукинична занимает одно из первых мест. Ей надо было обладать большим моральным авторитетом борца и талантом организатора, чтобы занять руководящее место среди работниц Парижа. Последних особенно привлекало в ней то, что она, будучи выходцем из буржуазной среды, выступала на стороне рабочих.

VII. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КОММУНЫ. БЕГСТВО В ЖЕНЕВУ. КОНЕЦ РУССКОЙ СЕКЦИИ (29 МАЯ - ОКТЯБРЬ 1871 г.)

Активная деятельность в дни Коммуны Елизаветы Лукиничны, подписавшей ряд воззваний ЦК Союза женщин была отмечена русской печатью. В умеренно либеральной петербургской газете «Голос», которая, конечно, выступала против Коммуны специальный корреспондент газеты Н. В. Щербань писал о Ели-

²⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 17, стр. 362—

²⁶³ Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871 г., стр. 244.

²⁶⁴ Об этом свидетельствует передовая статья «1 олоса» гт 18 (30) марта 1871 г., после провозглашения Коммуны.

завете Дмитриевой в двух своих фельетонах «С перепутья». Издательский характер последних виден уже в части оглавления первого: «Опрометчивая россиянка, или Здравый смысл, приносимый в закляние на жертвеннике Коммуны».

Отмечая, что Дмитриева — «членша» ЦК женских комитетов Парижа, Щербань далее спрашивает: какое дело ей, иностранке, до сопротивления Версало парижских работниц, вместе с которыми она подписала воззвание, призывающее к мести Версалу? Он не допускает, чтобы Дмитриева могла искренне примкнуть к борьбе парижских работниц.²⁶⁵ Из этого фельетона видно, что Щербань не подозревал, что Елизавета Лукинична возглавляет все женские комитеты парижских работниц. Он считал ее только одним из членов ЦК Союза женщин.

В следующем фельетоне Щербань издевается над одной из майских прокламаций ЦК Союза женщин, подписанной Елизаветой Лукиничной и призывающей парижских работниц на собрание для их профессиональной организации.²⁶⁶

Деятельность Елизаветы Дмитриевой заинтересовала и царское правительство. По запросу III отделения секретарь русского посольства в Париже Обресков представил ему 24 июня (6 июля) 1871 г. цитировавшееся уже выше донесение, в котором руководящая роль Елизаветы Лукиничны в ЦК Союза женщин и в борьбе на баррикадах выяснена вполне точно. Но агенты русского посольства в Париже не знали настоящей фамилии Елизаветы Дмитриевой и сумели проследить ее борьбу на баррикадах Парижа только до 23 мая включительно.

В конце своего донесения Обресков пишет: «Какова судьба этой сумасшедшей? Казнили ли ее среди других, не установив ее личности? Перевезли ли ее в Версаль и оттуда в какой-нибудь морской порт под ложным именем, выдуманным ею самой? До сих пор невозможно было узнать что-либо на этот счет».

Царское правительство послало в Париж специального агента III отделения для отыскания следов Елизаветы Дмитриевой. Имеется ложное донесение такого агента от 20 октября—2 ноября

²⁶⁵ См. VII фельетон Щербаня «С перепутья» («Голос», 1871, 26 апреля (8 мая), № 114), присланный из Бордо и датированный 21 апреля (3 мая). Так как здесь говорится о прокламации «группы гражданок», призывавшей к сопротивлению Версалу, причем упоминаются и подписи работниц и Елизаветы Дмитриевой, между тем как этих подписей нет в этом же воззвании, напечатанном у Малона и в «Официальной газете» Коммуны от 11 апреля 1871 г., то приходится думать, что эти подписи имелись на афишах с данным воззванием, которые видел Щербань. Этот фельетон был перепечатан в сокращенном виде в журнале «Современная летопись» (1871, 3 (15) мая, № 12), составлявшем воскресное приложение к реакционной газете «Московские ведомости».

²⁶⁶ Н. Щербань. С перепутья. XIII здесь по ошибке вместо XII, что видно из предыдущего и следующего фельетонов. «Голос», 1871, 2 (14) июня, № 151 (фельетон помечен 26 мая (7 июня) 1871 г.),

1871 г.: «Елизавета Дмитриева, председательница женского комитета Коммуны, присуждена к ссылке в крепости».²⁶⁷

В действительности же Елизавете Лукиничне удалось скрыться в самом Париже, а затем вместе с Франкелем под видом знатной дамы ускользнуть из Парижа.

В конце июня 1871 г. она уже смогла переправиться в Женеву. 2 июля 1871 г. Юнг пишет Марксу, что «вчера» получил телеграмму из Женевы с сообщением о благополучном прибытии туда «Элизы Т.» (т. е. Е. Л. Томановской).²⁶⁸ Насколько велика была радость товарищей по поводу спасения Елизаветы Лукиничны от мести версальцев, можно судить по письму секретаря Романского федерального совета Интернационала в Женеве Анри Перре из Женевы в Лондон к Юнгу от 4 июля 1871 г.: «Отрадное известие— наша дорогая сестра Элиза спасена; она покинула Париж, минуя, всякого рода препятствия, под градом снарядов и пуль. Это — чудо, что она спаслась; она у нас в Женеве, и мы охраняем ее с величайшей заботливостью. Ей удалось с несколькими друзьями и подругами ускользнуть от этой ужасной бойни».²⁶⁹ В другом письме к Юнгу, от 23 июля 1871 г., Перре пишет: «Наша дорогая Элиза под угрозой ареста, но мы охраняем ее».²⁷⁰

В Швейцарии Елизавете Лукиничне грозил арест, если бы местные власти выполнили требование министра иностранных дел Франции об аресте бежавших коммунаров.

О продолжительности пребывания Елизаветы Лукиничны в Женеве мы можем судить по следующим данным. В конце письма к Г. Юнгу от 14 августа 1871 г. Маркс пишет: «Прилагаю несколько строк для г-жи Томановской» (они не сохранились).²⁷¹ Член Коммуны Эд. Вайян пишет из Лондона 25 августа И.-Ф. Беккеру, находившемуся тогда в Женеве: «Недавно я прочел у гр-на Юнга письмо г-жи Дмитриевой, которая вспоминает обо мне; если Вы ее увидите, передайте, пожалуйста, мой дружеский привет».²⁷² 28 октября 1871 г. Н. И. Утин извещает Маркса, что Елизавета Лукинична уже уехала из Женевы и что дочь его Женни может сообщить ему новости о ней.²⁷³

Отъезд Елизаветы Лукиничны из Женевы объясняется тем, что благодаря пребыванию ее там среди беглецов Коммуны, за которыми следили шпионы, могло быть раскрыто ее настоящее имя агентами III отделения, да и деятельность бежавших в Женеву парижских коммунаров не могла ей нравиться.

Это донесение (на французском языке) III отделению было мне также передано в копии П. Е. Щеголевым.

См.: Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. М., 1941, стр. 209.

²⁶⁷ Там же, стр. 209—210.

²⁶⁸ Там же, стр. 222.

²⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 141.

²⁷² См.: Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны, стр. т.

²⁷³ См.: «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 7.

Оппозиционные настроения по отношению к Марксу, проявившиеся некоторыми вождями Интернационала в Париже до и во время Коммуны, под влиянием агитации бакунистов снова возродились, несмотря на то что Маркс навсегда обессмертил дело Коммуны своим произведением «Гражданская война во Франции 1871 г.» и потратил немало сил для того, чтобы помочь побегам уцелевших коммунаров, доставал для них паспорта и деньги, а затем приискивал им работу.

Некоторые из коммунаров отнеслись враждебно к решениям, принятым против бакунистов на закрытой конференции Интернационала в Лондоне, происходившей между 17 и 23 сентября 1871 г. Конференция подчеркнула необходимость политической борьбы, создания рабочей политической партии, осудила всякого рода сектантские организации и расширила права Генерального Совета. На этой конференции по предложению Маркса была избрана комиссия для расследования вопроса о бакунинском Альянсе и о расколе секций Интернационала в Швейцарии и предложено последним объединиться. Утину, участвовавшему в конференции, поручено было прислать Генеральному Совету для опубликования краткие сведения о нечаевском процессе. Генеральному Совету вменялось в обязанность опубликовать тем временем заявление, опровергающее все сообщения о связи между Нечаевым и Интернационалом.²⁷⁴

Все эти решения закрытой конференции стали известны женеvским эмигрантам-коммунарам через участника конференции — бакуниста Поля Робена.

Бежавшие в Женеву Малон и Андре Лео стали во главе эмигрантов-коммунаров, агитировавших против Генерального Совета. С октября 1871 г. они начали издавать в Женеве еженедельник «Социальная революция», в котором полемизировали с Генеральным Советом в таких же выражениях, как это делала реакционная «Женевская газета».²⁷⁵

Елизавета Лукинична, которая высоко ценила Маркса и Генеральный Совет и знала об ошибках вождей Коммуны, в том числе и Малона, об ошибках, в конечном счете погубивших Коммуну, не могла не отнестись отрицательно к агитации против Маркса. С другой стороны, ее не радовали дела и в Русской секции.

За время ее отсутствия в Русской секции в Женеве произошло следующее. Еще в феврале 1871 г. Утин получил письмо Елиза-

²⁷⁴ См.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 301—304.

²⁷⁵ На это указывает Маркс в своем письме к Ф. Больте от 23 ноября 1871 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 269—271) и в «Мнимых расколах в Интернационале» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 18).

веты Лукиничны из Лондона по вопросу о приеме в Интернационал секции Альянса. Письмо гласило, что женевский Альянс действительно был принят Генеральным Советом в Интернационал как секция 27 июля 1869 г.²⁷⁶ Но Утин решил использовать это письмо по-своему.

В начале марта 1871 г. состоялось общее собрание женевских секций Интернационала, на котором секретарь Альянса Н. И. Жуковский представил в доказательство принятия Альянса в Интернационал два письма за подписью членов Генерального Совета Эккариуса и Юнга: одно от 28 июля 1869 г. о единогласном принятии в Интернационал секции Альянса Генеральным Советом и другое, от 25 августа 1869 г., о приеме Генеральным Советом членских взносов этой секции. Тогда Утин заявил, что эти письма подложны, в доказательство чего сослался на Елизавету Лукиничну, которую все члены женевских секций Интернационала, в том числе и бакунисты, очень хорошо знали.²⁷⁷

Ложная ссылка Утина на Елизавету Лукиничну заставила Гийома обратиться непосредственно к Марксу с просьбой, чтобы тот сам написал Утину о подлинности писем. Но так как Маркс уже был в это время всецело поглощен парижскими событиями, затем в течение мая и июня был серьезно болен и в то же время занят работой над «Гражданской войной во Франции», а позднее заботами о помощи уцелевшим коммунарам, то он написал Утину только 27 июля 1871 г. В этом письме Маркс подтвердил, что в подлинности писем не может быть никакого сомнения и что никакой резолюции, исключаящей Альянс из Интернационала, Генеральным Советом принято не было, но «это совсем не доказывает, что Альянс не исключил себя сам из Интернационала своими действиями и поступками» (невыполнением им условий его принятия в Интернационал и неуплатой членских взносов после Базельского конгресса 1869 г.).²⁷⁸

Об этом письме Маркса к Утину бакунистам тоже стало известно через члена Генерального Совета бакуниста Поля Робена, и таким образом обнаружился лживый характер ссылки Утина на

²⁷⁶ См.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 269.

²⁷⁷ Ссылка Утина на Дмитриеву, якобы сообщившую ему о подложности писем Эккариуса и Юнга, была ясной ложью, так как, согласно протоколам Генерального Совета (цитируемым в кн.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 269), 29 июля 1869 г. женевский Альянс был принят как секция в Интернационал (отмечу кстати, что здесь же дана ссылка и на письмо Маркса к Энгельсу от 29 июля 1869 г., но эта ссылка неправильна, так как в этом письме нет ни слова о принятии Альянса в Интернационал). В моих статьях о Дмитриевой в «Летописях марксизма» (1928, № 7/8) и в журнале «Каторга и ссылка» (1930, № 11; 1933, № 3) вопрос о принятии Альянса в Интернационал изложен так, как будто Утин был совершенно прав, заявив, что письма Эккариуса и Юнга подложны. Однако на основании приведенных выше данных очевидно, что Утин ложно сослался на Дмитриеву, пользуясь ее отсутствием в Женеве.

²⁷⁸ К. Маркс и ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 174—175.

Елизавету Лукиничну. В глазах всех женеvских членов Интернационала и тамошних русских эмигрантов за Утиным утвердилось слава интригана, не останавливающегося даже перед ложью для достижения своих целей.

2

Еще с осени 1870 г. Русская секция стала постепенно хиреть. После сентября 1870 г. прекратился выход «Народного дела». С трудом удалось напечатать в начале 1871 г. Программу и Устав Интернационала, переведенные еще летом 1870 г. А. В. Корвин-Круковской (Жаклар). Сильно чувствовалось и отсутствие последней, а также Дмитриевой, Бартеневой и Левашевой. Сам Утин был занят срочной платной работой для русской печати.

Брошюру Маркса о Коммуне, «Гражданская война во Франции», чайковцы перевели и издали в декабре 1871 г. помимо Утина, основав для этого с помощью В. М. Александрова собственную типографию в Цюрихе.

Елизавета Лукинична, по-видимому, не знала ничего о ложной ссылке на нее Утина, так как сохранила с ним товарищеские отношения. Но она ясно видела, что Русская секция распалась. Из ее членов-учредителей в Женеве осенью 1871 г., кроме Утина и его жены, жили только А. Д. Трусов, секретарь Русской секции, и В. И. Бертенев, жена которого уехала в Россию в середине июля. А. Я. Щербаков заканчивал медицинское образование в Берне. Об О. С. Левашевой ничего не было слышно с тех пор, как она уехала в Россию, точно так же как и об А. В. Жаклар, которая после удачного побега из Парижа скрывалась у родственников в Гейдельберге.

Из письма Перре к Юнгу от 23 июля 1871 г. видно, однако, что Перре, Н. И. Утин и А. Д. Трусов вместе с И.-Ф. Беккером и двумя женеvцами тайно образовали Комитет помощи бежавшим парижским коммунарам.²⁸¹ Беккер писал Зорге, что коммунаров скрывали от швейцарских властей и им оказывали помощь женеvские рабочие.²⁸² Что касается Русской секции, то Маркс упоминает о ней в приписке в конце письма к Н. И. Утину от 27 июля 1871 г., где он сообщает, что не подписывает манифестов Генерального Совета (о созыве Лондонской конференции 17 сентября 1871 г.) «в качестве секретаря для России, чтобы не скомпрометировать наших русских друзей».²⁸³ Можно думать, что и

²⁷⁹ См. письмо Н. И. Утина к Марксу от 17 апреля 1871 г., уже цитированное выше.

²⁸⁰ Об издании чайковцами в декабре 1871 г. в переводе с немецкого «Гражданской войны во Франции» см.: Русская подпольная и зарубежная печать. М., 1935, стр. 76, № 343.

²⁸¹ См.: Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны, стр. 221—222.

²⁸² Там же, стр. 218—220.

²⁸³ Приписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 31.

Н. И. Утин участвовал в Лондонской конференции 17—23 сентября 1871 г. в качестве представителя Швейцарии, а не России, по той же причине.

Последнее упоминание в печати о Русской секции находим в приказе царского правительства от 22 мая 1873 г., предписывавшем русским студентам оставить Цюрих, причем последние обвинялись в участии в различных революционных группах, «открывшихся в Цюрихе». Среди этих «открывшихся в Цюрихе» групп названа и Русская секция Интернационального общества.

Это упоминание не соответствует действительности. Как мы знаем, Русская секция «открылась» не в Цюрихе, а в Женеве, а так как Утин до 1874 г. оставался одним из редакторов газеты «Эгалитэ» в Женеве, то и возглавлявшаяся им Русская секция не могла переехать в Цюрих.

По-видимому, Русская секция нигде в печати не заявляла о своей самоликвидации, если о ней еще упоминалось в мае 1873 г., но фактически, как мы видели, она распалась уже к концу 1871 г., когда натансоновцы прекратили сношения с Утиным и основали в Цюрихе собственную типографию.

Русская секция сошла со сцены, дав Парижской Коммуне трех деятелей — Е. Г. Бартеневу, А. В. Жаклар и Е. Л. Дмитриеву. В самой России издания ее распространялись главным образом среди сравнительно узкого круга революционной интеллигенции, в чем, однако, была не вина Русской секции, а ее беда. Это объяснялось условиями жизни России конца 60-х и начала 70-х годов. Рабочий класс в это время еще не мог играть самостоятельной политической роли, он устраивал только отдельные стачки, вызывавшие беспокойство правительства. А резерв рабочего класса — крестьянство, забитое столетиями крепостничества, было способно лишь к разрозненным бунтам, а не к организованному массовому восстанию. Среди интеллигентной мелкобуржуазной молодежи только меньшинство было предано интересам революции, но и оно лишено было глубоких связей с массами, чтобы возглавить восстание крестьян или стачки рабочих.

И все же о членах Русской секции можно сказать то же, что говорил Ленин в 1911 г. о революционерах 60-х годов вообще: они «остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение», но «на деле именно они были великими деятелями той эпохи».²⁸⁴

Их деятельность не пропала даром. Их орган «Народное дело» был первым проводником идей Интернационала Маркса в русской нелегальной печати. Их пропаганда привлекла к Интернационалу внимание и симпатии всех тех, которые подходили к вопросу «что делать» революционных позиций. Они подготовили почву для появления русского перевода «Капитала», вышедшего в свет

в России весной 1872 г. Они оказали влияние на эклектика П. Л. Лаврова, который позднее в своей газете «Вперед!» (№ 27), следуя примеру «Народного дела», подчеркивал значение классового самосознания пролетариата для успеха социального движения и развивал идею экономического материализма, заявляя, что «рабочий социализм» есть «исторический фазис, фатально вырабатывающийся из капиталистического строя общества», и что «самое развитие этого последнего строя составляет уже естественное подготовление к социальному перевороту, который должен поставить рабочий социализм на место капиталистического строя». «В России быстро и пышно разрастается капиталистический строй со всеми своими последствиями», и «социальный переворот сам собою подготавливается в России, как во всем цивилизованном мире, самыми успехами капиталистического строя». Русская секция через Лаврова, печатавшего во «Вперед!» отчеты о конгрессах Интернационала, оказала влияние на первые русские рабочие организации — «Южнороссийский рабочий союз», основанный Заславским в 1875 г., и «Северный союз русских рабочих» 1878 г., которые положили в основу своей деятельности Программу и Устав I Интернационала и заявляли, что примыкают по своим задачам к рабочим партиям Запада.

О Русской секции и «Народном деле» и их отношении к Чернышевскому и Марксу собирался писать Г. В. Плеханов в своей «Истории общественной мысли в России», как это видно из печатного проспекта, изданного книжным товариществом «Мир» в Москве в 1914 г.²⁸⁵ От борьбы Русской секции против заговорщических методов народников прямой путь вел к позднейшей пропаганде группы «Освобождение труда».

VIII. В ПЕТЕРБУРГЕ (ОКТАБРЬ 1871—1878 г.)

1

Легко представить себе состояние Елизаветы Лукиничны после всего пережитого во время Коммуны и после ее поражения, когда она пряталась в парижском подполье и ее жизнь, как и жизнь ее товарищей, висела на волоске. Все, что она узнала в Женеве о деятельности Малона и Андре Лео и о распаде Русской секции, тоже не могло не подавлять ее. Тягостной была для нее и необходимость вести в Женеве совершенно изолированную жизнь из-за царских шпионов. Однако, как видно будет дальше, поражение Коммуны и тяжелые переживания в Женеве не разочаровали ее в возможности революционной работы в России. Имея легальный паспорт, где она значилась как жена отставного полковника Томановского, она уехала в Петербург.

В это время, согласно тайному циркуляру от 6 июня 1871 г., все пограничные русские жандармские управления зорко следили за тем, чтобы участники Коммуны, «к какой бы национальности они не принадлежали», при попытке проникнуть в Россию немедленно задерживались и направлялись в III отделение. Но так как Елизавета Лукинична в Женеве, как мы видели, охранялась товарищами, а царскому правительству не было известно, что она именно и есть «Елизавета Дмитриева», то переезд ее в Россию закончился благополучно.

Сначала она заехала к матери, которая, как всегда осенью и зимой, жила в петербургском доме Кушелевых вместе с сыновьями Александром и Владимиром, 23 и 19 лет. О своей заграничной революционной работе и об участии в Коммуне в самых общих чертах Елизавета Лукинична сообщила под секретом только брату Александру, и раньше интересовавшемуся революционным движением. Со всеми остальными членами семьи она держалась так, будто никогда не имела к этому никакого отношения.

В Петербурге тогда только и говорили о закончившемся 27 августа 1871 г. (продолжавшемся два месяца) процессе 87 нечаевцев в Петербургском окружном суде и о парижских коммунарах, над которыми творили суд версальские их «победители». Официальные и правые журналы возмущались одинаково «безнравственностью» и «преступностью» и нечаевцев, и коммунаров. В либеральной же печати отношение к этим событиям было неодинаковым.

В № 9 «Отечественных записок» за 1871 г. в статье М. М. (псевдоним М. Е. Салтыкова-Щедрина, по словарю псевдонимов Карцева и Мазаева) «Так называемое „Нечаевское дело" и отношение к нему русской журналистики» доказывалось, что вся русская печать, независимо от направлений, единодушна в осуждении нечаевцев. В том же номере были напечатаны «Парижские письма» анонимного корреспондента журнала, очевидца и участника событий Коммуны. Коммуна рисовалась в этой статье очень умеренной, защищалась против нападок министра Жюли Ферри.²⁸⁶ Здесь же П. Боборыкин в очерке «На развалинах Парижа» писал о суде над членами Коммуны Асси, Ферре, Груссе, Журдом, Курбе.

В № 8 «Отечественных записок» тот же Боборыкин сообщал, что на Париж «погром майских дней накинуд покрывало тревоги и реакции... Полиция производит ежедневно облавы женскому полу... В уличных девах надеются открыть все новых и новых сообщниц Коммуны». Нельзя было без волнения читать боборыкинское описание разрушенных парижских зданий.

Под тем же заглавием «Парижские письма» напечатаны в № 11 «Отечественных записок» за подписью «Клод Франк». Это был псевдоним члена Парижской Коммуны Лефрансе (сообщено мне Г. В. Бартевым). Сочувственное отношение к Коммуне выразила и газета «Русские ведомости» в № 60 за 1871 г.

²⁸⁵ Издательство товарищества «Мир». Проспект. М., 1914, ч. 5, гл. 5, стр. 11,

В № 12 «Отечественных записок» за 1871 г. была напечатана анонимная повесть «Жюль Тарро», в которой победа Коммуны 18 марта рисовалась сочувственно, а разгром Коммуны изображался как тяжелая трагедия. Герой повести погибает, отвергнув предложенное ему спасение.

В самом радикальном из журналов — «Дело» Н. В. Шелгунов касался Коммуны 1871 г. в двух статьях. В первой он объяснил, что борьба Коммуны с Версалем есть борьба рабочего класса с буржуазией, продолжение июньских дней 1848 г. Эту борьбу он считал заранее обреченной на неудачу и все надежды возлагал только на «мирный путь», т. е. на соглашение рабочих с капиталистами. Во второй статье он объяснял причины возникновения Коммуны. Упомянув в конце статьи об убийствах, насилиях и разрушениях, совершенных в дни кровавой майской недели рабочими, Шелгунов старался смягчить тяжелое впечатление от них указанием, что виновата в этом французская буржуазия, отшатнувшаяся от рабочих.²⁸⁷

В № 6 «Дела» за 1872 г. была напечатана «песня о павших» поэта Д. Д. Минаева «Я должен умереть», а в № 7 — «Монолог» Оммулевского, где прославлялись революционеры, умирившие за свои идеалы, за любовь к людям. Пусть революционеры побеждены, изгнаны, но они еще будут бороться. Это был скрытый намек на коммунаров Парижа.

Либеральный «Вестник Европы» видел в коммунарах 1871 г. только борцов за расширение автономии Парижа.²⁸⁸ В одной из статей Е. И. Утина (брата Н. И. Утина), посетившего Париж незадолго до Коммуны и познакомившегося лично с несколькими ее будущими деятелями, проглядывает сочувственное отношение к Коммуне.²⁸⁹

В петербургском журнале «Всемирный труд» была напечатана о Коммуне статья политического хамелеона проф. Лабулэ «Конституционная республика», переведенная из французского журнала. В ней он писал о Коммуне в поучительном тоне: «Насилие никогда не может привести ни к чему доброму. Заблуждение работников стоило им слишком дорого, чтобы они не отказались от него навсегда».²⁹⁰

Все, что печаталось в остальных русских журналах о Коммуне, полно было самой бесстыдной лжи и вызывало отвращение у всякого мало-мальски осведомленного читателя.

²⁸⁷ Н. Ш. Недоразумения 1848 г. «Дело», 1872, Кя 6; Н. Ш. Парижские рабочие. Там же, № 9. Инициалы соратника Чернышевского Николая Шелгунова были хорошо известны постоянным читателям «Дела».

²⁸⁸ «Вестник Европы», 1871, №№ 4, 5, 7, отдел «Иностранное обозрение».

²⁸⁹ Е. И. Утин. Франция и французы после войны. «Вестник Европы», 1871, № 12.

²⁹⁰ «Всемирный труд», учено-литературный журнал, издаваемый М. Ханом. СПб., 1871, № 6, стр. 131—132.

Анонимный политический обозреватель славянофильской «Беседы» называл Коммуну «возмутительной комедией»; по его «сведениям», во всем был виноват Интернационал, который направил в Париж из Лондона своих вожаков и своих людей, числом около 15 тысяч, дав им около 3 миллионов франков, оружие и боевое снаряжение.²⁹¹

В «Русском вестнике» Каткова в статье Е. М. Феоктистова «Уроки истории. Очерки современной Франции» возникновение Парижской Коммуны «объяснялось» следующим образом: «несколько тысяч негодяев и искателей приключений» оказались в состоянии захватить Париж оттого, что Франция утратила «политические и нравственные идеалы».²⁹²

В другом номере «Русского вестника» излагалось содержание книги по истории Коммуны, напечатанной в Брюсселе под псевдонимом Семпрониуса. В предисловии этот «очевидец» Коммуны утверждал, что «взбудоражила французскую чернь... Интернационалка, основанная с разрешения последнего императора (Наполеона III, — И. К.-В.) и поддерживаемая его капиталами».²⁹³

Тут же рядом был напечатан «Рассказ русского очевидца о первых днях Коммуны», написанный неким Д. Н. Ковальским, который якобы слышал в парижских клубах «делегата от Интернационального лондонского общества» — Маркса, «человека с пламенной речью», «говорившего на ломаном французском языке».²⁹⁴

Елизавета Лукинична не могла не возмущаться всей этой ложью и клеветой реакционной печати по поводу Коммуны, Интернационала и Маркса. Можно думать, что брат Александр показал ей и издевательские фельетоны Щербаня в «Голосе» о «Елизавете Дмитриевой».

Но реакционной, либеральной и радикально-легальной печатью не исчерпывалось общественное мнение всей России о Коммуне. Отношение революционной молодежи к Коммуне было выражено в четырех прокламациях, напечатанных в виде подпольных «периодических листков» под заглавием «Виселица». Их автором назвал себя арестованный 6 июля 1871 г. сын полковника и бывший студент Технологического института, близкий знакомый натансонов-Ц^{сб} — Николай Петрович Гончаров, совсем еще юноша. О нем было известно, что он был женат на племяннице П. Л. Лаврова и работал техником на фабрике Шерера. Незадолго до своего ареста он ночевал в квартире-коммуне, где жили распространители

„Парижская Коммуна и Версальское собрание. «Беседа», 1871, № 5, стр. 10—52.

²⁹¹ У^с «ий вестник», 1871, № 9, стр. 14 и 68.

²⁹² „После осады. «Русский вестник», 1871, №№ 1 I и 12. Там же, № 11, стр. 124.

изданий «Народного дела» Русской секции в Женеве — натансоновцы.

Так как арест Гончарова и его «листки» были злобой дня среди тогдашней революционной молодежи, то трудно думать, чтобы «Виселица» осталась неизвестной Елизавете Лукиничне.

В первом листке, от 14 апреля, выражена уверенность, что начавшаяся в Париже революция «облетит все столицы мира» и проникнет в Россию. В № 2, от 24 апреля, напечатан призыв к убийству Каткова за то, что «он загубил десятки тысяч людей Сибири. . . Да будет это маленькое кровопускание началом наших грядущих событий». В № 3, от 4 мая, высказано убеждение, что невозможно двинуть на революцию «окостеневшего мужика»: «он переполнен в настоящее время страшилищными предрассудками». Автор надеется, что революцию принесут в Россию если «не французы и горсточка русских, так поляки».

В последнем листке, под № 4, от 14 мая, когда Париж был «накануне страшного и окончательного своего падения», автор возмущается «мертвой, жиром подернувшейся и застывшей тишиной вокруг», в то время как «в Париже течет ручьями кровь, пылают по всем улицам страшные пожары и геройское население — тут и старики, и женщины, и дети — бьется на смерть с версальскими разбойниками». И автор кончает горячим призывом: «Откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперед».

Обращает внимание на себя то, что под вторым листком «Виселицы» стоит подпись «Я», а под всеми остальными — «Коммунист». Возможно, что их автором был не один Гончаров и что они печатались и распространялись целой группой молодежи.

Это не был ни кружок Натансона, ни кружок нечаевцев. Натансон, арестованный в октябре, считал, что в данный момент надо заниматься пропагандой главным образом среди крестьян. Неча-

²⁹⁵ О Н. П. Гончарове см.: Дело о Н. П. Гончарове. «Былое», Лондон, 1904, № 6, стр. 26—27; С. Лившиц. Подпольные типографии 60—80-х годов. «Каторга и ссылка», 1929, № 2 (43), стр. 60—61; С. Валк. «Периодические листки» Н. П. Гончарова. «Литературное наследство», т. I, М., 1931, стр. 157—161 (здесь же впервые полностью перепечатаны тексты листков «Виселицы»). О положительном отношении революционной молодежи к Коммуне мы имеем три свидетельства ее современников. Н. Страхов писал Ф. М. Достоевскому из Петербурга 4 мая 1871 г.: «У нас по обычаю явилось много ярых приверженцев Коммуны» (сб. «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, стр. 273). Упомянутый выше студент-технолог И. Е. Деникер сообщал, что студенты в Петербурге «инстинктивно почти все были на стороне коммунаров, некоторые даже хотели ехать на помощь в Париж» («Каторга и ссылка», 1924, № 4 (11), стр. 35—36). Слесарь-инструментальщик Патронного завода в Петербурге А. Н. Петерсон, принявший участие в революционном движении с конца 1871 г. и ставший впоследствии одним из организаторов «Северного союза русских рабочих», позже вспоминал: «Нас тогда возбуждала французская Коммуна» (там же, № 3 (10), стр. 224).

евцы были разгромлены, и, кроме того, они вовсе не смотрели на мужика так безнадежно, как авторы «Виселицы».

Кружок Натансона подготовил в это время в Женеве русское издание «Гражданской войны во Франции» Маркса, а в Петербурге был издан сокращенный перевод книги очевидцев Коммуны Ланжале и Корье «История революции 18 марта», в которой цитируются все декреты Коммуны. В ноябре Н. П. Поляковым был сдан в набор русский перевод первого тома «Капитала» Маркса.²⁹⁶

Об интересе к Коммуне даже со стороны буржуазных русских читателей свидетельствует выход на русском языке переводов двух книг — «Красные клубы во время осады Парижа» Молилари (изд. Д. К. и А. С, СПб., 1871) и «Черная книга Парижской Коммуны. Разоблачение Интернационала» (СПб., 1871). Автор одной из них — Молилари, известный буржуазный экономист, приезжавший в Россию в 60-х годах для чтения лекций. Автор второй книги неизвестен, но явно враждебен Коммуне. Хотя обе книги писаны реакционерами, но приведенные в них факты и документы знакомят с действительными настроениями рабочих Парижа, и потому эти книги распространялись и кружком Натансона, конечно с надлежащими устными разъяснениями. Распространялась кружком и привезенная контрабандой книга о Коммуне на французском языке «Третье поражение французского пролетариата», написанная Ма-²⁹⁷лоном.

В то время в Петербурге существовали основанные под руководством Натансона кружок самообразования на двух дачах-коммунах — в Кушелевке и в Полюстрове, где изучались труды Чернышевского и Маркса, и кружок юнкеров, где пропагандировалась «Программа самообразования и практической деятельности» Лаврова.²⁹⁸

Интернационал также пользовался широкой популярностью среди русской революционной молодежи, и Устав его, изданный

²⁹⁶ Об издании чайковцами русского перевода «Гражданской войны во Франции» в декабре 1871 г. см. выше. Сокращенное издание чайковцами книги Поля Ланжале и Поля Корье «История революции 18 марта» (ч. I, СПб., тип. Хана, 1872) случайно избежало цензурного запрещения, тогда как полное издание той же книги М. П. Надейном под редакцией А. Михайлова (СПб., 1873) было запрещено; благодаря рецензии о сокращенном издании, предназначавшейся для № 5 журнала «Дело» и не пропущенной цензурой, последняя впервые заметила, что авторы книги относятся к Коммуне сочувственно (см. об этом: Л. Добровольский. Парижская Коммуна в русских запрещенных изданиях 70-х годов — «Книга о книге», сб. Ш. Л., 1932, стр. 279).

В. М а л о п. Histoire de la troisieme defaite du proletariat francais. Neufchatel, 1871.

* Кружке самообразования в Кушелевке см. воспоминания участницы этого кружка А. И. Корниловой-Мороз «С. Перовская и основание кружка чайковцев» («Каторга и ссылка», 1926, № 1, стр. 23—28). О кружке юнкеров см. воспоминания присутствовавшей на одном из собраний этого кружка Е. Н. Ковальской «Из моих воспоминаний» (там же, стр. 33).

Русской секцией в Женеве, получил довольно широкое распространение.

Листки о Коммуне, печатавшиеся членами кружка Гончарова, появление в русских переводах произведений Маркса и распространение книг о Коммуне и Устава Интернационала могли внушить Елизавете Лукиничне надежду, что дело Коммуны, потопленной в крови, не погибло и возобновится в России.

3

Арест Натансона и слухи о других арестах заставляли Елизавету Лукиничну быть очень осторожной и отсиживаться дома. На рождественские каникулы она со всей семьей Кушелевых поехала в село Волок, которое очень любила.

В Волоке среди крестьян царили те же нужда и голод, что и раньше.³⁰⁰ За надел ценой в 36 рублей крестьяне платили оброк 8 рублей в год. Отсюда много недоимок, а вследствие ежегодных падежей скота и круговой поруки по недоимкам крестьяне оказывались в самом плачевном состоянии. Между тем за работы по найму у помещиков и в лесном промысле платили очень мало. В Холмском уезде было более 20 тысяч нуждающихся.

Можно представить себе, какое впечатление эта картина нужды должна была произвести на Елизавету Лукиничну.

В Волоке Елизавета Лукинична познакомилась с приехавшим туда по хозяйственным делам управляющим имением ее фиктивного мужа М. Н. Томановского — Иваном Михайловичем Давыдовским, близким знакомым ее брата Александра.³⁰¹

О Давыдовском, разорившемся молодом дворянине, окончившем университет, ходили слухи как о кутиле и человеке, неразборчивом в способах добывания денег. Но Александр Лукич не верил этим слухам, так как из личного знакомства у него, напротив, сложилось о нем впечатление как о человеке вполне солидном и честном. Так как в дальнейшей жизни Елизаветы Лукиничны Давыдовский сыграл решающую роль (она его полюбила и по-

²⁹⁹ Об Уставе Интернационала, полученном ею от тогдашнего члена кружка Натансона Ф. Лермонтова, упоминает та же Е. Н. Ковальская (Из моих воспоминаний, стр. 34). Устав находили при обысках у многих лиц, привлеченных по процессу 193-х.

³⁰⁰ Об этом можно судить по корреспонденции А. Држевецкого «Печальное положение народа в Холмском уезде» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1871, 28 декабря, № 328).

³⁰¹ Об этом, а также о том, что И. М. Давыдовский был управляющим имения М. Н. Томано вского, сообщила мне Е. А. Селихова, крестным отцом которой был И. М. Давыдовский. Что Елизавета Лукинична познакомилась с последним как с управляющим имением ее мужа вскоре после своего прибытия в Россию в 1871 г. можно видеть из письма Н. И. Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г. (см.: «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 8).

хала за ним в Сибирь, куда он был сослан на поселение по уголовному делу «червонных валетов»), личность его приобретает для нас исключительный интерес.

Г. В. Бартенев говорил мне и на вторичный мой запрос писал, что он слышал от своих родителей, ближайших товарищей Елизаветы Лукиничны по Русской секции, что Давыдовский был революционером. По мнению Г. В. Бартенева, Елизавета Лукинична не могла увлечься человеком, чуждым интересам революционной борьбы, так как ее личные привязанности были тесно связаны с революционными интересами.

А. Н. Куропаткин в своих неопубликованных «Воспоминаниях», основываясь на дошедших до него слухах, пишет о Давыдовском как об «одном из видных революционных деятелей». Однако когда он попал на скамью подсудимых, то «обнаружилось, что в его деятельности крылись и такие поступки по изысканию средств на усиление революционного фонда, которые подводили его под категорию червонных валетов».

Из письма Н. И. Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г. можно понять, что Давыдовский был в переписке с Утиным и сообщил ему о каких-то своих революционных планах, из-за которых последний квалифицировал его как «негодяя». Из того же письма Утина видно, что уже через три месяца после отъезда Елизаветы Лукиничны из Женевы она писала Утину о большом впечатлении, произведенном на нее Давыдовским. Очевидно, Давыдовский был уже тогда известен Утину.

В отчете о деле «червонных валетов» есть указание на знакомство Давыдовского с Николаем Андреевичем Поповым, студентом Медико-хирургической академии, который через год после процесса «червонных валетов» был, как неблагонадежный, исключен из Академии и выслан в Воронеж.³⁰²

Наконец, среди самих «червонных валетов», по делу которых был осужден Давыдовский, были лица с революционными связями. М. К. Элпидин писал о них почти через 30 лет: «Червонные валеты, если читатели взрослые помнят двоих вожakov шайки — Дубецкого и Шпейера, были в дружбе с партией Плеханова и самим им и друг другу помогали даванием адресов. За

³⁰² А. Н. Куропаткин. Воспоминания... В числе приятелей своих из революционной среды Куропаткин в другом месте «Воспоминаний» называет организатора офицерских революционных кружков в середине 70-х годов, хорошо изучившего «Капитал» Маркса, — М. Ю. Ашенбреннера (впоследствии народовольца), отставного военного В. А. Петрова, заведовавшего тайной типографией в 1878 г. в Петербурге и затем скрывшегося в Швейцарию, и С. Н. Кривенко, известного народника-революционера и публициста. Все это дает основание полагать, что слухи о Давыдовском не лишены были оснований.

³⁰³ См. о Попове: Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. СПб., 1877, стр. 168; Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. II. Семидесятые годы, вып. 3. М., 1931, стлб. 1242.

услугу Шпейер выпустил из тюрьмы товарищей Плеханова. А Дубецкий сумел одурачить русских студентов и студенток, задав им в Женеве конференцию на революционные темы. Он только переименовал Дубецкого на Радецкого. Толстовцы, во главе которых П. И. Бирюков, находили Радецкого честным человеком, другие называли шпионом».³⁰⁴

Если принять во внимание, что дело «червонных валетов» разбиралось в 1877 г., а о «партии Плеханова» можно было говорить лишь значительно позже, то станет ясно, насколько вздорно свидетельство Элпидина. Надо также принять в расчет, что Элпидин страдал шпиономанией. Чтение «червонным валетом» Дубецким реферата на революционные темы свидетельствует во всяком случае о наличии у него каких-то связей с лицами из революционных кружков. Эти связи революционеров с «червонными валетами», их времяпрепровождение и кутежи в ресторанах, возможно, объясняются тем, что революционеры рассчитывали таким путем отвести от себя подозрения сыщиков и жандармов, — иначе говоря, это объясняется задачами конспирации.

Все эти соображения, а также то обстоятельство, что впоследствии в Сибири Давыдовский проявлял преданность общественным интересам, объясняют нам, как могла Елизавета Лукинична связать свою жизнь с человеком, так сильно скомпрометированным близостью к жуликам и кутилам.

О том, как Давыдовский представлял себе задачи революционной деятельности в России, у нас нет никаких документальных или свидетельских указаний. Но зная, с одной стороны, что с начала 1872 г. Елизавета Лукинична уже была увлечена Давыдовским, а с другой — что в это же время она делала попытки осуществить в Петербурге какие-то революционные планы в несвойственном ей заговорщицком духе, мы вправе предположить, что эти попытки сделаны под влиянием Давыдовского.

По-видимому, Давыдовскому удалось убедить Елизавету Лукиничну, что реальный, осязательный результат в ближайшем будущем может дать только политический заговор решительной революционной группы, которая свергнет самодержавие. Ему казалось необходимым привлечь к заговору возможно больше человек из высшего офицерства, разведать у них, где сосредоточены главные силы царя, и бросить против них все силы восстания при поддержке нескольких полков, возглавляемых революционными офицерами. Привлечь на сторону революции несколько сот офицеров в Петербурге казалось ему нетрудным делом, если только за это возьмутся пропагандисты из их же среды. И Давыдовский убедил Елизавету Лукиничну проявить инициативу в организации заговора. По-видимому, Елизавета Лукинична, имевшая многочисленную родню из лейб-гусарской офицерской среды и

много знакомых офицеров, благодаря своим познаниям в истории революционных переворотов, благодаря только что пережитому опыту в дни Коммуны и, наконец, в силу своего умения убедительно говорить, казалась Давыдовскому предназначенной самой судьбой к тому, чтобы сыграть большую роль в предстоящей русской революции.

То, что мы знаем о попытках революционной работы Елизаветы Лукиничны в начале 1872 г. со слов А. Н. Куропаткина, заставляет нас предположить, что именно Давыдовский сыграл в этих попытках решающую роль.

В начале 1872 г. А. Н. Куропаткин учился в Петербурге в Академии Генерального штаба. О своей встрече с Елизаветой Лукиничной в начале 1872 г. он пишет следующее:³⁰⁵ «В Петербурге мы встретились не только как старые знакомые, но как друзья. Скоро, однако, Лиза обнаружила ясное намерение вовлечь меня в революционную организацию, в которой состояла. По-видимому, она имела по отношению ко мне и другим офицерам подобное поручение. Расчет был на ее красоту и увлекательное красноречие. Эти средства были действительно могущественны. Красота Лизы достигла полного расцвета, а ораторская практика в Женеве для нас, армейских офицеров, могла оказаться неотразимой. Мы виделись несколько раз и каждый раз речь шла все об одном и том же: ради пользы России надо произвести насильственный переворот, для чего в составе революционных деятелей должны быть офицеры. Один раз она привезла ко мне план Петрограда (так в тексте, — *И. К.-В.*) и — неизвестно, по чьему поручению — просила выяснить теоретически: какие части города, здания и учреждения надо прежде всего захватить в руки революционеров, когда вспыхнет восстание. Связанный присягой, которую высоко чтил, я до выхода в отставку и полного разрыва с военным ведомством считал нечестным вступать в такие разговоры и решительно отказался отвечать».³⁰⁶

Из этого рассказа ясно, что в Петербурге в начале 1872 г. существовал революционный кружок якобинско-бланкистского типа, стремившийся прежде всего к политическому перевороту путем заговора среди офицерства. Якобинско-бланкистские стремления подобного рода были высказаны в 1873 г. в Цюрихе русско-польской эмигрантской группой Каспара Турского и Карла Яницкого. С конца 1875 г. подобные взгляды в журнале «Набат» развивал П. Н. Ткачев. Но о существовании кружка с подоб-

Дата встречи определяется тем, что, как упоминает А. Н. Куропаткин ниже, за шесть лет до этого Елизавета Лукинична упрекала его за отказ пойти за И. Шп. К народ - Упреки же эти относились к 1866 г.

А. Н. Куропаткин. Воспоминания. . . , стр. 83—84.

³⁰⁴ См.: Библиографический каталог. Каруж (Женева), 1906, стр. 17.

ными стремлениями в Петербурге в начале 1872 г. мы узнаем впервые.

Конечно, чисто заговорщицкие методы этого кружка были обречены на неудачу. Кружок преувеличивал роль отдельных революционных личностей и не понимал необходимости связи с трудящимися массами, необходимости предварительного революционного обучения масс на их собственном опыте борьбы.

IX. ЗАМУЖЕСТВО. ЖИЗНЬ В СИБИРИ.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1878—1918 гг.)

1

Можно думать, что Елизавета Лукинична не ограничивалась беседами с одним Куропаткиным и вела пропаганду также среди офицеров, которых встречала у сестры, бывшей замужем за братом ее фиктивного мужа Томановского. Но пропаганда не имела, по-видимому, успеха и там.

Если А. Н. Куропаткин, находившийся под революционным влиянием М. А. Ашенбреннера,³⁰⁷ тем не менее желал остаться «верноподданным», то на офицеров-гусаров из окружения Томановских, разумеется, совсем нельзя было рассчитывать.

Елизавета Лукинична была вызвана Давыдовским в имение ее фиктивного мужа М. Н. Томановского, так как последний умирал. Свое имение он завещал Елизавете Лукиничне. Таким образом, Давыдовский после смерти Томановского оказался управляющим ее имения.³⁰⁸

Часто встречаясь с Давыдовским по делам, Елизавета Лукинична имела возможность узнать его близко. На Давыдовского еще 20 августа 1871 г. была подана жалоба прокурору московского окружного суда. Его и еще 6 лиц обвиняли в выдаче безденежных векселей и обманном получении каких-то документов.³⁰⁹ Но прошло более двух лет, а Давыдовский к суду привлечен не был. Можно было думать, что для этого не было никаких оснований. Тем не менее у Елизаветы Лукиничны еще были какие-то сомнения относительно Давыдовского, и она писала о них Н. И. Утину в Женеву. Утин собрал о Давыдовском сведения, которые рисовали его в неблагоприятном свете. Получив эти све-

дения, Елизавета Лукинична написала Утину, что «иллюзия» ее относительно Давыдовского прошла.³¹⁰

В это время и знакомый Давыдовского, уже упоминавшийся выше студент Медико-хирургической академии Н. А. Попов, тоже рассказал Елизавете Лукиничне «разные нехорошие вещи» про Давыдовского. Однако этот рассказ Елизавета Лукинична имела возможность проверить по собственным наблюдениям, и он оказался несправедливым.³¹¹ В итоге она перестала верить и сведениям Утина. Она еще более сблизилась с Давыдовским, и «в один прекрасный день... оказалась его женой».³¹²

Продолжала ли Елизавета Лукинична в это время вести какую-нибудь революционную работу, мы не знаем. Известно только, что в 1874 г. она виделась в Петербурге с Е. Г. Бартеневой, ездившей в 1873 г. в Цюрих к П. Л. Лаврову, когда последний стал там издавать журнал «Вперед». Вместе с Бартеневой она ездила в окрестности Петербурга в земледельческую колонию для малолетних преступников, которою заведовал этнограф П. А. Ровинский, и пробыла у него в гостях дня два-три. П. А. Ровинский был членом «Земли и воли» и товарищем Н. И. Утина по этой организации, сопровождавшим его до границы в мае 1863 г., когда тот бежал из России.³¹³ Ровинскому было поручено Русской секцией собрать сведения об условиях жизни на Александровском заводе в Сибири, где отбывал ссылку Чернышевский, с целью подготовки его освобождения.³¹⁴ Можно думать, что Елизавета Лукинична и Бартенева ездили к Ровинскому по этому делу.

В 1874 г. у Елизаветы Лукиничны родилась от Давыдовского дочь Ирина, в 1875 г. — Еторая дочь, Вера. Забота о детях не могла не отвлекать ее от революционной работы.

В конце мая 1876 г. Давыдовский был арестован в связи с делом об убийстве юрисконсульта Славышенского, обслуживавшего «червонных валетов».³¹⁰ Давыдовскому было предъявлено

³¹⁰ См. указанное выше письмо Н. И. Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г.

³¹¹ Об этом Елизавета Лукинична сама рассказывала на суде. См.: Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. М., 1877, стр. 168.

³¹² Из письма Н. И. Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г.

³¹³ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 233—234.

³¹⁴ Л. Ф. Пантелеев. К биографии П. А. Ровинского. «Речь», 1916, 20 января; Н. М. Чернышевская. Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. «Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 124—127.

³¹⁵ В книге «Клуб червонных валетов» (стр. 227) указано, что Давыдовский был арестован осенью 1876 г., но это ошибка, так как из дальнейшего видно, что суд над ним происходил в начале февраля 1877 г., а до того он пролежал 9 месяцев в тюрьме (стр. 500). Сам Давыдовский в своем «Мемуаре» о деле «червонных валетов» утверждает, что он «был арестован 29 декабря 1871 г.» (см.: журн. «Судебные драмы», М., 1902, октябрь, приложение, «Мемуар Ивана Давыдовского», стр. 372), однако эта дата тоже ошибочна.

³⁰⁷ См. об этом в письме А. Н. Куропаткина к М. А. Ашенбреннеру: «Каторга и ссылка», 1927, № 3, стр. 202.

³⁰⁸ Указание на то, что Елизавета Лукинична «предоставила управление своим состоянием Давыдовскому», имеется в письме Маркса к М. М. Ковалевскому от 9 января 1877 г. (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 445).

³⁰⁹ См. обвинительный акт по делу «червонных валетов» в приложении к № 10 газеты «Голос» от 9 февраля 1877 г.

обвинение в принадлежности к этому обществу мошенников, которые вымогали деньги обманными путями.

Жизнь с Давыдовским вне законного брака и его арест по уголовному делу оттолкнули от Елизаветы Лукиничны почти всех ее родственников и знакомых. Только брат ее Александр Лукич, хотя сам стал жертвой «червонных валетов», предъявивших на его имя подложный вексель на 150 тысяч рублей, сохранил к ней и Давыдовскому хорошее отношение, но помочь им ничем не мог, так как в это время был разорен.

Денежные дела и самой Елизаветы Лукиничны оказались в плачевном состоянии. К тому же в одиночном заключении Давыдовский заболел. Следователь запугал его, и он оклеветал себя, заявив, будто бы ему принадлежал револьвер, которым был убит Славышенский. Вследствие разных льгот, обещанных следователем другому привлеченному по этому же делу — Протопопову, последний, как это выяснилось впоследствии на суде, ложно оговорил Давыдовского.¹⁶

Надежды на снятие с Давыдовского уголовного обвинения почти не оставалось. Необходимо было привлечь на помощь хорошего адвоката. Оставив своих маленьких дочерей на попечении кормилиц, Елизавета Лукинична поехала в Петербург к В. И. Бартеневу и просила его через посредство О. А. Левашевой, которая тогда опять работала в Интернационале в Швейцарии, раздобыть для нее взаймы 3 тысячи рублей для уплаты адвокату.

Бартенев написал об этой просьбе Н. И. Утину, а последний — Марксу. В письме к Марксу от 17 декабря 1876 г. Утин сообщает все, что мы изложили выше об отношениях Елизаветы Лукиничны и Давыдовского, выражая готовность уделить ей тысячу франков. Он предполагает, что Левашева сможет дать еще две тысячи франков, и просит Маркса сообщить об этой истории Энгельсу и М. М. Ковалевскому. «Если кто-нибудь имеет право на нашу помощь, — добавляет Утин, — то это несомненно Элиза; в свое время она не жалела своего состояния ради нашего дела.³¹⁷ Ковалевский может также оказать большую помощь и другим способом. Он знает много адвокатов в Москве».³¹⁸

Маркс живо откликнулся на это письмо Утина. Он переговорил с Ковалевским, бывшим в это время в Лондоне. Но вследствие внезапного отъезда Ковалевского в Москву по вызову проф. Янжула Маркс написал Ковалевскому 9 января 1877 г. в Москву. В этом-то письме Маркс называет Елизавету Лукиничну «оказавшей большие услуги партии», т. е. Интернационалу,

³¹⁶ См.: Клуб червонных валетов, стр. 500.

³¹⁷ В своих «Воспоминаниях» (стр. 83) А. Н. Куропаткин пишет, что на распространение марксистских идей в России... пошли не только наличные деньги» Елизаветы Лукиничны, «но и ее бриллианты».

³¹⁸ «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 8.

и просит «принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга».³¹³

Последствия этой переписки Бартенева, Утина и Маркса нам неизвестны. Как бы то ни было, но деньги для адвоката нашлись. Защищал Давыдовского адвокат В. М. Томашевский. Последний выразил глубокую уверенность в невинности Давыдовского и в том, что его оговорили другие подсудимые, чтобы облегчить свое наказание.

Выступила на суде вызванная в качестве свидетельницы и Елизавета Лукинична. Но она говорила скорее как защитница, обвиняла судебного следователя в неправильных действиях, которые он применял по отношению к ее мужу, представляла последнего жертвой людей, которые его запутали, «делала обращения к присяжным заседателям и вообще говорила с большим чувством».³²⁰ Это было одно из первых выступлений женщины в русском суде в роли защитницы.

Но никакое красноречие не могло помочь Давыдовскому, хотя даже для суда было ясно, что предварительное следствие по этому делу производилось далеко не безупречно. Как только некоторые подсудимые изъявляли желание дать показания, обвиняющие новых лиц, следователь освобождал их из-под ареста, а они потом несли всякий вздор. Это было отмечено в печати.³²¹

Впоследствии Давыдовский указал, что следственное производство по делу «червонных валетов» разрослось до 60 томов на 15 тысячах листов и что судебная палата, долженствовавшая усмотреть, насколько было правильно привлечение к суду, разрешила этот вопрос за три дня, т. е. даже не ознакомившись с делом как следует.

Если бы на суде Давыдовский объяснил свою близость к «червонным валетам» тем, что он прикрывал этим свою революционную деятельность, то его, несомненно, выделили бы из банды жуликов. Но в таком случае Давыдовский должен был бы выдать и товарищей-революционеров, и в результате он сам и они были бы переданы в III отделение, которое было пострашнее уголовного суда.

В итоге судебного процесса, продолжавшегося с 8 февраля по 5 марта 1877 г., Давыдовский был признан виновным, лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь на поселение «в места не столь отдаленные».

Несмотря на такой приговор, Елизавета Лукинична не поколебалась в своем убеждении в невинности Давыдовского и после-

³¹⁹ См. подробности в моей статье «Карл Маркс и Елизавета Дмитриева» («Каторга и ссылка», 1933, № 3).

³²⁰ См.: Клуб червонных валетов, стр. 168.

³²¹ См. фельетон о деле «червонных валетов» за подписью «Скромный наблюдатель» в газете «Русские ведомости» (1877, 6 марта).

³²² См.: Мемуар Ивана Давыдовского, стр. 367—369.

довала за ним вместе с дочерьми в Сибирь. Она не побоялась трудностей жизни, которые ждали ее в Сибири, и надеялась продолжать и там общественную деятельность.

Еще незадолго до суда Давыдовский был выпущен следователем из тюрьмы под домашний арест. Елизавета Лукинична воспользовалась этим, чтобы официально оформить свой брак с Давыдовским.

О жизни Елизаветы Лукиничны в Сибири мы имеем немного сведений.

Давыдовский, которому было тогда 26 лет, был поселен в Енисейской губернии, в селе Назаровском, в нескольких километрах от города Ачинска. Прибыл он в это село без семьи 5 июня 1878 г.³²³ Вскоре туда же приехали его мать и Елизавета Лукинична с двумя малолетними дочерьми.³²⁴ Давыдовские содержали кондитерскую, в которой сами работали, пекли печенье и пирожные и торговали ими, пока не прогорели. В 1881 г. И. М. Давыдовский получил разрешение на поселение в 26 км от Красноярска в селе Арейском (Заледеево тож), которое вместе с деревнями Установо и Емельянове растянулось по Старо-Московскому грунтовому тракту на 7,5 км параллельно речке Каче (притоку Енисея) и было наиболее значительным населенным местом Красноярского округа.³²⁵

Здесь, в деревне Емельяново, входившей в состав села Арейского, в маленьком двухэтажном домике жили Давыдовские. Елизавета Лукинична все хозяйство по дому вела сама вместе с до-

³²³ Это видно из касающихся И. М. Давыдовского и его семьи архивных документов Красноярского краевого архива, список которых с изложением их содержания был прислан по моей просьбе старшим научным сотрудником этого архива С. Н. Мамеевым. М. О. Шебалина ошибалась, сообщив мне в конце декабря 1928 г., что до поселения в селе Арейском Давыдовские жили в Енисейске.

³²⁴ Это устанавливается по рассказу Ф. Ф. Терской, урожденной Близневской, старушки-колхозницы из села, смежного с селом Арейским, где позже жили Давыдовские. Рассказы ее о семье Давыдовских по просьбе редакции журнала «Литературное наследство» были записаны в феврале 1936 г. инструктором оргбюро Общества изучения Красноярского края Е. И. Владимировым. Копии этой записи и записей рассказов других лиц о пребывании Давыдовских в Красноярске были мне присланы летом 1936 г. Располагая целым рядом других документов и рассказов о Давыдовских, я установил много неточностей в рассказе Ф. Ф. Терской, о которых сообщил 24 октября 1936 г. Е. И. Владимирову. Так, в село Назаровское к Давыдовским не могла приехать мать Елизаветы Лукиничны, а только мать И. М. Давыдовского; кроме того, Давыдовский, лишенный прав ссыльнопоселенец, не мог приехать на место ссылки в качестве «заседателя», т. е. выборного депутата от населения или члена окружного суда, и т. п.

³²⁵ О времени разрешения И. М. Давыдовскому проживать в селе Арейском (в деревне Емельяново) можно заключить по рассказу колхозницы Ф. Ф. Терской и на основании документов о М. П. Сажине, о чем речь будет дальше. Подробности о селе Арейском и прилегающих к нему деревнях и с жизни там Давыдовских сообщены служащим почтово-телеграфного отделения Каргино Енисейского района Ф. И. Шиловым, который знал Давыдовских в 90-х годах. Эти сведения кое в чем более точны, чем сведения, данные мне М. О. Шебалиной.

чьми, включая и черную работу; даже за коровой и лошадью она ухаживала сама. Сено косили ее дочери, когда подросли. Своих дочерей она сама обучала и готовила к самостоятельной трудовой жизни.

Но при всем этом Елизавета Лукинична рвалась к революционной работе. Каждую неделю по средам утром через Арейское, где находился каземат, проходили партии каторжан и ссыльных в Красноярск. А по вторникам вечером Елизавета Лукинична вместе с соседкой Близневской ходила к этапному двору, чтобы проследить, нет ли знакомого из России. Если знакомый оказывался, то она сейчас же садилась в пролетку и ездил в Красноярск на свидание с ним

Елизавета Лукинична искала связей с политическими. Но последние относились к ней с недоверием. Зная, что ее муж — бывший «червонный валет», никто из них не мог поверить, что она была близко знакома с Марксом и активно участвовала в Парижской Коммуне. К ее рассказам об этом относились как к хлестаковщине.³²⁷

Когда в июле 1881 г. ее знакомого по Женеве и Парижу бакуниста М. П. Сажина перевозили на каторгу в Восточную Сибирь, она пыталась повидаться с ним в Красноярской пересыльной тюрьме. Сажин знал, что она после революции 18 марта 1871 г. была специально командирована Марксом в Париж для получения информации. Он слышал ее речи на собраниях парижских рабочих в дни Коммуны. С помощью Сажина она могла бы, наконец, разрушить плотину недоверия, которая отделяла ее от политических ссыльных и обрекала на бездеятельность. Но ее не допустили на свидание с Сажиним.³²⁸

Елизавета Лукинична долго еще не прекращала попыток сближения с политическими. Об этом было, по-видимому, известно бывшему землевольцу и народовольцу Н. С. Тютчеву, жившему с сентября 1887 г. по 27 июня 1888 г. в ссылке в Красноярске.³²⁹

Легко представить себе, что должна была испытывать Елизавета Лукинична в небольшом сибирском селе, через которое проходили этапом политические ссыльные, относившиеся к ней с недоверием и не желавшие допустить ее с мужем в свою среду. Это отношение со стороны политических ссыльных заставило Давыдов-

³²⁶ Сообщение Ф. Ф. Терской.

³²⁷ Сообщение М. О. Шебалиной.

³²⁸ См.: М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 17—78. Что Сажин находился в Красноярской тюрьме с 13 по 29 июля 1881 г., видно из «Ведомости о прибывших в Красноярский тюремный замок политических арестантов 13 июля 1881 г.» (л. 21) и «Ведомости о выбывших из г. Красноярск государственных преступниках 29 июля 1881 г.» (л. 25). Содержание этих документов сообщено мне также С. Н. Мамеевым.

³²⁹ См. его примечание о Елизавете Лукиничне в переведенной им книге Л. Дюбрейля «Коммуна 1871 г.» (ГИЗ, М., 1920, стр. 223, примеч. 2).

ских замкнуться в себе.³³⁰ Только с одним политическим ссыльным — дорожным мастером, иркутским мешанином С. И. Васильевым, жившим в селе Арейском с 18 июня 1893 г., Давыдовские поддерживали близкое знакомство.³³¹

В тогдашней Сибири даже среди многих ссыльных пьянство и картежная игра были почти единственными развлечениями. Но Давыдовский был далек от этого. Не следовал он и примеру иных ссыльных, которые богатели за счет незаконной торговли водкой, выгодно сбывая ее местным жителям в обмен на пушнину и рыбу.

В соседнем сосновом бору у Давыдовского был миниатюрный скипидарный заводик, где он сам работал. Кроме того, он с 1892 г. занимался розыском залежей каменного угля. Полагают, что он был первооткрывателем Коркинских каменноугольных копей. Увлекаясь этим делом и получением заявок на открытые им залежи, Давыдовский тратил на это не только все свободное время, но и те деньги, которые получал от родных из России.³³²

В 1894 и 1895 гг. в семье Давыдовских очень часто бывала имевшая большие связи с красноярскими политическими ссыльными Мария Осиповна Валесюк, позднее по мужу Шебалина, окончившая фельдшерские курсы в Красноярске и поступившая на службу в село, чтобы работать «в народе». М. О. Валесюк лечила, между прочим, и семью Давыдовских и близко сошлась с нею.

Елизавета Лукинична рассказывала М. О. Валесюк много подробностей о своем знакомстве с Марксом и о своей революционной работе во время Парижской Коммуны, но Валесюк, предупрежденная ссыльными, что политическое прошлое Елизаветы Лукиничны «подозрительно», не придавала этим рассказам никакого значения.

Елизавета Лукинична, по словам М. О. Валесюк, много писала, но были ли эти писания воспоминаниями о ее прошлой жизни и сохранились ли, она не знает. Что касается Давыдовского, то он, как она говорит, производил впечатление симпатичного, отзывчивого человека, преданного общественным интересам, и пользовался всеобщим уважением.

3 октября 1898 г. Давыдовский был зачислен в сословие мещан и вскоре переехал с семьей в Красноярск,³³³ где продолжал за-

³³⁰ Это доказывается тем, что когда я обратился в 1928 г. за сведениями о Давыдовских к старожилу Красноярска врачу В. М. Крутовскому, знавшему, как врач и как общественник, всех революционеров и уголовных поселенцев Красноярска за последние 50 лет, то он ничего о Давыдовских мне сообщить не мог. См. его письмо ко мне от 13 июня 1928 г.: «Летописи марксизма», 1928. № 7—8, стр. 78.

³³¹ См.: Дело Заледеевского волостного правления о составлении срочных статистических и других сведений 1894 г., № 14, Ведомость о лицах, состоящих под гласным надзором полиции по Заледеевской волости за сентябрьскую треть 1893 г., стр. 114—115, № 4.

³³² Сообщение Ф. Н. Шилова.

333 д/ Q Валесюк-Шебалина сообщила мне, что И. М. Давыдовский был амнистирован в 1897 или 1898 г. и восстановлен в дворянских правах, после чего он с семьей уехал в Москву. Между тем Ф. Н. Шилов сообщает, что до

ниматься горным делом. Во время разведок Давыдовским каменноугольных пластов в Нахвальской волости Красноярского уезда произошел пожар, продолжавшийся несколько лет и грозивший «ответственностью за все мощущие последовать от сего убытки казны и местного населения». Но Давыдовский в первых числах октября 1902 г. скрылся из Красноярска. Елизавета Лукинична с дочерьми еще до октября 1902 г. выехала из Красноярска.

Таким образом, все те годы, когда происходило единоборство «Народной воли» с самодержавием, когда возникли первые марксистские кружки и подготавливалась революция 1905 г., Давыдовские прожили в Сибири. Участвовала ли Елизавета Лукинична в революционном движении, мы не знаем.

М. П. Сажин слышал, будто Елизавета Лукинична постаралась воспитать своих дочерей так, чтобы они ничего не знали о революции. Этот слух неверен, так как Елизавета Лукинична о своей революционной работе рассказывала представительнице революционной молодежи М. О. Валесюк в присутствии детей.

Инструктор Общества изучения Красноярского края т. Владимиров писал мне 15 ноября 1936 г., что Елизавета Лукинична «наверняка имела связь с революционным подпольем Красноярска, так как в доме, где жила Елизавета Лукинична, вскоре нашли подпольную типографию». Однако отсутствие других данных, подтверждающих это сообщение, лишает нас возможности принять его безоговорочно.

2

Мы подошли к последним годам жизни Елизаветы Лукиничны. Сведения о них еще более скудны, чем о годах ее жизни в Сибири.

Незадолго до революции 1905 г. Елизавета Лукинична поселилась с дочерьми в Москве.³³⁴ Вскоре после революции она уехала в Швейцарию, где ее дочери получили образование.³³⁰ Около 1909 г. они вернулись в Москву.³³⁶

1902 г. включительно, т. е. до своего переезда в Енисейск, он встречался с Давыдовскими в Красноярске. Последнее подтверждается и архивными документами. О причислении И. М. Давыдовского к мещанскому сословию 3 октября 1898 г. см. «Поселенный список мещан города Красноярска» с № 4232 по № 4553 Красноярской мещанской управы и справку той же управы от 17 сентября 1902 г., где говорится, что Давыдовский причислен к мещанам в силу манифеста 15 мая 1883 г., пункт 8, ст. VII с ограничениями по ст. 43 Уложения о наказаниях.

³³⁴ Сообщено мне Е. А. Селиховой, бывавшей у Елизаветы Лукиничны в Москве после 1905 г.

³³⁵ Сообщено мне племянником Елизаветы Лукиничны по ее первому мужу Д. Д. Томановским в его письме от 27 февраля 1930 г.

³³⁶ Можно об атом судить по справочнику «Вся Москва» за 1910 г., где сведения о «потомственных дворянках» Елизавете Лукиничне, Вере Ивановне и Ирине Ивановне Давыдовских, живущих на Моховой в доме Корзинкина, появляются впервые. Во «Всей Москве» за 1914 г. адрес уточнен: Моховая, дом 28, кв. 26. В 1915 г. справочник не издавался. Во «Всей Москве» за 1916 и 1917 гг. указан следующий адрес Давыдовских: Малая Серпуховская,

С Давыдовским она в это время была уже разведена, вернув себе этим право официально именоваться потомственной дворянкой. Возможно, что развод был вызван соображениями революционной конспирации. Брат Владимир Лукич обидел ее при получении наследства после смерти матери, но это не слишком ее огорчило, так как обладание богатством она считала преступлением и предпочитала жить бедной, трудовой жизнью.

Жила она в двух небольших, скудно меблированных комнатах. Старшая дочь, Ирина, поступила на счетоводные курсы Езерского, а младшая, Вера,— в Строгановское училище рисования. Средства к жизни они добывали втроем тем, что разрисовывали игрушки для игрушечных магазинов, бонбоньерки и тарелки для булочных,— Ирина и Елизавета Лукинична начерно, а Вера набело. Работали в комнате, перегородженной драпировкой, за которой была столовая и одновременно спальня Елизаветы Лукиничны.

По впечатлению ее племянницы, Е. А. Селиховой, Елизавета Лукинична оставалась революционеркой по своим убеждениям до глубокой старости. Само собой разумеется, что если даже она и занималась революционной работой, то по соображениям конспирации должна была скрывать это от племянницы, не имевшей отношения к нелегальным кружкам. Никаких дальнейших сведений о Елизавете Лукиничне мы не имеем, неизвестен даже год ее смерти.

Но нет сомнения, что мы узнаем о ней еще много нового, когда нам станут доступны военные и полицейские архивы Парижа и «черный кабинет» Тьера, в которых хранятся перехваченные письма Елизаветы Лукиничны эпохи Парижской Коммуны и другие документы о ней. Вероятно, найдутся еще люди, которые сохранили ее письма и записки и расскажут нам о них.

По мере появления новых материалов, особенно документов о переписке с Марксом и Генеральным Советом членов I Интернационала и Парижской Коммуны, в которых имеются упоминания и о Елизавете Дмитриевой, интерес к последней будет расти.

Близость с Марксом, участие в создании Русской секции Интернационала, героическая работа в Парижской Коммуне — все это свидетельствует о том, что в лице Елизаветы Лукиничны мы имеем одну из замечательнейших русских женщин конца 60-х и начала 70-х годов XIX столетия.

Вследствие того что она последовала в Сибирь за мужем, невинно, по ее мнению, осужденным по уголовному делу, тогда как в действительности он был революционером, с ней произошло трагическое недоразумение: политические ссыльные отнесли к ней с недоверием, не приняли ее в свою среду, и эта изоляция, длившаяся десятилетиями, явилась подлинной трагедией ее жизни.

Но если даже принять в расчет только ее революционную работу, связанную с Русской секцией Интернационала, с Марксом и Парижской Коммуной, то и это одно делает ее жизнь достойной изучения. Будущие исследователи, которые смогут опереться на более широкий круг источников, несомненно полностью восстановят образ этой замечательной революционной демократки 60-х годов, сочетавшей большую для той эпохи теоретико-политическую зрелость с темпераментом революционного борца.

дом 31. Затем издание справочника прекратилось, и следы Давыдовских теряются. В архиве Московского адресного стола на мой запрос, когда Давыдовские прибыли в Москву и выбыли из нее, ответили, что это неизвестно. Дальнейшие сведения о жизни Давыдовских в Москве сообщила мне Е. А. Селихова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО КОМИТЕТА О ЕГО 1-м ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ

Свобода, Равенство, Братство,
Общественная солидарность.
Женский комитет на улице
Аррас, 3.

Женский комитет на улице Аррас, 3, созывает всех примыкающих к нему женщин из всех округов, равно как и всех женщин, интересующихся социальной целью, которую он себе ставит, на публичное собрание, которое состоится в ближайшее воскресенье на авеню Монтэнь, 55, в гимназии Триа, в 3 часа пополудни.

Мужчины будут допущены на это собрание.

Плата за вход 20 сантимов.

Порядок дня: общий отчет операций Комитета; доклады 20 округов; различные предложения и дискуссии; организация публичных собраний социальной коммуны.

Комитет женщин на улице Аррас, 3, занимается всеми вопросами, интересующими женщин в обществе. Он насчитывает теперь более 1800 членов, 160 действующих комитетов и центральные секретариаты в каждом округе. Центральный комитет перенес свое местопребывание в центр города, на улицу Монастыря Нотр-Дам, 14, в дом г-жи Женеьевы Вивьен, и установил свое общее постоянное дежурство на улице Эколь, 8, в организованном им походном госпитале Монж, куда можно обращаться ежедневно для всякого рода справок, относящихся к операциям Комитета.

Судя по тому, что эта афиша напечатана в сборнике «Murailles politiques francaises» (t. I, Paris, 1873, стр. 183) между афишей, помеченной 11 октября 1870 г., и декретом от 11 октября 1870 г. об организации национальной гвардии, можно было бы думать, что первое собрание Комитета женщин произошло 11 октября 1870 г. Но редактор сборника афиш поместил афишу Комитета женщин не там, где ей следовало быть. Автор смешал Комитет женщин с Республиканским комитетом бдительности гражданок 18-го округа, председательницей которого была в октябре 1870 г. Луиза Мишель. Последний комитет тоже созывал на свои собрания делегатов всех республиканских женских коми-

тетов Парижа, как это видно из объявления за подписью Луизы Мишель в «Патри ан данже» («Отечество в опасности»), в № 40 от 20 октября 1870 г. Но из этого же объявления видно, что 20 октября 1870 г. еще только шла речь об объединении женских комитетов «для спасения отечества», между тем как в афише о собрании Комитета женщин улицы Аррас, 3, говорится уже об объединении 160 комитетов, о чем упоминает и Б. Малон в своем рассказе о деятельности Дмитриевой. Очевидно, эта афиша появилась вскоре после взывания «группы гражданок», приведенного нами выше по книге Малона. Первое после него воскресенье приходилось на 9 апреля 1871 г. (в моей статье о Дмитриевой в «Летописях марксизма» (№ 7—8, стр. 69) эта дата указана неточно). Косвенные доказательства того, что эта афиша созывала Центральный комитет женщин на первое публичное собрание, следующие: 1) в этой афише, как и в объявлении о втором собрании, еще не упоминается название Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым, которое было принято, по-видимому, только в конце этого второго собрания, так как в газете «Ля Сосиаль» от 20 апреля 1871 г. есть объявление о созыве 3-го публичного собрания Союза женщин «на понедельник 17 апреля, в 8 часов вечера, в мэрии 4-го округа, в квартале Ратуши, для окончательной организации Союза»; 2) в объявлениях обычно указывается, какое это собрание по порядку — второе, третье и т. д. (это же самое повторялось и в афишах, так как в газетах объявления печатались с большим опозданием, на другой, а то и на четвертый день после уже состоявшегося собрания), а в афише Комитета женщин на улице Аррас, 3, нет указания, какое это собрание по порядку.

Интересно также отметить, что в том же помещении на улице Аррас, 3, помещалась и секция Интернационала Гобелен, так как в газете «Мо д Ордр» (№ 4 от 6 февраля 1871 г.) находим объявление, в котором «члены, принадлежащие к Международному Товариществу Рабочих секции Гобелен, извещают, что окончательное ее местопребывание на улице Аррас, 3. Собрание происходит по вторникам в 8 часов вечера».

II. АДРЕС ЦЕНТРАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО КОМИТЕТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ СОВЕТА КОММУНЫ

Принимая во внимание,

что все обязаны и имеют право сражаться за великое дело народа — за революцию;

что опасность очень близка и враг у ворот Парижа;

что в единении — сила, и потому все отдельные усилия в час крайней опасности должны слиться для организации коллективного сопротивления населения, которому ничто не сможет противостоять;

что Коммуна, как представительница великого принципа, провозглашающего уничтожение всякой привилегии и всякого неравенства, тем самым обязалась принять в расчет справедливые требования всего населения, без различия пола — различия, созданного и поддерживаемого враждой полов, на которую опираются привилегии господствующих классов;

что в победе в настоящей борьбе, имеющей целью уничтожение злоупотреблений и в недалеком будущем полное социальное обновление, обеспечивающее царство труда и справедливости, гражданки заинтересованы так же, как и граждане;

что массовое убийство защитников Парижа версальскими убийцами до крайности возмущает массу гражданок и побуждает их к мщению; что очень многие из них решили, в случае вступления

врага в ворота Парижа, сражаться и победить или умереть в бою за наши общие права;

что серьезная организация этих революционных элементов в силу, способную оказать действительную и солидную поддержку Парижской Коммуне, возможна только при помощи и содействии правительства Коммуны;

поэтому

делегатки парижских гражданок просят Исполнительную комиссию Коммуны:

1) приказать мэрам предоставлять окружным комитетам и Центральному комитету, учрежденным гражданками для организации защиты Парижа, залу в мэриях различных округов, а если это невозможно — отдельное помещение, где комитеты могли бы постоянно заседать;

2) назначить для этой же цели большое помещение, где гражданки могли бы устраивать публичные собрания;

3) напечатать на счет Коммуны циркуляры, афиши и извещения, которые указанные комитеты признают нужным распространить.

За гражданок делегатов, члены ЦК гражданок:

Аделаида Валентен, работница; Ноэми Коллейль, работница; Маркан, работница; Жозефина Пратт, работница; Селина Дельвенкье, работница; Эмэ Дельвенкье, работница; Елизавета Дмитриева.

«Адрес» напечатан в «Официальной газете» Коммуны от 14 апреля 1871 г.

III. ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО КОМИТЕТА О ЕГО 2-м ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ

Гражданки-патриотки извещаются, что завтра, в четверг 13 апреля, в 8 часов вечера, в мэрии 3-го округа, на улице Тампль, ЦК гражданок, основанный для организации движения женщин для защиты Парижа, созывает свое второе собрание. Комитет надеется, что все гражданки ответят на призыв и присоединят свои усилия к его усилиям, чтобы работать сообща для торжества народного дела.

Это «Извещение» напечатано в газетах «Мо д Ордр» и «Кри дю пэбль» 14 апреля 1871 г., т. е. после того, как собрание уже состоялось. Очевидно, собрание созывалось с помощью афиш, хотя в указанном выше сборнике афиш афиша с таким объявлением отсутствует.

IV. УСТАВ СОЮЗА ЖЕНЩИН ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПАРИЖА И ПОМОЩИ РАНЕНЫМ

1. УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТОВ ОКРУГОВ

Ст. 1. В круг ведения комитетов округов входят следующие функции:

а) регистрация женщин, желающих работать в госпиталях, или походных кухнях, или по постройке баррикад;

б) управление фондом, который составит из добровольных пожертвований в каждом округе;

в) ведение переписки и счетоводства по округам;

г) вызов в любое время дня и ночи, по требованию ЦК Союза и по приглашению органов правительства, нужного числа женщин из записавшихся на службу Коммуне;

д) разъяснение каждой из них возложенной на нее задачи и точное указание места, куда она должна направиться;

е) созыв собраний, устраиваемых Центральным комитетом для пропаганды идей Союза и для организации гражданок, объединенных для защиты Парижа;

ж) представление в ЦК ежедневных отчетов о ходе организации в различных округах.

Ст. 2. Комитеты округов состоят из 11 членов, с правом кооптации новых членов и смещения старых, для чего требуется предварительное согласие трех четвертей членов комитета плюс один член.

Ст. 3. Комитеты заседают непрерывно.

Ст. 4. Дежурство одной трети членов плюс один обязательно круглые сутки.

Ст. 5. Пленарные заседания комитетов устраиваются по крайней мере раз в день.

Ст. 6. Члены комитета председательствуют по очереди.

Ст. 7. Комитеты избирают бюро в составе генерального секретаря, двух младших секретарей и казначея, которые могут быть смещены в любое время.

Ст. 8. Каждые два дня комитеты отчитываются перед ЦК в состоянии своей кассы и вносят в кассу ЦК весь излишек денег, остающийся после покрытия необходимых расходов (по переписке, управлению и т. д.).

Ст. 9. Внутренний распорядок управления устанавливается каждым комитетом самостоятельно.

Ст. 10. По первому требованию ЦК комитеты округов должны быть готовы представить отчет в своих действиях.

2. УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Ст. 1. ЦК состоит из делегатов от комитетов округов с правом кооптации и смещения его членов по требованию не менее восьми членов и с согласия не менее половины всех членов ЦК плюс один.

Ст. 2. ЦК заседает без перерыва.

Ст. 3. Присутствие во всякий час дня и ночи одной трети членов ЦК плюс один обязательно.

Ст. 4. Решения принимаются только на пленарных заседаниях ЦК по большинству половины голосов плюс один.

Ст. 5. Общие собрания ЦК происходят не менее двух раз в сутки; присутствие на них всех членов обязательно. В случае невозможности прибыть на заседание, они должны предупредить ЦК заранее.

Ст. 6. Обязанности председателя исполняются всеми членами ЦК по очереди; на каждом заседании избирается новый председатель.

Ст. 7. Всякое предложение, долженствующее войти в порядок дня публичных собраний Союза, должно быть поддержано не менее чем десятью членами ЦК.

Ст. 8. На произнесение речи дается не более десяти минут; один и тот же вопрос не может обсуждаться более двух раз одним и тем же оратором.

Ст. 9. ЦК избирает бюро, состоящее из генерального секретаря, трех младших секретарей и казначея; члены бюро могут быть смещены.

Ст. 10. ЦК принадлежит общее руководство деятельностью Союза.

Ст. 11. ЦК избирает из своей среды Исполнительную комиссию в составе семи членов для сношений с комиссиями Коммуны по управлению госпиталями, кухнями и баррикадами; от последних она получает все необходимые ей инструкции и указания для последующей передачи их комитетам округов.

Ст. 12. Сверх того, ЦК выделяет несколько комиссий, которые должны будут разрабатывать наилучшие способы скорейшего проведения в жизнь его проектов.

Ст. 13. Члены Исполнительной комиссии имеют особые карточки с печатью и подписями ЦК.

Ст. 14. После покрытия расходов по печати, переписке и управлению весь излишек фондов ЦК расходуется следующим образом:

- а) на поддержку нуждающихся и больных членов Союза;
- б) на оплату труда членов комитетов, которые за недостатком средств не могут иначе отдавать все свое время работе в Союзе;
- в) на покупку керосина и оружия для гражданок, которые захотят сражаться на баррикадах; в случае недостатка оружия оно будет распределяться по жребию.

Ст. 15. ЦК обязуется предавать самой широкой гласности все свои действия.

Ст. 16. Настоящие статуты могут быть дополнены или изменены по требованию 10 членов ЦК и с согласия половины общего числа членов всех окружных комитетов плюс один член.

Ст. 17. Гражданки, записывающиеся в комитете своего округа, делают денежный взнос не ниже 10 сантимов. Эти взносы составят основной капитал кассы округа.

Ст. 18. Все члены Союза обязуются признавать нравственный авторитет ЦК и исполнять инструкцию и приказания комитетов округов, к которым они принадлежат.

Ст. 19. Все добровольные пожертвования деньгами и натурой предназначаются для военных госпиталей, питательных пунктов и нуждающихся членов Союза.

«Устав» напечатан в газете «Ля Сосиаль» от 20 апреля 1871 г., где в нескольких строках характеризуется Союз женщин.

V. ВОЗЗВАНИЕ ЦК СОЮЗА ЖЕНЩИН ПРОТИВ ГРУППЫ РЕАКЦИОНЕРОВ

Именем социальной революции, которую мы поддерживаем во имя прав труда, равенства и справедливости, Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым решительно протестует против недостойной прокламации, обнародованной позавчера анонимной группой реакционеров,

В прокламации этой сказано, что парижские женщины зывают к великодушию версальцев и просят о мире во что бы то ни стало. . .

Зывать к великодушию гнусных убийц! Требовать примирения между свободой и деспотизмом, между народом и его палачами!

Нет! Не мира, а войны, — войны без пощады, — вот чего требуют парижские работницы!

Примирение было бы теперь равносильно измене, отречению от всех верований рабочего класса, чающего полного социального возрождения, уничтожения всех существующих общественных отношений и законов, всякой эксплуатации, всяких привилегий, всякой зависимости труда от капитала. Примирение было бы равносильно отказу от освобождения рабочего класса собственными силами.

Шесть месяцев страданий во время осады, в то самое время, когда нам изменили, шесть недель сверхчеловеческой борьбы с коалицией эксплуататоров и потоки крови, пролитые за свободу, достаточно закрепили наши права на славу и месть.

Настоящая борьба может кончиться лишь торжеством народного дела. Париж не уступит, потому что знамя его есть знамя будущего. Пробыл решительный час. . . Да здравствуют рабочие! Долой палачей!

Больше действий, больше энергии!

Дерево свободы уже выросло, политое кровью ее защитников.

Парижские женщины, наученные страданиями, какие всегда влекут за собою общественные перевороты, и глубоко убежденные в том, что Коммуна, представительница международных и революционных принципов, носит в себе зачатки социального обновления, — парижские женщины докажут Франции и всему миру, что и они также способны в минуту крайней опасности, наравне со своими братьями, проливать кровь на баррикадах, на укреплениях и у ворот Парижа, когда к ним подступят реакционеры. Парижские женщины решились дружно защищать Коммуну, т. е. народ.

Договорившись насчет своих общих интересов, работники и работницы соединят свои усилия для уничтожения всех следов эксплуатации.

Да здравствует всемирная социальная республика! Да здравствует труд! Да здравствует Коммуна!

Члены ЦК Союза женщин: Лемель, Жакье, Лефевр, Лелю, Дмитриева.

«Воззвание» напечатано в «Официальной газете» Коммуны от 8 мая 1871 г., а в виде афиш оно было расклеено 5 мая.

VI. ВОЗЗВАНИЕ К РАБОТНИЦАМ

(ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ЦК СОЮЗА ЖЕНЩИН)

ЦК Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными, имея поручение от Комиссии труда и обмена Коммуны организовать труд женщин Парижа и основать синдикальные и федеральные камеры объединенных работниц,

в виду тождества синдикальных и федеральных камер рабочих и групп работниц в цеховых секциях, образующих свободные федерированные производительные ассоциации,

приглашает всех работниц собраться сегодня, в среду 17 мая, на Бирже, в 7 часов вечера, чтобы назначить делегатов от каждой корпорации для образования синдикальных камер, которые в свою очередь пошлют каждая по 2 делегатки для образования Федеральной камеры работниц.

Обращаться за всеми справками в ЦК Союза женщин, организованный и функционирующий во всех округах.

Местопребывание ЦК Союза: улица предместья Сен-Мартен, в мэрии 10-го округа.

Видел и одобрил:	Исполнительная Комиссия ЦК:
делегат при Комиссии	Наталья Лемель, Алина Жакье,
труда и обмена	Лелю, Бланш Лефевр, Коллен,
Лео Франкель.	Жарри, Елизавета Дмитриева.

«Воззвание к работницам» напечатано в сборнике афиш «*Murailles politiques franchises*» (t. II, Paris, 1873, стр. 522) и в «Официальной газете» Коммуны от 18 мая 1871 г., т. е. на другой день после состоявшегося собрания

VII. ПОСЛЕДНЕЕ ИЗВЕЩЕНИЕ ЦК СОЮЗА ЖЕНЩИН

ЦК Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными приглашает работниц всех корпораций собраться в воскресенье 21 мая, в 1 часу пополудни, в мэрии 4-го округа, в зале празднеств для окончательного образования синдикальных и федеральных камер работниц. Париж, 20 мая 1871 г.

(Подписи те же, что и в предыдущей газете).

Извещение напечатано в сборнике афиш «*Murailles politiques francaises*» (t. II, Paris, 1873, стр. 546) и в «Официальной газете» Коммуны от 21 мая 1871 г.

АННА ВАСИЛЬЕВНА КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (ЖАКЛАР)

Выяснение подробностей жизни и деятельности Анны Васильевны Корвин-Круковской, по мужу Жаклар, интересно во многих отношениях. Оно дает нам сведения о первых русских женщинах, получивших высшее образование, и об их связях с революционными демократами и выдающимися учеными Петербурга 1860-х годов. Оно обогащает нас новыми фактами о проникновении марксизма в Россию, о первых сношениях революционных кружков с иностранными, о знакомстве их с идеями Маркса и об участии их в работе руководимого Марксом Первого Интернационала. Оно дает нам новые материалы о политических группировках в Париже накануне Коммуны и об участии русских революционеров в Парижской Коммуне 1871 г. Наконец, оно доставляет нам новые, еще не учтенные критической литературой данные, позволяющие выяснить те индивидуальные влияния, которые оставили свой приметный след в жизни и творчестве русского писателя Ф. М. Достоевского.

О «русской Анне Жаклар»¹ как участнице Парижской Коммуны упоминается в двух-трех словах или в нескольких строках во многих мемуарах о Коммуне и в некоторых ее документах. Но то, что Анна Жаклар была не только парижской коммунаркой, но и талантливой русской писательницей, высоко ценимой Ф. М. Достоевским, а также являлась сестрой знаменитого ученого математика Софьи Васильевны Ковалевской, известно главным образом специалистам. Между тем ее произведения, ее переписка и многочисленные, еще не опубликованные архивные материалы, не имеющие прямого отношения к Парижской Коммуне, дают ясное представление об этой замечательной русской женщине, одной из первых русских учениц Маркса и переводчиков на русский язык его произведений.

Многие из этих архивных материалов были мною получены от племянницы Анны Васильевны, дочери С. В. и В. О. Ковалевских — Софьи Владимировны Ковалевской, а также от некоторых других лиц, которые ниже будут названы. Переписка Анны Васильевны и ее мужэ с Марксом изучена мною в Институте Маркса—Энгельса—Ленина в Москве.

¹ Транскрипция «Жаклар», а не «Жакляр» принята здесь согласно подписи самой Анны Васильевны в ее письме к Достоевскому 70-х годов и ее подписи «Жаклар-Корвин» в «Альбоме М. И. Семевского» (см.: Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок. СПб., 1888, стр. 78).

I. ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ (1843—1863 гг.)

Анна Васильевна Корвин-Круковская родилась в Москве 6 октября 1843 г.² Отец ее Василий Васильевич Круковский, потомок запорожца, в 1869 г. добился утверждения за ним фамилии Корвин-Круковский и официального признания его принадлежности к древнему дворянству. М. И. Семевский, знавший его в 1862 г., отзываясь о нем как о «несколько надутым генеральством», «сухом и чопорном» человеке.

Мать Анны Васильевны была дочерью генерала от инфантерии и внучкой известного астронома академика Шуберта, немца по национальности. Будучи на 20 лет моложе мужа и отличаясь мягким и безвольным характером, она была у него в полном под-

² Н. Н. Голицын в своем «Библиографическом словаре писательниц» (СПб., 1889, стр. 138), основываясь на ошибочном указании в небольшом некрологе Анны Васильевны, помещенном в № 1 «Исторического вестника» за 1888 г., будто бы она умерла «на 41-м году жизни», называет в качестве даты ее рождения 1847 г. Отсюда эта дата без проверки перешла и в «Источник словаря русских писателей» С. А. Венгерова (т. III, стр. 175) и в «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза—Ефрона, так как оба эти словаря ссылаются на Голицына и на некролог. Но данные, приводимые Софьей Ковалевской и ее биографами, заставляют считать годом рождения Анны Васильевны 1843 г. Софья Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства» («Вестник Европы», 1890, №№ 7 и 8) ясно говорит: «Сестра моя Анюта была лет на 6 меня старше, а брат Федя года на 3 моложе». Зная, что Софья Ковалевская родилась 3 января 1850 г., можем установить и год рождения сестры. См. также «Воспоминания» бывшего гувернера семьи Корвин-Круковских И. И. Малевича («Русская старина», 1890, № 12), отличающиеся точностью дат, и записки редактора «Русской старины» М. И. Семевского (там же). Упомянутый здесь «брат Федя» — Ф. В. Корвин-Круковский — в письме, опубликованном в «Русской старине» (1890, № 9, стр. 625), утверждает, что «Анюта родилась в 1843 г. и была старше Софьи на 7 лет». Дочь Софьи Ковалевской сообщила мне, что, согласно имеющемуся у нее дневнику ее бабушки, Анна Васильевна родилась в конце 1843 г. Наконец, на основании датировки еще неопубликованного письма А. М. Евреиновой («Жанны») — двоюродной сестры Анны Васильевны — можно точно установить и день рождения последней — 6 октября (по старому стилю).

³ М. И. Семевский. Поездка по России. «Русская старина», 1890, № 12, стр. 713.

чинении. Известно также, что она любила светскую жизнь и о воспитании детей не заботилась.

Годы раннего детства Анна Васильевна провела сначала в Москве, где ее отец был начальником арсенала, а с 1855 г. в Калуге, куда отец был переведен по службе.⁴

По окончании Крымской войны отец Анны Васильевны был произведен в генерал-лейтенанты артиллерии, вскоре вышел в отставку и в мае 1858 г. поселился с семьей в своем родовом имении Палибино Невельского уезда Витебской губернии (теперь Псковской области), в 150 верстах от Витебска.⁵ «В это время, — говорит Софья Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства», — уже ходили слухи о предстоящей „эмансипации“, и они-то и побудили моего отца серьезнее заняться хозяйством, которым до тех пор заведовал управляющий». Возможно, что на решение заняться хозяйством повлияло и то, что в начале 1850 г. генерал так проигрался в карты в английском клубе в Москве, что ему пришлось заложить бриллианты своей жены.

В деревне Палибино Корвин-Круковские занимали большой дом с башней и залом для домашних спектаклей и с двумя двухэтажными флигелями. Генерал разводил породистый скот, имел винокурный завод.

Когда семья поселилась в деревне, Анне Васильевне было 15 лет. Родители очень мало занимались ее воспитанием. Отец считал воспитание детей женским делом, а мать заходила взглянуть на детей только на минуту перед отъездом на бал или на вече. Дети проводили время в обществе няни, горничных и их гостей, слушая их разговоры и сплетни. Дети других помещиков бывали в их доме редко, а с «простыми детьми» им не позволяли играть. Выводили детей на прогулку редко, только в случае исключительно хорошей погоды, да еще в большие праздники, когда в сопровождении няни их посылали в церковь. Детская почти не проветривалась, и здесь стоял «особенный запах — смесь ладана, дегтярного масла, майского бальзама и чада от сальной свечи».⁶ Гувернантка-француженка не могла войти в детскую без того, «чтобы не поднести брезгливо платка к носу». Детская прибиралась при детях, которые вдыхали пыль, поднимавшуюся при подметании пола и вытряхивании постелей. Спали в одной комнате трое детей, няня и крепостная девочка, приставленная к детям для услуг. Одно было хорошо, что няня рассказывала детям сказки. От гувернанток они приобрели довольно ограниченные познания.

⁴ В некрологе Анны Васильевны ошибочно указано, что первые годы жизни она провела в Палибине.

⁵ См. упомянутые выше «Воспоминания» И. И. Малевича («Русская старина», 1890, № 12) и письмо Ф. В. Корвин-Круковского (там же, № 9, стр. 624).

⁶ С. В. Ковалевская. Воспоминания детства. В дальнейшем многочисленные цитаты из этих «Воспоминаний» приводятся в тексте в кавычках, но без указания источника и страниц в подстрочных примечаниях.

Анна Васильевна в 12 лет даже писать правильно по-русски не умела.

Вместе с семьей из Москвы в Калугу, а затем в Палибино переезжала и гувернантка-француженка, но по приезде в деревню она была заменена англичанкой. Последняя занималась с Анной Васильевной года два, так что она изучила, кроме французского, английский язык. Но как ни старалась англичанка сделать из Анны Васильевны «примерную мисс», из этого ничего не вышло, так как девочка постоянно ссорилась с гувернанткой и не подчинялась ей. В 15 лет Анна Васильевна окончательно «вышла из повиновения», стала считаться взрослой и переселилась из детской в комнату на верхнем этаже, по соседству с матерью. Был в доме гувернер-поляк Иосиф Игнатьевич Малевич, который также занимался с Анной Васильевной, но влияния на нее почти не оказал. Музыка учили ее до 15 лет.

О детстве Анны Васильевны ее сестра замечает: «Анюта росла вольным казаком, не признавая над собой никакого начала. Ей был открыт свободный доступ в гостиную, и она с малолетства заслужила себе репутацию прелестного ребенка и привыкла занимать гостей своими остроумными, подчас очень дерзкими выходками и замечаниями». Она же была царицей на детских балах.

Гораздо печальнее оказалось положение Анны Васильевны, когда она подросла.

Местоположение Палибина на границе Литвы и России очень неблагоприятно отразилось на общении Корвин-Круковских с соседями. В Польше шло уже глухое брожение, перешедшее в революционное восстание 1863—1864 гг. С русским генералом польские соседи-помещики не хотели поддерживать знакомство. Изредка приезжали дядя, молодой брат матери,⁷ да к отцу исправник, акцизные чиновники и евреи-скупщики, но для Анны Васильевны они были не интересны. Зато в доме по целым месяцам жил другой дядя, брат отца, лет 60, жену которого задушили крепостные слуги за дурное обращение с ними.⁸ Имение его было в 20 верстах, и потому он приезжал часто, сообщая за обедом последние политические и научные новости, вычитанные им из иностранных журналов.

О других лицах, бывавших изредка в семье, находим сведения в дневнике матери Анны Васильевны. Это родственник матери О. И. Сенковский (псевдоним «Барон Брамбеус»), бывший профессор арабского языка в Петербургском университете, издатель

⁷ См. стенограмму автобиографического рассказа С. В. Ковалевской в «Русской старине» (1891, № 11, стр. 450).

⁸ По-видимому, это Петр Корвин-Круковский, великолуцкий помещик, автор статьи «О зыкупе крестьян» («Отечественные записки». 1859, № 4 стр. 563—570)

в то время популярного журнала «Библиотека для чтения», семья военного министра Д. А. Милютина, автора книг по военной истории, статистике и географии, и П. Л. Лавров, тогда еще преподаватель высшей математики в Артиллерийском училище, но уже поклонник левых гегельянцев и Фейербаха, французских утопистов-социалистов Сен-Симона, Фурье, Прудона и англичанина Оуэна, убежденный материалист и атеист. У знакомых, куда мать возила Анну Васильевну, они встречались с художником Ф. А. Моллером и знаменитым профессором Медико-хирургической академии Н. И. Пироговым.

В общем жили Корвин-Круковские скучно. Неизменный пасьянс отца либо его преферанс с губернатором Малевичем навели на девушек тоску. Одинокие прогулки по аллеям старинного парка, прогулки верхом также занимали мало. «Анна часто приходила к отцу, — рассказывает С. В. Ковалевская, — и со слезами на глазах упрекала его за то, что он держит ее в деревне». Раз в год на один-полтора месяца отец отправлял ее с женой к теткам Шуберт в Петербург погостить и повеселиться. Но женихов подходящих не находилось. «Чтобы хоть чем-нибудь наполнить пустоту своей жизни, сестра постоянно выдумывала себе какие-нибудь искусственные увлечения».

В доме была довольно большая библиотека, но преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова, по словам С. В. Ковалевской, в ней не было. С русской поэзией дети знакомились по хрестоматии Филонова. Лишь с 60-х годов стали приобретаться собрания сочинений русских писателей и критиков.

Анна Васильевна читала массу английских исторических романов и под влиянием романа Бульвера «Гаральд» в 16 лет прониклась мистицизмом, поселилась в башне, имевшейся при доме, и подражала в самобичевании и самоотречении известному средневековому монаху, автору книги «Подражание Христу», — Фоме Кемпийскому. Но это продолжалось недолго. Сыграв хорошо главную роль в домашнем спектакле, устроенном по поводу именин матери, Анна Васильевна почувствовала призвание быть актрисой и попросила отца отпустить ее учиться в театральной школе, но встретила решительный отказ.

В такой атмосфере деревенского одиночества и отцовского деспотизма Анне Васильевне суждено было бы зачахнуть в полной бездеятельности, но общественная атмосфера России 60-х годов была такова, что вовлекла ее в новый мир, а под ее влиянием и сестру Софью.

⁹ Взято из дневника матери Анны Васильевны, написанного на французском и русском языках, который я получил для просмотра от Софьи Владимировны Ковалевской, племянницы Анны Васильевны.

II. ЗНАКОМСТВО С НИГИЛИЗМОМ.

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА (1863—1864 гг.)

В те годы вся Россия была охвачена брожением. Крестьянство, забитое многовековым крепостничеством и обманутое «освобождением», поднимало стихийные бунты. Университетская молодежь, происходившая из небогатых помещичьих семей и из разnochинцев, все резче выражала свою оппозицию по отношению к правительству, которое чинило ей всяческие препятствия на пути к образованию.

Молодое поколение поняло, что его собственное будущее связано с необходимостью изменения всего политического и социального строя России. К движению примкнула и передовая женская молодежь, для которой приобретение той или иной «свободной» профессии тоже стало насущной жизненной необходимостью. Отрицание всего старого общественного и политического уклада, так называемый нигилизм, стало частью мировоззрения почти всей русской интеллигенции. Нигилистами слыли и писатели легальных журналов — М. И. Михайлов, Шелгунов, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и участники тайных революционных кружков «Великорусе», «Земля и воля» и «Молодая Россия», и многие ученые, как И. М. Сеченов, И. И. Мечников и др.

С новыми взглядами и настроениями молодежи Анну Васильевну в Палибине знакомил сын местного приходского священника. По окончании семинарии он отказался пойти в священники и против воли отца поступил на естественное отделение Физико-математического факультета. В первый же свой приезд на каникулы летом 1862 г. в Палибино молодой студент заинтересовал Анну Васильевну тем, что держал себя независимо по отношению к ее всеильному в деревне отцу. Она начала с ним тайно встречаться на прогулках, слушала его рассказы о «тех великих людях, перед которыми благоговела вся тогдашняя молодежь», получала от него журналы «Современник» и «Русское слово» и даже лондонский «Колокол».

В «Современнике» писал (и был редактором) Н. Г. Чернышевский, «всероссийский демократ-революционер», «величайший представитель утопического социализма в России», как назвал его В. И. Ленин. В «Современнике» сотрудничали также Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов. В «Русском слове» печатались статьи Писарева, потрясавшие молодежь и учившие ее отрицать казенную российскую действительность. Революционный «Колокол», издававшийся в вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, разоблачал реакционное духовенство и военную и гражданскую бюрократию без различия рангов, сыграв большую роль в политическом развитии и в революционном движении России.

К осени студент поссорился со своим отцом и был изгнан из дома, но влияние на Анну Васильевну уже было произведено. Она изменилась даже внешне: начала одеваться просто, в черные платья и зачесывать волосы назад, под сетку. Балы и выезды перестали ее интересовать, по утрам в открытой ее матерью школе она стала учить крестьянских ребятишек, а на прогулках подолгу разговаривала с деревенскими бабами. Появилась у нее страсть к учению: целыми ящиками выписывала она из столицы серьезные книги по естествознанию и истории. Кузина Анны Васильевны Софья Аделунг в своих воспоминаниях о Софье Ковалевской между прочим сообщает, что Анна Васильевна в это время очень увлекалась естественными науками и ее комната превращена была в vivarium для лягушек, кротов и других животных, содержащихся там для наблюдений: «Когда они распрыгались по всему дому, их изгнали совсем, к великому горю Анюты». Аделунг приводит и письмо тетки от 26 июня 1862 г., где говорится, что «Анюта все время проводит у себя в комнате, изучает Аристотеля и Лейбница и целые листы заполняет выписками и рассуждениями. Никогда не гуляет. Только вечером ходит одна по салону, углубленная в размышления».

В это время, как видно будет из дальнейшего, Анна Васильевна встречалась и подружилась в Петербурге, во время поездки туда в конце зимы 1862/63 г., с участницей студенческого движения 1861 г. Натальей Иеронимовной Корсини (впоследствии по мужу Утиной) и с революционеркой Ольгой Степановной Зиновьевой (впоследствии по мужу Левашевой).

В начале 1863 г. Анна Васильевна познакомилась с отставным офицером, преподавателем кадетского корпуса и начинающим литератором М. И. Семевским, братом ученика П. Л. Лаврова — поручика А. И. Семевского, арестованного в сентябре 1861 г. за участие в студенческом движении и преданного военному суду, а затем высланного на Урал.

Воспитатель Малевич, живший в семье Корвин-Круковских, раньше жил в семье Семевских, небогатых помещиков Витебской губернии, и, посещая его, М. И. Семевский стал встречаться с Анной Васильевной и увлекся ею. Судя по упомянутому выше дневнику матери Анны Васильевны за январь—март 1863 г., М. И. Семевский, тогда либеральный молодой человек 26 лет, заинтересовал Анну Васильевну. Он добивался «разрешения бывать» в доме Корвин-Круковских, но отец Анны Васильевны не разрешил ему этого, не желая, чтобы Семевский претендовал на руку его дочери. Через много лет, уже будучи редактором «Русской старины», М. И. Семевский нарисовал яркий образ Анны Васильевны и рассказал о содержании их бесед.

¹⁰ Sophie von Adlung. Jugenderinnerungen an Sophie Kowalewsky. «Deutsche Rundschau», Bd. 89, Berlin, 1896, стр. 396—397.

По его словам, Anne Васильевне было лет 17 или 18.¹¹ Сто была «стройная прекрасная блондинка с синими, иногда как бы зелеными глазами и дивною волнистою косою». Беседы с ней «в области литературы» приводили его в восхищение: «Невольно дивишься, как под сенью деревенского дома, в глуши, в течение нескольких лет почти безвыездной жизни выросла такая прекрасная девушка; она вся дышит возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала на трех-четырех языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории — и все это проявляется в таких простых, очаровательных формах, и вас не гнетет вся эта начитанность, вся эта вдумчивость в прочитанное и изученное».

Из других источников мы знаем также, что Анна Васильевна имела большое влияние на развитие своей младшей сестры, будущего гениального математика и талантливой писательницы, называвшей Анну Васильевну своей «духовной мамой».

Под влиянием Анны Васильевны у Софьи развилась любовь к литературе, появилась способность глубоко задумываться над вопросами жизни. Все это происходило несмотря на то, что «в семье был учрежден полицейский надзор над нею и сестрой ее», так как «опасались влияния старшей на младшую, которую хотели удержать в шаблонах светской барышни».¹³ Что опасения эти не были напрасными, видно ясно из позднейшего письма С. В. Ковалевской к Anne Васильевне (от конца октября 1868 г.), где она называет сестру своей «путеводительной звездой» и подписывается «твоя дочь Софа».¹⁴

Вместе с сестрой Анна Васильевна руководила небольшим кружком женской молодежи в Палибине. Из этого кружка «вышли и сельские учительницы, и акушерки, и фельдшерницы».¹⁵

Но при всем том Анна Васильевна не была удовлетворена своей жизнью. Мать ее отмечает в своем дневнике в июне 1864 г.: «Анюта скучает, желает чего-то неведомого, этих, ей неизвестных, наслаждений жизни; я, смотря на нее, хотя не одобряю ее взгляды на жизнь, но понимаю мечтания и стремления юности, которые мне так дорого достались».

Наконец, Анна Васильевна потребовала от отца, чтобы он отпустил ее одну в Петербург учиться в Медико-хирургической академии. Но отец не пустил ее, заявив, как вспоминает С. В. Ковалевская, что «долг всякой порядочной девушки жить со своими родителями, пока она не выйдет замуж».

¹¹ Это неверно: Anne Васильевне было лет 20, так как она родилась, как уже говорилось, в октябре 1843 г.

¹² М. И. Семевский. Поездка по России, стр. 714.

¹³ Об этом со слов самой Анны Васильевны рассказывает М. К. Цебрикова в своих «Воспоминаниях» («Звезда», 1935. № 6, стр. 198).

¹⁴ См. письмо Софьи Ковалевской: «Голос минувшего», 1916, № 4, стр. 89—90.

¹⁵ См.: М. К. Цебрикова. Воспоминания.

Под влиянием передовых идей эпохи Анна Васильевна в 20 лет стала писать, и в рассказе «Сон» выразила все, что ее в то время волновало, а также свой протест против деспотизма отца.

Героиня рассказа Лиленька, дочь бедного учителя немецкого языка, занимавшаяся шитьем для заработка, живет среди людей пожилых, боящихся жизни и старающихся внушить и ей страх к жизни. Но ее томит однообразие жизни, и она тоскует по любви. Однажды на похоронах одного студента она знакомится с молодым студентом, но из-за господствующих в ее среде предрассудков знакомство это обрывается на первой же встрече. И вот ночью после этой встречи ей снится сон: встретила она с покойным студентом, сошлась с ним, и они живут с ним бедной, трудовой, но счастливой жизнью. Под влиянием этого сна Лиленька стала сокрушаться о даром утраченной молодости, заболела и умерла.¹⁶

В июле 1862 г. передовые журналы того времени «Современник» и «Русское слово» были приостановлены на 8 месяцев. Учитывая наметившийся поворот правительства к реакции, можно было ожидать, что эти журналы прикроют совсем. Поэтому Анна Васильевна обратилась к Ф. М. Достоевскому, журнал которого «Время» за опубликование статьи Страхова о польском восстании 1863 г. был закрыт в мае 1863 г., но с января 1864 г. появился под новым названием — «Эпоха». В этот журнал Анна Васильевна тайно, через посредство экономки, и послала свой первый рассказ. Подписалась она псевдонимом «Ю. О—в», что означало «Юрий Орбелов». Так Анна Васильевна тайно от отца стала пробивать себе дорогу в литературу, рассчитывая таким путем приобрести и некоторую материальную независимость.

Ф. М. Достоевский нашел рассказ «чересчур наивным» и даже «с погрешностями против русской грамоты», но в то же время проникнутым «юношеской непосредственностью, искренностью и теплотой чувства» и обещал его напечатать «с удовольствием». Все это он писал ей в пространным письме, цитируемом в «Воспоминаниях детства» Софьи Ковалевской. Письмо в целях конспирации адресовано было на имя экономки с указанием действительного адресата лишь на внутреннем конверте.

Рассказ «Сон» был напечатан в № 8 «Эпохи» за 1864 г.

Этот литературный успех сильно ободрил Анну Васильевну, и она в три недели написала другой рассказ, «Послушник», ко-

¹⁶ Софья Ковалевская передает содержание этого рассказа в своих «Воспоминаниях детства» совершенно неправильно, слив его отчасти с содержанием другого рассказа Анны Васильевны — «Михаил», который хотя и имеет некоторое сходство с первым по фабуле, но все же содержит такие моменты, которых вовсе нет в «Сне». Мнимый пересказ Софьи Ковалевской по существу является новым рассказом ее собственного сочинения. Героиня его Лиленька не дочь бедного учителя и не швея, а выходит из дому не иначе, как в сопровождении горничной или лакея.

торый также послала Достоевскому. Достоевский ответил ей, что название «Послушник» было забраковано духовной цензурой и что повесть напечатана в № 9 «Эпохи» под названием «Михаил», со многими вымарками и исправлениями, на которые он должен был согласиться. Достоевский затем добавляет: «Повесть ваша всем близким к редакции людям и постоянным нашим сотрудникам очень понравилась. Один из них (Страхов, он же пишет «Заметки летописца»), мнению которого я больше всех доверяю, находит у вас большое прирожденное мастерство и разнообразие. . . Вам не только можно, но и должно смотреть на свои способности серьезно. Вы — поэт. Это уже одно многого стоит, а если при этом талант и взгляд, то нельзя пренебрегать собою. Одно — учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь делает остальное. Да еще надобно верить. Без этого ничего не будет».

Рассказ «Михаил» был напечатан в № 9 «Эпохи» за 1864 г.¹⁸

Герой рассказа, сын богатого вельможи, в раннем возрасте остался круглым сиротой. Молчаливый и непохожий на других детей, он начал чахнуть в кадетском корпусе, куда дядя-опекун отдал 12-летнего мальчика. Тогда его взял к себе в лаврский монастырь другой дядя, старший брат отца, бывший когда-то большим жуиром, а потом, после ареста и 12-летней ссылки, постригшийся в монахи. В лавре Михаил живет с дядей, наблюдает холодную пустоту его души и все же сам становится послушником, хочет раздать свое имение нищим. Но вот лавру посещают одна старая княгиня и ее молодая дочь, которые оказываются старыми друзьями родителей Михаила. Беседа с княжной будит в Михаиле новые чувства, его начинает манить жизнь, и он возвращается в мир. Приехав к богатому дяде, у которого есть сын, пустой малый и кутила, он узнает, что княжна, пробудившая в нем чувство, вскоре выйдет замуж за этого бездельника. У Михаила рождается отвращение к жизни («все корни подточены»), и он возвращается в монастырь к дяде-монаху, заболевает чахоткой и через три месяца умирает с «опустелым сердцем», «в тягостном душевном оцепенении» на глазах у монахов и дяди-схимника, которые ничем не могут облегчить его предсмертных душевных страданий.

В образах Михаила и его дяди здесь даны типы «лишних людей» из дворян, обрисованы такие черты этого класса, которые свидетельствуют о неизбежной его гибели.

При получении Анной Васильевной денег из «Эпохи» за ее рассказ 5 сентября 1864 г. случилась беда. Пакет на имя экономки попал случайно прямо в руки ее отца, заставившего экономку вскрыть его при себе, и тайна раскрылась. Прочтя цитированное

¹⁷ Полное собрание писем Ф. М. Достоевского под ред. А. С. Долинина, т. I, ГИЗ, М.—Л., 1928, письмо № 212.

¹⁸ В некрологе Анны Васильевны в «Историческом вестнике» (1888, № 1) неправильно указано, что рассказы были напечатаны в 1861 г.

выше сопроводительное письмо Достоевского к Анне Васильевне и узнав, что его дочь получила деньги «от незнакомого мужчины», как какая-нибудь наемница, генерал «чуть не умер на месте со стыда и отчаяния». Он сказал дочери: «Теперь ты продаешь свои повести, а придет, пожалуй, время, и себя будешь продавать». Он потребовал, чтобы дочь дала обещание, что она больше не будет писать, но Анна Васильевна не соглашалась, и они не разговаривали целыми днями. Лишь спустя несколько недель под влиянием матери, которая тайно гордилась тем, что ее старшая дочь стала писательницей, отец согласился прослушать ее рассказ «Сон» в торжественной семейной обстановке. Так как этот печальный рассказ заключал в себе много автобиографического, то отец смягчился и разрешил ей писать Достоевскому и даже обещал лично с ним познакомиться при первой поездке в Петербург. Генерал-лейтенант артиллерии несомненно считал это большой жертвой со своей стороны.

В феврале 1865 г., отправляя жену с дочерьми в Петербург, где Анна Васильевна должна была встретиться с Достоевским, отец, как вспоминает С. В. Ковалевская, все же предупреждал: «Достоевский — человек не нашего общества. Что мы знаем о нем? Только то, что он журналист и бывший каторжник. . . Надо быть с ним очень и очень осторожным».

III. ДРУЖБА С Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ (1865—1867 гг.)

С февраля по апрель 1865 г. Анна Васильевна вместе с 15-летней сестрой Соней и матерью проживала в Петербурге в гостях у теток Шуберт. Вскоре по приезде она написала Достоевскому, приглашая его к себе (о посещениях Достоевского молодой девушкой не могло быть и речи). Прочитируем полностью это любопытное письмо:

«Милостивый государь Федор Михайлович.

«Я приехала на несколько дней с моей матерью в Петербург и, пользуясь Вашим позволением, спешу дать Вам знать, что была бы чрезвычайно рада повидаться с Вами и познакомиться лично. Может быть, Вы не откажетесь зайти к нам на днях, и в таком случае чрезвычайно обяжете, если дадите знать, — если возможно с этим посланным, — в какой день и когда Вы соберетесь, чтобы я могла Вас ожидать. Чем раньше назначите день, тем приятнее будет для меня.

«Примите уверение в моем уважении, Анна Круковская.

«Наш адрес: На Васильевском острове, в 1-й линии, дом Шуберта, квартира Фед. Фед. Шуберта».¹⁹

¹⁹ Письмо в подлиннике хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. Письмо дата — 28 февраля — указана по старому стилю. Год не указан. Но можно установить, что это было в 1865 г., так как рассказ «Михаил» напечатан

Молодая писательница была слаба в орфографии, которую мы исправили; но у нее были уже определенные взгляды на жизнь, довольно широкое образование и явная антипатия к «вере», в которой Достоевский видел тогда самое главное в жизни.

Вскоре состоялась первая встреча между Анной Васильевной и Достоевским. Ей было 22 года, ему — 44. Месяцев за 10 до этого, в апреле 1864 г., умерла его первая жена. По-видимому, Анна Васильевна произвела на Достоевского сразу же большое впечатление, так как, несмотря на неудовлетворенность его первым визитом, состоявшимся в присутствии матери Анны Васильевны и тетюшек, он стал приходить очень часто, 3—4 раза в неделю, просиживал *целые* вечера, иногда далеко за полночь, «рассказывал содержание задуманных им романов, иногда сцены и эпизоды из собственной жизни» (в том числе о чувствах, испытанных перед расстрелом и при вести о «помилвании» каторгой). Но больше всего они спорили. «Постоянный и очень жгучий предмет спора между ними был нигилизм», — вспоминает С. В. Ковалевская.

Мы знаем уже, что в ранней юности Анна Васильевна пережила период кратковременного увлечения мистицизмом, однако теперь, будучи атеисткой и нигилисткой, она считала мистические идеи Достоевского совершенно для себя неприемлемыми, как уже пройденную ступень своего духовного развития.

Но Достоевский, давно когда-то переживший увлечение атеизмом и утопическим социализмом и попавший за это на каторгу, считал, что он стал выше нигилизма. Достоевский призывал теперь образованные классы к слиянию с народом, мир мещанства он ненавидел не меньше Герцена, к студенческому движению относился сочувственно и высоко ценил стремление женщин к высшему образованию.²¹

осенью 1864 г., встреча же Анны Васильевны с Достоевским произошла в первую же после этого ежегодную поездку Корвин-Круковских в Петербург.

²⁰ Дочь Достоевского Любовь Федоровна, по-видимому со слов отца, тоже утверждает, что у Корвин-Круковской были уже вполне установившиеся политические, нравственные и религиозные убеждения (см.: Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. ГИЗ, М.—Л., 1922, стр. 55). Тот образ Анны Васильевны, который рисует Л. Гроссман в своей книге «Путь Достоевского» (Л., 1924), его утверждение, будто она в это время была красавицей «с фантастическим гордым характером», «русалкой», «царицей балов», послужившей для Достоевского прототипом образа Катерины Ивановны, отнюдь не соответствует действительности. Как увидим ниже, не воспринимал ее так и сам Достоевский.

²¹ Об отношении Достоевского к миру мещанства см. его «Зимние заметки о летних впечатлениях» («Время», 1863, кн. 2—3). О сочувственном отношении Достоевского к студенческому движению 1861—1862 гг. и о выступлении его в пользу студентов на литературно-музыкальном вечере 2 марта 1862 г. см. в воспоминаниях Н. Н. Страхова: Ф. М. Достоевский, Полное собрание сочинений, т. I, Биография, письма и заметки из записной книжки, СПб., 1883, стр. 233. Об отношении Достоевского к высшему женскому образованию см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. Составил Ч. Ветринский, М., 1912, стр. XXIX.

При всем принципиальном разногласии по ряду вопросов спорить с Достоевским Анне Васильевне было очень интересно. Эти споры заставляли ее приводить все новые доводы в защиту своих атеистических и нигилистических взглядов (хотя она не все в нигилизме принимала), и она чувствовала, что духовно растет в этих спорах.

Даже через 20 лет, вспоминая об этих спорах, Анна Васильевна «с большим чувством говорила о влиянии на нее Достоевского в ранней молодости, считая, что общение с ним много ценного в ней тогда пробудило, осветило ей многое в окружающей жизни. .. наметило ей впереди цели желанных достижений». Ей дорого было и то, что, несмотря на разницу лет, он спорил с нею «с трогательною добротой, как равный с равным», и что они «спорили до крика».²²

Достоевский также находил большой интерес в этих спорах. Он видел перед собой не девушку • — «синий чулок», нигилизм которой проявляется главным образом во внешности, а широко образованную особу, которая, несмотря на то, что ее воспитывали так, чтобы сделать из нее «блестящую светскую барышню», уже оторвалась от ограниченных узких интересов своей среды и жаждала подвигов во имя человечности (чего по существу желал и он сам). К тому же эта девушка оказалась талантливой писательницей, творческие образы которой тоже произвели большое впечатление на Достоевского.²³

Года через полтора, уже сделав предложение другой молодой девушке, в которую он влюбился и которая скоро стала его женой, Достоевский отзывался об Анне Васильевне как об одной из лучших женщин, встреченных им в жизни: «Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована и у нее прекрасное доброе сердце. Это — девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, — слишком уж она прямолинейна».²⁴

В этом отзыве чувствуется уважение Достоевского к убеждениям Анны Васильевны, несмотря на его несогласие с ними, и, конечно, образ «поэтической фантазерки, мечтавшей о средневе-

Цитата из неопубликованных «Записок» Н. Д. Гизетти, урожденной Бекарюковой, писательницы (псевдоним «Т. Барвенкова»), близко знавшей Анну Васильевну в 1884—1886 гг. Копию этой части «Записок» Н. Д. Гизетти передала мне через своего сына. В дальнейшем все цитаты приводятся по этой копии.

Софья Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства» рассказывает, что, когда она читала роман Достоевского «Братья Карамазовы» по мере того, как он печатался (в «Русском вестнике» в 1879 и 1880 гг.), она почувствовала сходство Алехи Карамазова с Михаилом из рассказа Анны Васильевны и сказала об этом Достоевскому, которого видела тогда очень часто. «А ведь это, пожалуй, и правда, — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу: — но верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алеху. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, — прибавил он, подумав».

А. Г. Достоевская. Воспоминания. ГИЗ, Л., 1925, стр. 47.

ковых рыцарях», не более как вымысел Л. Гроссмана,²⁵ не имеющих ничего общего с тем впечатлением об Анне Васильевне, которое она оставила в Достоевском на всю его жизнь.

Будучи очень впечатлительным и увлекающимся, Достоевский сразу влюбился в Анну Васильевну и через два месяца после начала личного знакомства предложил ей стать его женой. Обстоятельства, при которых это произошло, художественно описаны в «Воспоминаниях детства» Софьей Ковалевской, тогда 15-летним подростком, влюбленным в Достоевского, и мы не станем пересказывать это описание. Анна Васильевна отказалась выйти замуж за Достоевского в такой форме, что это его нисколько не обидело, и он сохранил с ней дружеские отношения.

У нас очень мало документов, свидетельствующих об их отношениях непосредственно после апреля 1865 г., когда Анна Васильевна уехала с сестрой и матерью обратно в Палибино.

Из письма А. М. Евреиновой к Достоевскому от 24 ноября 1865 г. видно, что Анна Васильевна незадолго до этого писала Достоевскому и с нетерпением ждала его ответа, а Евреинова была переслать письмо Достоевского Анне Васильевне помимо «подлой цензуры» ее отца.²⁶

Отец Анны Васильевны, генерал Корвин-Круковский, писал Достоевскому 14 января 1866 г. из Палибина, благодаря его за «участие в литературных занятиях» его дочери. «По возвращении жены моей с дочерью из Петербурга, — говорилось между прочим в письме, — они сказали мне, что Вы располагали приехать летом отдохнуть у нас в деревню. Конечно, мы все были бы этому рады».²⁷

М. И. Семевский известил Достоевского письмом от 27 февраля 1866 г., что он узнал «вчера» о приезде Корвин-Круковских, и осведомился, где они остановились, так как хочет посетить их.^{28*} Из этого видно, что весной 1866 г. Анна Васильевна опять была в Петербурге и, может быть, виделась с Достоевским.

После отъезда Корвин-Круковских в Палибино Ф. М. Достоевский в апреле—мае 1866 г. писал Анне Васильевне, сообщая о своей поездке в Москву, о работе над «Преступлением и наказанием» и о том, что, возможно, приедет летом к ним в Палибино.²⁹

В письме к Анне Васильевне в Палибино от 17 июня 1866 г. Достоевский рассказывал ей о своих финансовых и литературных делах, выражал желание ее видеть, просил написать, когда именно она собирается приехать в Павловск, где жили ее родственники

Евреиновы, и признавался, что он «очень хочет погостить» в Палибине.³⁰ Из всего этого можно заключить, что Достоевский еще не считал отказ Анны Васильевны стать его женой окончательным.

В начале ноября 1866 г. Анна Васильевна писала Достоевскому из-за границы, куда она уехала с матерью и сестрой ради лечения. Об этом письме Достоевский говорил своей стенографистке Д. Г. Сниткиной за два дня до того, как сделал ей предложение, так что последняя даже приревновала Достоевского к Анне Васильевне, что она и отметила в своих «Воспоминаниях».³¹

Здесь мы должны остановиться на одном пункте в отношениях Анны Васильевны к Достоевскому, который изображен в неправильном свете А. Г. Достоевской в ее «Воспоминаниях» и который, хотя и признан Л. Гроссманом «не совсем правильным», но совершенно им не выяснен.

А. Г. Достоевская пишет: «Как-то раз Ф. М. Достоевский подробно рассказал мне, как сватался к Анне Васильевне Корвин-Круковской, как рад был, получив согласие этой умной, доброй и талантливой девушки, и как грустно было ему вернуть ей слово, сознав, что при противоположных убеждениях их взаимное счастье невозможно».³²

И дальше А. Г. Достоевская передает якобы подлинные слова Достоевского об Анне Васильевне после получения им ее заграничного письма в ноябре 1866 г.: «Навряд ли. . . наш брак мог быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива».

Отсюда можно заключить, что хотя бы короткое время Анна Васильевна была невестой Достоевского, что на его предложение стать его женой она ответила согласием и что сам Достоевский отказался потом на ней жениться. Но все это совершенно не соответствует действительности. По свидетельству Софьи Ковалевской, Анна Васильевна сразу же после предложения Достоевского говорила ей: «Я, разумеется, очень люблю его и ужасно, ужасно уважаю. Он такой добрый, умный, гениальный. Но. . . я не так люблю его, чтобы пойти за него замуж. . . Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить. К тому же он такой нервный, требовательный. Он по-

³⁰ См.: Полное собрание писем Ф. М. Достоевского под ред. А. С. Долинина, т. I, письмо № 245.

³¹ Софья Ковалевская сообщает, что Достоевский спустя полгода после своего неудачного сватовства к ее сестре, т. е. в октябре 1865 г., написал ей, что встретил А. Г. Сниткину и женится на ней. Эта дата ошибочна. Знакомство Достоевского с А. Г. Сниткиной состоялось 4 октября 1866 г., когда она стала «го стенографисткой» (см. примечание А. Г. Достоевской: Письма Достоевского к жене. ГИЗ, Л., 1926, стр. 312).

³² А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 36.

³³ Там же, стр. 56.

²⁵ Л. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.—Л., 1935, стр. 147.

²⁶ Письмо А. М. Евреиновой хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки им. Ленина в Москве.

²⁷ Подлинник этого письма хранится в Пушкинском доме в Ленинграде.

²⁸ Письмо напечатано в кн.: Л. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского, стр. 157.

²⁹ Там же, стр. 158.

стоянно как-будто захватывает меня, всасывает меня в себя; при нем я никогда не бываю сама собою».

Отказ Анны Васильевны стать женой Достоевского был известен посторонним лицам. Так, М. И. Семейский пишет, что Анна Васильевна «стала кумиром Достоевского», горячо, глубоко, искренне любившего ее и безуспешно просившего ее руки.³¹ Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных «Записках» говорит по этому поводу следующее: «Этот брак для Анны Васильевны немислим был уже и потому, что, ярая энтузиастка-шестидесятница, она не могла бы поступиться своими „диаметрально-противоположными убеждениями не только в угоду Достоевскому, высоко ею чтимому гениальному писателю и недавнему политическому мученику, но и человеку, которого полюбила бы, как это случалось тогда. В те времена это был вопрос чести для отстаивавшей в активной борьбе свое равноправие и самостоятельность женщины, а не только вопрос, будет ли счастье. И не одной личной „прямолинейностью“ решались подобные вопросы».

Анна Васильевна провела за границей почти целый год (с осени 1866 г. до осени 1867 г.). Двоюродная сестра ее С. Аделунг сообщает, что в 1866 г. Анна Васильевна вместе с матерью и Софьей Васильевной заезжали проездом в Штутгарт и остановились в семье Аделунгов. В ноябре 1866 г., как мы уже знаем, Анна Васильевна писала Достоевскому из-за границы. Часть 1867 г. путешественницы провели в Швейцарии. Осенью этого года, как сообщает И. И. Малевич, Анна Васильевна с сестрой и матерью уехали в Петербург.³⁵

Мы не знаем, встречалась ли Анна Васильевна в конце своего пребывания в Швейцарии с Достоевским, приехавшим с женой из Бадена в Женеву 13 августа 1867 г.³⁶ и прожившим за границей до июля 1871 г.

Год пребывания за границей способствовал дальнейшему развитию у Анны Васильевны революционных взглядов, которые она привила и своей сестре. Подруга Софьи Ковалевской А. К. Леффлер со слов последней сообщает, что зимой 1867/68 г. «обе сестры очень увлекались новыми идеями и мечтами о перевороте в обществе».³⁷

В Швейцарию, центр тогдашней русской эмиграции, Анна Васильевна попала как раз в то время, когда там происходили I и II конгрессы Интернационала (в Женеве в начале сентября

1866 г. и в Лозанне в начале сентября 1867 г.). На них обсуждались между прочим вопросы о необходимости уничтожить реакционное влияние русского самодержавия в Европе. В резолюции Лозаннского конгресса отмечалось, что «установление политических свобод является мерой первой и безусловной необходимости». Решения обоих конгрессов Интернационала не могли не произвести глубокого впечатления на революционно настроенную русскую девушку.

IV. ВСТРЕЧИ С НИГИЛИСТАМИ И РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В ПЕТЕРБУРГЕ. «ЭМАНСИПАЦИЯ» ОТ СЕМЬИ (ЗИМА 1867/68 — ВЕСНА 1869 г.)

Вернувшись в Россию, Анна Васильевна поставила своей первой задачей вырваться из «гнетущей, мешающей жить искренне и серьезно палибинской обстановки»,³⁸ освободиться от опеки семьи. Средством для этого мог служить только фиктивный брак с таким человеком, который предоставил бы ей полную свободу в устройстве своей жизни. Фиктивные браки в те годы были обычным средством освобождения передовых девушек от власти родителей. «Мы ищем людей, подобно нам горячо преданных делу, которых принципы были бы тождественны с нашими, которые не женились бы на нас, а освободили бы, сознавая, что мы необходимы, будучи полезны в настоящей обстановке», — писала кузина и подруга Анны Васильевны — А. М. Евреинова.³⁹

И вот Анна Васильевна начала искать среди знакомых такого человека, с которым она могла бы вступить в фиктивный брак. «Когда трем или четверем из нас, молодежи, — писала впоследствии об этом периоде своей жизни С. В. Ковалевская, — случилось где-нибудь в гостиниой встретиться впервые среди целого общества старших, при которых мы не смели громко выражать своих мыслей, нам достаточно было намека, взгляда, жеста, чтобы понять друг друга и узнать, что мы находимся среди своих, а не чужих. И когда мы убеждались в этом, какое большое, тайное, непонятное для других счастье доставляло нам сознание, что вблизи нас находится этот молодой человек или эта молодая девушка, с которыми мы, быть может, раньше и не встречались, с которыми мы едва обменивались несколькими незначительными словами, но которые, как мы знали, одушевлены теми же идеями, теми же надеждами, тою же готовностью жертвовать собой для Достижения известной цели, как и мы».

³⁴ М. И. Семейский. Поездка по России, стр. 715.

³⁵ И. И. Малевич. Воспоминания, стр. 615—654. Точность дат здесь достовернее, чем в других воспоминаниях о семье Корвин-Круковских.

³⁶ См. итинерарий к заграничному путешествию Ф. М. и А. Г. Достоевских в 1867 г. по «Дневнику А. Г. Достоевской» в кн.: Письма Ф. М. Достоевского к жене, стр. 380—381.

³⁷ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания. «Северный вестник», 1892, № 9—12.

³⁸ Выражение С. В. Ковалевской в одном ее письме к Анне Васильевне в октябре 1868 г.

³⁹ Слова из письма А. М. Евреиновой к Ю. В. Лермонтовой от 1 июня 1868 г. Письма А. М. Евреиновой в подлинниках переданы были мне дочерью С. В. Ковалевской Софьей Владимировной.

Такого единомышленника сестры Корвин-Круковские встретили в лице Владимира Онуфриевича Ковалевского.⁴⁰

Он был сыном небогатого помещика Витебской губернии. Первоначальное образование он получил в Петербурге в английском пансионе, которому был обязан прекрасным знанием английского, французского и немецкого языков. Позднее он изучил итальянский язык, а польский знал с детства. Затем он окончил училище правоведения, но карьера чиновника не удовлетворяла Ковалевского, который уже начал интересоваться естествознанием. Так как материальные условия семьи ухудшились, то В. О. Ковалевскому пришлось с 16 лет самому содержать себя, зарабатывая на жизнь переводами для книгопродавцев Гостиного двора. В 1861—1863 гг. он побывал в Германии, Франции и Англии. В Лондоне он давал уроки детям Герцена. Он был близко знаком с такими вождями «нигилизма», как писатели Шелгунов и Михайлов, члены «Земли и воли» Л. Ф. Пантелеев и доктор Боков. Он принимал тайное участие в польском восстании 1863 г., а по возвращении в Петербург стал переводчиком и издателем популярной иностранной литературы по естествознанию, поставив своей целью пропаганду материалистических идей. Он же издал в 1863 г. роман Герцена «Кто виноват?». Зимой 1866/67 г. он поехал в качестве корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» на войну, которая велась между Австрией, Пруссией и Италией, и состоял в штабе Гарибальди, двинувшегося с отрядом волонтеров в итальянский Тироль.⁴¹

⁴⁰ По рассказу А. К. Леффлер, Анна Васильевна с сестрой и еще одной молодой девушкой — Инной Лермонтовой прежде явились с предложением фиктивного брака к одному молодому профессору университета, но получили от него отказ. Этот рассказ неверен, так как из писем 1868 г. В. О. Ковалевского и сестер Корвин-Круковских (о них еще будет речь ниже) видно, что с Лермонтовой они познакомились уже после того, как Софья Васильевна Корвин-Круковская вышла замуж за В. О. Ковалевского. Леффлер ошибается также, называя Лермонтову Инной, — ее звали Юлией Всеволодовной. Ю. В. Лермонтова родилась в Петербурге 21 декабря 1846 г. и получила домашнее образование. Живя в 60-х годах в Москве, где ее отец, генерал, был начальником кадетского корпуса, она вступила в переписку со своей кузиной А. М. Евреиновой и сестрами Корвин-Круковскими по вопросу о поступлении в университет. В 1869 г. ей удалось поехать за границу, и она училась 3 года в Гейдельберге, живя вместе с С. В. Ковалевской, и затем 2 года в Берлине. Работала она у известных профессоров-химиков Бунзена и Гофмана и получила диплом доктора химии в Геттингене в 1874 г. Затем работала в лабораториях Бутлерова в Петербурге и Марковникова в Москве и напечатала ряд статей по химии, в частности по вопросу о перегонке нефти. В 1884 г. она вынуждена была оставить занятия по химии «по трудности найти применение своих знаний» и поселилась в своем имении, где занялась сельским хозяйством. Настоящие сведения взяты из краткого жизнеописания Ю. В. Лермонтовой, составленного, по-видимому, ею самой и переданного мне Софьей Владимировной Ковалевской.

⁴¹ О В. О. Ковалевском см.: А. А. Борисьяк. В. О. Ковалевский, его жизнь и научные труды. Изд. АН СССР, М.—Л., 1928; Деятели революционного движения в России, т. I, ч. II. М., 1923 (здесь указана и литература

Вернувшись в Россию, В. О. Ковалевский собирался было жениться на Марии Петровне Михаэлис, сестре одного из руководителей студенческого движения 1861 г. — Евгения Петровича Михаэлиса, участвовавшего вместе с М. И. Михайловым в распространении прокламации «К молодому поколению». 19 мая 1864 г. Мария Петровна приняла участие в демонстрации, устроенной по поводу обряда гражданской казни над Н. Г. Чернышевским, за что была выслана из Петербурга. Но перед высылкой за два часа до венчания, у нее выяснились какие-то расхождения во взглядах с Ковалевским, и венчание не состоялось, что не повлияло на хорошие отношения Ковалевского с семьей его бывшей невесты. Зимой 1867/68 г. В. О. Ковалевский, не оставляя издательского дела, решил серьезно заняться наукой и настолько преуспел, что впоследствии стал выдающимся ученым, профессором палеонтологии в Московском университете. Узнав про необычайную любовь к науке сестры Анны Васильевны Софьи, он согласился стать фиктивным мужем последней, чтобы помочь ей уехать за границу учиться.

В. О. Ковалевский нашел в сестрах Корвин-Круковских «личностей, далеко не обыкновенных». «Это сильно работающие и замечательно развитые существа», — писал он брату 11 мая 1868 г.⁴² В частности, о своей будущей жене он высказался в одном из писем так: «Я со всею своею опытностью в жизни, с начитанностью и натертостью не могу и половину так быстро схватить и разбирать разные политические и экономические вопросы, как она».⁴³

Встретив сопротивление со стороны отца сестер Корвин-Круковских, В. О. Ковалевский, по соглашению с ними, решил «крупно компрометироваться». В мае 1868 г., за день до отъезда из Петербурга в Палибино, Софья Васильевна «убежала» к нему на квартиру. Она «сказала, • — как писал Ковалевский в том же письме, — что не поедет домой; приехала мать, была сцена, слезы... наконец, она уехала, но нас обещали поженить осенью».

Вместе с сестрами Корвин-Круковскими В. О. Ковалевский в Петербурге изучал физиологию и редактировал печатавшиеся у него переводы Дарвина. Около 25 июня 1868 г. он поехал к ним на 3 недели в деревню, и там они продолжали заниматься еще более усидчиво, не менее 6 часов в день, причем занимались математикой, физикой, органической химией и опять редактированием.⁴⁴

о нем). Что В. О. Ковалевский был настроен революционно, видно из его письма к брату от 9 октября 1869 г. из Парижа, где он отрицательно отзывался о «буржуазных взглядах» Вырубова и о равнодушии последнего к «рабочему вопросу».

⁴² Письма В. О. Ковалевского к брату хранятся в Комиссии по истории знаний Академии наук СССР.

⁴³ Письмо без даты; очевидно, относится к началу июня 1868 г.

⁴⁴ См. письмо В. О. Ковалевского к брату от 28 июня 1868 г.

Анна Васильевна перевела для издательства В. О. Ковалевского книгу Г. Т. Бокля «Отрывки из царствования королевы Елизаветы. Пять глав из III тома „Истории цивилизации в Англии“» (СПб., 1868).⁴⁵

Сближение с В. О. Ковалевским оказало плодотворное влияние на Анну Васильевну и ее сестру, сразу поставило их в центре тогдашнего передового Петербурга. Это ясно видно из писем тех лет В. О. Ковалевского, Анны Васильевны и ее сестры, а также их двоюродной сестры и подруги Анны Михайловны Евреиновой, дочери генерал-лейтенанта, коменданта Петергофа, бывшей всего лишь на один год моложе Анны Васильевны и также страстно стремившейся вырваться из-под семейной опеки, чтобы уехать за границу учиться. Впоследствии А. М. Евреинова добилась своей цели и стала первой русской женщиной, получившей ученую степень доктора прав (в Лейпциге). С 1885 по 1890 г. она издавала журнал «Северный вестник».

Наиболее часто Анна Васильевна встречалась с сестрой сосланного на каторгу распространителя подпольных листов «Великорусе» — Марией Александровной Обручевой. Последняя вышла фиктивно замуж за готовившего ее к экзамену на аттестат зрелости молодого врача Петра Ивановича Бокова, друга Чернышевского и члена «Земли и воли». Боков и его жена были действительно людьми нового типа. Как это нередко случалось, они полюбили друг друга, и их фиктивный брак перешел в настоящий. Но вскоре М. А. Бокова, слушая лекции по физиологии профессора Сеченова, одного из виднейших представителей научного материализма в России, сблизилась с ним, и Боков дал ей полную свободу, оставшись ее другом на всю жизнь. Более того, полюбив в свою очередь другую женщину, Боков поселился с нею на одной квартире с Сеченовым и Марьей Александровной. Мария Александровна переводила для издательства В. О. Ковалевского «Жизнь животных» Брэма.⁴⁶ Она, по-видимому, была очень дружна с В. О. Ковалевским, так как именно она убрала квартиру Ковалевских перед приездом их в Петербург после венчания в Палибине 15 сентября 1868 г. Мария Александровна училась в Гейдельбергском университете и впоследствии стала врачом. Официально она продолжала считаться женой Бокова, так что ее фактический муж Иван Михайлович Сеченов одно время даже считался возможным кандидатом для фиктивного брака с Анной Васильевной Корвин-Круковской, но не согласился на это.⁴⁷

В. О. Ковалевский и Бокова начали встречаться с сестрами Корвин-Круковскими зимой 1867/68 г. у Н. П. Суловой, которую Анна Васильевна и Софья Васильевна посещали тайно от родных,

уезжая из дому под предлогом присутствия на церковной службе.⁴⁸

Надежда Прокофьевна Сулова (дочь бывшего крепостного, а затем владельца ситцебумажной фабрики), ровесница Анны Васильевны, была вольнослушательницей в Медико-хирургической академии, где занималась под руководством Сеченова. С 1864 по 1867 г. она училась на Медицинском факультете в Цюрихе⁴⁹ и вскоре вышла замуж за профессора Эрисмана. Первой из русских женщин она сдала экзамены на доктора медицины, хирургии и акушерства сначала в Цюрихе, а затем в Петербурге.⁵⁰ Бывая в Петербурге, она часто встречалась с сестрами Корвин-Круковскими и с А. М. Евреиновой, а из-за границы переписывалась с ними. Так, в письме к Ю. В. Лермонтовой от 23 июня 1868 г. А. М. Евреинова упоминает, что Н. П. Сулова-Эрисман писала ей и сестрам из Вены. Впоследствии, весной 1869 г., когда Ковалевские собирались уехать за границу, их квартира должна была перейти к той же Суловой, задумавшей открыть в Петербурге женскую клинику.⁵¹ Сулова была одной из первых русских нигилисток. Ее сестра Аполлиария Прокофьевна, тоже нигилистка, оказала некоторое влияние на Достоевского.

Судя по письмам А. М. Евреиновой и сестер Корвин-Круковских тех лет, у В. О. Ковалевского бывали его брат Александр Онуфриевич Ковалевский, зоолог, впоследствии академик («нигилист сильный», как характеризует его С. В. Ковалевская), затем Илья Ильич Мечников, известный биолог, открывший фагоциты («надежд на него никаких не может быть как на фиктивного мужа», — пишет про него С. В. Ковалевская 17 и 20 сентября 1868 г.), доктор Белоголовый, известный своими передовыми убеждениями, жена университетского ассистента по физике Фан-дер-Флита «из нигилистического кружка»,⁵² и др.

С В. О. Ковалевским были близки по издательским делам некоторые участники подпольного революционного движения. К числу их, кроме доктора Бокова, относились владелец книжного магазина и библиотеки для чтения на Невском проспекте А. А. Черкесов и его управляющий по магазину В. Я. Евдокимов.⁵³ Именно к этому Евдокимову А. М. Евреинова перед своей

⁴⁸ См. письмо В. О. Ковалевского к брату от 11 мая 1868 г.

⁴⁹ См. статистические сведения о женщинах, учившихся в швейцарских университетах и в Париже: П. Н. Ариан. Первый женский календарь. СПб., 1899, стр. 139—142.

⁵⁰ См. об этом упоминание в статье Герцена «Женщина и священник, приобщенные к правам человека»: А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и ;исем под ред. М. К. Лемке, т. XX, СПб., 1923, стр. 372.

⁵¹ См. об этом в письме С. В. Ковалевской к сестре и А. М. Евреиновой от 17 сентября 1868 г.

⁵² См. письмо С. В. Ковалевской к сестре без даты (видимо, от начала октября 1868 г.): «Голос минувшего», 1916, № 3, стр. 229.

⁵³ В. Я. Евдокимов — бывший офицер, нигилист, впоследствии председатель Шлиссельбургского комитета помощи заключенным. См.: О. К. Буланова-Трубинова. Три поколения. М.—Л., 1928, стр. 177.

поездкой за границу обращалась за материальной помощью. А. М. Евреинова была также одной из корреспонденток литературного критика, известного революционера П. Н. Ткачева, с которым она завязала знакомство, написав ему по поводу его статей о женском вопросе.

В письме от 15 ноября 1868 г. она сообщает Ю. В. Лермонтовой: «Вы пишете мне про статью Ткачева. Действительно эта статья того самого, которого знаю, и всякий раз, что бываю в Петербурге у сестер Круковских всегда урываюсь и к нему. У него могу я встретить людей, которые бы охотно оказали услугу освободить нас. Личность эта далеко не обыкновенная, но хорошая и глубоко сочувствующая женскому делу. Крайний радикал по убеждениям, и вообще мы сходимся, очень сходимся во многом, касающемся дела. Познакомилась я с ним именно вследствие названной вами статьи. По прочтении ее в майской и июньской книжках „Дела“⁵⁴ я нашла должным заявить ему полное и искреннее сочувствие, как женщина, борцом за которую он так выказал себя. На это письмо получила я от него славное письмо, в котором, изливая свою благодарность за сочувствие мое к нему, очень просил устроить знакомство с ним. Таким образом приобрела я участие и расположение к нам, и я надеюсь, что это будет не бесполезно для нас. . . С нетерпением ожидаю я появления в печати одной его переводной работы „Рабочий вопрос“».⁵⁵

Как видно из письма А. М. Евреиновой от 13 апреля 1869 г., она была знакома и со студентом Языковым (даже предполагала выйти за него фиктивно замуж), который решил эмигрировать в Америку, «чтобы устроить там русскую колонию для молодых людей, которым обстоятельства мешают развиваться».⁵⁶

Так как А. М. Евреинова жила общею духовною жизнью с сестрами Корвин-Круковскими и с В. О. Ковалевским, то несомненно, что и последние были осведомлены обо всем, что касалось знакомых А. М. Евреиновой.

Одним из согласившихся на фиктивный брак с Анной Васильевой был Иван Александрович Рождественский, сын священника,

⁵⁴ Речь идет о статье Ткачева «Люди будущего и герои мешанства», по указанию А. М. Евреиновой, что статья эта напечатана в майской и июньской книжках «Дела», неточно: она была напечатана в апреле и мае 1868 г.

⁵⁵ Имеется в виду переведенная Ткачевым книга Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению». Как сообщил В. Черкезов Максус Неттлау, П. Н. Ткачев в 1868 г. состоял в Петербурге в революционном подпольном кружке. См.: М. Ne 111 a u. Bakunin und die russische revolutionäre Bewegung in den Jahren 1868—1873. Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, 1915, V Jahrgang (Grünbergs Archiv), стр. 376.

В «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Петербургской губернии на 1867 г.», значится Владимир Николаевич Языков, состоявший под негласным бдительным надзором в Петербурге по поводу «заявления им учения своего о нигилизме». Вероятно, А. М. Евреинова была знакома именно с ним.

бывший студент Петербургского университета, арестованный и уволенный в 1861 г. за участие в студенческих беспорядках, основатель издательской артели, переводчик и журналист. Но попович был совершенно неприемлем для чванного отца Анны Васильевны.

Сестры Корвин-Круковские и А. М. Евреинова внимательно следили за всем, что касается политики. Так, в письмах С. В. Ковалевской и А. М. Евреиновой к Ю. В. Лермонтовой мы встречаем упоминания о студенческих волнениях в Петербурге в январе 1869 г. В письме от 6 мая 1868 г. А. М. Евреинова пишет: «Убеждена, что только научно-экономическим путем возможно достичь переворота к лучшему. В дальнейшем у нас⁵⁷ имеется в виду много проектов, в которых ассоциационное начало пока преимущественно избрано нами как самое доступное переходное состояние для массы».

В другом письме, от 23 июня 1868 г., она же пишет: «Неопровержимая аксиома политической экономии это то, что единственный регулятор в определении богатства—это труд. Последний находится в рабской зависимости от капитала, — честные научные люди поняли, что первая забота их должна заключаться в освобождении труда, так как иначе регулируется он неверно». Наконец, в третьем письме, от 15 ноября 1868 г., читаем: «Напрасно думаете вы, что трудно приложить к делу знание политической экономии; напротив, трудно, если не сказать невозможно, предпринять что-либо практическое без знания начал и законов, руководствуясь которыми единственно и возможно не заходить в своих предприятиях в область утопий. Почва, исследование которой и затем разработка предоставляют всякому желающему применить свое знание по этой науке широкое поприще и готовый сырой материал, — это наши русские артели».

Из этих высказываний ясно, что сестры Корвин-Круковские и А. М. Евреинова находились под сильным влиянием социалистических идей 60-х годов. Возможно, что от Ткачева они услышали и о Марксе, так как Ткачев еще в 1865 г. в статье в «Русском слове» (№12) ссылаясь на предисловие «К критике политической экономии» Маркса, где вкратце изложена теория исторического материализма, а затем излагал идеи этого предисловия и в других статьях.

В письме от 6 мая 1868 г. А. М. Евреинова сообщает, что она и Анна Васильевна изучили стенографию, которая ей и ее «сестре», как она называет Анну Васильевну, «чрезвычайно сокращает время при. . . письменных занятиях». Они предполагали использовать стенографию и для заработка, так как одно время

у них был проект порвать с родителями. Но без паспорта жить оседло было невозможно, а потому у них появился другой план — под видом паломничества по монастырям совершить длительное путешествие по России и познакомиться с условиями жизни народных масс. В начале января 1869 г. решено было уехать за границу. В письме, относящемся к этому времени, А. М. Евреинова пишет об Анне Васильевне: «Анюта поедет во Францию познакомиться и исследовать социальное движение, где в настоящее время появилось много хороших личностей и движение там всего сильнее, так что поездка ее будет не бесполезна». А. М. Евреинова с Анной Васильевной предполагали жить в Париже переводами для В. О. Ковалевского, который заверил их, что может дать им работы на 1000 рублей в год, причем они смогут использовать и свое знание стенографии, а на эту сумму можно было вдвоем прожить в Париже год. Беспокоила их лишь мысль о том, успеют ли они при усиленном труде над переводами заняться еще учением.⁵⁸ Наконец, в марте 1869 г. Анна Васильевна решила отправиться в Париж «совершенно одна, в надежде, еще далеко не верной, найти себе там занятие и извлечь из этого пользу для своей литературной деятельности... Конечно, осенью снова начнется та же история, т. е. родители будут требовать, чтобы она вернулась к ним, а она будет отказываться. А между тем как бы плодотворна могла быть для ее таланта поездка по России под предлогом посещения монастырей, о которой она мечтает вот уже пять лет».

Как видно из последнего замечания С. В. Ковалевской, в планах Анны Васильевны об устройстве ее жизни значительную роль играло и ее желание писать. «При такой обстановке, — пишет об Анне Васильевне в письме от 1 июня 1868 г. Евреинова, — имея в виду условия жизни в Палибине и в Петербурге у тетушек, — она слишком отделена от действительности практической жизни, вследствие чего и типы, долженствующие выражать ее стремление и направление, не могут быть достаточно живо воспроизведены. Перемена обстановки, основательное изучение начал общественности и общение с людьми вообще это, по-моему, для нее насущная потребность. Первое, т. е. другая обстановка, необходимо для второго и третьего. Потому что самые созданные и не скопированные ею типы в настоящее время выражают только ту ступень, до которой она дошла в уяснении себе тех принципов, которые должны заменить все устарелое и вредное, следовательно, дают только предчувствие о ее будущих созданиях». Затем А. М. Евреинова сообщает о напечатанных в «Эпохе» повестях

⁵⁸ См. письмо А. М. Евреиновой к Ю. В. Лермонтовой от февраля 1869 г.

⁵⁹ См. письмо С. В. Ковалевской к Ю. В. Лермонтовой от конца марта 1869 г.

«Послушник Михаил» и «Летний вечер»: ⁶⁰ «В последней, впрочем, уже предчувствуется ее настоящее направление и стремление к иной, НОЕОЙ жизни». «После этого она вздумала попытать свою силу в комедии и написала их несколько. Но все как-то не успевала в этом до последней, которую в настоящую минуту перечитывает одна из наших актрис, долженствующая исполнять в ней главную роль. Во всяком случае раньше осени мы не узнаем результатов этой попытки, так как выбор новых пьес для постановки на сцене производится цензурным комитетом обыкновенно осенью». В письме от 23 июня 1868 г. на вопрос своей адресатки Ю. В. Лермонтовой о комедии Анны Васильевны А. М. Евреинова сообщает: «Актриса, прочитав, посоветовала обратиться к одному из цензоров театрального комитета и осталась в восторге от пьесы. Теперь хлопоты по этому делу будут лежать на мне, и я на днях примусь за это дело. Название этой комедии „В глуши“, но советуют переменить это название, потому что пьеса такого же имени, говорят, когда-то отвратительно шла в одном из театров, так что впечатление произвела самое неблагоприятное».

Итак, мы узнаем, что до лета 1868 г. Анна Васильевна написала несколько пьес комедийного характера. К сожалению, никаких сведений об их судьбе мы не имеем. По-видимому, цензура их не разрешила к представлению на сцене. Цензурные препятствия должны были еще увеличить стремление Анны Васильевны уехать за границу.

В одном из писем С. В. Ковалевской к Анне Васильевне без даты, относящемся к началу октября 1868 г.,⁶¹ упоминается какое-то произведение последней под заглавием «Таиса», но судьба его также неизвестна. Из писем С. В. Ковалевской от 17 сентября и конца октября 1868 г. видно, что Анна Васильевна переводила для издательства В. О. Ковалевского какие-то немецкую и английскую книги. Переводы делались, по-видимому, для того, чтобы накопить деньги для поездки за границу, которую она намеревалась осуществить против воли родителей. Как указано выше в письме А. М. Евреиновой, Анна Васильевна хотела поехать во Францию, где социальное движение «всего сильнее».

Что стремление Анны Васильевны за границу вызывалось и ее революционными планами, подтверждает подруга С. В. Ковалевской, известная польская революционерка Мария Викентьевна Залесская, по мужу Мендельсон, революционный псевдоним которой — Янковская. Она так пишет об этом со слов С. В. Кова-

В «Эпохе», как мы видели выше, напечатаны только две вещи за подписью Ю. О — «Михаил» и «Сон». Так как действие в рассказе «Сон» происходит в летний вечер, то, вероятно, Евреинова так и назвала этот рассказ — «Летним вечером».

Письмо напечатано: «Голос минувшего», 1916, № 3, стр. 230—231.
⁶² Там же, № 3, стр. 214; № 4, стр. 91—92.

левской: «Начитавшись тайком революционных брошюр, Анна Васильевна намеревалась не более не менее, как ниспровергнуть старый буржуазный строй и перевернуть вверх ногами всю Европу».⁶³

V. ЖИЗНЬ В ПАРИЖЕ. ДРУЖБА С РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ АНДРЕ ЛЕО И С ЧЛЕНАМИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА (ВЕСНА 1869—ЛЕТО 1870 г.)

Поездка Анны Васильевны за границу стала возможной только благодаря тому, что ее сестра Софья вышла замуж за В. О. Ковалевского и Анна Васильевна могла выехать вместе с ними. В. О. Ковалевский обвенчался с Софьей Васильевной 15 (27) сентября 1868 г., и немедленно после этого они уехали в Петербург, где Софья Васильевна слушала лекции Сеченова и брала частные уроки по математике и физике у других профессоров. К ним часто приезжала А. М. Евреинова, тщетно подыскивавшая фиктивного мужа для себя и для Анны Васильевны. С. В. Ковалевская в одном письме к Евреиновой и к сестре выражает сожаление, что ее муж не магометанин и не может сразу фиктивно жениться на всех трех. Позднее осенью у Ковалевских поселилась и Анна Васильевна, которую ее родители не хотели отпускать, так что В. О. Ковалевскому пришлось почти силой увезти ее из Палибина. Наконец, 3 (15) апреля 1869 г. все трое выехали в Вену. В. О. Ковалевский остался в Вене, а С. В. Ковалевская и Анна Васильевна поселились в Гейдельберге. 3 мая Анна Васильевна уехала в Париж.

От родителей поездка Анны Васильевны в Париж держалась в секрете. Она сговорила с сестрой написать отцу, что они живут вместе в Гейдельберге. Свои письма отцу она, как сообщает А. К. Леффлер, посылала предварительно в Гейдельберг к сестре, а та с почтовым штемпелем и маркой из Гейдельберга отправляла их в Палибино.

В Париже Анна Васильевна не получала денег от родителей, а заработок от переводов скоро кончился; поэтому она поступила в типографию наборщицей. «Надеется, что через месяц будет зарабатывать франков 120 в месяц», — пишет В. О. Ковалевский брату о ней в середине июля 1869 г. В другом письме к брату, от

⁶³ Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской. «Современный мир», 1912, № 2, стр. 144.

⁶⁴ См. письмо С. В. Ковалевской к Ю. В. Лермонтовой от 16 (28) апреля с припиской от 20 апреля (2 мая) 1869 г. из Гейдельберга. Указание Малевича, что первым пунктом поездки Ковалевских был Париж, неверно. Неверно также и его указание, что старик Корвин-Круковский дал Софье в качестве приданого 20 тысяч рублей. Как видно из писем В. О. Ковалевского, его жена получала от родителей 1000 рублей в год.

⁶⁵ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания.

2 июля 1869 г., он сообщает, что Софья поедет 10 августа к Анне Васильевне, которая поселилась «очень дешево» близ Парижа, в Пюто. Здесь Анна Васильевна «познакомилась с выдающимися людьми литературного, ученого и политического мира».⁶⁶

У Делиона, реакционного биографа деятелей Парижской Коммуны, встречаем указание, что Анна Васильевна была очень дружна с Андре Лео. «Социализм и эмансипация женщин были любимым предметом их разговоров».⁶⁷

Об Андре Лео, известной в то время французской передовой писательнице, Анна Васильевна слышала еще в Петербурге, знала, что та переписывалась в 1868 г. с петербургским кружком А. П. Философовой и М. В. Трубниковой, положившими начало высшему женскому образованию в России.

Анна Васильевна знала Андре Лео как писательницу и деятельницу женского движения по хвалебным отзывам о ней Д. М. Писарева и Ткачева. Как раз в год приезда Анны Васильевны в Париж Андре Лео вместе с Марией Дерем, Ноэми Реклю, Луизой Мишель и другими передовыми французскими женщинами, основала «Общество борьбы за право женщин» и газету «Право женщин»,⁶⁹ что, конечно, еще более должно было вызвать интерес у Анны Васильевны к личности французской писательницы.

В Париже Анна Васильевна узнала, что Андре Лео, кроме всего, еще и социалистка, поместившая в женевской бакунинской газете «Эгалитэ» свое «исповедание веры», впрочем, довольно умеренное, что рассердило Бакунина.⁷⁰

Андре Лео сблизилась в 1867 г. с французским социалистом Бенуа Маленом, который руководил кооперативной бакалейной лавкой в Пюто, где жила Анна Васильевна, и там же был секретарем местной секции Интернационала. По-видимому, под влиянием Малона Андре Лео тоже вступила в Интернационал.⁷¹

Изучение наборного дела в типографии, знакомство с французской рабочей средой и дружба с такими активными деятелями общественного и революционного движения, какими были Андре Лео и Бенуа Малон, естественно, должны были ввести Анну Васильевну сразу в самую гущу французского революционного движения тех лет. В этой среде Анна Васильевна сблизилась и со своим будущим мужем — Шарлем Виктором Жакларом.

Указание в некрологе Анны Васильевны («Исторический вестник», 1888,

⁶⁷ D e l i o n. Les membres de la Commune. Paris, 1871, стр. 374.

⁶⁸ Е. Писарев. Памяти А. П. Философовой. СПб., 1912, стр. 28.

⁶⁹ Барон де Вилье. Женские клубы и легионы амазонок. М., 1912 стр. 390.

См. об этом: М. Вакунине, Oeuvres, t. V, Paris, стр. 25—36.

⁷¹ i n ^еи этом в письме к р о т е с т е Андре Лео против ареста Малона от мая 1870 г., напечатанном в книге Тестю: O. Testu. L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe, t. I. Paris, 1872 стр. 291

Жаклар был уроженцем лотарингского города Меца и происходил из крестьянской семьи. По окончании средней школы он стал преподавателем математики, а в 1863 г., когда ему было 20 лет, переехал в Париж и поступил в высшую медицинскую школу.⁷²

В качестве студента-медика он впервые увидел «окруженного в глазах общества таким зловещим ореолом» Бланки, когда последний, посаженный с 1861 г. в тюрьму Сент-Пелажи, был перевезен по болезни в клинический госпиталь, а позже в некерровскую больницу. «Главный доктор ежедневно посещал Бланки и... студентам приходилось присутствовать при их беседе». Бланки произвел на Жаклара большое впечатление.

В конце октября 1865 г. Жаклар участвовал в студенческом конгрессе в Льеже, за что был исключен из университета до его окончания.⁷⁴ В Льеже он сблизился с жившим там в то время Бланки и его единомышленниками из студентов-медиков и вместе с последними использовал конгресс для демонстрации против режима Наполеона III. В своей декларации на конгрессе студенты-революционеры,* мировоззрение которых представляло мешанину из идей Прудона и Бланки, заявляли: «В моральной области мы хотим путем уничтожения всех предрассудков и церкви добиться отрицания божества и провозглашения свободы исследования; в политической области мы хотим путем осуществления республиканской идеи добиться федерации народов и солидарности личностей; в социальной области мы хотим путем обобществления собственности, отмены наследования и уничтожения наемного труда добиться солидарности и справедливости».

Вернувшись в Париж, Жаклар вступил в переписку с Бланки и 21 января 1866 г. участвовал в манифестации студентов-бланкистов, за что был приговорен к тюремному заключению.⁷ По выходе из тюрьмы он занимался агитацией среди рабочих в кварталах Клиши и Сент-Уэн. С этой целью он еженедельно, по четвергам или средам, собирал у себя на квартире политический кружок под предлогом занятий музыкой и пением.⁷⁷ Состоял Жаклар и

⁷² См.: Jean Vermorel. Un enfant de Beaujolais. Auguste Vermorel. Lyon—Paris, 1911, стр. 160—161, примеч. 1; L. Andrieux. La Commune de Lyon en 1870 et 1871. Paris, 1906, стр. 58; Delion. Les membres de la Commune, стр. 341.

⁷³ См. статью Жаклара (под псевдонимом «Жика») о Бланки: «Слово», 1881, № 2, стр. 200.

⁷⁴ См. словари Лярусса (Dictionnaire Larousse. Paris) и Вাপеро—Гарнье (Varegeau. Dictionnaire universel des contemporains. 4-е ed. Supplement Garnier. Paris, 1873).

⁷⁵ См.: Ю. М. Стеклова. Поль Лафарг. Пгр., 1918, стр. 6.

⁷⁶ См.: Г. Жеффруа. Заключенный. Изд. Глаголева, СПб., б. г., стр. 189; А. Зеваес. Огюст Бланки. Пгр., 1922, стр. 167—168, 181.

⁷⁷ См.: Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 Mars. Paris, 1872, en un volume, стр. 267.

членом Интернационала, где был представителем от университетской молодежи. Ему приписывают авторство анонимной книги «Теория коммунизма».⁷⁸

В сентябре 1868 г. Жаклар принял участие в конгрессе буржуазной Лиги мира и свободы, на который были приглашены и многие члены Интернационала и на котором выступал М. А. Бакунин. Здесь Жаклар произнес речь, в которой между прочим говорил, что «надо быть атеистом, чтобы совершить социальную революцию», и что «окончательная республика установится только на дымящихся развалинах» буржуазного общества.⁷⁹ Когда конгресс Лиги 25 сентября отверг радикальные предложения Бакунина и его сторонников, Жаклар вместе с ними (их было всего 18 человек) вступил в основанный Бакуниным Альянс социальных революционеров, поставивший своей целью всеевропейскую социальную революцию.⁸⁰

Сблизившись с Бакуниным, Жаклар не превратился в анархиста, но в результате этого сближения он стал настойчиво торопить Бланки приступить к революционным действиям. В конце 1868 г., когда число заговорщиков-бланкистов в Париже достигло 800 человек, из которых только сто имели оружие, Жаклар предложил Бланки усилить вербовку среди военных и завязать сношения с офицерами-демократами. В начале 1869 г., при обсуждении вместе с Бланки и его ближайшими сторонниками проекта захвата казармы, как отправного пункта революционного переворота, Жаклар убеждал Бланки, что проект не годится ни с стратегической, ни с других точек зрения. Но Бланки все же не отказался от своего плана восстания, и это, по-видимому, привело к тому, что Жаклар и представляемая им группа бланкистов потеряли надежду на успех всего дела и отошли от него. После этого Жаклар сблизился с членами Интернационала — Малоном, Варленом, Лафаргом, Лонге и др.⁸¹

Точной даты сближения Анны Васильевны с Жакларом мы не знаем. В. О. Ковалевский, гостивший вместе с женой осенью 1869 г. в Париже у Анны Васильевны, в письме об этом к брату

См.: Edmond Lepelletier. Histoire de la Commune de Paris, t. III. Paris, 1913, стр. 25; Louis Barron. Sous le drapeau rouge. Paris, 1889, стр. 161—162.

См.: Histoire de l'Internationale par un bourgeois-republicain. Paris, 1873, стр. 115—116.

См.: М. Нейтлау. Жизнь и деятельность М. А. Бакунина. М., 1920, стр. 43; Материалы для биографии М. Бакунина, т. III, ГИЗ, М., 1928, стр. 247.

В первоначальном наброске моей статьи об Анне Васильевне Корвин-Руковской, опубликованной в «Звезде» (1928, № 10), имеется много неточных данных, касающихся Жаклара. В настоящей работе все сведения о Жакларе риводятся на основании моего специального исследования о нем, напечатанного некоторыми сокращениями в «Проблемах марксизма» (1930, № 5—6). Там же Указаны более подробно многочисленные источники, на которых основана статья.

(от октября) еще ни словом не упоминает о Жакларе. Мария Мендельсон сообщает, что весной 1870 г. Анна Васильевна жила уже вместе с Жакларом как с мужем в Латинском квартале, в маленьком отеле с вонючей лестницей. Приехавшая к ней в гости С. В. Ковалевская была встречена на вокзале Анной Васильевной и молодым французом, которого Анна Васильевна представила сестре как своего мужа. Отсюда можно предположить, что сближение Анны Васильевны с Жакларом относится не раньше как к декабрю 1869 г.⁸² Это тем более вероятно, что в ноябре 1869 г. Анна Васильевна гостила у сестры в Гейдельберге по случаю приезда туда ее подруг Ю. В. Лермонтовой и А. М. Евреиновой и, вероятно, только в декабре 1869 г. вернулась в Париж. Правда, биограф А. М. Евреиновой указывает, что «14 ноября 1869 г. А. М. Евреинова была встречена в Гейдельберге своими близкими друзьями Анной Васильевной Жаклар, С. В. Ковалевской и Ю. В. Лермонтовой»,⁸³ но надо думать, что Анна Васильевна на-

⁸² Указание Н. Д. Гизетти в ее неопубликованных записках, что Анна Васильевна стала женой Жаклара осенью 1870 г., после начала франко-прусской войны, когда они оба в госпитале ухаживали за ранеными, неверно. Неверны также и утверждения по этому поводу Л. П. Гроссмана. В статье «Бакунин и Достоевский» («Печать и революция», 1923, кн. IV, стр. 102) Гроссман пишет: «В 60-е годы Достоевский знакомится довольно близко с Жакларом, мужем его „невесты“ Анны Васильевны Корвин-Круковской, впоследствии известным коммунар. Это был один из видных сторонников Бакунина; когда в 1868 г. на конгрессе Лиги мира в Берне Бакунин был вынужден оставить Лигу, Жаклар вместе с Реклю и некоторыми другими последовал за ним». Из сказанного здесь можно заключить, что к 1868 г. Анна Васильевна уже была замужем за Жакларом и что с последним Достоевский познакомился тогда как с ее мужем. Между тем из указанных выше дат ясно, что Анна Васильевна была за границей только до осени 1867 г. и поехала второй раз за границу лишь весной 1869 г., после чего сблизилась с Жакларом. Анонимный автор статьи о Жакларе в словаре Лярусса (Dictionnaire Larousse), откуда Л. П. Гроссман, может быть, почерпнул свои сведения о Жакларе, также ошибается, говоря, что Жаклар, «преследуемый в последние годы империи, уехал из Парижа за границу и там женился на русской, разделявшей его убеждения». Таким образом, если осенью 1868 г., живя в Женеве, Достоевский действительно мог приехать на второй конгресс Лиги мира в Берн и познакомиться с Жакларом, то совершенно неверно, что в то время Жаклар был уже мужем Анны Васильевны. Нет никаких оснований утверждать, что последняя встретила Жаклара ранее мая 1869 г., когда она уехала в Париж. Тем самым мы попутно лишаем Л. П. Гроссмана одного из его доводов в пользу сближения им одного из героев «Бесов» с М. А. Бакуниным, хотя не сомневаемся, что Достоевский мог видеть и слышать Бакунина 10 сентября 1867 г. в Женеве, как это установил Л. П. Гроссман.

⁸³ См. биографию А. М. Евреиновой в «Первом женском календаре» П. Н. Ариян (1905, стр. 376—380). Биография написана, по-видимому, со слов самой Евреиновой. Дата приезда Евреиновой в Гейдельберг указана по старому стилю, так как В. О. Ковалевский в письме к брату от 30 ноября 1869 г. (нового стиля) пишет: «Три дня тому назад и Евреинова без паспорта убежала из России, пешком перешла по болоту ночью через границу и теперь в Гейдельберге». Ю. В. Лермонтова, как видно из его же письма от 26 октября 1869 г., приехала в Гейдельберг еще в октябре 1869 г. и поселилась вместе с С. В. Ковалевской.

звана здесь Жаклар лишь потому, что носила эту фамилию впоследствии.

Отметим, кстати, что отъезд А. М. Евреиновой из России привел к трагическим обстоятельствам и имел своим следствием многочисленные аресты в Петербурге, что нанесло сильный удар по революционному движению в столице.

Е. А. Штакеншнейдер, дочь известного в те годы архитектора, в своем дневнике сообщает об этом следующее: «У петергофского коменданта Евреинова есть очень красивая дочь, за этой дочерью приволокнулся сильно великий князь Н. Н. Отец молодой девушки был не прочь от ухаживаний, напротив того, сильно поощрял их. Это вывело молодую девушку из терпения. Преследуемая с двух сторон, она хотела топиться, но одна ее подруга, а именно жена Ковалевского, издателя многих хороших книг, учащаяся чему-то в Гейдельберге, которой она писала о своем безвыходном положении, посоветовала ей: „чем топиться, приезжай лучше сюда; если не знаешь, как это устроить, то посоветуйся с Евдокимовым“. Евреинова не была с ним знакома, но по совету своей подруги отправилась к нему. . . Евдокимов дал ей, — иные говорят 200, другие — 50 рублей. . . Евреинова прибыла благополучно в Гейдельберг и оттуда прислала Евдокимову телеграмму, в которой уведомляла его о своем прибытии и в то же время благодарила за оказанную помощь».⁸⁴ Рассказ Е. А. Штакеншнейдер сопровождается примечанием за подписью В. С. (т. е. В. И. Семевского): «В. Я. Евдокимов сообщил мне, что в письме к нему из Берлина А. М. Евреинова описывала собрание рабочих, на котором она присутствовала, причем резко отозвалась о наших порядках. Письмо было подвергнуто перлюстрации, и В. Я. Евдокимова и в магазине Черкесова был сделан обыск, и его и Черкесова арестовали».⁸⁶

Приведенные здесь сообщения подтверждают наличие революционных связей у Ковалевских и у Анны Васильевны в Петербурге в 1868—1869 гг.

О революционных связях Анны Васильевны в Петербурге и в Париже мы можем судить и по упоминанию о ней Маркса в письме к Энгельсу от 14 апреля 1870 г., где мы читаем: «Лафарг познакомился в Париже с одной весьма ученой русской (подругой

⁸⁴ Евдокимов — помощник Черкесова в его магазине (см. выше, стр. 157).

⁸⁵ См.: Из дневников Е. А. Штакеншнейдер. «Голос минувшего», 1916, № 4, стр. 73. Все это рассказано под датой «5 декабря 1868 г.», но здесь ошибка в годе, так как из писем В. О. Ковалевского мы знаем, что бегство А. М. Евреиновой из дому произошло в 1869 г.

⁸⁶ Об этих же арестах В. О. Ковалевский пишет брату 8 января 1870 г. из Мюнхена в Киев: «Ты разве не слышал ничего в Питере об арестах, заговорах и т. д., вель Черкесов и Евдокимов арестованы и мои дела от этого, конечно, приходят в совершенный упадок» (как уже говорилось, издания Н. О. Ковалевского продавались в книжном магазине Черкесова).

его друга Жаклара, превосходного молодого человека). Она ему сообщила, что Флеровский, — хотя его книга прошла цензуру во время *liberal fit*,⁸⁷ — тем не менее как раз за нее сослан в Сибирь. Перевод моей книги конфискован и запрещен еще до появления в свет».⁸

В приведенном здесь отрывке из письма Маркса речь идет о переводе «Капитала» Маркса на русский язык и о книге Н. Флеровского (В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России», вышедшей в 1869 г. и, по указанию Г. А. Лопатина, посланной Марксу Николаем—оном (Даниельсоном) 12 октября 1869 г. Прочтя только первые 150 страниц этой книги, Маркс в письме к Энгельсу от 10 февраля 1870 г. квалифицировал ее как «самую значительную книгу» после «Положения рабочего класса в Англии» Энгельса.⁸⁹ В официальном ответе Русской секции Интернационала в Женеве от 24 марта 1870 г., в котором он заявляет о своем согласии быть представителем ее в Генеральном Совете, Маркс писал: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении века».

Потому ли, что Лафарг неверно передал Марксу слова Анны Васильевны, или потому, что сама Анна Васильевна была плохо осведомлена, факты, сообщенные Марксом Энгельсу о Флеровском и о переводе «Капитала» на основании слов Анны Васильевны Лафаргу, не соответствуют действительности. Флеровский был сослан в Западную Сибирь не за издание «Положения рабочего класса в России», а в связи с делом о «Казанском заговоре» еще в 1864 г., а в 1870 г. он жил на станции Любань Николаевской железной дороги.⁹¹ Перевод «Капитала», над которым работал сначала М. А. Бакунин, затем Г. А. Лопатин и, наконец, Николай — он, вовсе не был конфискован и запрещен, а благополучно вышел из печати в марте 1872 г., так как цензор считал, что книги этой никто не будет читать. Николай — он, несомненно, осведомил бы Маркса, если бы на «Капитал» был наложен арест еще в рукописи, да и окончен был перевод «Капитала» только в конце октября 1871 г., через полтора года после написания Марксом Энгельсу цитированного выше письма.⁹²

⁸⁷ Либеральных веяний (англ.).

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 316.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 232.

⁹⁰ Переписка К. Маркса с Николаем—оном. «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 35—36.

⁹¹ См.: Био-библиографический словарь, т. II, вып. 1. Изд. Политкаторжан, М., 1929, стлб. 107.

⁹² См. письмо Николая—она к Марксу от 17 (29) октября 1871 г.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 76.

Зато отрывок письма Маркса об Анне Васильевне позволяет установить несколько интересных данных о ней самой. На Лафарга, который уже в то время был широко образованным человеком, Анна Васильевна произвела впечатление «весьма ученой», книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» была ей уже знакома и она знала о подготавливавшемся переводе «Капитала» Маркса.

В качестве усердной читательницы передовых русских журналов тех лет, Анна Васильевна несомненно была знакома со статьями П. Н. Ткачева. Выше уже отмечалось, что Ткачев, встречавшийся с А. М. Евреиновой, в своих статьях неоднократно цитировал предисловие к «К критике политической экономии» Маркса. Это сочинение Маркса было настолько популярно среди революционеров Петербурга в 1869 г., что зять П. Л. Лаврова — М. Ф. Негрескул, редактор журнала «Библиограф», вместе со своим другом Феликсом Волховским переводили эту книгу на русский язык, и только арест Негрескула в начале декабря 1869 г. в связи с не-

93 чаевским делом помешал им довести этот перевод до конца. Можно допустить, что Анна Васильевна читала «К критике политической экономии» Маркса в оригинале. Из дальнейшего будет видно, что она читала в Париже и первый том «Капитала» после его выхода в 1867 г. на немецком языке. Пребывание в течение целого года в центре русской эмиграции — в Швейцарии (с сентября 1866 г. до сентября 1867 г.) не могло не усилить интереса Анны Васильевны к Марксу, с некоторыми идеями которого она была знакома и раньше. Сближение Анны Васильевны с Жакларом, хорошо знакомым с Марксом (что видно из письма Жаклара к Марксу от 3 января 1873 г.), должно было еще более способствовать этому интересу, тем более что Жаклар был автором книги «Теория коммунизма», в которой он развивал мысли, близкие к идеям Маркса.⁹⁴ Знакомство с Лафаргом, зятем Маркса и единственным французским журналистом, который открыто упомянул осенью 1866 г. имя Маркса в одной из своих статей,⁹⁵ делает вполне понятным и разговор Анны Васильевны с Лафаргом о переводе «Капитала» на русский язык, — разговор, обнаруживший ее эрудицию в экономических проблемах и позволивший Лафаргу дать Марксу отзыв о ней как о «весьма ученой русской».

⁹³ См.: сб. «Герман Александрович Лопатин», Пгр., 1922, стр. 55, 62.

⁹⁴ К сожалению, я до сих пор не мог найти этой книги Жаклара ни в одной из библиотек Ленинграда и Москвы; ее нет и в Национальной библиотеке в Париже, директора которой я запросил о ней письменно.

⁹⁵ См. об этом: Ж. Вейль. История социального движения во Франции. Перевод с французского. СПб., 1906, стр. 114. Как видно из писем Маркса и Энгельса от 14 и 19 апреля 1869 г., Лафарг перевел на французский язык «Коммунистический манифест» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 189, 193).

VI. СРЕДИ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ
ЭМИГРАНТОВ В ЖЕНЕВЕ.
РАБОТА В РУССКОЙ СЕКЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.
ОТНОШЕНИЕ К СОБЫТИЯМ ВО ФРАНЦИИ
(ИЮЛЬ—АВГУСТ 1870 г.)

Сближение с Жакларом имело для Анны Васильевны то последствие, что вся ее дальнейшая жизнь и деятельность связаны были с революционной деятельностью ее мужа, причем она оказывала на него решительное влияние во время его колебаний.

Летом 1870 г. в Париже один из парижских революционеров Межи убил агента полиции, и по этому поводу арестовано было много лиц. 18 июля 1870 г. в Блуа был инсценирован большой процесс против членов Интернационала, причем, кроме Межи, привлечено было много других лиц, обвиненных либо в заговоре с целью ниспровержения империи, либо в распространении революционных идей.

Жаклар оказался привлеченным к этому процессу по обвинению в заговоре, но ему удалось бежать в Швейцарию.⁹⁷ Вместе с ним уехала туда и Анна Васильевна.

Вскоре после этого она написала родителям «из Гейдельберга» о Жакларе и о своем желании повенчаться с ним, для чего просила выслать ее документы, но ответа не получила, что видно из ее письма к сестре и к А. М. Евреиновой, посланного уже из Женевы.⁹⁸ Анна Васильевна в нем пишет между прочим следующее: «Как непостижимо, что от родных все еще нет ни слуху ни духу. Я объясняю это очень худо; уже не узнали ли они что-нибудь про нашу жизнь в Париже и не озлились ли так, что и отвечать не хотят? Я думаю, обождав еще с неделю, написать им второе письмо, в котором объявить им мой отъезд из Гейдельберга в Женеву, а еще лучше прямо адресовать из Женевы, говоря, что, не получая от них ответа и не желая долее медлить, я решила переехать к Жак лару, надеясь, что мой пачпорт достаточен для брака; но так как это последнее предположение оказалось неверным, то настоятельно прошу их выслать мне мои бумаги, чтобы прекратить мое неловкое положение. Едва ли они тогда будут упрямыться. А между тем мои бумаги мне действительно крайне необходимы. Жак лар уже имеет все необходимое для него, и как только придут мои бумаги, мы поедем в Берн, где обвенчаемся гражданским браком и на другой день в женевской церкви, так

Paris, 1902, стр. 328; J. Claretie. Histoire de la revolution de 1870—1871 t. I.

⁹⁷ См. об этом: G. Lefrançais. Souvenirs d'un révolutionnaire. Bruxelles, 1906, стр. 57—58.

⁹⁸ Письмо не имеет даты, но по содержанию его можно отнести к концу

как здешний священник объяснил мне, что мой брак может считаться не только в России, но даже везде за границей только тогда законным, когда я соблюду требования нашего закона».

Таким образом, мы видим, что Анна Васильевна озабочена легализацией своего фактического брака с Жакларом. Все это делалось и ради родителей, для которых фактический брак по любви был «позором», и для того, чтобы не отрезать себе путей возвращения в Россию да и в западноевропейских буржуазных странах пользоваться теми правами, которые дает только законный брак (например, при оказании помощи мужу-революционеру, сидящему в тюрьме, и т. п.).

В том же письме Анна Васильевна сообщает о своих связях с женевскими эмигрантами из России: «С здешними русскими я держусь очень политично; они мне очень обязательны и заискивающи, так что держаться в стороне почти невозможно; кроме того, с Натюю Утиною я даже очень дружна. Но до сих пор мое участие в женевском „тайном обществе“ и „центральной комитете“ ограничивается переводом кое-каких брошюрок Маркса по Интернационалу для приложений к номерам Народного дела.” Это я делаю из любезности к Ольге. Здесь, кажется, кишат тьмою тьмушею русские эмигранты; последние истории и аресты нагнали их во множестве, но я ни с кем не знакомилась, только встречаю на улицах».

Ната Утина это — Наталья Иеронимовна Корсини, жена Николая Исааковича Утина, возглавлявшего в то время Русскую секцию Интернационала в Женеве.¹⁰⁰ Жена Утина, как мы знаем, принимала участие в студенческом движении в 1861 г., была посажена в крепость. Она же была одним из «самых крайних» членов организации для помощи учащимся при Комитете Литературного фонда.

Упомянутая далее Ольга — это Ольга Степановна Зиновьева, тью мужу Левашева, известная в те годы революционерка, приходившая из аристократической среды; ее сестра Аделаида была замужем за эмигрантом Н. И. Жуковским, близким другом М. А. Бакунина. О. С. Левашева давала средства на издание «Народного дела», перешедшего с 1 октября 1868 г. в руки Н. Утина, и была одной из учредительниц Русской секции Интернационала в Женеве.¹⁰¹

Из приведенного письма видно, что Анна Васильевна была близка с Н. И. Утиной-Корсини и с О. С. Левашевой и, ве-

⁹⁹ Первое извещение о предстоящем выходе приложений — «Библиотеки Международного Товарищества Рабочих» напечатано в № 6—7 «Народного дела» за 1870 г., но фактически «Библиотека» стала выходить только с 1871 г.

¹⁰⁰ Н. И. Утин жил с женой в Женеве с 1866 г. См. об этом: А. И. Герцен. Полное собрание сочинений, т. XX, СПб., 1923, стр. 287—288.

¹⁰¹ См.: Л. Г. Дейч. Русская революционная эмиграция 70-х годов. ГИЗ, М., 1920, стр. 21; Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906.

роятно, познакомилась с ними еще до их и своего отъезда за границу.¹⁰²

Естественно, таким образом, что как только Анна Васильевна оказалась в Женеве, Н. И. Утина и О. С. Левашева вовлекли ее в «тайное общество», под которым разумеется Русская секция Интернационала, официально открытая в начале 1870 г. и с 22 марта имевшая своим представителем в лондонском Генеральном Совете Карла Маркса.

Члены Русской секции Интернационала были первыми переводчиками сочинений Маркса и распространителями его идей в России, хотя сами не были марксистами, а только революционерами-просветителями в духе Н. Г. Чернышевского. В Русскую секцию, кроме Утиных и Левашевой, входили участник «казанского заговора» 1863 г. А. Я. Щербаков, участник польского восстания 1863 г. А. Д. Трусков, бывший секретарем секции, и ученики Чернышевского — молодая чета Бартевых и Е. Л. Томановская (Елизавета Дмитриева).¹⁰³

Центральный комитет, о котором говорит в своем письме Анна Васильевна, это — основанный рабочим-щеточником Иоганном Филиппом Беккером комитет немецких секций Интернационала в Швейцарии, Германии и Австрии. В Центральный комитет, по-видимому, вовлек Анну Васильевну его основатель (мы увидим дальше, что с Беккером она была также близко знакома). Так как она знала в совершенстве иностранные языки и имела среди знакомых репутацию незаурядной писательницы, то естественно, что именно ее привлекли к переводу на русский язык брошюр Маркса, относящихся к его деятельности в Интернационале.

В состав учредителей Русской секции Интернационала в Женеве в то время, как указано выше, входили также Виктор Иванович и Екатерина Григорьевна Бартевы (муж и жена). Из неопубликованных записок Н. Д. Гизетти мы знаем, что Анна Васильевна была с ними впоследствии в большой дружбе; надо думать, что эта дружба началась именно в это время. Вероятно, что здесь же, в Женеве, Анна Васильевна познакомилась и с другой деятельницей Русской секции Интернационала — Елизаветой Лукиничной Томановской, известной под фамилией Дмитриевой.

Относительно своих занятий в Женеве Анна Васильевна сообщает: «Мне так досадно, что я не могу приняться за уроки, а между тем мне их сулят всюду. Даже Утина говорила мне, что

¹⁰² Б. П. Козьмин ошибается, утверждая, что А. В. Корвин-Круковская познакомилась и подружилась с Н. И. Утиной и О. С. Левашевой только в конце 1869 г. в Женеве (Б. П. Козьмин. Русская секция Интернационала. М., 1957, стр. 219).

¹⁰³ См. о составе редакции «Народного дела» после ухода из нее Бакунина в кн.: Библиографический каталог. Каруж (Женева), 1906, стр. 19—21 (указания М. К. Эпидина); Письма М. А. Бакунина к А. И. Гершену и Н. П. Огареву (письмо Бакунина от 26 января 1869 г. «Всем этим господам»); М. П. Сакин. Русские в Цюрихе. «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 53.

к ней часто обращаются русские с просьбой рекомендовать учительницу. . . Я пишу теперь детскую сказку „Маленький Савояр“. Не могла бы Юленька¹⁰⁴ свезти ее с собою в Россию и лично отдать Кашперовой. Как странно, что эта последняя так и не прислала денег, — уже не отдумала ли она платить».

По-видимому, невозможность заняться уроками вызывалась занятостью Анны Васильевны литературной работой для петербургской издательницы журнала для детей младшего возраста «Семейные вечера» С. С. Кашперовой. Еще в одном письме она сообщает: «Я пишу весь день и читаю Прудона». Была ли напечатана упоминаемая здесь детская сказка Анны Васильевны «Маленький Савояр» в 1870 г., не удалось установить. Деньги Кашперова должна была заплатить за напечатанный в № 6—10 журнале «Семейные вечера» за 1870 г. рассказ «История маленькой Гризи», подписанный ее девичьей фамилией.

В следующем письме без даты, которое относится, очевидно, к началу августа 1870 г., Анна Васильевна сообщает: «Что касается до нашего житья, то в материальном положении все обстоит благополучно. Жак лар нашел очень выгодный урок, кроме того, принят в ту школу, о которой я тебе говорила; все это вместе дает ему до 300 фр анков в месяц; только выгодный урок не навсегда, а только до конца октября; все же покуда это отлично. Только *le revers de la gaedaille*¹⁰⁵ в том, что ему приходится работать и бегать как каторжный (*sic!*). Уроки начинаются с 7 часов утра, он должен идти далеко за Женеву, возвращаться к часу в другой конец, в другую деревню, и свободен только в 6 часов вечера, а до тех пор буквально не вздыхает ни минутки». И далее: «Сегодня ко мне приходила Ольга Левашева . . . она собирается ехать в Россию и боится пуститься в путь. . . с пятью ребятишками. . . Утина теперь в Женеве и между нами прежние, дружеские отношения».

В этом же письме Анна Васильевна сообщает интересные сведения о Париже и тамошних революционерах в связи с начавшейся 15 июля франко-прусской войной: «Я на днях имела известия о Малоне. Он был выпущен на поруки¹⁰⁶ и кто-то внес за него 500 франков. Вследствие этого обстоятельства он и не воспользовался свободой, чтобы бежать от постигшего его осуждения на год тюремного заключения. Тогда здешняя русская партия,¹⁰⁷

Т. е. Ю. В. Лермонтова. Как видно, она собиралась поехать на время в Россию.

¹⁰⁵ Обратная сторона медали (*франц.*).

¹⁰⁶ Необходимо отметить, что с весны 1870 г. Малон много разъезжал по Франции, повсюду пропагандируя организацию рабочих союзов и объединение их в федерацию. Посланный газетой «Марсельеза» в Крезе во время организованной там стачки рабочих, он сам агитировал за ее продолжение и написал поэму «Стачка углекопов». В мае 1870 г. он был арестован за работу в Интернационале и в июне приговорен к одному году тюрьмы и 500 франкам штрафа. Имеется в виду Русская секция Интернационала в Женеве.

в лице Ольги Левашевой, написала ему, что они внесут эти деньги и чтобы он бежал; но он отказался, говоря, что l'Internationale a besoin de victimes¹⁰⁸ и что в тюрьме он больше подвигает нравственно sa cause,¹⁰⁹ нежели в изгнании. Но на днях пришло другое письмо, где он пишет очень смутно и экзальтированно и говорит, что что-то готовится и затевается в Париже. Жаклар также ждет с нетерпением точных известий от своих друзей о настроении умов. Желательно было бы предпринять что-нибудь в случае поражения Наполеона III. Но ведь чем черт не шутит, — может быть, они¹ будут победителями, тогда прощай на несколько лет революция, доверие восстановится, коммерсанты, буржуа и chauvins² будут на стороне Бонапарта и придется, пожалуй, раскаться, что упустили такой случай, когда Париж был свободен от войск. Все это очень сложно, и трудно решиться, как поступить».

В этой части письма Анны Васильевны от начала августа 1870 г., по-видимому, идет речь о подготавливавшемся движении 8 августа, когда 30 тысяч парижан пошли к палате депутатов, чтобы потребовать низложения Луи Наполеона. Но депутаты оппозиции заявили демонстрантам, что для этого час еще не на-
112

стал. Малон не мог не знать о подготовке этого движения. Жаклары в то время полагали, что революционное выступление в Париже может быть удачным, так как войска отправлены на фронт. Но вот между 6 и 9 августа 1870 г. французская армия терпит три поражения от немецких войск, и Жаклары приходят в большое волнение. В письме к сестре в Гейдельберг от 12 августа Анна Васильевна пишет; «Вот уже неделя, что известия поражения французов и беспокойство в Париже держат нас что называется sur le qui-vive.¹¹³ Мы решили ехать туда, несмотря на опасности, еще увеличивающиеся вследствие военного положения и его, Жаклара, осуждения к deportation...¹¹⁴ Но перед настоящими обстоятельствами нельзя оставаться в бездействии, и недостаток в людях с головами и решительностью слишком ощутителен, чтобы думать о спасении своей кожи. Нас удерживают покуда только хлопоты о паспорте или виде на чужое имя, без которого невозможно въехать в Париж. Все это найдется, мы надеемся, завтра или послезавтра.. Кроме того, он простудился и было бы безрассудно ехать не поправившись, для того чтобы слечь там в постель... Жаклар покидает здесь отличное положение; за последнее время нашлось

¹⁰⁸ Интернационал нуждается в жертвах (франц.).

¹⁰⁹ Его дело (т. е. Интернационала) (франц.).

¹¹⁰ Т. е. бонапартисты.

¹¹¹ Шовинисты (франц.).

¹¹² См. об этом: G. Lefrançais. Souvenirs d'un révolutionnaire., стр. 383.

¹¹³ Настороже (франц.).

¹¹⁴ К ссылке (франц.).

так много уроков, что он принужден был даже отказываться, так как буквально от 6 часов утра до 7 часов вечера не может вздохнуть ни минутки. К несчастью, все это так еще недолго, временно, что большой выгоды от этого он не извлечет; хорошо и то, что путешествие возможно и ему не препятствует полное безденежье».

В том же письме Анна Васильевна излагает и свой взгляд на общее политическое положение во Франции: «Я вовсе не делаю себе иллюзии относительно всех трудностей. Условия для хорошего и прочного водворения республики очень плохи. Безденежье, поражение и неприятель на границе, а может быть и под самым Парижем — все это не очень благоприятствует социальному движению, без которого республика та же тирания. Кроме того, все шансы на стороне орлеанистов, и междоусобные распри неизбежны. Но тем необходимее для республиканцев не быть в разброде и в одиночку, и каждый порядочный человек может быть теперь полезен. Масса — это такое бестолковое стадо баранов; настоящие события в Париже это доказывают, если эта истина еще требует подтверждения. Палата ничего толкового не сделает, да от нее, кроме движения в пользу Орлеанов, и ждать нечего; народ же только бунтуется без пути».

Здесь опять-таки содержится намек на неудачное выступление бланкистов в Париже 8 августа 1870 г. и на переговоры 60 представителей Федерации рабочих обществ Парижа с республиканскими депутатами о низвержении Наполеона. Депутаты, как отмечает в своем дневнике того времени Лефрансе, больше всего боялись революции и потому колебались, говоря, что нужно еще взятие Страсбурга, чтобы настало время действовать. Жаклары, по-видимому, были хорошо осведомлены относительно политических выступлений в Париже — не только по газетам и письмам, но и на основании бесед с эмигрантами из Парижа.

В письме к сестре в Лондон от 20-х чисел августа 1870 г.¹¹⁶ Анна Васильевна убеждает Ковалевских, желавших поехать в Париж для научных занятий, что бесполезно и опасно ехать в город, которому предстоит через несколько дней выдержать осаду. «Но я полагаю, — добавляет она, — что и самый въезд гуда невозможен. Едва ли впустят туда иностранцев; теперь только о том и заботятся, как бы избавиться от лишних и бесполезных жителей. Лучшее для вас — это оставаться до поры до времени в Лондоне».

Относительно политического положения в Париже Анна Васильевна пишет тогда же: «Нам пришлось увидаться здесь с разными парижанами, только что приехавшими оттуда, и все в один голос утверждают, что, кроме апатии или безалаберного, искус-

¹¹⁵ См.: G. Lefrançais. Souvenirs d'un révolutionnaire, стр. 384—386.

¹¹⁶ На большинстве писем Анны Васильевны дат нет, и они установлены на основании их содержания и других данных.

ственно поддерживаемого энтузиазма к Трошю,¹ Париж не представляет ничего, могущего дать пищу революционной партии. Газеты также достаточно подтверждают эту горькую истину; все, что остается теперь делать, это терпеливо ожидать исхода этого сумбура. По-моему, водворение Орлеанов кажется неизбежным; да я этому и не сильно огорчаюсь; при настоящих условиях какой же шанс может остаться настоящей социальной республике? Занятая отражением неприятеля, раздираемая внутренними орлеанистскими и бонапартистскими партиями, униженная, разоренная, она принуждена была бы заниматься одною внешнею политикою, преобразоваться в воинское диктаторство и могла бы только еще раз на практике скомпрометировать свое социальное значение. Пускай лучше предоставят Орлеанам расхлебывать эту кашу, заключать постыдный мир, который впоследствии им же взвалит на плечи и обратят в могучее орудие революционеркой (sic!) пропаганды против них».

Рассуждения Анны Васильевны и, по-видимому, и ее мужа о том, что революционная партия Франции должна во имя социальной революции только терпеливо выжидать исхода событий и предоставить буржуазному правительству заключить постыдный мир и тем себя еще более скомпрометировать, — эти рассуждения приобретают особенное значение для нашей оценки их революционной тактики, если мы сравним их с суждениями на ту же тему Энгельса.

12 сентября 1870 г. Энгельс писал Марксу следующее: «Если в Париже можно было бы что-либо сделать, то следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира. . . Каков бы ни оказался мир, он должен быть заключен, прежде чем рабочие смогут что-либо делать. Стоит им теперь победить — служба делу национальной обороны, — как им придется взять на себя наследство Бонапарта и нынешней паршивой республики; они будут бесполезно раздавлены немецкими армиями и снова отброшены на двадцать лет назад. Они сами ничего не могут потерять от выжидания. . . Правительство, которое заключит мир, каково бы оно ни было, уже по одному этому будет недолговечным. . . После мира все шансы будут благоприятнее для рабочих, чем до того. . .

«Чертовски скверно, что в Париже так редки люди, имеющие мужество в теперешнем положении видеть вещи такими, каковы они в действительности. Есть ли в Париже хоть один человек, имеющий мужество думать, что активная сила сопротивления Франции сломлена для данной войны и что благодаря этому рушится надежда на изгнание вторгшегося врага путем революции!

Именно потому, что люди *не хотят* слышать действительной правды, я боюсь, что еще дойдет до этого».¹¹⁸

Энгельс, опасаясь, что в Париже нет ни одного человека, который хотел бы видеть действительное положение и понимать, что с выступлением во имя социальной революции надо выждать до заключения мира, был совершенно прав, так как в Париже среди революционных вождей господствовали бланкистские настроения. Эти люди, во главе с самим Бланки, вели среди рабочих пропаганду за войну до изгнания немцев из Франции. Но среди французских эмигрантов в Женеве, в частности в лице Жаклара и его жены, принадлежавших к тогдашней «партии» (т. е. членов Интернационала), были люди, правильно считавшие, что надо предоставить реакционерам заключить позорный мир и обратит его в орудие революционной пропаганды.

Вообще среди французских эмигрантов в Женеве, по-видимому, совершенно самостоятельно вырабатывались некоторые основы той марксистской тактики, которую защищали позднее, незадолго до Парижской Коммуны, некоторые члены Интернационала в противовес тактике бакунистов и бланкистов, стоявших за войну до победного конца.

Письмо Анны Васильевны, которое мы сейчас цитировали, дает некоторое представление о том, кто из среды эмигрантов Женевы накануне Коммуны намечал правильную марксистскую тактику для французских рабочих. «У нас здесь довольно много знакомых, — пишет Анна Васильевна, — разумеется, между французскими революционерами и эмигрантами. Некоторые из них очень порядочные и милые люди: один молодой немецкий студент из Тюбингена, другой оратор *des reunions publiques Le Francais*,¹¹⁹ которого ты, кажется, слышала раз, и несколько других, с которыми знакомство довольно приятно и даже полезно. Особенно этот молодой студент очень серьезно занимался и очень хорошо знает все социальные движения Германии. Здесь также один из деятелей Интернационала Беккер, замечательно преданный делу и симпатичный человек. Он в полном смысле слова посвятил себя народному делу и удивительно как умеет понимать и толковать народу».

Упомянутый Анной Васильевной «молодой немецкий студент из Тюбингена» не кто иной как Эдуард Вайян, которому в то время было не более 30 лет, но который на вид, вероятно, казался еще моложе. Реакционный биограф Вайяна Делион считает его французом только по рождению, так как по окончании образования в Париже, где он был близок с бланкистами, Вайян Учился сначала в Гейдельберге, где он познакомился с Франкелем (знакомым Маркса и будущим членом Коммуны), затем в Вен-

¹¹⁷ Трошю, реакционный генерал, был тогда губернатором Парижа, а после провозглашения республики 4 сентября 1870 г. стал президентом правительства национальной обороны.

ском университете и, наконец, снова в Германии, в Тюбингенском университете. Лишь в конце июля 1870 г. он вернулся на родину, после того как в июне того же года присутствовал в Штутгарте на конгрессе эйзенахцев и приветствовал их от имени французских социалистов.

Будучи членом Интернационала с 1867 г. и хорошо знакомым с социальным движением Германии, Вайян мог подходить по-марксистски ко многим вопросам, несмотря на то, что раньше он, как и Жаклар, принадлежал к группе Бланки.¹²¹ Если Жаклар, как мы видели, еще в 1869 г. разошелся с Бланки по тактическим вопросам, то мы имеем основание полагать, что и Вайян был тогда уже далек от Бланки. Иначе мы не можем объяснить того факта, почему Вайян, как и Жаклар, не принял никакого участия после революции 4 сентября 1870 г. ни в издании газеты бланкистов «Отечество в опасности», ни в работе клуба бланкистов.¹²²

Об упоминаемом далее в письме Анны Васильевны Беккере мы уже говорили раньше.

После всего здесь сказанного мы легко поймем, почему Жаклары и их друзья отнеслись отрицательно к вооруженному выступлению бланкистов на бульваре Ля-Виллет в Париже 14 августа 1870 г.¹²³

В том же письме к сестре от 20-х чисел августа 1870 г. Анна Васильевна пишет: «Я думаю, ты уже достаточно узнала из газет про дело Villette, чтобы убедиться, что это — деяние рук бланкистов под предводительством самого.¹²⁴ Это — безрассудное дело, имеющее самые трагические последствия и, кроме того, убило нравственно все значение самого главы. Ему уже не подняться после этого».

Говорить так о Бланки, как о совершенно чужом по партии человеку, очевидно, могли только люди, считающие себя сторонниками другой партии. Анна Васильевна, Виктор Жаклар и их друзья Вайян и Беккер принадлежали к сторонникам Маркса.

В следующем письме, которое датировано 1 сентября 1870 г., Анна Васильевна говорит: «Последние известия о взятии Наполеона опять взбудоражили нас пуше прежнего, и мы решились

¹²⁰ D e l i o p. Les membres de la Commune, стр. 212.

¹²¹ Энгельс во введении к работе Маркса «Гражданская война во Франции», датированном 18 марта 1891 г., пишет, что Вайян был знаком с немецким научным социализмом во время Коммуны. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 22, стр. 197.

¹²² Отчеты о заседаниях этого клуба под председательством Бланки печатались на страницах газеты «Отечество в опасности», начиная с № 3 от 9 сентября и кончая j i s 25 от 5 октября 1870 г., с перечислением всех участников заседаний.

¹²³ Бланкисты захватили на бульваре Ля-Виллет пожарные казармы и хотели поднять восстание, но и в этом революционном квартале население видело всюду немецких шпионов и не поддержало бланкистов.

¹²⁴ р_с_ч_ь, идет о Бланки.

ехать в Париж. Мы выезжаем завтра, в понедельник.¹²⁵ Разумеется, это решение представляет много опасности. Республика так еще далека, что новое правительство, какого бы свойства оно ни было, все же отнесется с одинаковым недоброжелательством к революционерам. К тому же амнистии быть не может так скоро, „ Жаклар рискует многим. Но делать нечего. Когда человек хочет, чтобы его убеждения и поступки были приняты за известное дело, он должен рисковать собою. И если бы я и имела влияние удержать Жака лара, то ни за что не решилась бы употребить е_г_о. Самое же меня лично страшно как интересует то, что происходит в настоящую минуту, и не будь этого опасения за свободу Жака лара, я с величайшим бы удовольствием готовилась к отъезду».

Предположение Анны Васильевны, что республика «еще далека», оказалось ошибочным: 4 сентября республика была провозглашена одновременно в Лионе и в Париже. Об этом Жаклары узнали в самый день выезда из Женевы в Лион.

VII. НАКАНУНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ (СЕНТЯБРЬ 1870—МАРТ 1871 г.)

В дальнейшем мы для ближайших 6—7 месяцев находим в документах мало упоминаний об Анне Васильевне. Но зная, что она сопровождала Виктора Жаклара в его поездке во Францию и «принимала самое горячее, самое страстное участие в политических движениях того времени и ничего лучшего не желала, как рискнуть жизнью рядом с человеком, с которым она навсегда связала свою судьбу»,¹²⁶ мы можем проследить за жизнью Анны Васильевны по сведениям об ее муже.

Как видно из цитированных уже нами мемуаров Андриэ о Лионской коммуне 1870—1871 г.,¹²⁷ Жаклар в начале сентября 1870 г. находился в Лионе, где у него были связи с рабочей средой, установленные через влиятельного члена местной секции Интернационала бакуниста Альбера Ришара. Здесь Жаклар Удачно выступил на одном из собраний, после чего сразу приобрел популярность среди лионских рабочих.

Из письма Жаклара к Марксу от 3 января 1873 г. мы узнаем, что Жаклар остановился в Лионе, чтобы «попытаться заложить первые основы Лиги юга революционного характера». Альбер

Имеется в виду понедельник 2 сентября 1870 г., но Жаклары, как видно из «Воспоминаний коммунара» Г. Лефрансе (Л., 1925, стр. 12), основанных на записях в дневнике, который он вел в то время, задержались в Женеве до утра 4 сентября.

А. К. Лефлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 122. О пребывании Анны Васильевны в Париже во время его осады немцами (осада началась 17 сентября 1870 г.) упоминает в одном из писем к брату и В. О. Ковалевский.

L. Andrieux. La Commune de Lyon en 1870 et 1871, стр. 170.

Ришар гостеприимно принял его в своем доме и помог ему получить поддержку Лионской секции Интернационала.

8 сентября 1870 г. на собрании в зале Ротонды Жаклар был избран одним из 10 комиссаров, которые должны были быть посредниками между «народом Лиона» и Комитетом общественного спасения, организовавшимся тогда в Лионе под влиянием агитации бакунистов. Жаклар вместе с Альбером Ришаром и Андриэ был командирован в Париж, чтобы доложить правительству национальной обороны пожелания «народа Лиона».¹²⁸ Как видно из воспоминаний Альбера Ришара, именно Жаклар был инициатором предложения Лионской демократии послать в Париж делегацию, причем он выражал желание, чтобы такую же инициативу проявили и другие центры демократии, а не ждали бы приказаний из Парижа. Целью делегаций должно было быть формирование французского правительства по соглашению всех центров демократии с избранниками парижской революции. Это предложение было принято.

Уехав из Парижа, Жаклар уже не вернулся в Лион.¹²⁹ В Париже он был вовлечен в работу «комитетов защиты и бдительности» (иначе «наблюдательных комитетов»), которые с 5 сентября 1870 г., т. е. уже на другой день после провозглашения республики, стали организовываться во всех 20 округах Парижа, по 4 представителя от каждого округа, имея во главе Республиканский центральный комитет национальной защиты 20 округов Парижа (кратко он потом назывался ЦК 20 округов).¹³⁰ Эта организация состояла из представителей «наиболее прогрессивных партий» и находилась в том же помещении на Кордери, где заседали Федеральный совет всех парижских секций Интернационала и Федеральная камера всех рабочих обществ Парижа. «В ЦК преобладали члены Интернационала», — так утверждает современник, член Интернационала и бакунист Джеймс Гийом; об этом же свидетельствуют участник парижских и лионских событий бакунист генерал Клюзере и биограф Варлена и участник тогдашних событий Файе. Эти утверждения вполне соответствуют действительности, как показала проверка профессионального и партийного состава членов ЦК 20 округов.¹³¹

Принимая во внимание воинственный патриотический характер ЦК 20 округов, можно думать, что в нем из членов Интернацио-

нала преобладали бланкисты, правые прудонисты и бакунисты, а сторонников Маркса, считавших, что заключение мира надо предоставить буржуазии и сделать этот постыдный мир исходным пунктом для борьбы против существующего строя за социализм, было очень немного. Последние во всяком случае не имели в нем вначале никакого влияния.

Гийом сообщает, что под красным плакатом, отпечатанным 19 сентября и требовавшим созыва всеобщего ополчения, срочного вооружения и разрешения вопроса о продовольствии, фигурировали между прочим рядом с фамилией Варлена имена Белэ, Комбо, Камелина, Дюпа, Ферре, Флуранса, Жаклара, Лефрансе, Малона, Пенди, Потье, Ранвье, Тридона, Тейсса, Вайяна и Валлеса. За день до появления этого плаката германская армия окончательно обложила столицу. Парижу предстояло быть отрезанным от всего мира до 28 января 1871 г.¹³² Таким образом, в начале осады Парижа Жаклар уже был членом ЦК 20 округов и, значит, одним из четырех представителей одного из округов Парижа, а именно 18-го округа, Монмартра (наиболее рабочего и наиболее революционного из центральных округов Парижа). Анна Васильевна в дни Коммуны тоже работала в женском Комитете бдительности 18-го округа. Надо думать, что Жаклары жили на Монмартре, так как представительство в комитетах бдительности было по месту жительства (по округам).

Но кроме работы в комитете бдительности 18-го округа и в ЦК 20 округов, которая состояла, вероятно, главным образом в произнесении речей на публичных собраниях и в участии в заседаниях, Жаклар со времени осады города выполнял еще функции начальника 158-го батальона национальной гвардии.¹³³

Вместе с товарищами по Интернационалу Шассеном, Комбо, Левердэ и Молленом Жаклар был делегирован 17 сентября 1870 г. для переговоров с Временным правительством по жалобам мобилей и по вопросу о посылке генеральных делегатов в департаменты для проведения массового рекрутского набора.¹³⁴

Жаклар участвовал в собрании ЦК 20 округов 25 сентября, на котором был заявлен протест против отсрочки правительством выборов и принято единогласное решение пригласить от имени ЦК 20 округов все население произвести выборы как можно скорее.¹³⁵

¹²⁸ Гильом. Варлен-заговорщик, стр. 123—124. Мы исправили в цитате лишь искаженную транскрипцию некоторых имен (Белэ назван Белеем. Шлуране — Флураном, Пенди — Пинди, Тейсс — Тешом) То же

¹²⁸ Там же, стр. 57—58.

¹²⁹ См.: A. R i s h a r d. Bakounine et l'Internationale a Lyon. «Revue de Paris», 1896, № 17, стр. 146. В. О. Ковалевский в письме к брату из Лондона от 26 сентября 1870 г. также упоминает, что Жаклар находился в Париже в качестве «делегата красной Лионской республики».

¹³⁰ О возникновении ЦК 20 округов рассказано в афише от 13—14 сентября 1870 г. (см.: Muraillles politiques francaises, t. I. Paris, 1873, стр. 90—91).

¹³¹ См.: Гильом. Варлен-заговорщик. Сб. «Парижская Коммуна», изд. Коминтерна, Пгр., 1921, стр. 123; Memoires du general Cluseret, t. III. Paris. 1888, стр. 46; F a i l l e t. Biographie de Varlin. Paris, 1885.

¹³³ См. об этом: Delion. Les membres de la Commune, стр. 343. То же подтверждает и Лепеллетье, по-видимому лично знавший Жаклара Иб. Бере letter. Histoire de la Commune de Paris, t. III, стр. 25), но у яг«верно Указан 138-й батальон вместо 158-го. См. также: Г Л е ф р а н с е. Восшина ния коммунара, стр. 22; А. З е в а э с. Огюст Бланки. Игр.. IVZZ, стр. 193.

¹³⁴ См. газету «Ле Раппель» от 19 сентября 1870 г.

¹³⁵ См. газету «Ле Комба» от 28 сентября 1870 г.

Это было время, когда передовые партии в Париже стали принимать шаги к завоеванию командных постов в национальной гвардии, чтобы противопоставить ее правительственной армии, так как в национальной гвардии офицерство было мало надежным с точки зрения интересов революции. Некоторое представление об этом дает следующий факт.

В газете бланкистов «Отечество в опасности» от 14 декабря 1870 г. находим помеченное 12 октября письмо Жаклара к национальным гвардейцам 158-го батальона, в котором он из-за конфликта с реакционным генералом Тамизье подает в отставку. Как видим из этого письма, 10 октября на посту в Шато-Руж (это был дом на улице Клиньякур на Монмартре, где впоследствии помещался ЦК национальной гвардии) два пьяных офицера, из которых один был начальником поста, сделали попытку взбунтовать батальон против отсутствовавшего Жаклара как начальника батальона. Национальные гвардейцы арестовали этих офицеров — пособников реакции, а когда Жаклар прибыл на пост, он одобрил этот арест. Однако генерал Тамизье, тогда высший начальник национальной гвардии, взял этих офицеров под свое покровительство и прислал приказ об их освобождении. «Итак, — пишет Жаклар, — власть, исходящая не знаю откуда, растоптала ту власть, которую меня облекли вы; произвол объявил себя выше вашего голосования. Такое положение для меня невыносимо, и потому я подаю в отставку не генералу, а батальону, который меня избрал. Я думал дальше быть во главе всех вас, сражаясь одновременно против пруссаков внешних и внутренних. С грустью оставляю я эту надежду. Посылаю вам мое горькое сожаление и уношу с собою неизгладимое воспоминание о ваших бешеных „браво“, которыми вы неоднократно в моем присутствии приветствовали республику, истинную республику, а не только замаскированную, чтобы успешнее помириться с монархией... Реакция подымает голову. Вспомните прошлое! Вспомните, как падают республики, как низвергаются в пропасть самые большие и самые героические нации. Республиканцы, будьте осторожны! Прощайте, дорогие товарищи, всем вам братски жму руку. Ваш экс-командир Виктор Жаклар».

Если зададимся вопросом, почему именно реакционные офицеры сделали попытку взбунтовать 158-й батальон национальной гвардии против его начальника Жаклара, то ответ мы найдем в характеристике Жаклара тех дней. Луи Баррон пишет о нем: «Жаклар никогда не был солдатом; это был молодой, высокого роста, нервный стройный брютет, с неуверенной походкой, с неизменной хитрой улыбкой на кончиках губ. Мундир, длинные черные волосы, борода артиста и очки придавали ему вид молодого художника или переодетого студента». По словам Лепеллетье,

«Жаклар был человек образованный, храбрый, отличавшийся очень мягким характером. .. он производил впечатление одного из тех „господ докторов“ из Иены или Гейдельберга, которые в перерыве между двумя лекциями командуют отрядами и заставляют маневрировать пушки».¹³⁷ Эту характеристику полностью подтверждает в своих неопубликованных записках Н. Д. Гизетти, хотя она познакомилась с Жакларом лет лишь 13—14 спустя. «Даже во внешности этого типичного француза, — пишет она, — было что-то от русской простоты: не наивной, грубой или с хитрецой, а той простоты высшего достоинства, которая чувствовалась, скажем, у Короленки, у Фрея, порою встречается и в русском безграмотном крестьянине». Естественно, что человек с такой внешностью и с такими внутренними качествами, к тому же известный как революционер, должен был казаться реакционным офицерам не на месте в роли начальника батальона национальной гвардии.

По-видимому, отставка Жаклара не была принята, так как в дальнейшем мы находим сведение у Делиона, что Жаклар был отставлен от командования 158-м батальоном только 4 ноября, за участие в восстании 31 октября.¹³⁸

О том, что Жаклар действительно принял участие в этом восстании, мы узнаем из воспоминаний Пьера Везинье, будущего члена Коммуны, который встретил Жаклара в обществе вождя восстания Бланки между 6 и 7 часами вечера 31 октября. Жаклар, по словам Везинье, был очень растерян и поражен дурным приемом, который оказал ему и Бланки 106-й батальон национальной гвардии, бывший на стороне правительства. Их обоих оскорбляли, им угрожали. «Не без труда, — говорит Везинье, — мы вырвали их из рук этих сумасшедших; мы должны были их повести с револьверами в руках в залу, где находились арестованные члены правительства национальной обороны».¹³⁹ В книге Жеффруа о Бланки в рассказе о событиях 31 октября Жаклар рядом с Бланки не упоминается. Но автор указывает, что когда начались преследования лиц, игравших активную роль в этих событиях, то наряду с видными революционерами был арестован и Жаклар. Однако через два месяца его и некоторых других выпустили из тюрьмы¹⁴⁰

Итак, со времени осады, т. е. с 17 сентября и до 4 ноября 1870 г., Жаклар был командиром 158-го батальона национальной

¹³⁷ E. Lepelletier. Histoire de la Commune de Paris, t. III. стр. 25. Характеристика Лепеллетье относится к несколько более позднему времени, когда Жаклар был назначен полковником 17-го легиона.

¹³⁸ См.: Delion. Les membres de la Commune, стр. 343. Делион указывает, что Жаклар был отстранен от командования батальоном 6 ноября, но, как увидим дальше из письма Жаклара к прокурору республики, это произошло 4 ноября.

¹³⁹ Pierre Vésinier. Comment a peri la Commune. Paris, 1892, стр. 324.
¹⁴⁰ См.: Жеффруа. Заключенный, стр. 240.

гвардии, стоявшего за социальную революцию.¹⁴¹ По-видимому, в виде протеста против того, что его сместили с поста командира 158-го батальона, избиратели 18-го округа в начале ноября выбрали его одним из помощников мэра 18-го округа Парижа,¹⁴² где мэром был избран Клемансо. Подписи всех четырех помощников мэра мы находим в афише, обнародованной новым составом мэрии этого округа 10 ноября 1870 г. Подпись Жаклара поставлена в скобки, причем указано, что ему подписаться лично «помешали».¹⁴³ В действительности Жаклар во время выборов сидел в тюрьме Консьержери; это видно из его письма к прокурору республики от 14 ноября 1870 г., напечатанного в газете «Отечество в опасности» от 18 ноября 1870 г., где Жаклар жалуется, что арестован 4 ноября и в то же время избран в муниципалитет, а исполнение обязанностей по муниципалитету несомненно с сидением в тюрьме. Никаких обоснованных серьезных обвинений на допросе ему не предъявили, а значит доказательств его вины не существует, и поэтому «во имя права», представителем которого является прокурор, и «во имя народного голосования», представителем коего является сам Жаклар, он требует своего освобождения. Подписывается он как «отставленный начальник 158-го батальона, помощник мэра 18-го округа».

Но письмо не сразу подействовало на прокурора республики. Как указывает Лефрансе, тоже сидевший в это время в тюрьме вместе с Жакларом, Анна Васильевна имела свидания с мужем, для чего получала вместе с женой Лефрансе пропуска в префектуре. Обращалась Анна Васильевна к «старому приятелю своего мужа» — адвокату по политическим делам, известному радикалу Шарлю Флоке, но тот принял ее «с самым высокомерным видом» и не согласился взять на себя защиту.¹⁴⁴

Пришлось Жаклару посидеть еще два месяца. Как видно из письма бывшего прокурора Дидье, опубликованного в материалах следственной комиссии, ° выпустили его из тюрьмы только 5 января 1871 г., но выпустили лишь для того, чтобы предать военному суду.

Ему вменили в вину, между прочим, то, что он резко вырвал из рук министра иностранных дел Жюль Фавра компрометирую-

¹⁴¹ В. О. Ковалевский в письме к брату из Берлина в Тор от 25 декабря 1870 г. все еще говорит о Жакларе как о «начальнике батальона национальной гвардии», но это объясняется его неосведомленностью о событиях, так как не были получены письма от жен* Жаклара.

¹⁴² См.: E. Dame. La resistance. Les maires, les deutes de Paris etc. Paris, 1871, стр. 365—369.

¹⁴³ См.: Murailles politiques francaises, t. I, стр. 400. Два других помощника мэра 18-го округа, Лафон и Дерер, были членами Интернационала, что видно из специального списка парижских членов Интернационала, составленного мной на основании документов эпохи.

¹⁴⁴ См.: Г. Лефрансе. Воспоминания коммунара, стр. 35.

¹⁴⁵ См.: Enquete parlementaire sur l'insurreclion du 18 Mars, стр. 560.

щее его письмо, которое тот тайком написал своей дочери и которое Начиналось словами: «Дочь моя, я погиб, меня выдают правосудию».

10 марта 1871 г. Жаклар военным судом был оправдан. На это оправдание могло повлиять то обстоятельство, что на выборах в Учредительное собрание 8 февраля 1871 г. Жаклар получил около 60 тысяч голосов.¹⁴⁷ Если учесть, что даже Бланки получил на этих выборах всего 52 тысячи голосов,¹⁴⁸ то будет ясно, что Жаклар пользовался немалой популярностью.

О популярности Жаклара среди парижских революционных кругов свидетельствует и то, что вскоре он был выдвинут на пост начальника национальной гвардии Монмартра и 4-го сектора Парижа. По-видимому, прудонисты и бланкисты Парижа вполне доверяли Жаклару как революционеру, хотя он и расходился с ними по вопросам революционной тактики. Жаклар в это время уже не был сторонником Бланки.

Мы легко можем себе представить, что пришлось пережить Анне Васильевне во время ареста Жаклара и военного суда над ним. Она старалась отвлечься от тягостных мыслей, посвящая все свое время работе.

Из приведенного ниже письма Анны Васильевны к Марксу от 12 ноября 1872 г.¹⁴⁹ видно, что она перевела на французский язык отрывки из первого тома «Капитала» по первому его изданию; этот перевод попал в руки версальской полиции после подавления Коммуны. Так как трудно думать, чтобы она могла заниматься переводом «Капитала» после революции 18 марта 1871 г., когда ей приходилось, как увидим ниже, вести напряженную общественную и политическую работу, и так как в своих письмах из Швейцарии До отъезда в Лион и Париж она о своем переводе «Капитала» не упоминает, то очевидно, что перевод этот был сделан в промежутке между сентябрем 1870 г. и 18 марта 1871 г. .

VIII. РАБОТА В КОММУНЕ (18 МАРТА—28 МАЯ 1871 г.)

Об общественно-политической деятельности Анны Васильевны во время Парижской Коммуны можно судить на основании одного документа из секретного архива III отделения,¹⁵⁰ по ее подписям на том или ином воззвании, выпущенном в дни Коммуны, по упоминанию о ней в материалах парламентской след-

¹⁴⁶ См.: Г. Лефрансе. Воспоминания коммунара, стр. 54.

¹⁴⁷ См. статью о Жакларе в словаре Лярусса (Dictionnaire Larousse). См. также: E. L e p e I e t e r. Histoire de la Commune de Paris, t. III, стр. 25.

¹⁴⁸ См.: Г. Жеффруа. Заключенный, стр. 266.

¹⁴⁹ Письма Анны Васильевны и В. Жаклара к Марксу хранятся в Институте марксизма-ленинизма.

¹⁵⁰ Копию этого документа мне предоставил в свое время известный ИСТОРИК П. Е. Щеголев.

ственной комиссии о революции 18 марта и по одному касающемуся ее декрету последних дней Коммуны.

Документ из секретного архива III отделения—это письмо (на французском языке) секретаря русского посольства в Париже Обрескова к управляющему III отделением графу Шувалову от 24 июня (6 июля) 1871 г. Здесь Анна Васильевна именуется «мегерой», «достойной супругой некоего Жаклара, начальника 10-го легиона, отмеченного среди начальников-коммунаров своей кровавой натурой»; далее о ней говорится, что она «была замешана в насилиях Коммуны, в арестах и последних неистовствах сопротивления». Как увидим ниже, указание, что Жаклар был начальником 10-го легиона, неточно; Обрескову было известно об Анне Васильевне только то, что она — русская.

Луиза Мишель в своих воспоминаниях о Коммуне, говоря о деятельности Коммуны, упоминает имя Анны Васильевны в числе пяти «организаторов народного образования до борьбы в самом Париже, где они проявили себя героинями».¹⁵¹

Барон де Вилье указывает, что «большая часть афиш, выпущенных жителями Монмартра, были написаны Луизой Мишель, русской Анной Жаклар и Андре Лео».¹⁵²

Из статей об Андре Лео и Жакларе в словаре Ваперо—Гарнье¹⁵³ мы узнаем, что Анна Васильевна вместе с Андре Лео основали газету «Ля Сосиаль», которая, как известно, выходила по вечерам ежедневно с 31 марта до 17 мая. В этой газете, бывшей наиболее выдержанным в социалистическом духе органом Коммуны, публиковались наиболее серьезные статьи по социальным вопросам. К сожалению, эти статьи подписывались в газете очень редко, и подписи Анны Васильевны мы не встречаем.

В книге Марфорио о Коммуне¹⁵⁴ находим известие, что Комитет бдительности 18-го округа 6 мая по инициативе гражданок—председательницы Пуарье, секретарши Жаклар и членов президиума Баруа и Тессон принял постановление о немедленном устранении из госпиталей и тюрем сестер-монахинь. В тот же день они провели решение и о ликвидации уличной проституции.

Как видно из показания в парламентской следственной комиссии о революции 18 марта Барраля де Монто, сына крупного мануфактуриста с юга и полковника штаба 7-го округа в войсках Коммуны, который пробрался в военное командование Коммуны с согласия Тьера, как его шпион, он, по приказанию Делеклюза, был под наблюдением сначала полковника Разуа, а затем Анны

Васильевны Жаклар, что «сильно стесняло его действия». По-видимому, в шпионстве Делеклюз его только подозревал, но не знал о нем ничего достоверного.¹⁵⁵

Наконец, мы знаем из «Официальной газеты» Коммуны, что 21 мая 1871 г., в самый день вступления версальцев в Париж, декретом Вайяна, делегата по народному образованию, была учреждена комиссия для реорганизации женского образования и для наблюдения за школами для девочек; среди пяти членов этой комиссии мы находим Анну Васильевну.

Участник Коммуны журналист Максим Вийом рассказывает, что 21 мая 1871 г. он присутствовал на завтраке в столовой Министерства народного просвещения и в числе лиц, сидевших во главе стола, он называет «жену начальника 17-го легиона, помощника мэра во время осады, — г-жу Жаклар».¹⁵⁶ Очевидно, Анна Васильевна уже раньше приступила к работе в комиссии по реорганизации женского образования.

Поскольку Анна Васильевна была в близкой дружбе с Андре Лео, о ее политической позиции и об отношении ее к деятельности Коммуны мы можем судить (не имея на то прямых указаний от нее самой) по высказываниям ее друга.

Андре Лео, по свидетельству члена Коммуны Малона,¹⁵⁷ не выказывала склонности к насильственным мерам во время Коммуны, она даже порицала многие действия Коммуны; но, умея отращаться от неизбежных ошибок последней, она осталась верной пролетарской революции и наиболее ревностно отдалась ей в последние трагические дни.

В качестве жены и верного друга Жаклара Анна Васильевна, естественно, была в курсе всей его работы в Коммуне. Как известно, Жаклар с первого и до последнего дня Коммуны 1871 г. был активнейшим ее борцом. Прежде всего он был начальником войск Монмартра (4-го сектора) и руководил операциями в день 18 марта.¹⁵⁸

Историк Парижской Коммуны и ее участник Лиссагарэ упоминает о Жакларе в связи с арестом реакционера-генерала Леконта на улице Клинянкур, у поста Шато-Руж, где помещалась главная квартира офицеров батальонов национальной гвардии Монмартра.¹⁵⁹

¹⁵⁶ См.: Enquete Parlementaire sur l'insurrection du 18 Mars, стр. 288—292.

¹⁵⁵ M. Vuillemet. Mes earners rouges du temps de la Commune. 3-e ed., Paris, 6. г. стр. 392.

¹⁵⁷ B. Malon. Histoire de la -troisieme defaite du proletariat francais. Geneve, 1871, стр. 273.

¹⁵⁸ См. об этом письме Жаклара в газетах «Коммуна» от 29 марта 1871 г. В «Крик народа» от 30 марта 1871 г. Нигде в другом месте я не нашел сведений такого рода, но надо думать, что Жаклар не преувеличил своей роли в день 10 марта, раз он писал о ней публично в газетах.

¹⁵⁹ Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871 г. М., 1905, стр. 120.

¹⁵¹ Луиза Мишель. Коммуна. Тверь, 1923, стр. 162.

¹⁵² Барон де Вилье. Женские клубы и легионы амазонок. М., 1912, стр. 414.

¹⁵³ См.: Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains. 4-e ed. Supplement Gamier, стр. 99 и 116.

¹⁵⁴ Marforio. Les echarpes rouges. Souvenirs de la Commune. Paris, 1872, стр. 24—25. О том же см. в газете «Етуаль» от 10 мая 1871 г.

ЦК Национальной гвардии 18 марта назначил Жаклара начальником батальонов Монмартра, т. е. 17-го легиона. Он оставался им до 10 мая.¹⁶⁰

В словарях Лярусса и Ваперо—Гарнье находим указание, что Жаклар с 10 мая 1871 г. был назначен генеральным инспектором укреплений Парижа и принял активное участие в вооруженном сопротивлении версальцам после их вступления в Париж. Можно считать вполне вероятным, что Жаклар в последние дни Коммуны был именно в этой должности, хотя в списке офицеров Коммуны, приведенном в книге Пролеса о военном делегате Коммуны Росселе, Шарль Виктор Жаклар значится только как начальник 17-го легиона, сменивший на этом посту Росселя.¹⁶¹

Анна Васильевна, как и ее муж и как ее друг Андре Лео, в первые дни Коммуны не высказывала склонности к насильственным мерам, но она не была настроена и соглашательски. Гарнье пишет, что она положительно влияла на мужа и в редкие моменты охватывавшего его малодушия поддерживала в нем «преданность делу Коммуны».¹⁶² Сама она была свободна от припадков неуверенности и малодушия, полностью отдавалась делу революции и была готова на любые жертвы ради ее победы.

Биограф Софьи Ковалевской Леффлер сообщает, что после прекращения блокады Парижа, т. е. в конце января 1871 г., она с мужем поехала в Париж, «чтобы выручить» Анну Васильевну. На самом деле они прибыли туда гораздо позже. Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату из Парижа от 9 августа 1871 г., он и его жена находились в Париже с 5 апреля до 12 мая, причем Ковалевский все это время изучал в Палеонтологическом отделе Ботанического сада Парижа млекопитающих.

Говоря об этом путешествии Ковалевских в Париж, Леффлер замечает: «Рассказывая впоследствии о своем путешествии, Софья сама не могла дать себе отчета в том, как им удалось проникнуть в город через немецкие войска. Они шли пешком, затем ехали лодкою по Сене под угрозой быть расстрелянными, но тем не менее счастливо перебрались на противоположный берег и незамеченными вошли в Париж. .. Софья много лет спустя собиралась обработать в литературной форме свои воспоминания об этом времени, но этому плану, к сожалению, не суждено было осуществиться».¹⁶³

Обе сестры ухаживали за больными в госпитале и здесь встретились с несколькими девушками их круга из Петербурга. «Пока

¹⁶⁰ См. об этом «Обращение» Жаклара к 17-му легиону национальной гвардии от 10 мая 1871 г. в газете «Мо д Орд» от 12 мая 1871 г.

¹⁶¹ Proles. Les hommes de la revolution de 1871. Le colonel Rossel. Paris, 1898, стр. 128—134.

¹⁶² См.: Vaqueriau. Dictionnaire universel des contemporains. 4-e ed. Supplement Gamier, стр. 99.

¹⁶³ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 120—121.

бомбы падали и все новые и новые раненные приносились в больницу, девушки шепотом обменивались воспоминаниями о своей прошлой жизни».¹⁶⁴

Мы узнаем таким образом, что Софья Ковалевская в качестве сестры милосердия также была в какой-то мере участницей Парижской Коммуны.¹⁶⁵

О дальнейшей деятельности Анны Васильевны во время Коммуны мы можем судить по подписям ее под резолюциями на разных собраниях. Так, от имени президиума собрания Анна Васильевна вместе с членами женского наблюдательного комитета Андре Лео, Пуарье и Бюизар подписывает следующую резолюцию, напечатанную в газете «Крик народа» от 26 апреля 1871 г.: «Гражданки Монмартра на собрании 22 апреля постановили предоставить себя в распоряжение Коммуны, чтобы организовать походные госпитали для сопровождения отрядов, сражающихся с неприятелем и для подбирания на поле сражения наших героических защитников. Женщины Монмартра, одушевленные революционным энтузиазмом, хотят доказать действиями свою преданность революции».

В той же газете от 28 апреля 1871 г. находим следующее извещение за подписью Анны Васильевны: «Комитет бдительности 18-го округа созывает всех гражданок на собрание, которое состоится в четверг в зале Буль-Нуар.

«Комитет, заседающий на улице Акаций № 32, призывает всех гражданок, желающих активно помогать Коммуне, чтобы они шли перевязывать раненых на поле сражения и ухаживать за ними в госпиталях.

«Просим гражданок, не имеющих работы, записаться, после чего она им вскоре будет предоставлена.

«Комитет принимает также пожертвования всякого рода — белье, деньги — в помощь жертвам войны.

«За председательницу гражданки: Жаклар, Пуарье, Барруа, Коля, Экскофон».

Бенуа Малон сообщает, что Андре Лео агитировала за формирование женского батальона для защиты баррикад на случай боя

¹⁶⁴ АндрТлео в № 43 «Ля Сосиаль» от 12 мая 1871 г в статье «Монархический заговор в провинции» сообщает: «Двое русских, г-н и г-жа Ковалевские, имеющие сестру в Париже, прибыли сейчас после перемирия в Берсаль и просили пропуска. Получив везде отказ, они пошли к Бисмарку, который ответил на их просьбу „Мне воспрещено вас удовлетворить, это не зависит от меня. П дал слово Жюлю Фавру не пропускать в Париж никого без его формального разрешения” Лицо знающее об этом факте от г-на и г-жи Ковалевских, писало о нем из провинции в одну парижскую газету. Другие письма пришли по назначению, а это письмо не прошло». Из этого письма ясно, что Ковалевские хотели пробраться в Париж легально, но это им не удалось. Как видим, Андре Лео упомянула в статье о Ковалевских уже после их отъезда из Парижа.

в стенах самого Парижа.¹⁶⁶ Можно думать, что и Анна Васильевна принимала участие в этой агитации.

Анна Васильевна участвовала в работе Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым, основанном другой деятельницей Коммуны — Елизаветой Дмитриевой. Этот комитет заседал в мэрии 10-го округа и объединял женские комитеты всех 20 округов Парижа (по 11 человек от каждого).¹⁶⁷ Нет никакого сомнения, что Анна Васильевна входила в него как представительница женского комитета 18-го округа (Монмартра), в котором она была, как мы видели выше, секретарем.

Как и все члены женских комитетов, Анна Васильевна днем участвовала в их заседаниях, а вечером выступала в клубах. Барон де Вилье сообщает, что на Монмартре во время Коммуны имелся «Женский клуб», и Анна Васильевна, бывшая членом президиума в Комитете бдительности Монмартра, конечно, регулярно посещала этот клуб. «Ни в какую другую эпоху, — говорит барон де Вилье (и его слова подтверждаются членом Коммуны Маленом), — женщины не пользовались во Франции таким влиянием, как во время Коммуны».¹⁶⁸

Женщины вели пропаганду социальных идей Интернационала, образовывали ячейки женских объединений, женских синдикальных камер, пытались основать интернациональную федерацию работниц Парижа, вступали в женские батальоны, сражавшиеся на передовых позициях, и в группы санитарок, обслуживавших в конце мая все без исключения санитарные пункты.¹⁶⁹ В организации всех этих видов помощи Коммуне активное участие принимала Анна Васильевна. Кроме того, она вела повседневную журналистскую работу в газете «Ля Сосиаль».¹⁷⁰

IX ОРГАНИЗАЦИЯ ПОБЕГА ЖАКЛАРА.

ЖИЗНЬ В БЕРНЕ И В ЦЮРИХЕ.

ПЕРЕПИСКА С МАРКСОМ (ИЮНЬ 1871—ИЮНЬ 1874 г.)

Конец наступил в последних числах мая. Коммуна была повержена в прах и потоплена в крови.

Маркс предвидел неизбежную гибель Коммуны. Как указывает В. И. Ленин, «Маркс в сентябре 1870 года, за полгода до Ком-

¹⁶⁶ В. М а л о п. Histoire de la troisieme defaite du proletariat francais, стр. 274.

¹⁶⁷ См.: Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 Mars, стр. 549.

¹⁶⁸ Барон де Вилье. Женские клубы и легионы амазонок, стр. 411.

¹⁶⁹ См.: В. М а л о п. Histoire de la troisieme defaite du proletariat francais, стр. 275.

¹⁷⁰ Книгопродавец Лемонье сообщает что газета «Ля Сосиаль» делалась «Вермершем и другими редакторами „Отца-Дюшена“», но он исходит лишь из того, что редакции обеих газет помещались в одном доме, и сообщение это надо считать ошибкой (L e m o n n i e r. Les journaux de Paris pendant la Commune. Paris, 1871, стр. 72).

муны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала».¹⁷¹

Причины гибели Коммуны так сформулированы Лениным: «Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ. . .

«Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени».¹⁷²

Те из коммунаров, кто не был убит или взят в плен 21—28 мая, постарались скрыться.

В это время несколько лиц, которых принимали за Жаклара, были расстреляны версальцами. Но сам Жаклар был арестован только спустя две недели после окончательного усмирения восстания, когда бессудные казни прекратились. Вот почему его не расстреляли сразу же, на месте.¹⁷³

28 мая, когда была взята последняя баррикада коммунаров, Жаклару удалось скрыться в доме № 283 на бульваре Волтер; здесь уже находился раненый Верморель, за которым ухаживала консьержка, жена разорившегося аптекаря Манжа. Жаклар сжег свою военную одежду, переоделся в штатское и благодаря Манж, которая выдала Вермореля и Жаклара за своих родственников, ему посчастливилось было ускользнуть от версальцев. Но ненадолго, вскоре Жаклар был узан на улице, арестован и отведен в Сатори, оттуда в Оранжери и наконец в Шантье (все это места заключения коммунаров). В краткой записке, по которой Жаклар был «несен в список арестантов, значилось: «Вышеназванный Жаклар был командиром Монмартра, по его приказанию расстреляны генералы Клеман Тома и Леконт. Кроме того, уверяют, что он ви-

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 376.

¹⁷¹ Там же, т. 20, стр. 219—220.

¹⁷² См.: Оливье Пэн. Бегство коммунаров из Парижа. «Слово», 1880, 11, стр. 166—271 (обозначена латинская цифра).

новен в убийстве жандармов». ¹⁷⁴ Естественно, что подобная рекомендация отдавала Жаклара на полный произвол тюремных надзирателей.

Участник Коммуны журналист Громье, сам сидевший в тюрьме Оранжери, рассказывает, что «Жаклара и некоторых его товарищей, раздев и привязав к столбу, били шомполами, причем Жаклара более других подвергли этому жестокому и позорному наказанию». ¹⁷⁵

Н. Д. Гизетти в уже цитированных выше неопубликованных мемуарах рассказывает со слов самого Жаклара, что «в версальской тюрьме-клоаке. . . наиболее видных, образованных коммунаров с особым издевательством заставляли исполнять самые унижительные и грязные работы. . . „Жаклар, к парашке!“ — команда, которой, как ударом хлыста, огреют, бывало, его пробуждение к новому дню ужасов».

В петербургской газете «Голос» от 2 (14) июня 1871 г. сообщалось, что Жаклар сделал 7 июня попытку повеситься. Однако этому трудно поверить: ведь он знал, что жена его на свободе, и мог рассчитывать на то, что она предпримет все возможное, чтобы смягчить его участь, и что в этом ей помогут Софья Ковалевская со своим мужем. .

О последнем мы узнаем из письма В. О. Ковалевского к брату из Парижа 11—13 июня 1871 г. «Жили мы в Берлине смиренно, — пишет В. О. Ковалевский, — вдруг пришло известие о взятии Парижа, стали беспокоиться, затем письмо Анюты, что все благополучно и что они оба, т. е. она с мужем, успели скрыться. Вдруг через день новое письмо, что он взят и что ему предстоит если не расстреляние, то ссылка. Конечно, в тот же день мы поехали в Париж и приехали очень кстати, так как уже по дороге прочитали в газетах, что и Анюта тоже арестована. Последнее, к счастью, оказалось пока несправедливым, хотя полиция уже охотилась за нею и взяла Андре Лео. ¹⁷⁶ В этом положении Анюта, конечно, не могла быть полезной, и потому мы ее как можно скорее выпроводили вон из Парижа, а сами остались здесь хлопотать о нем. Я вчера был в Версале, где он сидит, хотя не мог получить сви-

¹⁷⁴ Там же. Мы видели, напротив, что Жаклар будучи «командиром Монмартра» пытался спасти от расстрела генералов Тома и Леконта.

¹⁷⁵ См. анонимно изданную книгу Громье: *La Commune. Journal d'un Vaincu*. 2-е изд. Paris, 1892, стр. 209.

¹⁷⁶ В письме секретаря русского посольства в Париже Обрескова к управляющему III отделением графу Шувалову говорится, что Анна Васильевна была арестована «немного дней спустя после ареста ее мужа и перевезена в Версаль, где эта вполне подходящая друг другу пара ждет своей участи. Она, вероятно, найдет утешение в своем близком вдовстве в Новой Каледонии, пенитенциарную колонию которой предназначено заселить „петрольщиками“. Да сохранит бог Европу от возвращения их будущих детей». Немного раньше Обресков сообщает, что от жены Жаклара «невозможно было добиться признания ее русской фамилии и она назвала себя Натальей». Очевидно, все эти сведения давались Обресковым на основании газетной «утки».

дания, но сегодня получил. Сомнения нет ни малейшего, что он будет сослан. Куда? — неизвестно; верно, в Новую Каледонию. Положение теперь вот какое: Анюта, конечно, последует за ним, но так как его повезут вместе с другими ссыльными на транспортных судах вокруг мыса Доброй Надежды, то Анюте надо будет ехать одной, что, я думаю, невозможно. Софа рвется ехать с нею, что, я думаю, нелепо, потому что это помешает ей кончить свои математические занятия и выдержать экзамен, а это, вероятно, может случиться через 6 или 8 месяцев. Очевидно. . . сила обстоятельств говорит, что сопровождать Анюту через Суэц, Цейлон и Мельбурн придется мне; кроме того, так как я человек свободный, то мне и придется поселиться с ними в Новой Каледонии, а Софа, выдержавши экзамены в Берлине, приедет к нам туда. . . Иначе, строго рассудя, поступить невозможно. Софа и Анюта стали совсем мне родными, так что разлучиться с ними мне будет невозможно». ¹⁷⁷

¹⁷⁷ В оригинале письма начертан также план путешествия в Новую Каледонию, рисунок которого я пропускаю. Чтобы читатель мог понять, почему В. О. Ковалевский и его жена готовы были поехать за Жакларами в добровольную ссылку в Новую Каледонию, которая была похуже сибирской ссылки, надо знать, что Софья Ковалевская считала сестру своей духовной матерью и к тому же сильно сочувствовала коммунарам, да и В. О. Ковалевский был дружен со многими коммунарами. Политические взгляды его и сочувствие коммунарам видны из письма его к брату из Берлина от 28 мая 1871 г., где он пишет: «Подошли раздирательные вести из Парижа. Что там делается — просто страсть, июньские дни 1848 г. — игрушка в сравнении с нынешними гуртовыми убийствами и расстреляниями; очень много из наших хороших знакомых убиты и расстреляны; об Анюте и муже ее мы не имеем никакой вести и очень боимся за него, хоть он и вышел за две недели до конца службы (В. О. Ковалевский здесь ошибался, так как, подав в отставку 10 мая как начальник 17-го легиона, Жаклар сделался инспектором укреплений, — *И. К.-В.*), но все-таки если его поймают, то могут приговорить к смерти или ссылке. Возможно, что мы бы опять поехали, но вход в Париж закрыт положительно для всех. Мы уехали 12-го числа, а 22-го Париж был взят. . . (собственно 21 мая версальцы только вошли в Париж, а окончательно он был взят 28 мая, — *И. К.-В.*). Лучшие и энергичные люди расстреливались на всех углах. . . По-моему, инсургентов нельзя винить в том, что они жгли общие здания. Я бы сделал то же ввиду смерти или ссылки; конечно, лучше взорвать дом, в котором меня режут, чем отдать его на спокойное пользование моим палачам. У них было до 200 заложников, и так как версальцы расстреливали всех, то и инсургенты, не добившись обмена или амнистии, расстреляли 63 человека, в том числе архиепископа, много важных попов, бывшего президента сената Бонжана и множество других. Версальцам, конечно, ничего не стоило выручить их, но они нарочно не сделали этого, чтобы весь одиум убийства заложников пал на инсургентов. . . Читая ужасные описания того, что делается в Париже, получаешь ужасную ненависть к политике и вообще к человечеству. А вся Франция, смотрящая на падение иголова два месяца, пока резали Париж! (Это неверно: муниципалитеты многих городов добивались прекращения борьбы Версала против Парижа, — *И. К.-В.*). Мне в самом деле кажется, что французы — нация, клонящаяся к падению, иначе нельзя объяснить себе ни этой камеры (т. е. реакционной палаты депутатов, — *И. К.-В.*), ни этих выборов (8 февраля в Национальное собрание, оказавшееся в большинстве монархическим, — *И. К.-В.*), ни всего, что там происходит».

Итак, В. О. Ковалевский приехал в Париж с целью «хлопотать о Жакларе». «К 1 июля, — сообщает В. О. Ковалевский брату в письме от 9 августа 1871 г., — приехали с тою же целью родные из Питера, и мы живем теперь здесь вчетвером и кое-что успели сделать для облегчения его участи. Рассказов у меня есть для тебя десять томов».

О том, какие именно «родные из Питера» приехали на выручку Жаклара и что именно они сделали для Жаклара, узнаем из воспоминаний шведской писательницы А. К. Леффлер и польской революционерки Марии Залесской-Мендельсон о Софье Ковалевской, а также из статьи Оливье Пэна о бегстве коммунаров.

А. К. Леффлер сообщает, что после подавления Коммуны Анна Васильевна вызвала в Париж свою сестру Софью Ковалевскую и умоляла ее ходатайствовать перед отцом, стариком Корвин-Круковским, чтобы тот простил ее за обман (сокрытие ее проживания в Париже) и помог ей спасти Жаклара, которого она выдавала за своего «жениха».¹⁷⁸

Старик-генерал Корвин-Круковский, знавший уже о Жакларе как о женихе Анны Васильевны из писем обеих дочерей, о которых говорилось выше, с большой готовностью приехал в Париж вместе со своей женой на выручку Жаклара. «В качестве военного он, очевидно, сочувствовал гневу Парижа против тех, которые подписали версальский мир», — пишет М. Мендельсон.¹⁷⁹ «Генерал Круковский имел связи с Тьером и обратился к нему с просьбой о содействии. Тьер отвечал, что ничего не может для него сделать, но при этом как бы случайно упомянул о том, что пленных, среди которых находится и г. Жаклар, переводят на следующий день в другую тюрьму. Дорога в эту тюрьму вела мимо здания выставки, возле которого толпилась всегда днем масса народу. Анна вмешалась в толпу и в то время, когда пленные проходили мимо, проскользнула незаметно через ряды окружавших их солдат, взяла г. Жаклара под руку и исчезла вместе с ним в здании выставки, из которого они выбрались через другой выход и без малейших препятствий достигли станции железной дороги», — вспоминает А. К. Леффлер.¹⁸⁰ Однако в ее рассказе вызывают недоумение следующие обстоятельства. Мы знаем из письма В. О. Ковалевского от 11 июня 1871 г., что за Анной Васильевной «охотилась» полиция и потому она была увезена Ковалевским из Парижа. Куда? Ответ на это дает конец письма В. Жаклара к Марксу от 20 ноября (2 декабря) 1877 г.: «Моя жена, которая не забыла, ка-

ким вниманием Вы ее окружили, шлет Вам вместе со мной свои наилучшие пожелания».¹⁸¹

Из этого письма мы узнаем, что Маркс лично заботился об Анне Васильевне. Очевидно, она почти сразу после падения Коммуны была переправлена в Лондон. А что Маркс помог ей оттуда уехать в Гейдельберг, видно из сообщения двоюродной сестры Анны Васильевны по приезде в Гейдельберг: «Анюта была такой расслабленной, такой усталой душой и телом, что целых восемь дней она провела в свинцовом сне, от которого пробуждалась время от времени только для принятия пищи».¹⁸² Все это делает несомненным, что Анна Васильевна не могла принять участие в организации побега Жаклара.

Из другого письма В. О. Ковалевского, от 9 октября 1871 г., мы узнаем, что Жаклару удалось бежать из тюрьмы в Версале в воскресенье 7 октября, и потому трудно допустить, чтобы побег этот произошел «на следующий день» после свидания генерала Корвин-Круковского с Тьером, — свидания, которое наверно произошло не в октябре, а в июле, сейчас же после приезда генерала Корвин-Круковского в Париж.

О предпринятых генералом Корвин-Круковским попытках для спасения Жаклара мы имеем ряд свидетельств архивных документов. Еще в Петербурге генерал Корвин-Круковский достал рекомендательное письмо к поверенному в делах русского посольства в Париже Г. Н. Окуневу от близкого приятеля последнего — Т. де Вестмана. В письме говорилось, что генерал «Крюковской», дочь коего замужем за французом Виктором Жакларом, бывшим помощником мэра Парижа, получил извещение от дочери, что она тяжело больна, а ее муж арестован. Генерал решил поехать в Париж. «Он не верит, чтобы его зять мог принять участие в ужасах последних дней. . .». «Помогите, прошу Вас, несчастному старику. . . и не откажите в Вашей поддержке в пределах справедливого и возможного», — заканчивает свое письмо г. де Вестман.

Окунев запросил о Жакларе председателя Совета министров Франции и получил следующий ответ за подписью барона Сент-Илера: «Сведения о Жакларе весьма печальны. Если он не приказал расстрелять заложников, то дал к этому знак и присутствовал в качестве активного свидетеля при их казни. Вероятно, он приговорен к казни. Кажется, тесть его видел и не мог скрыть выражения своего негодования против него».¹⁸³

¹⁸¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 224.

¹⁸² Sophie von Adelung. Jugenderinnerungen an S. Kovalewsky, стр. 418.

¹⁸³ В том, что генерал Корвин-Круковский «негодовал» против Жаклара, можно усомниться, так как, по свидетельству Н. Д. Гизетти, он «сумел где любезностью, где деньгами» устроить перевод Жаклара в тюрьму Шантье и таким образом облегчить возможность его побега.

¹⁷⁸ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 122.

¹⁷⁹ Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской. «Современный мир», 1912, № 2, стр. 146.

¹⁸⁰ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 122.

Надо также принять в расчет, что рассказ А. К. Леффлер был напечатан после смерти жены Жаклара (умерла в 1887 г.) и Софьи Ковалевской (умерла в 1891 г.). Между тем Оливье Пэн напечатал свой рассказ о бегстве Жаклара в 1880 г., когда Жаклар с женой жили в Петербурге и несомненно читали этот рассказ и не опровергали его.

По словам Оливье Пэна, Жаклару помогла бежать его сестра вместе с одним приятелем ее мужа. Они явились в качестве посетителей с надлежащими дозволениями в тюрьму Шантье, где «посетители, снабженные дозволениями, ходили по двору попеременно с заключенными... Приятель мужа сестры Жаклара остался у ворот тюрьмы, а сестра вошла, захвативши оба дозволения. Об этом было заранее условлено с Жакларом. Ему удалось побриться и добыть себе довольно приличное платье, что сильно изменило его наружность. Когда сестра Жаклара вошла, оставалось несколько минут до запираания ворот тюрьмы. Уже с четверть часа как Жаклар притаился у самого выхода, и, как только сестра вошла, он прокрался к ней и взял у нее дозволение. Затем со шляпой в руке он развязно подошел к смотрителю тюрьмы, знаменитому своей грубостью Морсеру и попросил у него дозволения увидиться со своим родственником Жакларом.

«— Слишком поздно! — строго обрезал его смотритель. — Я не дозволю свиданий за 10 минут до запираания ворот.

«— Но, милостивый государь, у меня есть дозволение. . Я нарочно приехал из Парижа. . .

«— Ах, отвяжитесь вы от меня! Есть у меня время слушать ваши возражения!

«И верный своей обычной грубости, Морсеру вытолкнул за ворота тюрьмы мнимого посетителя, который, конечно, вторично не пытался уже видиться с Жакларом. В тот же вечер он уехал в Женеву, куда прибыл без всяких приключений».¹⁸⁴

По словам Пэна, о побеге Жаклара не знал и смотритель тюрьмы. Но сторожа тюрьмы, возможно были прикосновенны к этому побегу. Это подтверждается указанием в словаре Ваперо-Гарпнье, что Жаклар бежал при обстоятельствах, заставивших обвинить его сторожей в содействии побегу.

Указание Л. Гроссмана,¹⁸⁵ основывающегося на словах А. Г. Достоевского, будто Жаклар бежал в Германию из крепости вблизи немецкой границы, совершенно не соответствует действительности, как это правильно отмечает в своих неопубликованных записках Н. Д. Гизетти. Но и собственный рассказ Н. Д. Гизетти «про то, как Анна Васильевна среди бела дня... увела Жаклара под руку из-под караула», тоже не соответствует

действительности и заимствован ею у Леффлер, как она, впрочем, и сама на это указывает.

По рассказу А. К. Леффлер, план побега был связан с тем, что дорога в тюрьму вела мимо здания выставки, возле которого днем всегда толпилась масса народу. Между тем, мы знаем, что в Версале в 1871 г. никакой выставки не было. Последняя международная выставка во Франции была в 1867 г., и помешалась она на Марсовом поле в Париже, тогда как тюрьма Шантье, откуда бежал Жаклар, была в Версале.

Так как Анна Васильевна с июня 1871 г. до бегства Жаклара жила в Гейдельберге, то очевидно, что бегство его произошло не при содействии жены. Ближайшее участие в подготовке побега Жаклара приняли Ковалевские и генерал Корвин-Круковский, а в осуществлении побега — сестра Жаклара и приятель ее мужа.¹⁸⁶

В письме к брату из Франкфурта от 9 октября 1871 г. В. О. Ковалевский пишет: «В прошлое воскресенье мужу Анюты удалось бежать из тюрьмы из Версаля, мы его быстро снарядили и выпроводили вон, а затем и сами уехали». По просьбе генерала Корвин-Круковского и его жены В. О. Ковалевский провожал их до границы и до Франкфурта.

Дальнейшее известие о Жакларах находим в письме Анны Васильевны из Берна¹⁸⁷ к В. О. Ковалевскому без даты, но относящееся к ноябрю 1871 г.: «Вы, вероятно, в большой претензии на нас, что до сих пор не получали Вашего пачпорта.¹⁸⁸ Но вина была не наша, так как письмо Ваше пролежало все время в Берне, куда мы гуляли в Женеве,¹⁸⁹ среди коммунаров *Batignolles* и *Montgoartre*. Только по возвращению нашему, т. е. вчера, нашли мы Ваше письмо. К тому же мы никак не были приготовлены к Вашим быстрым перемещениям и воображали, что Вы преспокойно остаетесь в Париже.

«Признаюсь, ваши быстрые *voltes echevelees*¹⁹⁰ даже несколько смутили нас по следующей причине: мы ожидали, или, вернее,

¹⁸⁶ Я остановился так подробно на анализе рассказов о побеге Жаклара потому, что они очень характерны по своей противоречивости и часто фантастичности и дают некоторое представление о том, как возникают исторические легенды. В свое время побег Жаклара из тюрьмы был широко известен в революционных кругах, что видно из письма Энгельса к В. Либкнехту от 4 ноября 1871 г., где читаем: «О том, что бежавший... из тюрьмы Жаклар — один из лучших — благополучно пробрался в Берн, ты, вероятно, уже знаешь» (см.: Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932, стр. 27; К. Маркс и Ф. Энгельс с. Сочинения, т. 26, стр. 161).

По указанию Пэна, Жаклар бежал из Парижа в Женеву, но он вскоре переселился в Берн, где думал закончить свое медицинское образование. Как увидим дальше, он закончил его в Цюрихе.

¹⁸⁸ По -видимому, Жаклар бежал по паспорту В. О. Ковалевского. Жаклар временно поехал с женой в Женеву для свидания с бежавшими Уда коммунарами из округов Батиньоль и Монмартр, входивших в 17-й легион, в котором он был начальником.

Отчаянные скачки *франц.*)

¹⁸⁴ Оливье Пэн. Бегство коммунаров из Парижа, стр. 20—21.

¹⁸⁵ Л. Гроссман. Путь Достоевского. СПб., 1922, стр. 143

Виктор ожидал, что Вы пришлете ему, во-первых, книги, которые остались у одного его приятеля и которые очень необходимы ему, так как и без того приходится покупать одних учебников на несколько сот франков; а во-вторых, — что особенно важно — его пальто или pardessus.¹⁹¹ Вы знаете, что он уехал в чужом, которое должен был отослать, и теперь, когда холода в Берне уже очень ощутительны, ему приходится ходить в одном сюртуке. Это очень обидно, тем более что, признайтесь, неприятно делать этот расход при всех других необходимых, тогда как возлагалась такая твердая надежда на получение этого пальто от Вас. Напишите, пожалуйста, существует ли еще надежда или Приходится отложить ее и в этом случае примите в расчет время Вашего ответа, потому что боюсь, что зима не будет справляться с этим немаловажным фактом и застанет нас совсем врасплох. Ваш быстрый отъезд из Гейдельберга очень изумил нас, мы надеялись совершить часть пути вместе и переговорить об этих предметах. Мы поселились в Берне; Виктор уже принялся за занятия;¹⁹² я нашла здесь библиотеку и театр довольно посредственный, этого на первое время достаточно, а там Что бог даст. К сожалению, жизнь Берна по дороговизне далеко не соответствует достатку других ресурсов. Придется искать уроков, но в Берне немного иностранцев, и не так скоро отыскать требуемого».

Письмо Анны Васильевны впервые подписано фамилией «Жаклар-Корвин»; по-видимому, только теперь Жаклары официально повенчались. Их новая «двойная» фамилия облегчала им возможность скрыть от швейцарской полиции свою связь с Коммуной. С той же целью Жаклар принял и новое имя — Пьер-Поль.

Из следующего, недатированного письма Анны Васильевны к В. О. Ковалевскому узнаем, что последний приезжал к Жакларам в Берн, что их несколько раз посетил также Сергей Иванович Ламанский (физик и физиолог), что Жаклары собираются переехать в Цюрих «недели через три» и что Анна Васильевна хочет переводить Дарвина на французский язык для издания его в Париже ради заработка, так как родители ее хотя и помогают ей, но «по обыкновению страшно неаккуратны».¹⁹³ По указанию Анны Васильевны в этом же письме, Виктор Жаклар «с будущего месяца начинает уже серьезно заниматься в Цюрихе, особенно в клинике Хорнера и в политехникуме по физике и математике».

В Берне же, как видно из письма Виктора Жаклара к Марксу от 3 января 1873 г., о котором речь будет впереди, семью Жакла-

¹⁹¹ Верхнее платье (франц.).

¹⁹² Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату из Иены от 13 февраля 1872 г., Жаклар вспомнил «свою забытую медицину».

¹⁹³ По «Воспоминаниям» И. И. Малевича («Русская старина», 1890, № 12), старик Корвин-Круковский высылал Жакларам тысячу рублей в год. Ту же сумму называет в своих воспоминаниях «Из времен моего студенчества» и Е. Ель (Е. Ф. Литвинова) («Женское дело», 1889, № 4).

ров посещали делегат Коммуны в Комиссии юстиции и член Исполнительной комиссии Коммуны Эжен Прото и генеральный секретарь Комиссии юстиции Франсуа Эдмон Десескель.

В письме из Цюриха, относящемся к середине ноября 1872 г., Анна Васильевна сообщает В. О. Ковалевскому, что «житейские „практические стороны» жизни в Цюрихе «не особенно благоприятны» и «приходится во что бы то ни стало искать побочных занятий».

Однако с переводом Дарвина на французский язык у Анны Васильевны, по-видимому, ничего не вышло. «Очень досадно, — пишет она В. О. Ковалевскому, — что дело с переводами не может идти на лад. Переводить же...⁹⁴ и думать нечего: никакой французский издатель не согласится купить перевод 8 томов. Многие советуют мне перевести с отрывками Jenek's Baby; но без позволения автора едва ли это возможно; Вы же не ответили мне ничего на этот пункт. Может быть, если сделать перевод вроде resume, автор не может будет (так!) заявить свои права. Что касается до России, то с этой стороны, кажется, нечего и надеяться. Переводы там словно на откуп или в руках акционерной компании, которые расхватывают все новое еще в рукописях, и частным переводчикам, не принадлежащим к coterie, нечего и соваться с предложениями. Впрочем, не принял бы „Вестник Европы или „Космос" перевод брошюры Бланки,⁹⁵ которая очень блестяще и оригинально написана и интерес которой заключается всецело, разумеется, не в его астрономической учености, а в престиже его тайного имени».

К этому же времени, по-видимому, относится и ненапечатанная драма Анны Васильевны в 5 действиях «Поперек дороги», за подписью Жаклар-Корвин (обнаружена в Пушкинском доме в Ленинграде).

В драме очень ярко обрисованы неприглядные условия жизни крестьян-кулаков, бытовые и религиозные предрассудки, калечащие их жизнь. Анна Васильевна отнюдь не идеализировала крестьян в целом и ясно видела мрачные стороны их быта, разгул диких страстей, темноту, которая царилла даже в его богатой верхушке.

Осенью 1872 г. с Анной Васильевной познакомилась Е. Ф. Литвинова, впоследствии написавшая биографию С. В. Ковалевской, а тогда учившаяся математике в цюрихском университете. Литвинова часто встречалась с Анной Васильевной, а с зимы 1872/73 г. больше года даже снимала у нее комнату, когда Жаклары из своей небольшой и неудобной квартиры, находившейся довольно далеко от студенческого района, ввиду приближения экзаменов В. Жаклара, переселились в большую квартиру, поблизости от универси-

тета и клиники, так как Жаклар дорожил каждой минутой. Все это время Литвинова вела дневник, где записывала свои разговоры с Анной Васильевной, свои впечатления о ней и о лицах, с которыми та встречалась. Позднее на основании этого дневника она и написала свои воспоминания под псевдонимом «Е. Ель».

Конечно, Анна Васильевна не делилась с совершенно далекой от политических интересов Литвиновой своими воспоминаниями о Коммуне, не говорила ей о своей переписке с Марксом, о встречах с товарищами по Коммуне. Лишь вскользь Литвинова упоминает, что к Анне Васильевне «заходили иногда жены французских изгнанников, жившие в Цюрихе на бивуаках, как и она сама, бывали студентки». Литвинова сообщает главным образом ряд бытовых деталей из жизни Анны Васильевны. Так, однажды она застала Анну Васильевну пьющей кофе со своей прислугой и, как особа с буржуазными предрассудками, была этим шокирована; поэтому Анна Васильевна сочла нужным дать ей следующее объяснение: «Не удивляйтесь. . . тому, что я, когда мужа нет дома, пью кофе с своей прислугой, это здесь в обычае. Я ужасно люблю изучать обычаи страны и входить в роли женщин различных стран. В Париже я была настоящая, настоящая француженка, а здесь я стараюсь сделаться — на время, конечно — истинной швейцаркой».

В упомянутом уже письме к В. О. Ковалевскому (от середины ноября 1872 г.) Анна Васильевна сообщает, что получила чрезвычайно изумившее ее письмо от Карла Маркса, который, предполагая, будто она перевела «Капитал» на французский язык, «просит уже будто бы готовую рукопись, чтобы сличить с заказанным им переводом, которым он, кажется, недоволен, хотя переводчик уже перевел всего Фейербаха на французский язык, а Фейербах стоит Маркса по запутанности слога».

Из этого обращения Маркса к Анне Васильевне можно заключить, что он был о ней высокого мнения как о «весьма ученой», раз мог предположить (вероятно, на основании чьего-либо неверного сообщения), что она перевела «Капитал» на французский язык, и пожелал проверить заказанный им французский перевод по ее переводу.

В послесловии к последнему выпуску французского перевода «Капитала» (выполнен Руа), датированном 25 апреля 1875 г. и носящем заглавие «Обращение к читателю», Маркс пишет: «Господин Руа решил дать возможно точный и даже дословный перевод. Он добросовестно выполнил свою задачу. Но как раз его добросовестность и точность заставляли меня иногда изменять выражения, чтобы сделать их более понятными для читателей. Эти изменения приходилось делать поспешно, так как книга выходила выпусками, они не всегда производились с одинаковой тщатель-

ностью, и это повело к неодинаковости стиля». ⁹⁷ Таким образом, очевидно, что Маркс с самого начала был не вполне доволен и собственной переделкой перевода Руа, и потому вполне естественно, что, как только он услышал о «готовом» французском переводе Анны Васильевны, он попросил у ней рукопись перевода для облегчения своей работы по проверке перевода Руа.

В своем ответе на письмо Маркса Анна Васильевна писала (переписка велась на французском языке): «Очень сожалею, что ввиду моего отсутствия в Берне ¹⁹⁸ я с опозданием получила Ваше письмо. Поэтому Вы должны меня извинить за то, что я не ответила на него раньше».

«Очень Вам благодарна за подарок, который Вы мне сделали, прислав часть Вашего труда и Вашу фотографию. Но я в совершенном отчаянии из-за невозможности послать Вам перевод, которого я не имею. Единственный, какой у меня был, попал в руки версальской полиции. Впрочем, он был сделан по первому изданию и не мог бы Вам пригодиться. После я перевела лишь несколько мест, необходимых мне для одной критической работы, которую я собиралась напечатать. Эту-то работу я предложила одному брюссельскому издателю. Впрочем, прежде чем обратиться к издателю для издания перевода Вашего труда, я бы конечно сочла совершенно неприличным не обратиться предварительно к Вам».

«Что касается издания произведений Чернышевского, я пыталась собрать просимые Вами сведения. Но лица, которые должны были бы быть лучше всех осведомленными об этом вопросе, удовольствовались тем, что ответили мне, что ничего не знают и что это издание окружено непроницаемой тайной».

«Поверьте, милостивый государь, моим лучшим намерениям и большому моему сожалению о материальной невозможности исполнить Ваше желание».

Очевидно, Маркс послал Анне Васильевне первые 2—3 выпуска 2-го немецкого издания «Капитала», которые вышли еще в конце октября 1872 г. К сожалению, никаких рукописей ее переводов «Капитала» до нас не дошло. Что касается вопроса об издании в России произведений Чернышевского, который задавал в своем письме Маркс, то его интерес к великому русскому революционеру-демократу известен. Не получив удовлетворительного ответа от Анны Васильевны, Маркс с тем же вопросом обратился к Даниельсону, который прислал ему краткую биографическую справку о Чернышевском. ¹⁹⁹

¹⁹⁷ Karl Marx. Le Capital. Traduction de J. Roy, entièrement revue par l'auteur. Paris, Lachatre, 1872.

¹⁹⁸ По-видимому, не дошедшее до нас письмо Маркса к Анне Васильевне было адресовано ей в Берн.

¹⁹⁹ См.: Карл Маркс. Даты жизни и деятельности, стр. 330.

В письме своем В. О. Ковалевскому от середины ноября 1872 г., о котором уже упоминалось, Анна Васильевна сообщает также, что собирается сходить к Герценам и что цюрихская полиция арестовала Нечаева, и просит В. О. Ковалевского взять в Париже у Роберта (вероятно, муж сестры Жаклара) ее «старый портфель с письмами» и переслать его ей в Цюрих пакетом из Германии, так как «это будет безопаснее, чем из Франции».

В следующем письме тому же адресату и также без даты, она сообщает о состоявшемся знакомстве с женой Герцена («или Огарева») ²⁰⁰ и ее дочерью Лизою и о том, что Жаклар «уже посещает и клинику Хорнера и некоторые курсы».

3 января 1873 г. Анна Васильевна пишет Марксу: «Не знаю, как и благодарить Вас за оказанную мне честь тем, что Вы желаете послать мне Ваш труд. Мой муж осведомлен о Ваших сообщениях, которые его касаются, и хочет Вам ответить сам по этому поводу».

Из этого письма видно, что Маркс собирался послать Анне Васильевне 2-е немецкое издание первого тома «Капитала», которое должно было выйти в середине мая 1873 г., и сообщал ей кое-что о Викторе Жакларе. Из большого письма Жаклара к Марксу (тоже от 3 января 1873 г.) узнаем, что речь идет о порочащих Жаклара слухах о связях его с опозорившим себя лионским бакунистом Альбером Ришаром, сделавшимся после Коммуны бонапартистским агентом. Жаклар дает подробный отчет Марксу о том, как он был принят Альбером Ришаром в сентябре 1870 г. в Лионе и как затем после Коммуны, когда он еще не знал об отступничестве Альбера Ришара, его посетил отец последнего в Берне. Жаклар заверяет Маркса, что с 10 сентября 1870 г. не имел никаких сношений ни с Альбером Ришаром, ни с его единомышленниками и что последние оклеветали его, говоря о нем как о своем сообщнике. Жаклар выражает удовлетворение тем, что Маркс и другие его друзья в Лондоне с негодованием и отвращением отнеслись к этой клевете.

Все эти письма дают нам некоторое представление о той среде, в которой жили Жаклары в Швейцарии, и об отношении к ним Маркса. Заработка у Жаклара, по-видимому, не было; он учился медицине, а жили они на заработки Анны Васильевны от переводов и на деньги, посылаемые ее отцом.

Из письма Жаклара из Цюриха к В. О. Ковалевскому от 2 апреля 1873 г. (по ошибке оно в оригинале помечено 2 марта) известно, что 18 марта 1873 г. Анна Васильевна родила сына, которого назвала Жоржем (по-русски Юрием). В этом же письме Жаклар сообщает, что П. Л. Лавров вернулся из Парижа в Цюрих, что «родители Анюты» приехали до конца апреля в Цюрих, что «генерал» (старик Корвин-Круковский) сохранил о Лаврове

«очень хорошее воспоминание и высказывает большое желание возобновить с ним знакомство», ²⁰¹ и что Жаклары часто бывают у жены Герцена. ²⁰²

Мы знаем, что в Цюрихе как раз в это время сторонниками Лаврова и Бакунина велась усиленная пропаганда в русской колонии среди русских студентов и студенток, целью которой было подготовить пропагандистов для России. В России группа народников-«долгушинцев» пошла с прокламациями по деревням Московской губернии, призывая крестьян к восстанию. Царское правительство так было напугано после ареста этой группы, что в мае 1873 г. приказало всем русским, обучавшимся в цюрихском университете, вернуться на родину. Это побудило часть русских студентов в Цюрихе составить тайное общество для подготовки революционной работы в России среди фабричных рабочих. Предполагалось, что фабричные рабочие, как более развитые, могут быть проводниками социализма среди крестьян при возвращении в деревню на летние работы.

Как близкие знакомые Лаврова, как лица, переписывавшиеся с Марксом, как члены Интернационала с 60-х годов, Жаклары, вероятно, принимали участие и в политической жизни Цюриха, но никаких документальных известий об этом не удалось найти.

По-видимому, по окончании Жакларом медицинского факультета в середине июня 1874 г. Анна Васильевна с мужем и сыном уехали в Россию. ²⁰³ Решению ее вернуться на родину содействовали и неблагоприятные бытовые условия в Цюрихе. ²⁰⁴

Несмотря на заботы о муже и сыне, Анна Васильевна продолжала поддерживать свои революционные связи и не оставила своей литературной работы.

Х. СНОВА В РОССИИ.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ С Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ (1874—1881 гг.)

Через два месяца после приезда Жакларов в Палибино в это старое родовое гнездо приехала на отдых и Софья Ковалевская с мужем, которые оба получили ученую степень за границей.

²⁰¹ Лавров приехал в Цюрих для издания журнала «Вперед!» еще в конце 1872 г., а в марте 1873 г. ездил в Париж временно. Как мы видели выше, Корвин-Круковские были знакомы с Лавровым с 1846 г.

²⁰² В. О. Ковалевский в начале 60-х годов был некоторое время воспитателем детей Герцена.

²⁰³ Е. В. Балабанова, библиотекарь Бестужевских высших курсов, учившаяся в Париже во время Коммуны и там познакомившаяся с Жакларами, а впоследствии встречавшаяся с Жакларом у литератора В. В. Чуйко в Петербурге, утверждает в своих ненапечатанных «Записках», хранящихся в Пушкинском Доме в Ленинграде, что после падения Коммуны Жаклары якобы пытались переехать в Италию, но итальянское правительство их не приняло, не желая ссориться с французским правительством, и тогда, по совету Софьи Ковалевской, они перекочевали в Петербург. Все это совершенно неверно.

²⁰⁴ См.: Е. Е. Из времен моего студенчества, стр. 50.

Старый губернатор И. И. Малевич, с 1871 г. живший на покое в семье Корвин-Круковских в Палибине, рассказывая об этом периоде жизни Анны Васильевны, сообщает между прочим, что 17 сентября, в день именин сестры, она выступала в домашнем спектакле и обнаружила блестящие артистические способности.

По сообщению А. К. Леффлер, отец Анны Васильевны, «деспотический характер которого сильно смягчился под влиянием тяжелых испытаний, перенесенных по милости дочерей, теперь с терпимостью выслушивал радикальные речи своей дочери-коммунарки, клонившиеся к разрушению всего существующего порядка общества, равно как и материалистические взгляды другой своей дочери — математика».

Как мы уже говорили, Виктор Жаклар еще в Берне уничтожил следы своего активного участия в Коммуне, присоединив к своей фамилии часть фамилии жены (Жаклар-Корвин) и изменив имя в паспорте.

Так как заниматься в России врачебной практикой (по словам Г. В. Бартенева, Жаклар был окулистом) он не имел права, то он стал готовиться к профессии преподавателя французского языка и литературы в гимназии, для чего прослушал в Петербурге курс на педагогических курсах.

Поскольку Жаклар только еще учился русскому языку, жене приходилось помогать ему в этом. В письме из Палибина в Петербург от 18 июля 1874 г. Софья Ковалевская в шуточных стихах описывает мужу, задержавшемуся в Петербурге, времяпрепровождение Жакларов:

... — Полковница²⁰⁶ с супругом
Твердит весь день вокабулы, но ах! пока
Ему, как кажется, наука не легка.
Папашу Юрик²⁰⁷ обогнал, хоть это худо;
Но про него согласны все: он просто чудо.

Но уже через год и 3 месяца Жакларам пришлось переехать в Петербург. Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату от 30 сентября 1875 г. из Палибина, старик Корвин-Круковский в конце сентября внезапно умер. Пожилой владелицей всего имущества и капиталов генерала осталась его жена. Но после ее смерти Палибино должно было перейти к единственному сыну Корвин-Круковских Федору Васильевичу, а дочери должны были получить приблизительно по 40 тысяч рублей каждая. Жаклары и Ковалевские решили переселиться в Петербург и жить вместе со старухой Корвин-Круковской, Елизаветой Федоровной. В. О. Ковалевский пишет о ней в том же письме: «Она ужасно милый

²⁰⁵ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 131.

²⁰⁸ Намек на чин полковника Жаклара в дни Коммуны.

²⁰⁷ Сыну Жакларов в это время был год и 4 месяца, но он уже говорил по-русски лучше своего отца.

человек. Она же избавит нас от всех забот по домашнему хозяйству. . • Мы едем в Петербург около 10 октября».

По словам Г. В. Бартенева, В. В. Жаклар стал учителем французского языка и литературы в женской Марининской Коломенской гимназии.²⁰⁸ Жаклар отнесся очень серьезно к своей новой профессии. Он даже составил специальную хрестоматию «для средних и высших классов воспитательных учреждений со словарем, литературными введениями, биографическими заметками, объяснительными замечаниями и упражнениями».²⁰⁹ Хрестоматия составлена очень толково и свидетельствует о большом педагогическом чутье ее автора. По сведениям некоторых словарей, его соавтором являлась Анна Васильевна.

С конца 1877 г. Жаклар выступал уже в новой роли — русского журналиста. Об этом мы узнаем из письма его к Марксу, посланного из Петербурга 20 ноября (2 декабря) 1877 г. «Вскоре появится в Петербурге в начале января, — пишет он, — новый социалистический журнал „Слово“. Для него желательны статьи об Ирландии. Вспоминая о замечательных статьях, напечатанных некогда мelle Маркс в „Марсельезе“,²¹⁰ я позволил себе подать надежду, что она согласится, быть может, взять на себя эти корреспонденции. Как часто и как пространно она будет писать, будет зависеть от нее самой. Полагаю, что предпочтительны статьи не больше листа. Они могут быть написаны на английском, немецком или французском языках. Журнал платит 189 франков за лист в 35 тысяч букв. К сожалению, он не может сначала платить больше. Первую статью можно адресовать мне, так как я еще не могу дать точного адреса редакции. . .

«Моя жена, которая не забыла, каким вниманием Вы ее окружали, шлет Вам вместе со мной свои наилучшие пожелания.

Др. Жаклар.

«Р. S. После нового разговора с редакцией я должен Вам передать другую просьбу. Не согласились ли бы Вы послать несколько

^{208 Q} Жакларе — преподавателе женских учебных заведений см. также: Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905, стр. 316. Н. Д. Гизетти утверждает, что Жаклар благодаря связям Корвин-Круковских попал учителем в Смольный институт благородных девиц. Но это маловероятно, так как в списке преподавателей этого института Жаклар не значится. Об этом см.: Н. П. Черепнин. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914. Т. III. СПб., 1914, стр. 426—428. Сомнительно также утверждение Е. В. Балабановой, упоминавшейся нами выше, будто принц П. Г. Ольденбургский, стоявший во главе всех высших Учебных заведений, предложил Жакларам читать лекции на педагогических курсах и в Лицее.

²⁰⁹ См.: V. Jaclard-Corvin. Chrestomatie francaise etc. St.-Psb., 1878. Речь идет о 7 статьях, опубликованных дочерью Маркса Женни в Парижской газете «Марсельеза» в марте и апреле 1870 г. под псевдонимом «Дж. Уильяме». По-видимому, Жаклар в свое время был осведомлен своим другом Лафаргом, кто скрывался за этим псевдонимом.

статей о социальном и экономическом движении в Германии и Англии?

«Добавлю и личную просьбу. Не могли ли бы Вы мне порекомендовать корреспондентов для Швеции и Дании? Журнал ежемесячный. Статьи должны прибывать в Петербург не позже 10/22 каждого месяца. В случае Вашего согласия, просил бы Вас указать способ платежа. Мой адрес: С.-Петербург. Васильевский остров, 6-я линия, дом 15, доктор Жаклар-Корвин. Адрес можно писать по-французски.²¹¹ Буду Вам очень обязан, если Вы сможете мне ответить к 10/22 декабря. Статьи идут с подписью. Жаклар».

Как видно из этого письма, редакция «научно-литературного и политического» журнала «Слово» (редакторами которого были Д. А. Коропчевский и И. А. Гольдсмит) поручила Жаклару организовать в журнале отдел корреспонденции, которые должны были освещать политическую жизнь за границей. Так как Маркс с конца 1877 г. работал над переделкой второго тома «Капитала», а дочь его Женни, ставшая к этому времени женой бывшего участника Коммуны Шарля Лонге, не могла по каким-то причинам принять участие в «Слове», то сотрудничество их в этом журнале не состоялось. Но письмо Жаклара Марксу дает нам интересные данные о первоначальных редакционных планах журнала «Слово».

До лета 1879 г. Жаклар, по-видимому, оставался еще и преподавателем французской литературы, так как в «Сообщениях Н. В. Клеточникова» «Народной воле» (в тетради № 6 от 30 июня по 30 июля 1879 г.) отмечается, что начальник сыскной полиции III отделения Кириллов «послал письмо Кутузовой в Старую Руссу, чтобы она узнала, с кем ведет знакомство Пьер-Поль Жаклар-Корвин, преподаватель Елизаветинского училища, поехавший также в Старую Руссу (его считают бывшим коммунаром и ярым революционером)». Среди лиц, у которых предполагались обыск и арест, в той же тетради значится у Клеточникова и Жаклар.²¹²

И. И. Ясинский рассказывает, что когда он в 1878 г. работал редактором научно-литературного отдела в журнале «Слово», ему предложил статью о Вольтере «бывший парижский коммунары и содержатель бань на Васильевском острове»²¹³ «некий Жаклар, который подписывался Жика... Статья была научная, хорошо переведенная женой Жаклара, по рождению русской. Разумеется, она была с протестующим направлением. Но такие статьи сплошь и рядом проходили в тогдашних журналах. Я принял статью, и

²¹¹ Жаклар не знал, что Маркс изучил русский язык.

²¹² См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, стр. 196.

²¹³ Бани принадлежали В. О. Ковалевскому (который втянулся в денежные спекуляции и предпринимательство и в 1879 г. разорился) и были лишь записаны на имя Жаклара. Утверждение А. Г. Достоевской, будто Жаклар занимался «спекуляциями» (см.: А. Г. Достоевская. Воспоминания. М.—Л., 1925, стр. 57), не соответствует действительности, как и ряд других ее высказываний о Жакларах, в чем мы уже могли убедиться раньше.

первая половина ее вышла в июльской книжке».²¹⁴ За это И. И. Ясинский был вызван в цензурный комитет, где ему воспретили печатать продолжение статьи. Когда продолжение статьи все же было напечатано, хотя и с пропусками, книжка журнала с этой статьей была арестована и сожжена.

«Жика между тем, — сообщал далее Ясинский, — укрепился в „Слове“ и стал печатать статьи каждый месяц; он вел у нас политическое обозрение, а затем раздвоился и стал сотрудничать также в „Деле“»¹⁰

Действительно, в «Слове» начиная с декабря 1878 г. и до февраля 1881 г., когда журнал был запрещен цензурой, а затем в «Деле», с декабря 1879 г. до мая 1884 г. (через месяц и «Дело» было запрещено), почти в каждой книжке появлялись статьи Жика о политической жизни Франции и других стран. Статьи в «Слове» касаются исключительно Франции и содержат критику политики ее либеральной партии, сообщают о политическом положении в стране, о сенатских выборах, министерском кризисе, парламентских вакансиях, закрытии сессии парламента, о политике бонапартистов и Гамбетты. Наряду с этим Жаклар пишет о Французской академии и академических «братстве Иисуса» (иезуитах), о культурной борьбе во Франции, об амнистии коммунарам и о высылке иезуитов (в статье «Возвращающиеся и отъезжающие»), о Рошфоре (в статье «Новый общественный слой») и об Огюсте Бланки.

В статьях Жаклара в «Деле» дается международная, политическая и общественная хроника. Здесь, например, в специальной статье «Очная ставка цивилизации и варварства в Средней Азии» (1880 г.) раскрывается империалистическая политика Англии в Афганистане; позднее (1881 г.) Жаклар критикует действия английского империализма в Южной Африке. Целый ряд статей Жаклара касается Востока, восточного вопроса в целом, Турции, тунисской экспедиции, египетского вопроса, политики французского империализма в Тонкине и в Китае. Жаклар дает яркие характеристики таких деятелей европейской политики, как Гладстон, Биконсфильд, Гамбетта, Гарибальди, и касается не только «великих Держав», но и Ирландии, Венгрии, Испании, которым посвящает Целые статьи.

Почти все статьи, составляющие от полутора до двух печатных листов каждая, написаны с большой живостью и остроумием, иногда, из цензурных соображений, эзоповским языком. Но и в этих случаях партийная позиция автора достаточно ясна для всякого внимательного читателя. Вполне откровенно эта позиция выражена в статье «Новый общественный слой», опубликованной

²¹⁴ На самом деле статья напечатана в августовской книжке,

²¹⁵ И. И. Ясинский. Мои цензора. «Исторический вестник», «р. 538—540.

в № 1 «Слова» за 1881 г. Читались статьи, по-видимому, с большим интересом и запоминались. О них одобрительно отзывается например, проф. И. М. Гревс,²¹⁶ бывший в то время студентом.

По словам Г. В. Бартенева, политическую хронику Жаклара в «Деле» переводила его мать, Екатерина Григорьевна Бартенева, одна из учредительниц Русской секции Интернационала в Женеве и участница Парижской Коммуны. С согласия Жаклара Е. Г. Бартенева довольно сильно переделывала его статьи, чтобы сделать их доступнее для читающей русской публики. С течением времени Жаклар научился правильно говорить и писать по-русски. В различных студенческих и рабочих кружках доклады Жаклара о Великой французской революции конца XVIII в., о революциях 1830 и 1848 гг., о Парижской Коммуне 1871 г. вызывали большой интерес.

Редактор журнала «Дело» Г. А. Благодетель отдавал должное Жаклару, «который вел в „Деле“ политическое обозрение под псевдонимом Жика. Это был очень остроумный собеседник, бывший коммунар, душа редакторских обедов Благодетельова». Когда Станюкович на одном из этих обедов затеял очень бестактный и бесцеремонный разговор с Благодетельовым и запахло скандалом, «Жаклар сумел предупредить во-время могущий случиться пожар, ловко замял разговор».²¹⁷

А. М. Скабичевский упоминает о присутствии «бежавшего из Парижа коммунара» В. Жаклара на ежемесячном литературном обеде «Отечественных записок» в ресторане «Малый Ярославец», устроенном Гл. Успенским на манер московских купцов-миллионеров.²¹⁸ О том, что Жаклар принимал участие в политических собраниях в Петербурге, есть еще два указания — Л. Ф. Пантелеева и Н. Д. Гизетти. Первый в своих воспоминаниях рассказывает, что в конце 1878 г. он присутствовал на собрании у писателя Вл. В. Чуйко, где обсуждались «некоторые текущие общественные дела», и что там был Жаклар.²¹⁹ Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках сообщает о красочном рассказе Жаклара о Коммуне в одном кружке. Судя по близости Е. Г. Бартеневой со многими петербургскими революционерами тех лет, можно предполагать, что и друживший с Бартеневой Жаклар, сотрудник крайне левых русских журналов, имел связи с русским подпольем.

Из письма Л. Тихомирова к Лаврову от 6 августа 1883 г.²²⁰ видно, что Жаклар (по ошибке напечатано «Жаклер») был посредником по пересылке печатных материалов для «Вестника „Народ-

ной воли» от журнала, в котором Жаклар сотрудничал в Петербурге (т. е. от журналов «Слово» или «Дело»). Кроме того, Жаклар был связан с польской партией «Пролетариат», от имени которой в августе 1883 г. выступал в Париже с речью на похоронах члена Коммуны Эда.²²¹ Лев Тихомиров в своих «Воспоминаниях» мимоходом упоминает, что Жаклара принимала в качестве представительницы «партии» («Пролетариат») в Париже в 1887 г. Мария Янковская-Мендельсон.²²²

Жаклар хотя и был тесно связан с русскими революционно настроенными интеллигентами, но не смог привыкнуть к особенностям общественно-политической работы в условиях самодержавного режима. Поэтому, как только во Франции была объявлена амнистия коммунарам, Жаклар воспользовался ею, чтобы вернуться на родину. В № 7 «Слова» за 1880 г. мы находим его статью об амнистии коммунарам, а статью о Бланки, опубликованную в № 2 «Слова» за 1881 г. он прислала уже из Парижа. Ради жены Жаклар, однако, часто ездил в Петербург. Таким образом, Жаклары жили то в Париже, то в Петербурге. В Петербурге они занимали квартиру в собственном доме № 15 на 6-й линии Васильевского острова, рядом с Ларинской гимназией,²²³ а в Париже жили в рабочем округе Батиньоль. Шеншоль в своей книге «Оставшиеся в живых участники Коммуны», вышедшей в 1885 г., сообщает, что Жаклар, «верный своим старым друзьям», присутствовал на свадьбе Фортена (рабочий, командовавший отрядом, расстрелявшим 6 заложников буржуазии во время Коммуны) и на похоронах Жюля Валлеса (член Коммуны, журналист, редактор газеты «Крик народа»)²²⁴.

Как видно из сообщения начальника Департамента полиции Дурново Победоносцеву, Жаклар, проживая в Париже, «находился в постоянных отношениях с представителем польской революционной партии „Пролетариат“ евреем Карлом Мендельсоном и, благодаря своим связям с Россией через жену, занимался передачей писем Мендельсона в Варшаву. Он — друг Клемансо²²⁵ и многих

²²¹ См.: Charles D a c o s t a. Les blanquistes. Paris, 1912, стр. 63.

²²² См.: Централархив. Воспоминания Льва Тихомирова. ГИЗ, М., 1927, стр. 323. Международная социально-революционная партия «Пролетариат» возникла в январе 1883 г. на съезде агитаторов польских социально-революционных групп главных городов России. Партия стояла за экономический и политический террор и имела соглашение с Исполнительным комитетом «Народной воли» о разграничении районов действия в России. Партия издавала прокламации, убивала шпионов. В феврале 1883 г. партия распространила прокламации в Варшаве. По делу этой партии привлечено было к суду 190 человек (см.: Всеподданнейшие доклады министра юстиции за 1885 г. Дело о тайном обществе «Пролетариат», лл. 434—510; то же за 1887 г., лл. 314—358).

²²³ Как мы видели, этот адрес Жаклар сообщил Марксу.

²²⁴ Chincholle. Les survivants de la Commune, Paris, 1885, стр. 266 — 267.

Клемансо имел в то время репутацию «сокрушителя министерств».

²¹⁶ См.: И. М. Гревс. В годы юности. «Былое», 1921, № 16, стр. 139.

²¹⁷ См.: П. В. Быков. Былые знакомства и встречи. «Былое», 1923, № 22, стр. 140.

²¹⁸ См.: А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л. 1928, стр. 331.

²¹⁹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 316.

²²⁰ См.: «Группа Освобождение труда», сб. № 1, М., 1924, стр. 252.

выдающихся французских радикалов».²²⁶ Это сообщение Дурново в части, касающейся Мендельсона, подтверждается косвенно „Софьей Ковалевской, которая в письме к Марии Мендельсон от 11 сентября 18йб г. упоминает, что через Жаклара имеет о последней сведения, по-видимому от ее мужа — Мендельсона».²²⁷

О деятельности самой Анны Васильевны (1875—1881 г.) в Петербурге (в Париж она приезжала ненадолго), можно судить главным образом по деятельности ее мужа, которому она была во всех общественных делах усердной помощницей. Так как в редакциях журналов «Слово» и «Дело» писали М. А. Антонович, Каблиц-Юзов, Е. В. Де-Роберти, Н. В. Шелгунов, А. К. Михайлов-Шеллер, Г. И. Успенский и др., а Жаклар вел в этих журналах политическое обозрение с помощью жены и Е. Г. Бартеновой, то можно думать, что и Анна Васильевна встречалась со всеми упомянутыми здесь писателями и общественными деятелями. Так, из письма В. О. Ковалевского к брату от 5 апреля 1879 г. видно, что в этот день у Жакларов был молодой индиец, лектор санскритского языка в Петербургском университете. Продолжались также встречи Анны Васильевны с Достоевским. «Когда... я познакомилась с Анной Васильевной, — пишет в своих воспоминаниях жена Достоевского, — то мы подружились и искренне полюбили друг друга. Слова Ф. М. Достоевского о ее выдающемся уме, добром сердце и высоких нравственных качествах оказались вполне справедливыми».²²⁸

В 1879 г. летом, когда Достоевские жили в Старой Руссе, Федор Михайлович (до своего отъезда в Эмс) «почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с этой умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни».²²⁹

Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках также рассказывает со слов Анны Васильевны о дружеских встречах последней с Достоевским до конца его жизни: «Между прочим, однажды при ней вломился к Достоевскому в столовую молодой человек самого Достоевскому ненавистного „нигилистического" типа и стал требовать денежной помощи от „известного писателя" довольно-таки нахально. Достоевский вышел к жене в соседнюю комнату и при Анне Васильевне стал ее уговаривать отдать последние у них имевшиеся три рубля. У них у самих, оказывается, был острый финансовый кризис. Жена говорила, что если отдать, завтра сами они останутся без обеда. „Ну все-таки отдай", — упрашивал он, — „мы уже как-нибудь, а у них, слышишь ведь, больные, ребенок, не топлено". . . И отдал, сконфуженный страшно, что только три

²²⁶ См.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1. ГИЗ, М., 1923, стр. 680—682.

²²⁷ См.: Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской, стр. 63.

²²⁸ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 56.

²²⁹ Там же, стр. 242.

рубля нашлось у „известного писателя", на что проситель только фыркнул недоверчиво и ушел, сердито хлопнув за собой дверью».

О сохранившейся между Анной Васильевной и Достоевским дружбе свидетельствует также ее письмо к нему от первой половины мая 1879 г., которое хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. Вот это письмо:

«Многоуважаемый мой друг Федор Михайлович.

«Я очень запоздала с обещанным ответом, — но причину тому моя неожиданная болезнь, — острый припадок невралгии, которая схватила меня в четверг вечером, после заседания у Философовой, и продержала меня в сильном страдании трое суток. Писать было невозможно, так как боль была особенно в груди и боку. Это очень неопасно, но мучительно, теперь все почти прошло и пожалуйста не примите это за предлог отложить Ваш почти обещанный визит.

«Не знаю, как я потрафила с ответом. Боюсь не забыла ли я чего-нибудь. Жалею, что не записала тогда вечером с Ваших слов по пунктам. Впрочем, кажется, ясно выразила Вашу мысль, т. е. желание участвовать в конгрессе и между тем еще неопределенность планов. Я полагаю, что после этого сочувственного ответа самая простая вежливость заставит их прислать *carte de delegue*.

«До свидания, дорогой мой друг, Федор Михайлович, — буду Вас ждать теперь и добрейшую Анну Григорьевну с нетерпением. Крепко жму Вашу руку, Ваша Анна Жаклар-Корвин.

«Я пересылаю бумаги в двух конвертах, для большей верности. Вероятно, получите одновременно».

Как видно из этого письма, Анна Васильевна по просьбе Достоевского написала за него ответ о его согласии участвовать в конгрессе. Речь идет о приглашении, полученном Достоевским в первой половине мая 1879 г. на Международный литературный конгресс в Лондоне.²³¹ Письмо лишний раз свидетельствует о большой дружбе, связывавшей Анну Васильевну с Достоевским.

Чем объяснить продолжение дружбы между коммунаркой Анной Васильевной и Достоевским, не питавшим в это время, как известно, никаких симпатий к революционерам?

Может быть, Анна Васильевна изменила своим юношеским идеалам и ушла от политики?

Отнюдь нет. Мы уже отмечали, что Анна Васильевна помогала мужу в его работе по писанию политических обзоров заграничной жизни. Об интересе Жакларов к политике говорит и Л. Ф. Пантелеев, и Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках. Само заседание у Философовой, о котором упоминается в письме Анны Васильевны к Достоевскому, имело политический характер, так

³⁰ Билет делегата (*франц.*).

²³¹ Ответ этот, написанный Анной Васильевной на французском языке, приведен в книге Л. Гроссмана «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» (стр. 282).

как на нем шла речь о помощи ссыльным и заключенным революционерам.

То, что мы знаем о связи Жакларов с революционерами после смерти Достоевского из донесений Департамента полиции, также говорит нам о том, что политические убеждения Анны Васильевны остались прежними.

Наконец, содержание двух рассказов Анны Васильевны, напечатанных в 1886 и 1887 гг. в «Северном вестнике», один из которых направлен против спиритизма, а другой отличается народнической тенденцией, также свидетельствует о ее верности прежним убеждениям.

Итак, дружба Достоевского с Анной Васильевной продолжалась вопреки тому, что их политические взгляды были «принципиально противоположны», как и в 1865 г.

Но, по-видимому, беседы с Анной Васильевной представляли для Достоевского не меньший интерес, чем в 1865 г., если он летом 1879 г. «почти каждый день», по свидетельству жены, «заходил побеседовать» с Анной Васильевной.

XI. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. ПИСАТЕЛЬСТВО.

БОЛЕЗНЬ. СМЕРТЬ (1881—1887 гг.)

Мы подходим теперь к последним годам жизни Анны Васильевны. Это были годы разгрома «Народной воли», образования группы «Освобождение труда» за границей, первых марксистских кружков в разных городах России и подготовки покушения Александра Ульянова и его товарищей на жизнь Александра III («второе 1 марта»).

В эти годы Анна Васильевна жила то в Париже, то в Петербурге.

В письме к Энгельсу из Аржантейля (близ Парижа) от 9 августа 1881 г. Маркс сообщает, что у него «вчера к завтраку здесь был Жаклар со своей русской женой, милая пара». «От Жаклара узнали мы, что он присутствовал на избирательном собрании в Батиньоле». И далее Маркс подробно передает все, что сообщил ему Жаклар, и делает по этому поводу диагноз о вероятной победе Гамбетты.²³²

Мария Мендельсон сообщает, что в 1882 г. Софья Ковалевская гостила у сестры недалеко от Парижа в Сен-Манде, а в августе 1885 г. — близ Петербурга в Гатчине.²³³

Материальное положение Жакларов в это время было очень тяжелое, о чем можно судить по письму С. В. Ковалевской к Анне Васильевне из Стокгольма без даты, относящемуся к 1884—1885 гг.

Жакларов, ссужавших деньги Ковалевским, сильно задело разорение последних вследствие их «спекуляций» по постройке доходных домов и бань (для чего, как мы видели, использовано было как подставное и имя Жаклара). Разорение привело к тому, что В. О. Ковалевский 16 апреля 1883 г. покончил жизнь самоубийством. К тому же из-за закрытия цензурой журнала «Дело» Жаклар лишился литературного заработка. В Париже ему устроиться не удалось, опять стать в России учителем французского языка было трудно. И вот С. В. Ковалевская и боат ее мужа профессор Д. О. Ковалевский, живший в то время в Одессе, стали хлопотать через В. А. Обручева, брата М. А. Боковой-Сеченовой, об устройстве Жакларова на службу в правление Общества пароходства и торговли в Одессе, где служил Обручев. Но из этих хлопот ничего не вышло. «Тут, в Стокгольме, — пишет далее С. В. Ковалевская, — я покамест решительно не предвижу, что бы Виктор мог делать. Быть учителем французского языка здесь, разумеется, не легче, чем в Петербурге, а наоборот, гораздо труднее. Не мог ли бы Михаил Иванович Семевский рекомендовать Виктора на какое-нибудь место при каком-нибудь банке? Соberись с духом и попроси его».

О политической деятельности Анны Васильевны в эти годы нам известно из донесений Департамента полиции, где говорится, что она помогала польской партии «Пролетариат», осуществляя вместе с Жакларом связь между Парижем и Варшавой.

Н. Д. Гизетти в своих записках сообщает, что в 1884—1886 гг. Анну Васильевну и В. Жаклара видела два раза на вечеринках молодежи «душ на 50»: «Отпечаток тихого благородства, какого-то гармоничного, ей одной свойственного изящества, при большой простоте одежды и манер, были в ней чрезвычайно привлекательны».

В некрологе Анны Васильевны сказано, что «она не переставала писать, но долгое время произведения ее не появлялись в печати». Только в 1886 и 1887 гг. напечатаны в «Северном вестнике» два ее рассказа — «Записки спирита» и «Фельдшерница», первый за старой подписью «Ю. О—в.», второй — за подписью «А. Корвин».

В некрологе Анны Васильевны сказано также, что она написала и «интересные воспоминания» о своей жизни во время осады Парижа и Парижской Коммуны, но о судьбе этого произведения нам ничего неизвестно.

В рассказе «Записки спирита», напечатанном на первом месте в № 7 «Северного вестника» за 1886 г., она выступает против спиритизма как сплошного шарлатанства или результата сумасшествия. Рассказ ведется от имени умершего в больнице для умалишенных, якобы оставившего свои записки. Выяснены условия его наследственных предрасположений, обучения, службы в канцелярии писцом и т. п. Герой рассказа посещает публичные сеансы медиумов, изучает спиритизм по книгам, знакомится с магнетиз-

²³² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 527.

²³³ См.: Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской, стр. 147, 159. По ошибке здесь Сен-Манде названо Сен-Моде.

рами и «ясновидящей», и читатель убеждается, что все они - шарлатаны. Неожиданно к герою обращается богатый князь потерявший свою молодую жену, и дает ему деньги для поездки в Америку на спиритический конгресс, рассчитывая узнать способ материализации духа покойной жены. Герой рассказа встречается на конгрессе с многочисленными спиритами, которые также оказываются авантюристами и шарлатанами. Он знакомится с молодой американкой и едет с ней на ферму ее родных в качестве ее жениха. Здесь он начинает вдруг видеть в галлюцинациях дух жены князя, возвращается в Петербург, чтобы обрадовать вдовца, но тот не хочет уже видеть дух жены, так как собирается вторично жениться. Галлюцинации героя между тем продолжают, и его помещают в больницу для умалишенных.

Автор анонимного некролога Анны Васильевны сообщает, что она несколько лет изучала вопрос о спиритизме по научно-литературным английским, американским, немецким и французским источникам, и это дало ей возможность нарисовать яркую картину на фоне «строго научной мысли».²³⁴ Повесть представляет большой психологический и в то же время художественный интерес.

Другой рассказ Анны Васильевны, «Фельдшерница», напечатанный в № 3 «Северного вестника» за 1887 г., носит явные следы жертвенной народнической идеологии. Рассказ ведется от имени земского врача, который в компании с одним столичным адвокатом едет в село к сельской фельдшернице и акушерке Бутиковой. Последняя оказывается бывшей возлюбленной столичного адвоката в то время, когда он еще был студентом, а она служила у своей тетки в номерах прислугой. Она забеременела. Студент потребовал, чтобы она отдала будущего ребенка в воспитательный дом, но она не захотела. Тогда при содействии тетки он опоил ее, устроил ей насильно аборт и уехал. Она долго болела, но затем, благодаря участию врача-народника, возродилась к новой жизни, кончила акушерско-фельдшерские курсы, пошла «служить народу» в деревню.

Оба рассказа были напечатаны в такое время, когда в России господствовала самая черная реакция после разгрома «Народной воли», когда образованное меньшинство русского общества увлекалось толстовством, индивидуализмом и чистым искусством для искусства, а в литературе господствовала разочарованность. Анна Васильевна как писательница в это время продолжает просветительские традиции в литературе и борется с мистицизмом.

Хотя Анна Васильевна, по-видимому, много писала, мы находим, к сожалению, лишь упомянутые два ее рассказа. Можно предположить, что в исчезновении других ее произведений этого времени большую роль сыграла царская цензура. Длительная болезнь Анны Васильевны, вероятно, тоже оказала немалое влияние на то, что она так мало печаталась.

Из книги А. К. Леффлер о Софье Ковалевской мы знаем, что Анна Васильевна заболела в декабре 1884 г. тяжелой болезнью сердца, отчего у нее бывали временные застои крови и ослабление деятельности различных органов; пострадало и ее зрение, так что она не могла ни читать ни писать. Н. Д. Гизетти в своих записках говорит о «длительном нервном и сердечном заболевании», об образовании «какой-то опухоли в брюшной полости». А. Г. Достоевская в своем письме к жене Победоносцева говорит, что Анна Васильевна. . . «уже давно и опасно больна брайтовой болезнью» — болезнью почек. В период 1885—1886 гг. жизнь ее не раз висела на волоске. Она страдала невероятно, не могла ни дышать, ни спать настоящим образом. Зимой 1885/86 г. многие дни и ночи у ее постели проводила Софья Ковалевская, вызванная телеграммой из Стокгольма (где она занимала в это время кафедру математики в университете). Летом 1886 г. Софья Ковалевская снова была с сестрой, которая не имела сил сдвинуться с места.

Муж Анны Васильевны, Жаклар, жил в это время во Франции и, как мы уже знаем, был на очень плохом счету у царского правительства.

Весной 1886 г. Жаклар приехал в Петербург, чтобы забрать Анну Васильевну в Париж для серьезного лечения, но она была так слаба, что ее нельзя было везти. Надо было ждать поправления ее здоровья. Между тем 22 марта 1887 г. Жаклар получил предписание министра внутренних дел выехать из России через 3 дня. Пришлось прибегнуть к ходатайству французского посла через Министерство иностранных дел об отсрочке высылки. Но отсрочка была дана лишь на 12 дней, сроком по 6 апреля. И вот 2 апреля А. Г. Достоевская, продолжавшая и после смеоти своего мужа посещать Анну Васильевну, пишет письмо жене Победоносцева с просьбой отсрочить Жаклару высылку недели на 2—3 «с целью устроить дела, продать принадлежащий жене дом и увести жену за границу. . . В это время французское посольство, как оно ему обещало, выхлопочет ему разрешение остаться здесь, так как он ни в чем не замешан и не подвергался обыску или аресту. Этим временем и жена его настолько оправится (может быть), что он увезет ее с собой».

Ходатайство А. Г. Достоевской через жену Победоносцева побудило последнего сделать запрос о Жакларе. 4 апреля 1887 г. начальник Департамента полиции И. Дурново доносит Победоносцеву: «Прибыв в Петербург, Жаклар сообщал самые лживые и враждебные нам известия в Париж о политических делах, а после 1 марта²³⁶ сообщения его превзошли всякую меру терпимости, почему, по моему настоянию, министр разрешил выслать его из пределов империи. Имея в виду тяжкую болезнь его жены и дан-

См.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, стр. 680. 682.

²³⁶ Имеется в виду организация ко дню 1 марта 1887 г. Александром Ульяновым с товарищами покушения на Александра III.

²³⁴ «Исторический вестник», 1888, № 1, стр. 259—260.

ное им слово *более* никаких корреспонденции не посылать, я вчера уже сделал распоряжение об отсрочке выезда его из Петербурга на 10 дней».²³⁷

Приходится думать, что Жаклару не удалось добиться разошения остаться в Петербурге до поправления здооовья Анны Васильевны. По сведениям из ее некролога, в мае 1887 г., хотя Анна Васильевна все еще не могла ходить, ее друзья на руках внесли ее в вагон, в котором она была увезена Жакларом в Париж. Здесь Анна Васильевна была помещена в больницу для опеоации. Как видно из письма ее к С. И. Ламанскому от 1 июля 1887 г., продиктованному ею сыну, каждый день ее навещали старые товарищи по Коммуне. «Многие, живущие вне города, зовут нас к себе, а мы уже присматриваемся к одной дачке, которая помещается бок о бок с дачею Десескель» (секретарь комиссии юстиции при Коммуне). Но надежды ее не оправдались.

31 августа (12 сентября) 1887 г. ей была произведена трудная операция. Как сообщает М. В. Залеская-Мендельсон, жившая в то время нелегально в Царстве Польском и в России, Анну Васильевну лечили самые выдающиеся французские врачи: операция ей была произведена в парижской кваотире М. В. Залеской-Мендельсон, и в этой же квартире Анна Васильевна умерла.²³⁸ Операция прошла благополучно, но неожиданно у больной развилось воспаление легких, и организм, истощенный предшествовавшей операцией, не в силах был вынести эту новую болезнь. Анна Васильевна умерла 2(14) сентября 1887 г. 43 лет.²³⁹ Похоронили ее на кладбище Пасси, рядом с могилой художницы Марии Башкирцевой

«Истощенная тяжелою, хроническою болезнью, много лет ее мучившею, разочарованная во всех своих надеждах на жизнь, стесненная в своем развитии как писательница, — она, увы! — после всех этих страданий не нашла никакого облегчения, а только неизбежную, неумолимую смерть, унесшую ее во цвете лет».²⁴⁰

²³⁷ См.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, сто 680—682

²³⁸ См.- Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской стр. 147.

²³⁹ Эта дата ее смерти дана в «Азбучном указателе имен русских деятелей» в «Сборнике имп. Русского исторического общества» (т. 62, СПб, 188а стр. 657). Но указание, что она умерла «на 41-м году жизни», неточно. Неверно и указание в некрологе Анны Васильевны, что она умерла «в конуг 1887 г

²⁴⁰ А. К. Леффлер. Софья Ковалевская. Воспоминания, стр. 249. Через несколько лет после смерти Анны Васильевны ее ненапечатанная драма «Поперек дороги» С. В. Ковалевской и ее подругой Леффлер была определена для шт^дского театоа и под заглавием «До смерти и после смерти» поставлена в Копенгагене. Этим Софья Васильевна стремилась поставить сестре «духовный памятник».

ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА БАРТЕНЕВА

Екатерина Григорьевна Бартенева — одна из тех замечательных русских женщин, которые, принадлежа к дворянскому классу, уже с юных лет прониклись ненавистью к миру насилия и эксплуатации и сделали своей жизненной целью содействие организации и просвещению народной массы,

Е. Г. Бартенева считала себя ученицей великого русского социалиста Н. Г. Чернышевского и сама стала социалисткой. Как раз в то время, когда Чернышевский, арестованный в июле 1862 г., был сослан в Сибирь и таким образом оторван от общественной жизни, Бартенева познакомилась с идеями Маркса и примкнула к борцам за интересы рабочего класса.

Начав в 1863 г. с помощи крестьянам в своих имениях, она отдала им в 1866 г. свою землю, затем уехала в Петербург, где сблизилась с революционером М. А. Натансоном, а поздней осенью 1868 г. отправилась в Швейцарию и вскоре вступила в группу Н. И. Утина. В составе этой группы она стала одной из учредительниц Русской секции Интернационала, секретарем которой в Генеральном Совете был К. Маркс, Весной 1871 г. она участвовала в Парижской Коммуне.

Е. Г. Бартенева была ревностной пропагандисткой идеей Интернационала среди рабочих в Женеве и в Парижской Коммуне. После поражения Коммуны она возвратилась в Петербург, где стала легальной писательницей, но в то же время тайно помогала в работе сначала «Народной воле», а потом Брусневской социал-демократической группе, ведя пропаганду среди рабочих и работниц. Одновременно она поддерживала связь и с западноевропейскими деятелями социализма, давала для их газет информацию о революционном движении в России, участвовала в I конгрессе II Интернационала в 1889 г. в качестве одного из его секретарей. По возвращении с этого конгресса на родину она была сослана в 1891 г. в Псков, где на протяжении восьми лет вращалась среди других ссыльных социал-демократов.

Во время революции 1905 г. она содействовала распространению среди петербургских рабочих пролетарского гимна «Интернационал».

До самой смерти в 1914 г. она оставалась убежденной революционеркой, социалисткой, преданной делу трудящихся.

Жизненный путь Екатерины Григорьевны Бартеневой является примером беззаветного служения народу.

Незадолго до смерти в 1913 г., она написала воспоминания о своем участии в Парижской Коммуне, но статья эта не была напечатана и судьба ее неизвестна. О работе Екатерины Григорьевны в качестве пропагандистки среди рабочих имеется лишь несколько беглых указаний в опубликованных воспоминаниях пионеров марксизма в России. Скучно освещена и легальная литературная деятельность Е. Г. Бартеневой в посвященных ей четырех некрологах.¹

Источниками для моей статьи о Е. Г. Бартеневой, напечатанной в № 11 журнала «Каторга и ссылка» за 1929 г., послужили:

1) предоставленные мне документы и материалы, собранные сыном Екатерины Григорьевны Григорием Викторовичем Бартевым, библиотекарем и членом правления издательства «Посев»;

2) сведения, сообщенные мне товарищами Екатерины Григорьевны по ее литературной и пропагандистской работе и членами руководимых ею рабочих кружков, а также ее товарищами по ссылке;

3) материалы из Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ);

4) выписки из многих русских и иностранных газет и журналов.

Все эти источники указаны в своем месте в настоящей работе. В статье, напечатанной в 1929 г., имелось несколько неточностей, которые мной в настоящем издании исправлены. Учтена также новейшая литература о первых рабочих-революционерах Петербурга и о первых марксистских рабочих организациях конца 80-х—начала 90-х годов XIX в. и на основании переписки в июле 1963 г. с внучкой Е. Г. Бартеневой — Екатериной Григорьевной Смирновой, живущей в Москве, добавлено несколько фактов из последних лет жизни Е. Г. Бартеневой и ее мужа.

¹ Первый некролог, без подписи, был написан сыном Екатерины Григорьевны — Григорием Викторовичем Бартевым (как он сам мне сообщил) и напечатан в газете «Новое время» от 11 сентября 1914 г. (по новому стилю). Второй, за подписью «М.», помещенный в газете «День» от 31 августа (12 сентября) 1914 г., написан Л. С. Макарьевой под диктовку Г. В. Бартенева, как сообщила мне сама Л. С. Макарьева ("это несколько расширенный некролог из «Нового времени»; он же с небольшими пропусками позднее перепечатан, без указания источника, в «Первом женском календаре» П. Н. Ариан за 1915 г. и не является особой «заметкой», как пишет Б. П. Козьмин в книге «Русская секция Интернационала» (М., 1957, стр. 225)). Третий некролог, написанный А. Е. Кауфманом, помещен в «Историческом вестнике» (1914, № 10, стр. 339 — 340), четвертый, всего из 10 строк, — в «Нашей старине» (1914, № 9/10, стр. 898).

И. ГОДЫ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ. ЗАМУЖЕСТВО (1843—1863 гг.)

Как и многие первые русские революционеры, Екатерина Григорьевна Бартенева, урожденная Броневская, происходила из родовитой дворянской и помещичьей среды. Из всей родни Екатерины Григорьевны один лишь отец ее, Григорий Семенович Броневский, занимал очень скромное общественное положение и жил в сравнительной бедности. К моменту рождения дочери (25 мая 1843 г.), как видно из ее метрического свидетельства,² он был в чине капитана и служил адъютантом в военном министерстве у генерал-майора В. И. Храпачева. Женился он на Екатерине Сергеевне Мининой, происходившей из богатой семьи и часто сетовавшей на сравнительную бедность мужа. Вскоре он перешел на гражданскую службу. Занимая места, на которых многие до него наживались, сам он казенного добра не крал, взятки не брал и предпочитал жизнь скромную, но честную.

В рукописи «История одного детства»³ Екатерина Григорьевна рассказывает, что отец ее однажды в Москве выгнал поставщика военного госпиталя, который привез ему целую гору ситца на платья. Жалованье ее отца было настолько скромным, что приходилось обращаться к помощи деда Екатерины Григорьевны, уделявшего сыну часть своей пенсии. Жили Броневские очень экономно, перешивали и перекрашивали старые платья, жгли обычно сальные свечи и лишь в торжественных случаях стеариновые. Игрушек у детей было мало. Конфеты в доме были большой редкостью. Лишь после смерти деда Екатерины Григорьевны, последовавшей в 1858 г., отец ее получил в наследство

² Выдано 19 июня 1843 г. духовенством морского Богоявленского Николаевского собора в Петербурге и засвидетельствовано 1 февраля 1852 г. С.-Петербургской духовной консисторией. В. И. Чернопяттов в книге «Дворянское сословие Тульской губернии. Родословник добавочный» (М., 1912, стр. 59) ошибочно пишет, будто Григорий Семенович был статским советником.

³ Рукопись Бартеневой «История одного детства» любезно предоставлена мне Г. В. Бартевым. В настоящее время хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки.

два имени, и дела его поправились. Умер он 15 ноября 1863 г., на 52-м году жизни, в чине майора.⁴ Если вспомним, что в 1843 г., в год рождения Екатерины Григорьевны, ее отец был в чине капитана, то придется признать, что за 20 лет он не сделал никакой карьеры. По-видимому, он к этому и не стремился, так как, имея высокочинную родню, мог бы при желании добиться многого.

Мать Екатерины Григорьевны умерла от чахотки в 1856 г., когда дочери было 13 лет.

При всей ограниченности средств родителей Екатерины Григорьевны она все же и до получения ее отцом наследства жила первые 16 лет своей жизни в условиях крепостного быта. Ее мать получила в приданое целую семью крестьян, состоящую из матери — няни, сына — повара и двух дочерей — горничных. Кроме того, в «Истории одного детства» упоминается денщик, обслуживавший семью еще во время пребывания ее отца на военной службе. Когда Екатерине Григорьевне было 4 года, а младшему брату ее 2 года, в дом была взята из приюта для бедных девочек-дворянок гувернантка 18 лет, которая говорила по-французски и учила их всем учебным предметам и игре на фортепьяно. Таким образом, семья Броневских, состоявшая из мужа, жены и двух детей, обслуживалась 6 лицами, из которых 5 были крепостными.

В приданое матери Екатерины Григорьевны были даны еще 10 тысяч рублей ассигнациями, которые не расходовались, а хранились для детей.

В семье Броневских к крепостным слугам относились человечно. Такое отношение привито было с детства Екатерине Григорьевне и ее отцом, поклонником декабристов, декламировавшим стихи Рыльева, и гувернанткой. Но летом 1850 г., когда Екатерине Григорьевне было семь лет и она с семьей ездила в гости в деревню к бабушке в Тульскую губернию, она впервые увидела, как секут крепостных. Это не могло не произвести на нее огромного впечатления, открыв ей глаза на бесправное положение крепостных.

Вообще же условия жизни Екатерины Григорьевны в семье по тогдашнему времени имели скорее положительное, чем отрицательное, влияние на формирование ее вкусов и наклонностей.

Отец ее был поклонником немецкого педагога Гуфеланда и старался применять идеи последнего на практике воспитания своих детей: он заботился о проветривании детской, о прогулках детей во всякую погоду; няне запрещено было рассказывать им страшные сказки, и вместо этого она описывала различные происшествия из своей деревенской жизни. Няня была мастерица рассказывать, обладала юмором и даже сочиняла песни. Гувернантка Екатерины Григорьевны, всегда бодрая и веселая, воспитывала в детях любовь к правде, честность и справедливость.

Рассказы отца о заграниче, полные уважения к другим народам, о ссыльных поляках, бывавших в доме деда Екатерины Григорьевны, хорошие литературные вкусы отца, часто декламировавшего наизусть большие отрывки из «Горе от ума» Грибоедова, из «Демона» Лермонтова и стихов Рыльева (с братом которого он учился в одной школе), наконец встречи со знакомыми и родственниками, говорившими о Шамиле и черкесах, о студенческой оппозиции, о злом московском губернаторе Закревском, о «гнусном» Дубельте из III отделения, — все это откладывалось в душах детей и способствовало в дальнейшем формированию определенного отношения к окружающей действительности. Довольно рано проявилась у Екатерины Григорьевны самостоятельность суждений. Подруг у нее было мало, и она очень любила быть вместе со взрослыми. С семи лет она пристрастилась к чтению и часто придумывала продолжение к прочитанному, когда ее наказывали тем, что запрещали читать целый день. Лишь в 11-летнем возрасте она поступила приходящей воспитанницей в Екатерининский институт, где ее отец заведовал хозяйством, но казенное обучение в институте не казалось ей привлекательным. Поступление в институт совпало со смертью младшего брата Екатерины Григорьевны, который умер 9 лет, и она осталась единственным ребенком у родителей.

Некоторое влияние оказал на Екатерину Григорьевну и ее дед, генерал-губернатор Восточной Сибири, назначенный в 1837 г. сенатором и живший с тех пор в Петербурге. О его рассказах о Сибири упоминает Екатерина Григорьевна в своей «Истории одного детства». Известно, что он относился гуманно к декабристам и 31 июля 1837 г. подал начальнику III отделения докладную записку с проектом их помилования.⁵ В его доме бывали ссыльные поляки. По-видимому, дед Екатерины Григорьевны для своей эпохи был довольно большим либералом.

«История одного детства» обрывается на рассказе об обучении Екатерины Григорьевны в институте.

Из сохранившегося черновика «прошения», поданного Екатериной Григорьевной в декабре 1863 г. для утверждения ее в наследстве после смерти отца, видно, что за последним числился оставленный ему, брату и сестре в их нераздельное владение дом в Петербурге и за ним одним — 156 десятин земли с 44 крестьянами в Буйском уезде Костромской губернии и 676 десятин с 145 крестьянами в Белевском уезде Тульской губернии. Кроме того, отец Екатерины Григорьевны приобрел тогда же у своих двух дядей 224 десятины с 35 крестьянами. Всего у него было 1056 десятин и 224 крепостных души обоего пола.

⁴ См.: А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1895, стр. 75—79.

⁵ См.: С. Чернов. Представление генерал-губернатором Восточной Сибири Броневским о декабристах в 1837 г. «Каторга и ссылка», 1927, № 2 (31), стр. 89.

Перемена в материальном положении отца оказала мало влияния на Екатерину Григорьевну. Из «Записки» ее сына Григория Викторовича Бартенева⁶ видно, что ее знакомству с немецкой литературой содействовал родственник сенатор Гизетти, человек образованный, а серьезное влияние на все ее мировоззрение оказал Иван Дмитриевич Бартенев, отец ее будущего мужа, женатый на сестре Гизетти и приходившийся Екатерине Григорьевне дядей. «Это был, — как говорится в «Записке», — очень неглупый и оригинальный человек, весь ушедший в математические и естественные науки. Рано бросив военную службу, живя очень скромно, он целиком погрузился в чтение и стал страстным последователем Дарвина, тогда еще мало известного в России. Много времени он отдавал изучению статистических изысканий, будучи большим приверженцем Кетле». Не умея хорошо излагать свои мысли на бумаге, он не стал писателем, но говорил увлекательно и просто. Он способствовал развитию Екатерины Григорьевны, рекомендовал ей серьезные книги для чтения. Под влиянием И. Д. Бартенева Екатерина Григорьевна познакомилась с экономическими вопросами, с сочинениями Чернышевского, изучила основательно экономическую и политическую жизнь Запада. Знание с детства французского и немецкого языков сильно облегчало ей занятия наукой.

Однако все это не мешало Екатерине Григорьевне быть и «светской барышней» и посещать балы вместе с дочерьми сенатора Гизетти, ее двоюродными сестрами.⁷ В этой среде она сблизилась и с Виктором Ивановичем Бартеневым, подпоручиком лейб-гвардии Финляндского полка, который был старше ее лет на пять, и вышла за него замуж 11 января 1863 г.,⁸ принеся мужу в приданое 10 тысяч рублей ассигнациями.

Виктор Иванович Бартенев до 17 лет учился живописи и ваянию в Москве в Строгановском училище, затем внезапно бросил его, чтобы пойти добровольцем на Крымскую войну. Но пока он двигался к месту военных действий, война окончилась. Однако он остался на военной службе, был хорошим гимнастом и специализировался в фехтовании. Отвращение к военной службе он получил во время польской кампании 1863—1864 гг., которую он считал бойней. В Вильне он был во время казни Сигизмунда Сераковского,¹⁰ одного и руководителей польского восстания.

⁶ «Записка» об основных этапах жизни Екатерины Григорьевны специально написана для меня Г. В. Бартеневым.

⁷ Указание Н. Д. Гизетти в ее письме ко мне в ответ на мой запрос о Екатерине Григорьевне. Н. Д. Гизетти была замужем за А. В. Гизетти, двоюродным братом В. И. Бартенева, и сама знала Бартеневых с 1883 г.

⁸ Он родился в 1838 г. См.: А. Б. Лобанов-Ростовский «Русская родословная книга», стр. 78.

⁹ Метрическое свидетельство о бракосочетании Екатерины Григорьевны 11 января 1863 г. упоминается в цитированном выше черновике «прошения»

¹⁰ Из «Записки» Г. В. Бартенева. См. также: И. С. Миллер. Русско-польские революционные связи в период восстания 1863 г. «Новая и новейшая история», 1962, № 6, стр. 71—92.

По словам близкой приятельницы семьи Екатерины Григорьевны — Людмилы Семеновны Макарьевой, беседовавшей не раз с В. И. Бартеневым о его прошлом, а в связи с этим и о восстании 1863—1864 гг. в Польше, он считал, что поляки имели полное право на восстание, и утверждал, что нарочно записался для отправки его в качестве офицера в Польшу, чтобы помочь полякам. Он участвовал в одной стычке с поляками и вместе с некоторыми другими русскими офицерами дал им возможность скрыться в лесу, делая вид, что их не видит. Однако поляки, естественно, относились к русским офицерам как к врагам. Двое из товарищей Виктора Ивановича, симпатизировавшие полякам, погибли, но это не озлобило его. По возвращении из похода он оставил военную службу. В это время он находился под сильным влиянием идей Чернышевского.

В походе против восставшей Польши Виктор Иванович участвовал уже после женитьбы, так как в январе 1863 г., когда состоялась свадьба, он был подпоручиком, в отставку же вышел поручиком.¹¹

Возможно, что выход его в отставку был ускорен изменившимися семейными условиями: смертью отца Екатерины Григорьевны 15 ноября 1863 г., получением наследства и появившейся возможностью общественной деятельности.

II. НАРОДНИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ В ДЕРЕВНЕ. ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ (1863—1871 гг.)

Екатерина Григорьевна получила в наследство от отца более 1000 десятин земли, во владении которыми она была утверждена 22 сентября 1864 г. Одновременно или вскоре после этого ей достались в наследство от двоюродной бабки и в то же время крестной Е. А. Прончищевой еще два имения — в Любимском уезде Ярославской губернии и в Грязовецком уезде Вологодской губернии. Об этом можно заключить из того, что Екатерина Григорьевна упоминает о них в своей «Записке» директору Департамента полиции Дурново от 16 апреля 1891 г.

Виктор Иванович попробовал заняться издательской деятельностью, но после выхода первой же книжки (в 1864 г.) — «О словесии адвокатов, сочинение гейдельбергского профессора К. И. Миттермайера, с дополнением Е. Ю. Паракена» — охладел к этому занятию.¹²

¹¹ «Женой отставного поручика» называет себя Екатерина Григорьевна в одном заемном письме 1872 г.

¹² Перевод был сделан самими издателями — В. И. Бартеневым и К. Ведринским, как это видно из рецензии на эту книгу, помещенной в «Современнике» (1864, № 6, стр. 180—183). Рецензия была отрицательная, что, может быть, и заставило Бартенева отказаться от издательской деятельности.

Новые два имени вместе с именами, полученными от отца, могли дать при реализации большую сумму денег. Однако этот вопрос и не возникал у молодых Бартеневых. Их заботило только одно: отдать ли землю крестьянам или хозяйничать самим «по-новому», т. е. помогая крестьянам.

Молодые супруги с родившимся у них 5 июля 1864 г. первым сыном Виктором переезжают в деревню, чтобы улучшить положение своих бывших крепостных, показать им, как надо рационально вести хозяйство, а помещикам-соседям — как много добра можно сделать для крестьян, если захотеть. Так как при этом они о своей выгоде не заботились, то действительно оказали крестьянам большую помощь.

Виктор Иванович стал хозяином и в качестве такового приобрел репутацию «толкового человека». Крестьяне относились к семье Екатерины Григорьевны «с неизменным и полным доверием», так как она от выкупной суммы за крестьянские наделы отказалась и никогда не отказывала крестьянам в помощи ни хлебом, ни деньгами. Когда выгорела вся деревня в тульской имении, Екатерина Григорьевна пожертвовала крестьянам материал на постройку новых изб.¹³ Зато отношения с окрестными помещиками скоро испортились, так как те считали, что Бартеневы «развращают» крестьян.

Ведение хозяйства с помощью наемного труда, та помощь, которую они оказывали крестьянам, не давали, однако, Бартеневым удовлетворения, и они решили в 1866 г. отдать большую часть своей земли крестьянам безвозмездно, а самим вернуться в Петербург. К этому времени, в апреле 1866 г., у них родился и второй сын, Григорий.

Но не так-то легко оказалось отдать землю крестьянам безвозмездно. Из-за сопротивления со стороны властей, видевших в этом нечто революционное, пришлось сделать фиктивный акт продажи большей части земли крестьянам с рассрочкой на 18 лет.¹⁴ Но лесная дача в Вологодской губернии, усадьба, все постройки и весь скот в имении в Тульской губернии, вся помещичья земля в Костромской губернии были отданы крестьянам безвозмездно.¹⁵

Много лет спустя, в конце 90-годов, когда Бартенева жила в ссылке в Пскове, проф. В. Э. Классен, тогда еще гимназист, присутствовал, как он позже рассказывал, при приезде крестьян из Костромской губернии, которые к именинам Екатерины Григорьевны привезли ей хлеб-соль в благодарность за то, что она подарила им всю свою землю.

В Петербург Бартеневы попали в самый разгар реакции после покушения Каракозова (4 апреля 1866 г.) на Александра II. По словам Г. В. Бартенева, его родители сблизились тогда с круж-

ком, получившим впоследствии название «чайковцев», в частности с М. А. Натансоном.¹⁶ Настроение в интеллигентской среде было тревожное, и Бартеневы с двумя малолетними детьми, 4 и 2 лет, поздней осенью 1868 г. отправились в Швейцарию, чтобы закончить свое политическое самообразование и подготовиться к революционной работе. Они поселились в Женеве, где сблизились с Бакуниным и одновременно под фамилией «Алексеевы»¹⁷ вступили в члены I Интернационала (псевдоним «Алексеев» принят для того, чтобы сохранить возможность возвращения в Россию). Бартеневы стали членами тайного Интернационального Братства Бакунина, в большей своей части вошедшего в Альянс, долженствовавший тайно руководить всей политикой Интернационала в бакунинском духе. Имена обоих Бартеневых, как членов Интернационального братства, упоминаются самим Бакуниным в его письме «Всем этим господам» от 26 января 1869 г., когда часть его сторонников, в том числе и Бартеневы, стали к нему в оппозицию и устроили помимо него свое особое совещание в Шапонэре. Так как в совещании в Шапонэре участвовали, кроме Бартенева, другие члены Альянса (русский Николай Жуковский, белорусе Трусев, поляк Мрочковский, французы Бенуа Малон и Шарль Перрон и итальянец Альберто Туччи), то это дает нам некоторое представление о революционных связях Бартеневых в это время. Несомненно, что Бартеневы знали и других членов бакунинского тайного общества, которые остались с Бакуниным солидарны. Виктор Эмильевич Классен, друг юности младшего сына Екатерины Григорьевны, помнит ее рассказ о том, что в Швейцарии Бартеневы жили одно время у друга Бакунина Джемса Гийома, оказавшего на них большое влияние.¹⁹ Возможно, что именно Гийом привлек Бартеневых в Альянс. Но, по-видимому, интересы Интернационала, возглавлявшегося Марксом, были для Бартеневых дороже их связи с Бакуниным, и они порвали отношения с последним.

Не позже февраля 1869 г. Бартеневы примкнули к группе эмигрантов в Женеве, возглавлявшейся Н. И. Утиным и издававшей с октября 1868 г. журнал «Народное дело» (1-й номер этого журнала вышел в сентябре 1868 г. под редакцией Бакунина).

¹⁶ Так как известно, что М. А. Натансон приехал в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию в августе 1868 г. (см. конспект автобиографии Натансона за 1868 г. в кн.: Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, стр. 182), то очевидно, что для того чтобы Натансон образовал кружок и сблизился с Бартеневыми, должно было пройти хотя бы один-два месяца; следовательно, это могло произойти осенью 1868 г., а не в 1866 г.

¹⁷ У Г. В. Бартенева в его «Записке» ошибочно сказано «Матвеевы». Псевдонимом «Алексеевы» Бартеневы подписали опубликованную в 1868 г. программу Альянса Бакунина.

¹⁸ Письмо Бакунина приведено в «Письмах М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» (СПб., 1906, стр. 326—331).

¹⁹ Сообщено мне в Москве В. Э. Классеном в марте 1929 г.

Из «Записки» Екатерины Григорьевны, составленной для Дурново.

Из «Записки» Г. В. Бартенева.

Из «Записки» Екатерины Григорьевны, составленной для Дурново.

Журнал «Народное дело», как отмечалось выше, высоко оценивал историческую роль пролетариата. Редакция журнала считала, что рабочий «один... представляет собою могучую производительную силу». Пролетариат — это «новая сила в развитии человечества... ибо она осознала самое себя и начертила сама себе последовательный ход». В соответствии с этими взглядами выступала в печати и Екатерина Григорьевна. Она понимала, что не только стачки, но и повседневный быт фабрично-заводских рабочих содействует их организации. «Жизнь в куче и порядок, которому их подчиняют на фабрике, развили в них дух общечеловечности и дисциплинировали их», — писала она о рабочих.²¹

«Народное дело» вело разоблачительную кампанию против Бакунина как дезорганизатора Интернационала и помогало в этом отношении борьбе Маркса против Бакунина. В этой кампании видную роль играла и Екатерина Григорьевна. Ее муж под псевдонимом «Нетов» вместе с Н. И. Утиным и А. Д. Трусовым состоял в Комитете Русской секции Интернационала.

Г. В. Бартечев ясно помнит рассказы родителей о том, что они принимали близкое участие в издании «Народного дела». Это подтверждается и хранящимся в ЦГИАЛ о ней и ее сыне делом № 10810 из фонда Министерства юстиции № 1405 (опись 91). В записке прокурора Петербургской судебной палаты по Делу Екатерины Григорьевны говорится: «В... рукописной заметке Бартечева касается того значения, которое имела издававшаяся в Женеве газета „Народное дело“, и отмечает, что хотя это издание и не имело особого распространения в России, однако играло большую роль, чем обыкновенно полагают».²²

Осенью 1869 г. Екатерина Григорьевна по поручению «Народного дела» поехала в Петербург.

Из статьи Е. Г. Бартечевой «Евгения Ивановна Конради»²³ узнаем, что в Петербурге она впервые познакомилась с Е. И. Конради в редакции журнала «Неделя», куда принесла статью по рабочему вопросу. В следующий раз она встретила с ней на только что начавшихся вечерних лекциях для женщин в здании Министерства внутренних дел. Эти курсы открылись 20 января 1870 г. Следовательно, в это время Екатерина Григорьевна была еще в Петербурге. В Петербург она ездила по поручению «Народного дела» и, очевидно, для основания Русской секции Интернационала, которая еще не была оформлена, так как впоследствии жандармы ставили ей в вину, что она «участвовала с 70-х годов в организа-

ции в Петербурге отдела заграничного интернационального общества» (т. е. Русской секции Интернационала).²⁴

Таким образом, Екатерина Григорьевна пробывала в Петербурге с осени 1869 г. до конца января 1870 г. Согласно ее указанию о том, что в «Неделю» она принесла статью по рабочему вопросу, мы можем установить имя автора напечатанной там анонимно в 1870 г. обширной статьи.²⁵

Как видно из воспоминаний М. П. Сажина, когда он приехал весной 1870 г. (в конце мая) в Женеву, Екатерина Григорьевна уже принадлежала к группе русской эмиграции, которая входила в Русскую секцию Интернационала и была враждебна бакунинской группе Альянса, тоже еще входившего, как отделение женеvской секции, в Интернационал.²⁶ Вместе с Екатериной Григорьевной в Русской секции Интернационала, по указанию М. П. Сажина, были Н. И. Утин, В. Серебренников, А. Д. Трусов и О. С. Левашева (В. Серебренников вскоре был исключен из Русской секции, так как члены секции узнали, что он вступил в нее

²⁴ См.: Вл. Стасов. Н. В. Стасова, СПб., 1899, стр. 252. См. также «Дело о жене отставного поручика Екатерине Бартечевой и сыне отставного поручика Викторе Бартечеве» в Ленинградском центральном гос. историческом архиве (№ 10810, 1890—1891 гг.). Как указано выше, Е. Г. Бартечевой была написана статья о значении газеты «Народное дело», взятая у нее при обыске в 1891 г.

²⁵ В конспекте воспоминаний М. А. Натансона под августом—сентябрем 1870 г. есть пункт «Приезд Ровинского и Екатерины Григорьевны Бартечевой от Русской секции Интернационала». Поэтому Б. П. Козьмин считает, что Екатерина Григорьевна Бартечева ошибочно относала свой приезд в Петербург к осени 1869 г. (Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала. М., 1957, стр. 224, примеч. 52). Между тем дата «осень 1869 г.» подтверждается и автором ее некрологов в газетах «Новое время» и «День» за 1914 г. — ее сыном Григорием Викторовичем, который указывает, что она приехала в Петербург «за недостатком средств»; эта дата подтверждается и ее указанием, что она привезла для заработка пять статей под общим заглавием «Рабочий вопрос в Швейцарии», так как опасалась, что, посланные почтой из Женевы, они могут быть подвергнуты перлюстрации и не дойти до адресата — редакции «Недели». Статьи Екатерины Григорьевны были напечатаны в 1870 г. в «Неделе» анонимно, так как она не желала обращать на себя внимание правительства. В конце января 1870 г. она вернулась в Женеву. Во время пребывания Екатерины Григорьевны в Петербурге муж ее Виктор Иванович (как сообщил мне в письме от 18 января 1930 г. Г. В. Бартечев) был в Женеве осужден на 3 месяца тюрьмы за участие в увозе детей княгини З. С. Оболенской от ее мужа. Решением царского правительства Оболенская была лишена материнских прав, и швейцарские власти помогли реализовать это решение. Благодаря вмешательству В. И. Бартечева княгине Оболенской удалось уехать с детьми в Италию, где она сблизилась с семьей Герцена и с Бакуниным. Когда муж Оболенской и власти Ваатландского кантона в Швейцарии решили отнять у нее детей, ее защищали Мрочковский и «другой из ее лучших друзей», т. е. Виктор Иванович Бартечев. См.: Протест против русского правительства княгини Зои Сергеевны Оболенской, урожденной графини Сумароковой. Женевы, 1870, стр. 34.

²⁶ М. П. Сажин. Воспоминания 1860—1880 гг. М., 1925, стр. 62—63. Сажин говорит о марксистской «славянской» секции, но в то время была только Русская секция.

²⁰ «Народное дело», Женевы, 1869, № 7/9, стр. 112, 114.

²¹ «Неделя», 1870, № 30, стр. 1006.

²² Самой рукописи ни в деле, ни в вещественных доказательствах в ЦГИАЛ нет.

²³ «Женевское дело», 1899, № 1.

только для осведомления Нечаева о ее деятельности). В. И. Бар-тнев, жена Утина и Е. Л. Дмитриева тоже входили в эту секцию. В августе 1870 г. в нее вступила Анна Васильевна Корвин-Кру-ковская (Жаклар).

Еще осенью 1868 г. Екатерина Григорьевна сблизилась с Ели-заветой Лукининой Томановской-Дмитриевой, которая жила в Женеве с осени 1868 г., а в декабре 1870 г. была послана Рус-ской секцией в Лондон. С Е. Л. Дмитриевой Екатерина Григорь-евна, по словам ее сына Г. В. Бартенева, «познакомилась в 1867 или 1868 г.», но из сказанного выше видно, что это знакомство могло произойти только поздней осенью 1868 г.

Около середины 1869 г. Екатерина Григорьевна отправилась «по революционным делам» в Париж, где познакомилась с Жак-ларами, с другом Жаклара Клемансо, бывшим бланкистом, и с Луизой Мишель.²⁷ 18 июля 1870 г. Жакларам пришлось бежать из Парижа в Женеву, и здесь Екатерина Григорьевна сблизилась с Анной Васильевной Жаклар как с членом Русской секции Ин-тернационала и, по словам Г. В. Бартенева, была дружна с ней до ее смерти в 1887 г.

Это был «наиболее напряженный по деятельности» период жизни Бартневых, как вспоминал их сын Г. Б. Бартнев, но под-робностей о нем сохранилось очень мало, так как «по условиям дальнейшей жизни в России записывать что-либо и хранить эти записи нельзя было».

Из конспекта воспоминаний М. А. Натансона мы знаем, что в августе—сентябре 1870 г. Екатерина Григорьевна вместе с Ро-винским (это был друг Н. И. Утина, выдающийся член «Земли и воли» в 60-х годах) вторично поехала в Петербург уже в качестве члена Русской секции Интернационала. В тогда же состоявшихся переговорах Бартневой с Натансоном приняла участие и приехав-шая из Женевы О. С. Левашева.²⁸ Но Г. В. Бартнев не пом-нит ничего ни об этом, ни об участии Екатерины Григорьевны в Парижской Коммуне. Он только помнит рассказ матери о том, что перед самой Коммуной она ездила по «французским делам» к Мадзини.

На этом основании Б. П. Козьмин выразил решительное сом-нение в участии Бартневой в Парижской Коммуне.²⁹ Между тем целый ряд свидетельств друзей Екатерины Григорьевны, знавших ее в разное время, говорит о том, что во время Коммуны она была

²⁷ Г. В. Бартнев относит эту поездку Екатерины Григорьевны в Париж к 1869 или началу 1870 г., но из предыдущего видно, что она могла произойти только до осени 1869 г.

²⁸ См.: ЦГИАМ, дело III отделения, 3-я экспедиция, 1870 г., № 120, ч. 1, «О противозаконных собраниях и сходках в Земледельческом институте», л. 11. О приезде Левашевой в Петербург мы знаем и из неопубликованного письма А. В. Жаклар от августа 1870 г.

²⁹ Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала, стр. 330, примеч. 94.

в Париже и принимала в ней участие. Сама Екатерина Гри-горьевна во время своей ссылки в Пскове, с 1891 по 1898 г., го-ворила об этом по крайней мере четырем лицам: Марине Львовне Лихтенштадт — своей сотруднице по переводам, Людмиле Се-меновне Макарьевой, — бывшей социал-демократке, подруге жены старшего сына Екатерины Григорьевны В. В. Бартенева, Николаю Львовичу Сергиевскому — товарищу Екатерины Григорьевны по ссылке в Псков и, наконец, Виктору Эмильевичу Классену —
³⁰

другу своего младшего сына.

К сожалению, почти все воспоминания друзей Екатерины Гри-горьевны, слышавших от нее о ее участии в Парижской Коммуне, очень скудны. Н. Л. Сергиевский помнит только, что в эпоху Коммуны Екатерина Григорьевна была близко знакома с П. Л. Лавровым, жившим в то время в Париже и старавшимся быть полезным Коммуне. У Лаврова, по словам Н. Л. Сергиев-ского, Екатерина Григорьевна была в Цюрихе и в 1873 г., когда он приехал туда издавать журнал «Вперед». Впоследствии, живя в России, она была с ним в переписке, о чем сама говорила Н. Л. Сергиевскому.

Л. С. Макарьева помнит, что Екатерина Григорьевна не только участвовала в Коммуне, но и написала о ней воспоминания, кото-рые предложила в 1913 г. для напечатания «Русскому богатству». Этот журнал по цензурным соображениям не принял статьи к печатанию, отослав ее автору. Тогда Екатерина Григорьевна, лечившаяся в то время в Кисловодске, переслала эту статью Л. С. Макарьевой в Петербург с просьбой передать ее в журнал «Заветы». Дочь Л. С. Макарьевой отвезла статью в редакцию «Заветов». Здесь статья была принята, и редакция «Заветов» при-слала Екатерине Григорьевне в счет гонорара за нее аванс в 50 рублей, но, пока до напечатания статьи дошла очередь, на-чалась война, «Заветы» были закрыты, и статья так и не была напечатана. После смерти Екатерины Григорьевны 19 августа 1914 г. о рукописи этой статьи никто не позаботился, и судьба ее неизвестна. После ликвидации журнала «Заветы» архив перешел в руки секретаря редакции С. П. Постникова, последний же после Октябрьской революции оказался в рядах ее врагов и эмигриро-вал. Таким образом, найти рукопись Екатерины Григорьевны стало почти невозможным. Записные книжки и заметки Екате-рины Григорьевны, легшие, может быть, в основу ее воспоминаний о Парижской Коммуне, после ее смерти, в 1914 г., были отосланы ее средним сыном Григорием Викторовичем, старшему брату, Виктору Викторовичу, в Архангельск, и после смерти того в 1921 г. судьба их также неизвестна. Григорий Викторович счита-ет, что они погибли, и при этом особенно жалеет о гибели за-

³⁰ Все эти лица мною опрошены в Ленинграде и Москве, и их рассказы о Екатерине Григорьевне записаны.

меток Екатерины Григорьевны, сделанных ею на полях книги Джемса Гийома о I Интернационале. Незадолго до смерти Екатерина Григорьевна читала первые два тома этой книги, рассказывающей о событиях, в которых она сама участвовала, будучи членом как бакунинского Альянса, так и I Интернационала, и в рассказ Гийома внесла много поправок и дополнений. Ввиду крайней скудости материалов об этой эпохе истории рабочего движения приходится пожалеть, что судьба записных книжек Екатерины Григорьевны, оказавшихся в Архангельске, не выяснена.³¹

О том, что делала Екатерина Григорьевна в дни Коммуны, можно только догадываться. Вероятно, она работала в женском комитете бдительности того района, где жила, пропагандировала идеи Интернационала среди работниц, ухаживала за ранеными коммунарами, исполняя поручения Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Она ведь была товарищем по Русской секции Елизаветы Дмитриевой и Анны Жаклар, близко знала члена Коммуны Бенуа Малона, встречалась в то время с П. Л. Лавровым. А потому, естественно, она не могла и сама не успевать в политической жизни Парижа того времени.

Вскоре после поражения Парижской Коммуны Екатерина Григорьевна вернулась в Петербург. Об этом факте говорит следующая сохранившаяся в ЦГИАМ (ранее Архив революции) переписка. 17 июля 1871 г. капитан корпуса жандармов Эксе телеграфировал из Вержболова товарищу шефа жандармов графу Левашеву: «Сегодня в 8 часов утра выехала Петербург Екатерина Бартенева» (фамилия дана шифром). Генерал-адъютант граф Левашев предписал «совершенно секретно» того же числа

³¹ Я писал в Архангельск в исполком Совета, чтобы выяснить судьбу бумаг Екатерины Григорьевны, но ответа не получил. Б. П. Козьмин считает (Русская секция I Интернационала, стр. 330) «весьма сомнительным» участие Екатерины Григорьевны в Парижской Коммуне и написание ею об этом статьи на том основании, что это «не находит себе подтверждения ни в каких источниках» и что сын Екатерины Григорьевны не помнит об этом ее рассказов. Но, как мы знаем, письменных источников о Бартеневой вообще мало, а сын ее и о многом другом тоже не помнил. Между тем тот факт, что рассказ Екатерины Григорьевны о ее участии в Парижской Коммуне слышали четыре лица, из которых только М. Л. Лихтенштадт и Л. С. Макарьева были знакомы между собой, можно было бы считать сомнительным лишь в том случае, если предположить, что эти лица сговорились ложно свидетельствовать по этому поводу. Но ни одно из них заподозрено в этом быть не может. К тому же, как сказано, не тее они были даже знакомы между собой. Всякий суд признал бы их единогласное свидетельство соответствующим фактам. А то, что сын Бартеневой Григорий Викторович не вспомнил о ее участии в Парижской Коммуне и о многих других важных фактах ее революционной деятельности, о которых я узнал от ряда ее друзей и знакомых, объясняется тем, что он начал собирать материалы о своей матери и записывать свои воспоминания о ней лишь в 1928 г., после прочтения в «Звезде» (1927, № 10) моей статьи об А. В. Корвин-Круковской, в которой об участии в Коммуне Е. Г. Бартеневой не упоминалось, так как я узнал об этом только в 1929 г.

исполняющему должности Санкт-петербургского обер-полицеймейстера: «Сегодня в 8 часов утра выехала из Вержболова и прибывает сюда завтра в третьем часу пополудни Екатерина Григорьевна Бартенева. Признавая нужным немедленно по приезде Бартеневой обыскать ее самым строгим образом, покорнейше прошу ваше высокоблагородие сделать распоряжение, чтобы... на станции железной дороги находилась повивальная бабка и был налицо местный пристав. Произвести обыск... поручаю корпуса жандармов капитану Массино». Капитану Массино приказано было все найденные при ней бумаги доставить в III отделение.

Из этой жандармской переписки узнаем точную дату возвращения Екатерины Григорьевны после поражения Коммуны в Петербург— 18 июля 1871 г. В жандармской переписке ни одним словом не упомянуты дети Екатерины Григорьевны, семи и пяти лет, которых Екатерина Григорьевна будто бы привезла, по указанию Г. В. Бартенева. Очевидно, Г. В. Бартенев ошибается, и дети остались при отце. Екатерина Григорьевна предвидела обыск и была к нему готова. При обыске у нее нашли какие-то «бумаги», но вскоре вернули их ей. В той же переписке Архива революции имеется расписка об этом Екатерины Григорьевны на протоколе от 20 июля 1871 г.: «бумаги получены мной сполна».

Самый факт этого обыска Екатерины Григорьевны свидетельствует о том, что русская жандармерия была осведомлена о ее участии в революционных кружках за границей. Это и не удивительно, так как мы знаем теперь, что в те годы втерся в доверие и очень близко сошелся с Бакуниным в Швейцарии агент III отделения Роман под фамилией Постникова.³² О близости Екатерины Григорьевны к бакунистам и о переходе ее в лагерь Н. И. Утина мог осведомить III отделение и этот агент. Но благодаря осторожности Екатерины Григорьевны, не взявшей с собой никаких революционных книг, обыск окончился для нее благополучно. Муж ее Виктор Иванович Бартенев еще около года оставался в Женеве.

III. РАБОТА В ПЕТЕРБУРГЕ. УЧАСТИЕ В I КОНГРЕССЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1871—1889 гг.)

Мы не знаем в точности, что заставило Екатерину Григорьевну после поражения Парижской Коммуны вернуться в Петербург летом 1871 г. без мужа и детей. Вероятно, здесь сыграли роль денежные соображения. Судя по указанию Екатерины Григорьевны в «Записке» для Дурново 1891 г., что она уже 22 года живет литературным трудом, надо думать, что уже с 1869 г. она начала

³² См.: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. Изд. 2-е. ГИЗ, Л., 1925, стр. 80—95.

зарабатывать переводами и статьями. Но, по-видимому, эти заработки были невелики, так как у Екатерины Григорьевны явилась надобность в продаже последних остатков бывшей в ее владении земли.

Из доверенности, явленной у петербургского нотариуса Рериха 8 ноября 1871 г., видно, что Екатерина Григорьевна продала Астаховскому сельскому обществу оставшуюся за наделом крестьян землю своего имения в Белевском уезде Тульской губернии в количестве 550 десятин за 20 000 рублей, т. е. приблизительно по 36 рублей за десятину. В счет этих денег она получила 9100 рублей, а на остальные 10900 получила векселя, по которым 900 рублей должны были ей быть выплачены 20 декабря 1872 г., а остальные 10 000 рублей в течение 6 лет в равной доле по 1666 руб. 70 коп. (все выплаты без процентов). Акт о продаже 550 десятин утвержден 20 января 1872 г.

Таким образом, Екатерина Григорьевна продала остаток свой земли крестьянам с большой рассрочкой, что для них было очень выгодно.

После возвращения в Петербург ее мужа с детьми она не могла долго прожить на деньги, вырученные от продажи земли. В 1873 г. у Екатерины Григорьевны родилась дочь, которая через 3 года умерла; 1 апреля 1880 г. родился четвертый ребенок — сын Герман. Муж ее Виктор Иванович еще в 1874 г. поступил на службу счетоводом в Петербургское правление Новоторжской железной дороги с жалованьем 40 рублей в месяц. Иа железной дороге он служил до 1917 г., получив небольшую пенсию. После смерти жены он уехал в город Николаев к младшему сыну Герману, служившему инженером на судостроительном заводе, где и умер в возрасте 80 лет в 1918 г.³³

Екатерина Григорьевна занималась переводами и мелкой литературной работой; главным образом она веда иностранную политическую хронику. В течение 15 лет она ведала, между прочим, телеграфными сообщениями из-за границы в газете О. К. Нотовича «Новости».³⁴ В конце 70-х и в начале 80-х годов она переводила для журналов «Слово» и «Дело» французские статьи коммунара Виктора Викторовича Жаклара (псевдоним «Жика») о политическом положении за границей. Когда заболел литератор Н. С. Курочкин, переводивший для «Отечественных записок» политическую хронику бывшего члена Парижской Коммуны Лефрансе (за подписью «Клод Франк»), Екатерина Григорьевна переводила и эти статьи.

³³ Все эти факты сообщены мне внучкой Виктора Ивановича — Екатериной Григорьевной Смирновой в письме от 27 июля 1963 г.

³⁴ «Новости» стали выходить под редакцией Нотовича с 1 января 1877 г., причем с 1883 г. — двумя изданиями, из которых одно в формате больших газет. В эту газету посылал статьи и Жаклар. Газета имела два предостережения и много раз подвергалась запрещению розничной продажи.

Связи Екатерины Григорьевны с революционерами продолжались. По словам Н. Л. Сергиевского, в 1873 г. она ездила к Лаврову, начавшему в Цюрихе издание журнала «Вперед!». Г. В. Бартнев сообщил мне, что когда деятельница Парижской Коммуны Е. Л. Томановская приехала в Петербург, Екатерина Григорьевна с ней встречалась в 1874—1875 гг. Г. В. Бартнев, которому было в то время 8—9 лет, помнит, что они с матерью и Томановской ездили в окрестности Петербурга в колонию для малолетних преступников, которою заведовал связанный с революционерами П. А. Ровинский, и пробыли у него в гостях дня два-три. Г. В. Бартнев помнит также, что друзьями их дома были в конце 70-х годов народники и народолюбцы Д. А. Клеменц, Н. И. Кибальчич, Наталья Армфельд, Н. А. Морозов, С. М. Кравчинский-Степняк, Ольга Любатович и что в 1878—1879 гг. Екатерина Григорьевна скрывала у себя Н. А. Морозова и Ольгу Любатович, занимавшихся тогда революционной работой в «Земле и воле». У Екатерины Григорьевны они же хранили типографский шрифт для печатания прокламаций. По поручению своих друзей из «Народной воли» она переносила раз на себе динамит к поезду железной дороги.³⁵

В те годы революционеры, действовавшие в России, пользовались для своей агитации среди рабочих знаменитой речью, произнесенной 10 марта 1877 г. на заседании особого присутствия Сената 28-летним рабочим Петром Алексеевым против «ярма деспотизма, огражденного солдатскими штыками». Среди петербургских рабочих уже выдвинулись такие вожаки, как Петр Алексеев, Петр Моисеенко, Виктор Обнорский, Степан Халтурин и др.

Обнорский осенью 1874 и в конце 1875 г. ездил за границу, чтобы ознакомиться там с рабочими организациями и рабочим движением. В 1878 г. он в третий раз ездил за границу, побывал в Берлине, Париже и Лондоне, встречался там с русскими эми-

³⁵ См.: К. Иеропольский. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Екатерине Григорьевне Бартневой. «Каторга и ссылка», 1930, № 2, стр. 179—180.

³⁶ О первых русских рабочих-революционерах см.: Б. С. Итенберг. К вопросу о формировании революционных взглядов первых русских рабочих-революционеров. «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 46—60; С. М. Левинова. Первые русские рабочие-революционеры. Л., 1959; И. Я. Мирошников. Виктор Обнорский — выдающийся рабочий-революционер. Соцэкгиз, М., 1960; В. А. Егоров. Обнорский Виктор Павлович. Вологда, 1962; Ю. З. Полевой. Степан Халтурин (1857—1889). Госполитиздат, М., 1957; В. А. Соболев. Степан Халтурин. Очерк о выдающемся русском рабочем-революционере. Киров, 1957; В. А. Прокофьев. Степан Халтурин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1958 (Жизнь замечательных людей); Л. И. Островер. Петр Алексеев. Изд. «Молодая гвардия», М., 1957 (Жизнь замечательных людей); П. М. Рожин. Корифей рабочего движения. Очерк о выдающемся рабочем-революционере П. А. Алексееве. Госполитиздат, М., 1961; А. А. Павлов. Сеятель гнева народного. Очерк жизни и деятельности П. А. Моисеенко. 1961.

грантами-революционерами и с западноевропейскими социалистами, познакомился с историей I Интернационала.

В декабре 1878 г. Обнорский и Халтурин основали «Северный союз русских рабочих», примыкавший по своей программе к социал-демократическим партиям Западной Европы, но отчасти и к русским революционным народникам. Союз боролся за улучшение жизни и условий труда рабочих и за политическую свободу для всего народа.

По словам В. Э. Классена, Екатерина Григорьевна рассказывала ему, что присутствовала 31 марта 1878 г. на процессе Веры Засулич после ее покушения на Трепова и была среди тех, которые заранее условились о том, чтобы после суда окружить Засулич, оттеснить ее от жандармов и помочь ей бежать за границу.

Проф. Гревс в своих воспоминаниях о начале 80-х годов сообщает, что «Екатерина Григорьевна Бартенева, образованная и талантливая социалистка», отчасти влияла на студенческий «экономический кружок», в который входил тогда Гревс, и «принадлежала к составу когда-то влиятельного в Петербурге „Общества трезвых философов" . . .». Собрания «трезвых философов» в Петербурге устраивались в квартире двух молодых деятелей железнодорожного управления — лавриста А. А. Криля и Н. Ф. Анненского, женатых на родных сестрах Ткачева — Татьяне и Александре Никитичных. Название вечера эти получили от «трезвого» угощения — чаем и бутербродами. На этих вечерах бывали Н. К. Михайловский, В. В. Лесевич, присяжный поверенный А. А. Ольхин, Н. Г. Кулябко-Корецкий и др. Екатерина Григорьевна «была близка к редакции „Дела", в частности к М. А. Антоновичу³⁷. . . Чернышевский у нее. . . был непререкаемым авторитетом».³⁸

Тот же Гревс сообщает, что Екатерина Григорьевна повлияла и на своего родственника А. В. Гизетти, который заведовал петербургской земской статистикой и называл себя «социал-демократом немецкого типа».³⁹

Такие революционные действия, как организация взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Степаном Халтуриным и убийство в 1881 г. одесского прокурора Стрельникова Степаном Халтуриным и народовольцем Н. А. Желваковым, вызывали сочувствие Екатерины Григорьевны.

В 80-х годах она была очень близка с уцелевшими членами «Народной воли» и вместе с мужем оказывала им посильную помощь, но в то же время, как говорится в «Записке» Г. В. Бартенева, «не переставала следить за рабочим движением на За-

паде, не особенно возлагая надежды на движение русского крестьянства». Если вспомнить, что и Маркс и Энгельс относились с большим уважением к народовольцам и что до 1890 г. резкого разделения на народников и марксистов еще не было, то мы не удивимся, что Екатерина Григорьевна оказывала услуги народовольцам.

Но, по-видимому, Бартеневы соблюдали большую осторожность и конспирацию в эпоху реакции 80-х годов. Только теперь, из «Записки» Г. В. Бартенева, узнаем, что именно его мать в 1886 г. давала материалы о русских писателях, подвергавшихся репрессиям со стороны русского правительства, известному американскому путешественнику и передовому журналисту Джорджу Кеннану, написавшему нашумевшую во всем мире книгу о русской политической ссылке той эпохи. Екатерина Григорьевна оказывала услуги подполью и знанием французского и немецкого языков, обладая исключительной способностью точно схватывать речь русского оратора и тут же передавать ее по-французски, а затем по-немецки.

В одном из своих писем ко мне Г. В. Бартенева сообщает, что Александр Ильич Ульянов, брат Ленина, осужденный за участие в покушении на убийство Александра III, бывал в семье Екатерины Григорьевны. В письме от 18 января 1930 г. Г. В. Бартенева сообщил мне, что его мать ездила из Петербурга с революционными поручениями к Бебелю, Адлеру, а в 1885 г. — в Гельсингфорс.

В 1885 г. произошла знаменитая стачка свыше 8000 рабочих на Никольской мануфактуре Морозовых в Орехове-Зуеве. Стихийно были разгромлены квартиры ненавистных мастеров, контора и магазины. Арестованных «зачинщиков» рабочие силой освободили. Но все же было арестовано и выслано до 800 рабочих. Морозовская стачка очень обеспокоила царское правительство. Возможно, что в Гельсингфорс в 1885 г. Екатерина Григорьевна ездила для передачи сведений о Морозовской стачке тамошним деятелям передовой печати и — через финскую почту — в революционные газеты Западной Европы.

Полиция, по-видимому, ничего не знала о подпольной работе Екатерины Григорьевны и о связях ее с революционерами, хотя она и состояла под строгим негласным надзором полиции с 20 августа 1876 г. «ввиду сношений с неблагонадежными лицами и участия в организации в С.-Петербурге в начале 70-х годов отдела заграничного интернационального общества».⁴⁰ В декабре 1876 г. ей было отказано в выдаче заграничного паспорта.

³⁷ Максим Алексеевич Антонович — геолог и литературный критик, бывший сотрудник «Современника».

³⁸ И. Гревс. В годы юности. «Былое», 1921, № 16, стр. 161, примеч.-3.

³⁹ Там же, стр. 160.

⁴⁰ См. полицейский «Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях» за 1890 г., стр. 99; а также дело «О жене отставного поручика Екатерине Бартеновой и сыне отставного поручика Викторе Бартенева», хранящееся в Ленинградском центральном государственном историческом архиве (№ 10810 за 1890—1891 гг.).

В семье Бартевых часто бывали обыски, но они кончались благополучно, так как ничего предосудительного с точки зрения жандармов не находилось. По словам Г. В. Бартева, «уроки конспирации, преподанные в свое время Мадзини, были так хорошо усвоены, что при обыске в море бумаг ничего уличающего не находилось».

Особенную подозрительность жандармов вызвала Екатерина Григорьевна только в 1889 г. ввиду ее участия в I конгрессе II Интернационала в Париже и в связи с дознанием по делу террористического кружка Софьи Гинзбург. Циркуляром Департамента полиции от 8 марта 1889 г. за ее возвращением в Россию было установлено наблюдение.

В Париж в 1889 г. Екатерина Григорьевна ездила два раза, судя по ее «Записке», адресованной ей в 1891 г. Дурново. В первый раз она поехала, чтобы записать иностранными книгами для своих статей и переводов на русский язык; во второй раз — по случаю устроенной в Париже юбилейной всемирной выставки в память столетия со дня Великой французской революции.

Из рапорта прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции от 12 февраля 1891 г. (по указанному выше «делу» Екатерины Григорьевны и ее старшего сына) узнаем, что в первый раз Екатерина Григорьевна выехала в Париж в январе 1889 г., второй раз — в марте, а вернулась обратно в Петербург через Вену и Пешт в конце сентября 1889 г.

Главным комиссаром русского отдела на Парижской выставке был умерший почти в начале выставки (14 июля 1889 г.) Е. Н. Андреев, деятель ремесленного и профессионального образования и создатель в России первых школ для рабочих. Судя по первой же корреспонденции Екатерины Григорьевны о выставке в «Новостях» О. К. Нотовича,⁴¹ она высоко ценила Е. Н. Андреева. На Парижскую выставку она поехала по его приглашению и по поручению Русского технического общества (выставка была устроена без помощи правительства), руководители которого были заинтересованы в том, чтобы был переведен на французский язык и издан его сборник статей о русской промышленности и торговле. Эта работа была выполнена Екатериной Григорьевной. Она же давала, по словам Г. В. Бартева, объяснения по русскому отделу выставки, делившемуся на подотделы — кустарный, промышленный (заводский и мануфактурный), земледельческий и учебно-научный, а также служила переводчицей для русских кустарей, которых Техническое общество послало на выставку. Одновременно, по указанию одного товарища Екатерины Григорьевны по сотрудничеству в газете «Новости» — А. Е. Кауфмана, она была на вы-

ставке и корреспондентом от этой газеты, в которую она дала о выставке ряд статей, «живо и ярко написанных».⁴³

Естественно, что в Париже Екатерина Григорьевна возобновила знакомство с ветеранами французского революционного движения, которых она знала по I Интернационалу и по Парижской Коммуне, и завела ряд новых знакомств. Нет никакого сомнения, что она стала вновь встречаться с Жакларом, который после амнистии коммунаров в 1880 г. переехал из Петербурга в Париж, но до 1887 г. часто бывал в Петербурге, где продолжала жить его жена. По указанию в неопубликованных записках Н. Д. Гизетти, Жаклары в Петербурге очень сблизилась с семьей Бартевых, бывали друг у друга. При Жакларе после смерти его жены остался сын Юрий, которому в это время уже было 19 лет. Судьба Жакларов не могла не интересовать Екатерину Григорьевну. Жаклар, как видно из «заклучения» прокурора Петербургской судебной палаты по делу Екатерины Григорьевны и ее сына от 28 февраля 1891 г., участвовал в марксистском парижском рабочем конгрессе 1889 г. Вероятно, Жаклар познакомил ее с Клемансо, принадлежавшим к числу его друзей. О встрече Екатерины Григорьевны с Клемансо в 1889 г. мы имеем прямое указание в воспоминаниях ее сына Г. В. Бартева. В издававшейся Клемансо с 1880 г. газете «Ля Жюстис» Екатерина Григорьевна напечатала перевод двух рассказов Салтыкова-Щедрина «Митя и Ваня» и «Утро помещика», ярко рисующих крепостной быт. Рассказы эти очень понравились французской публике, хотя сам Щедрин, которому был также известен факт перевода его рассказов Екатериной Григорьевной, выражал большое сомнение в возможности их успеха среди французов.⁴⁴

Мы знаем также, что в I конгрессе II Интернационала участвовал П. Л. Лавров, старый приятель Екатерины Григорьевны по Парижской Коммуне, и, конечно, она встречалась в 1889 г. и с ним. Встречалась Екатерина Григорьевна на конгрессе и с членами польской делегации — знакомыми ей Станиславом Мендельсоном, одним из крупнейших деятелей социал-демократического движения в Польше, и его женой Марией Янковской, выступавшей на конгрессе от имени Социалистического рабочего комитета в Варшаве.⁴⁵

⁴² См. некролог Екатерины Григорьевны, написанный А. Е. Кауфманом в «Историческом вестнике» (1914, № 10, стр. 339—340).

⁴³ В «Новостях» за 1889 г. я нашел три корреспонденции о выставке за подписью «Б.», с подзаголовком «От нашего корреспондента». Дальнейшие корреспонденции о выставке идут за подписью «А. Ф.». Скрывается ли за этими инициалами все та же Екатерина Григорьевна или другое лицо, не удалось установить. В № 193 «Новостей» от 10—23 июля корреспонденцию о женском конгрессе она подписала инициалами «Е. Г.».

⁴⁴ Сообщено мне устно А. М. Рерько.

⁴⁵ См. отчет «Международный рабочий социалистический конгресс в Париже» за подписью «Новый товарищ» в журнале «Социал-демократ» (Лондон, 1890, кн. 1, стр. 27).

⁴¹ Всемирная выставка. «Новости», 1889, 3 (15) июля, № 180.

Из факта привлечения Екатерины Григорьевны к дознанию по делу террористического кружка Софьи Гинзбург, по записям, обнаруженным при обысках эмигрантов в Париже,⁴⁶ и из «Записки» Екатерины Григорьевны, адресованной директору Департамента полиции П. Н. Дурново в 1891 г., можно заключить, что русская полиция ставила ей в вину встречи на рабочем конгрессе с революционером Мендельсоном, представителем польской социалистической партии «Пролетариат», и с его женой, тоже революционеркой, известной под псевдонимом Янковской. От близкого знакомства с Мендельсоном Екатерина Григорьевна в «Записке» отрекается. Она утверждает также, что знает Янковскую только как переводчицу на французский язык комедий Островского и что «Янковская вполне светская женщина». Екатерина Григорьевна пишет, что не слышала, чтобы Янковская принадлежала к тайному сообществу. Понятно, что нельзя верить всему, что пишет Екатерина Григорьевна директору Департамента полиции. Она и о себе говорит в этой «Записке», что никогда в жизни ни в каких тайных обществах не участвовала, рассчитывая на то, что никакими доказательствами этого русская полиция не располагает.

«Записка», адресованная Дурново, и «дело» Екатерины Григорьевны и ее старшего сына интересны тем, что в них выясняются такие факты о ее участии в I конгрессе II Интернационала, о которых мы нигде в другом месте никаких данных не нашли.⁴⁷

Прежде всего из этих документов видно, что Екатерина Григорьевна была одним из секретарей I конгресса II Интернационала под именем «Артемовой». Сама Екатерина Григорьевна пишет об этом следующее: «Секретарство мое на этом конгрессе было делом случайным. В бюро находилось несколько журналистов, они заметили меня за столом представителей печати и просили помочь в деле составления протоколов, так как у них не было ни одного стенографа. К тому же я хорошо владела французским языком и обладала знаниями по политической экономии. На конгрессе же важное значение имели эти знания. . . Секретарство я приняла с удовольствием, так как оно давало мне возможность близко изучить ход дела и ознакомиться с содержанием документов, которые по обширности своей не могли быть прочитаны на конгрессе. Некоторые из этих документов представляли целые статистические сбор-

⁴⁶ См. указанный выше полицейский «Обзор» (стр. 148) и указанное выше «Дело», № 10810.

⁴⁷ Отмечу кстати, что на свой запрос в Централхив в 1929 г. насчет хранящихся там документов об Екатерине Григорьевне Бартеневой, я получил ответ, что таких документов нет. Между тем я сам нашел в «делах» III отделения 1871 г. приведенную выше переписку с Бартеневой, оставшуюся сотрудникам Централхива неизвестной. В Департаменте полиции в 1889—1891 гг. был также ряд донесений о Екатерине Григорьевне в связи с ее участием в первом конгрессе II Интернационала. По указанию Н. Л. Сергиевского, я нашел в архивном фонде бывшего Министерства юстиции «дело» Екатерины Григорьевны и ее сына.

ники в 500 и более страниц in quarto. Этот конгресс был, так сказать, грандиозным *enquete*⁴⁸ положения рабочего класса в Европе и не мог не интересовать не только публициста и ученого, но и государственного деятеля. Будучи знакома с жизнью и историей европейских государств, я не могла не интересоваться такими крупными явлениями».

Нельзя думать, что назначение Екатерины Григорьевны секретарем конгресса было «случайным», как она его квалифицирует для полиции, и что она ограничивалась «чисто профессиональной литературной ролью», как она пишет в той же «Записке» в другом месте. Мы пропускаем целый ряд замечаний Екатерины Григорьевны, где она подчеркивает легальность и невинность занятий конгресса, уверяя Дурново, что «предметом его занятий было улучшение материального положения рабочих посредством законодательных мероприятий, то есть, та самая программа, которая выставлена была позднее германским императором». Все это, очевидно, писалось Екатериной Григорьевной для своего оправдания в глазах полиции.

Из той же «Записки» узнаем, что двое русских передали через Екатерину Григорьевну заявление конгрессу от русских рабочих. Это было приветствие конгрессу. По словам Екатерины Григорьевны, эти двое русских были ей неизвестны и обратились к ней на второй день конгресса после того, как видели ее за секретарским столом: они просили принять заявление не.ее, а Лафарга. В этом самооправдании Екатерины Григорьевны, очевидно, также много уклонений от истины. Мы узнаем из статьи Василия Семеновича Голубева, одного из первых основателей петербургских социал-демократических групп, что еще весной 1889 г. он знал, что на Международной социалистической конгресс в Париж «едет одна старая русская социалистка, писательница Екатерина Григорьевна Бартенева». В разговоре с нею по поводу этого конгресса, сообщает далее В. С. Голубев, явилась «мысль послать конгрессу приветствие и от русских рабочих»: «Я сообщил об этом своим знакомым рабочим, которые встретили эту мысль с большим сочувствием. . . Дело это, однако, в Петербурге не выгорело». Причиной этого явилось признание, что посылка адреса может повредить рабочим. «Посылка приветственного адреса с „крестами вместо подписей рабочих состоялась от харьковских рабочих».⁴⁹ Именно этот адрес от харьковских рабочих передала Екатерина Григорьевна через Лафарга конгрессу, и это было ей поставлено в вину полицией.⁵⁰ Прокурор Петербургской судебной палаты

⁴⁸ Исследованием (франц.).

⁴⁹ Вас. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 109.

⁵⁰ Как говорил мне Н. Л. Сергиевский, он слышал, что в 1889 г. Екатерина Григорьевна в Петербурге сама агитировала среди рабочих за посылку ими адреса марксистскому конгрессу. И. Веденев в своих воспоминаниях «В Харь-

в своем заключении по делу Екатерины Григорьевны и ее сына от 28 февраля 1891 г. указывает, что Артемова-Бартенева на конгрессе «пыталась выступить в качестве уполномоченной от группы 53 рабочих из России и что русские эмигранты, принимавшие на конгрессе участие в качестве представителей русских революционных изданий, отказались утвердить это полномочие, так как Артемова не пожелала назвать местности, откуда полномочие прислано». Для нас понятно, что Екатерина Григорьевна, боясь повредить рабочим Харькова, не назвала города, откуда получила мандат на рабочий конгресс, но совершенно непонятно, почему П. Л. Лавров и Жаклар, участвовавшие в конгрессе и хорошо знавшие Екатерину Григорьевну, не могли убедить русских участников конгресса, что отказ ее «назвать местность, откуда полномочие прислано», имеет веские основания и потому полномочие ее должно быть признано. Однако, отказав Екатерине Григорьевне в признании ее мандата, конгресс пригласил ее для работы в свой секретариат.

В своей корреспонденции в «Новостях» от 16 июля 1889 г. Екатерина Григорьевна пишет, что присутствовала и на женском конгрессе в Париже, на котором от русских женщин были Софья Ковалевская, Каптерева и московская оперная певица Святловская. В статье «Евгения Ивановна Конради» в № 1 «Женского дела» за 1899 г. Екатерина Григорьевна пишет, что участвовала в предварительных совещаниях по подготовке доклада о женском движении в России на женском конгрессе и была на конгрессе по народному образованию под председательством Жана Маса.

Как видно из статей Екатерины Григорьевны, напечатанных в 1893 г. в «Русском богатстве» (№ № 5 и 8) под заглавием «Картинки парижской жизни. (Из записной книжки туристки)» под псевдонимом «Мария Прокофьева», она встречалась в Париже в 1889 г. с Шарлем Рише и беседовала с ним о теософии и угадывании мыслей, к которым она сама относилась отрицательно, но которые были очень модны в то время среди буржуазии; затем она встретила с одним русским иезуитом, с редактором журнала по женскому движению Жюльетой Адан и с героиней Коммуны Луизой Мишель.⁵¹ Об условиях жизни и о деятельности Луизы Мишель Екатерина Григорьевна сообщает интересные подробности.

По словам М. Л. Лихтенштадт, Екатерина Григорьевна подружилась в это время с подругой Луизы Мишель — Тенар и с бывшим членом Коммуны Вайяном.

ковских революционных кружках 1882—1889 гг.» («Летопись революции», Харьков, 1923, № 5, стр. 103) рассказывает, что известная харьковская деятельница Х. Д. Алчевская, бывшая летом 1889 г. тоже в Париже, привезла харьковским рабочим приветствие от французских рабочих. По-видимому, это приветствие имело связь с адресом Парижскому рабочему марксистскому конгрессу от харьковских рабочих.

⁵¹ Свое свидание с Луизой Мишель Екатерина Григорьевна описывает в «Русском богатстве» (1893, № 8, стр. 134—142).

А. Е. Кауфман в некрологе, посвященном Екатерине Григорьевне, упоминает, что на обратном пути из Парижа в Россию она была в Австро-Венгрии. По-видимому, на конгрессе и во время своего пребывания в Вене Екатерина Григорьевна сблизилась с Виктором Адлером, который был одним из основателей австрийской социал-демократии (в 1888 г.), и его женой Эддой.⁵² С 1889 г. Виктор Адлер начал издавать в Вене центральный орган австрийской социал-демократической партии «Арбайтер-Цайтунг» («Рабочую газету»), и для нее, по словам Г. В. Бартенева, Екатерина Григорьевна писала впоследствии анонимные корреспонденции из России о рабочем и студенческом революционном движении. Действительно, в газете Адлера начиная с 1890 г. имеется ряд статей о русском рабочем и студенческом движении без подписи. По-видимому, это и есть статьи Екатерины Григорьевны.⁵³ Упомянув глухо в своей «Записке» Дурново о «писании корреспонденции в иностранных газетах», она имеет, вероятно, в виду и свои корреспонденции в газете Адлера. «Органы, в которых я участвовала, поименованы в показании», — добавляет Екатерина Григорьевна. По-видимому, некоторые из ее корреспонденции во французские и австрийские социалистические газеты были перехвачены русской полицией и поставлены в вину Екатерине Григорьевне, так что она вынуждена была дать по поводу их объяснение.

Действительно, из рапорта петербургского прокурора судебной палаты министру юстиции от 12 февраля 1891 г. мы видим, что во время обыска у Екатерины Григорьевны 13 декабря 1890 г. у нее нашли, кроме социалистических книг, вырезки из иностранных газет «Ля Батай», «Ля Жюстис» и «Арбайтер-Цайтунг», в которых говорилось о студенческих беспорядках 1890 г. в Москве и Петербурге, о сопротивлении политических на Каре, о Парижском рабочем конгрессе и о смерти Чернышевского. Из писем администрации венской «Арбайтер-Цайтунг» и пештской «Арбайтер-Вохен-Хроник» видно, что Екатерина Григорьевна писала корреспонденции в обе газеты. Из «Ведомости высочайшим повелениям, последовавшим в 1891 г. Часть I, Дело № 38 о дворянах Викторе и Екатерине Бартеневых», видно, что при обыске у Екатерины Григорьевны нашли, кроме упомянутых книг, газетных вырезок и писем, еще рукопись, трактующую о значении издававшейся в Женеве газеты «Народное дело», заметки о лицах, осужденных по делу 1 марта 1887 г., отчет о деле Софьи Гинзбург и обширную переписку с редакциями газет «Арбайтер-Цайтунг», «Арбайтер-Вохен-Хроник» и «Пестер Ллойд». Но на допросе она отрицала

⁵² О дружбе с ними Екатерины Григорьевны в последующие годы говорили мне Г. В. Бартенев и М. Л. Лихтенштадт.

⁵³ См.: Я. И. Штернберг. Е. Г. Бартенева и связи брусневской организации с венгерской социал-демократией. «История СССР», 1964, № 4.

свое сотрудничество в этих газетах и призналась лишь в том, что писала в парижских «Ля Жюстис», «Ле Суар» и «Ля Батай», а из русских органов печати — в «Отечественных записках», «Живописном обозрении», «Одесском листке», «Новостях», «Деле», «Северном вестнике» и др. Из найденного при обыске у Екатерины Григорьевны письма одного нью-йоркского социалиста видно, что она имела связь и с социалистическим движением Нью-Йорка.

По словам Г. В. Бартенева, Екатерина Григорьевна была близко знакома и с Бебелем, вождем германской социал-демократии.⁵⁴

IV. ПРОПАГАНДА СРЕДИ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ.

ССЫЛКА В ПСКОВ (1890—1898 гг.)

Уже то обстоятельство, что весной 1889 г. у петербургских рабочих явилась мысль послать через Екатерину Григорьевну приветствие марксистскому конгрессу II Интернационала 1889 г. и что директор Департамента полиции ставил ей в вину передачу заявления Международному рабочему конгрессу от русских рабочих, заставляет думать, что и до 1889 г. у Екатерины Григорьевны были какие-то связи с петербургскими рабочими. Но никаких прямых указаний на это в других источниках нет. Впервые находим об этом определенные сведения лишь начиная с 1889 г.

Михаил Иванович Бруснев, основатель одной из петербургских социал-демократических групп (осенью 1889 г.), в своей статье «Возникновение первых социал-демократических организаций»⁵⁵ и в личной беседе со мною 2 мая 1929 г. сообщил ряд фактов по интересующему нас вопросу.

М. И. Бруснев был в 1889 г. на предпоследнем курсе Технологического института в Петербурге, куда он поступил в 1885 г. У технологов были связи с рабочими кружками. Осенью 1889 г. начались занятия с рабочими, объединенными в кружки по 8—10 человек. Зимой 1889/90 г. насчитывалось около 20 кружков для подготовки пропагандистов и параллельно с ними ряд кружков второго порядка, где руководителями рабочих были сами рабочие, уже прошедшие выучку в кружках первого порядка, руководимых

интеллигентами, по преимуществу студентами.⁵⁶ Старший сын Екатерины Григорьевны Виктор Викторович Бартнев, в то время студент университета, также имел связи в рабочей среде,⁵⁷ и он-то познакомил М. И. Брусневу со своей матерью, которую последний потом встречал более года на Песках, где Бартневы жили в деревянном домике. Бывал тогда у Бартневых и В. С. Голубев. Лев Борисович Красин, который, будучи тогда студентом, тоже был знаком с В. В. Бартневым, в своих воспоминаниях относит деятельность В. В. Бартнева и В. С. Голубева в социал-демократическом кружке Технологического института, где участвовали Бруснев, Цивинский, Баньковский, Бурачевский, к 1888—1889 гг., т. е. к более раннему времени, чем указывает Бруснев.⁵⁸ Если принять во внимание упомянутый выше рассказ В. С. Голубева о намерении петербургских рабочих еще весной 1889 г. послать через Екатерину Григорьевну адрес Парижскому марксистскому конгрессу Интернационала, то придется признать, что у Бартневой установилась связь с рабочим через ее старшего сына еще до знакомства с ней Брусневу. По словам старого рабочего-печатника А. Е. Карелина, В. С. Голубев приводил Екатерину Григорьевну в кружок печатников еще в начале 1889 г.⁵⁹

С осени 1890 г. сеть рабочих кружков Петербурга была перестроена так, что каждый кружок и первого и второго порядка имел своего руководителя из рабочих. При каждом кружке была учреждена местная касса из взносов рабочих. Из кружковой кассы делались ежемесячные отчисления в центральную кассу при Центральном комитете рабочих кружков. Остальные деньги тратились на книги, на помощь участникам стачек и т. п. Во главе всей организации был комитет, в который входили представители рабочих от районов и один представитель от интеллигентов. Первым представителем от интеллигентов в комитете был В. С. Голубев, а после его ареста в 1890 г. — М. И. Бруснев. В центральной кассе при комитете бывало по несколько тысяч рублей, так как, кроме отчислений от кружковых касс, в нее притекали доходы и от лотерей, спектаклей, пожертвований и т. п. Хранить эти деньги рабочим и студентам было неудобно и опасно, и потому центральная касса хранилась у Екатерины Григорьевны Бартневой. По словам М. И. Бруснева, и Екатерина Григорьевна, и ее муж, и

⁵⁴ А. Е. Кауфман в указанном выше некрологе Екатерины Григорьевны говорит и о ее дружбе с Лассалем. Но это явная ошибка, ибо Лассаль умер в 1864 г., до поездки Екатерины Григорьевны за границу.

⁵⁵ См.: «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14). См. также: Р. А. Казакевич. 1) Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х—начала 90-х годов. (Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Изд. ЛГУ, 1960; 2) Программные положения и политические взгляды группы Бруснева. «Вестник ЛГУ», 1959, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 18—30.

⁵⁶ О 20 рабочих кружках говорит и В. С. Голубев в статье «Страничка из истории рабочего движения» (стр. 113), но он относит их к весне 1890 г. и насчитывает в каждом кружке по 6—7 человек.

⁵⁷ Это подтверждается и указанием В. В. Бартнева, что к рабочим он стал ходить еще весной 1887 г. для просветительской пропаганды, а осенью 1890 г. вступил в рабочую группу. См.: В. Б.—В. Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 190—195.

⁵⁸ См.: Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. Сб. «Л. Б. Красин», ГИЗ, М., 1928, стр. 106.

⁵⁹ Сообщено мне А. Е. Карелиным 6 июня 1929 г.

старший сын сочувствовали социал-демократам. Екатерина Григорьевна вела занятия в женском рабочем кружке. В одном из этих кружков была молодая ткачиха Вера Марковна, вышедшая впоследствии замуж за бывшего народовольца, рабочего-печатника Алексея Егоровича Карелина.⁶⁰

Работа Екатерины Григорьевны длилась с осени 1890 до осени 1891 г. и заключалась в руководстве ею, по поручению Центрального комитета петербургских рабочих кружков, первым женским рабочим кружком социал-демократического направления, а также мужским рабочим кружком. Женский кружок помещался на Петербургской стороне, на Газовой улице, в доме 34, во дворе, в квартире, которую занимали домашняя портниха Наталья Александровна Григорьева⁶¹ и две тогда еще молодые работницы, Вера Марковна Карелина и Анна Гавриловна Гаврилова, работавшие ткачихами на Новопрядильной фабрике на Обводном канале. Так как в переднем доме, выходявшем окнами на улицу, помещался публичный дом с красным фонарем, куда ходило много мужчин по вечерам, то квартира во флигеле была в конспиративном отношении очень удобной для занятий мужского кружка. Пропагандисты и члены кружка могли проникать в дом, ни у кого не привлекая внимания. В этой квартире хранились и нелегальные книжки, а по праздникам устраивались нелегальные собрания рабочих и работниц, которые маскировались под вечеринки по случаю чьих-нибудь именин.

Екатерина Григорьевна читала в кружке некоторые из популярных экономических работ Маркса, статьи Писарева, Чернышевского, Шелгунова («Пролетариат во Франции и в Англии»), народовольческий календарь с портретами и биографиями русских революционеров, письмо Цебриковой к Александру III и т. п. Кроме этой политической литературы, читались книги по естествознанию (например, Фламариона, Рубакина), причем в связи с прочитанным давались объяснения антирелигиозного характера. Читались также некоторые статьи из журнала «Неделя» Гайдебу-

⁶⁰ Зная о занятиях Екатерины Григорьевны с рабочими и со слов Н. Л. Сергиевского, слышавшего об этом от Карелиных, я обратился в 1929 г. за подробностями к В. М. Карелиной, старой петербургской работнице, жившей в то время на пенсии в Ленинграде. Она сообщила мне целый ряд сведений о пропаганде Екатерины Григорьевны в женском кружке и, кроме того, указала еще на ткачиху Анну Гавриловну Гаврилову, по мужу Болдыреву, другую участницу того же кружка, жившую также на пенсии в Москве. Повидав в Москве А. Г. Болдыреву и сопоставив ее рассказ с рассказом В. М. Карелиной и с некоторыми другими материалами, я получил сведения о работе Екатерины Григорьевны среди петербургских работниц.

⁶¹ Н. А. Григорьева была потом представительницей от рабочих Выборгского района в ЦК рабочих кружков. В 1894 г. она была арестована и сослана в Восточную Сибирь. См. о ней: М. С. Александров (Ольминский). Группа народовольцев (1891—1894). «Былое», 1906, № 11, стр. 1—27. А. Г. Болдырева и В. М. Карелина говорят о Глазовой улице, но на Петербургской стороне была и есть только Газовая улица, на которой был газовый завод-

рова. Но чаще всего Екатерина Григорьевна на занятиях рассказывала о том, что знала и видела из жизни рабочих за границей, воспитывая в членах глубокие чувства интернационализма и сознание человеческого достоинства рабочего. Она заставляла членов кружка самих разбираться в прочитанном.

Одновременно Екатерина Григорьевна занималась и с другим кружком, состоявшим из организаторов-пропагандистов и помогавшимися на Сивковской улице, около Забалканского проспекта (теперь Московский). В этот кружок входили три женщины — Вера Марковна и ее две подруги, а также девять мужчин: Гавриил Александрович Мефодьев, рабочий мастерских Варшавской железной дороги; Николай Дементьевич Богданов и Александр Филимонов, оба слесари; Егор Афанасьев (он же Климанов), кузнец из Экспедиции заготовления государственных бумаг; Федор Афанасьевич Афанасьев (по кличке «Отец»), ткач из Калининской фабрики; Василий Андреевич Шелгунов, слесарь; Владимир Фомин, токарь с Балтийского завода; Владимир Прошин с Резиновой мануфактуры; Яков Иванов, печатник из типографии Эйлерса. Все мужчины входили в организаторский кружок, и у них уже были и свои кружки.

По словам А. Ё. Карелина,⁶² Екатерина Григорьевна начала заниматься с мужским кружком не одновременно с женским, а на год раньше, в 1889 г., и кружок этот состоял из семи человек, причем одних печатников (Яков Иванов, Алексей Сипанов, Александр Кузнецов, Шилов и др.). Тот же А. Е. Карелин считает возможным, что Екатерина Григорьевна возглавила другие кружки рабочих, например на Резиновой мануфактуре, но вероятнее, что с одним мужским рабочим кружком она занималась в 1889 г. (по-видимому, недолго, так как она в этот год 2 раза ездила за границу), а с другим — в 1890 г.

Члены кружка встречались с Екатериной Григорьевной только во время занятий и ради конспирации на улице притворялись незамечающими друг друга. Настоящего имени и фамилии Екатерины Григорьевны женский кружок не знал и звал ее по псевдониму — «Софья Александровна» (по словам Карелиной) или «Софья Алексеевна» (по словам Болдыревой). В. М. Карелина только в последнее время узнала, что занимавшаяся с ее кружком «Софья Александровна» была Екатериной Григорьевной Бартеневой.⁶³

По словам В. С. Голубева,⁶⁴ в феврале и марте 1891 г., когда Н. В. Шелгунов сильно заболел и к нему ходили выразить собо-

⁶² В личной беседе со мной.

⁶³ В своих воспоминаниях «На заре рабочего движения в С.-Петербурге», напечатанных в «Красной летописи» (1922, № 4, стр. 13), она называет «Софью Александровну» женой М. С. Александрова-Ольминского. Между тем последний на мой запрос ответил, что с Екатериной Григорьевной он не был знаком.

Вас. Голубев. Страничка из истории рабочего движения, стр. 105—121.

лезнование депутации от студентов и от литераторов, петербургские рабочие, читавшие его статьи о пролетариате Франции и Англии, обратились к Екатерине Григорьевне, хорошо знавшей семью Шелгунова, с просьбой, чтобы она узнала, согласится ли Шелгунов принять депутацию от рабочих. Шелгунов был очень обрадован желанием рабочих его приветствовать. По словам же М. И. Бруснева, сама Екатерина Григорьевна подала рабочим идею чествования Шелгунова и присутствовала при поднесении ему рабочими адреса,⁶⁵ составленного В. С. Голубевым и другими членами ЦК рабочих кружков. Депутация рабочих произвела на Шелгунова очень сильное впечатление. В апреле того же года, когда Шелгунов умер, рабочие участвовали в его похоронах.

Накануне 1 мая 1891 г., по словам А. Е. Карелина и М. И. Бруснева, Екатерина Григорьевна рассказывала членам ЦК рабочих кружков Петербурга о праздновании 1 Мая за границей, так как праздник этот был установлен лишь на Международном рабочем конгрессе 1889 г. при Екатерине Григорьевне.

Летом 1891 г. М. И. Бруснев по окончании Технологического института уехал в Москву с рекомендательным письмом от Екатерины Григорьевны к левому писателю Астыреву.⁶⁶ После отъезда М. И. Бруснева у Бартеневых по делам ЦК рабочих кружков часто бывал его преемник — Егор Афанасьевич Афанасьев (он же Климанов и Бубнов).

Вскоре В. В. Бартенев и В. С. Голубев, по словам М. И. Бруснева, были выданы рабочим-электротехником Петровским (настоящая его фамилия — Окладский), оказавшимся провокатором. В. В. Бартенев был сослан в Обдорск сроком на 4 года, а В. С. Голубев — в Иркутскую губернию на 5 лет.

⁶⁵ Адрес петербургских рабочих Н. В. Шелгунову напечатан в 6-м выпуске «Рабочей библиотеки» (Женева, кн. I, 1892) и перепечатан в «Былом» (1906, № 12, стр. 120—121) и в «Красном архиве» (1924, т. 6, стр. 260—262).

⁶⁶ Писатель Н. М. Астырев (1857—1894), бывший студент Петербургского института путей сообщения, ходил «в народ»; по рекомендации Глеба Успенского принят был в начале 1883 г. в волостные писаря в Орловское волостное правление Воронежской губернии, где он занимался «служением народу»; о своих деревенских впечатлениях написал ряд статей в «Вестнике Европы», часть которых в 1886 г. вышла отдельной книжкой под заглавием «В волостных писарях» (2-е издание вышло в 1895 г.); затем заведовал статистическим бюро в Иркутске, был статистиком городской управы в Москве и там же работал по статистике в Юридическом обществе. В апреле 1891 г. Департамент полиции получил о нем путем перлюстрации писем сведения, что он находится в сношениях с Екатериной Бартевной, привлеченной к дознанию, причастен к «Редакционно-издательскому кружку», отлитографировавшему брошюре П. Л. Лаврова о Софье Ковалевской — «Русская развитая женщина», обещал внести 500 рублей на революционные цели и т. п. 1 февраля 1892 г. у него был произведен первый обыск, а в начале апреля — второй, во время которого найдено много прокламаций. Астырев был арестован, приговорен к двум годам тюрьмы и затем к ссылке в Вологодскую губернию, но еще до отправки в ссылку, 3 июня 1894 г., умер. См.: Л. П. М е я щ и к о в. Охрана и революция, ч. I. М., 1925, стр. 131—137.

По словам В. Э. Классена, арест старшего сына Бартевной Виктора произошел вследствие того, что в его кружок, собиравшийся на квартире Екатерины Григорьевны и изучавший политическую экономию по Марксу, попал провокатор — студент Квицинский. Екатерина Григорьевна, заподозрив Квицинского, убеждала сына остерегаться его, но он ее не слушал. Между тем вскоре именно этот Квицинский выдал участников кружка полиции.

Но еще раньше сына привлечена была к дознанию по делу Софьи Гинзбург сама Екатерина Григорьевна. Департаментом полиции ей были поставлены в вину, как можно судить по «Записке», составленной Екатериной Григорьевной для Дурново, присутствие ее в качестве секретаря на рабочем конгрессе в Париже в 1889 г., писание корреспонденции в иностранных газетах и нахождение ее адреса в записной книжке эмигранта Мендельсона.

По -видимому, за Екатерину Григорьевну хлопотал старший брат ее мужа, сенатор (цивилист IV гражданского кассационного департамента Владимир Иванович Бартенев), так как в своей «Записке» для Дурново она упоминает, что брат ее мужа сообщил ей, что Дурново находит ее «дело» довольно серьезным и требующим более подробного объяснения, чем то, которое она дала в своих показаниях на допросе. Вследствие этого Екатерина Григорьевна и написала 16 апреля 1891 г. «Записку» Дурново, которая не раз уже цитировалась выше. В «Записке» она рисует себя исключительно как литераторшу и семьянину, озачиненную заработком для своей семьи и далекую от всех обществ, не только тайных, но и дозволенных. Она утверждает, что всегда полагала, что ее личность «стоит выше подозрений», и что «высшее начальство» введено на ее счет «в заблуждение». По-видимому, и в глазах Дурново Екатерина Григорьевна по своему положению и возрасту не казалась активной революционеркой, но все же опасной, как относящаяся враждебно к существующему строю и готовая помочь подпольным агитаторам. Поэтому он считал нужным удалить ее из Петербурга и других центров революционного движения.

По высочайшему повелению от 23 мая 1891 г. она была отдана под гласный надзор полиции на 4 года в избранном ею месте жительства — вне столиц, столичных губерний, университетских городов, Тверской губ. и Нижнего Новгорода. Екатерина Григорьевна избрала местом жительства Псков, где прожила до конца августа 1898 г.⁶⁷

⁶⁷ Из «дела» Екатерины Григорьевны и ее сына видно, что 24 марта 1891 г. министр юстиции определил подчинить Екатерину Григорьевну «гласному надзору полиции на 4 года с воспрещением проживания в столицах, столичных губерниях и местностях, объявленных в положении усиленной охраны»; 23 мая 1891 г. по «всеподданнейшему» докладу царь повелел разрешить дело Екатерины Григорьевны «административным порядком», а 20 января 1895 г. про-

По словам Г. В. Бартенева, Псков в 1891 г. был таким далеким от политики городом, что полицмейстер, получив под свое почтение «политическую даму», как он выражался, решил, что это его не касается, и на очередной запрос Департамента полиции о поведении Екатерины Григорьевны ответил, что «Бартенева, кажется, выехала в Орел». Департамент полиции забил тревогу, но оказалось, по точным справкам, что Екатерина Григорьевна продолжала жить безвыездно в Пскове. Местная интеллигенция сначала побаивалась знакомиться с политической ссыльной, но мало-помалу знакомства завязались. К тому же стали появляться в Пскове и другие политические, тоже сосланные в Псков или отбывшие ссылку в Сибири и вследствие запрещения жить в Петербурге поселявшиеся по своей воле в Пскове, недалеко от столицы.

Жила Екатерина Григорьевна в Пскове все время только с младшим сыном Германом, который учился там в реальном училище. Муж ее остался в Петербурге и только несколько раз приезжал ее проведать. Старший сын Виктор Викторович был сослан в Обдорск и приехал в Псков в 1895 г. Средний сын ее Григорий Викторович с 6 августа 1890 г. служил в отделении Государственного банка в Самарканде.⁶⁸ С 1900 г. Григорий Викторович «сел на землю» на Кавказе, где, женившись вторично, занялся огородничеством и садоводством.

О своей жизни в Пскове Екатерина Григорьевна писала 23 июля 1898 г. К. Ц. Порозовой: «Здесь много пришлось пережить и перечувствовать за 7 лет, пришлось кое-чему научиться, лицом к лицу встретиться с провинциальной жизнью, дотоле мне знакомой только по книгам. Пришлось встретить хороших друзей и по мере сил помогать им в добрых начинаниях».

Часто Екатерина Григорьевна приводила к себе домой с базара крестьянок, которые, сидя с ней за самоваром, рассказывали о своих женских горестях. Бывало у нее много народа и из интеллигенции. Екатерина Григорьевна отлично играла на рояле, часто сопровождая А. Я. Старостиной, недурно певшей.

Особенное оживление в квартиру Екатерины Григорьевны внес приезд из обдорской ссылки ее старшего сына Виктора.⁶⁹

Тогдашний товарищ младшего сына Екатерины Григорьевны Германа, будущий инженер В. Э. Классен, знавший Екатерину

курор Петербургской судебной палаты был извещен, что по «высочайшему» манифесту 14 ноября 1894 г. она освобождена от гласного надзора полиции. Екатерина Григорьевна осталась жить в Пскове после окончания гласного надзора, по-видимому, по собственной воле, вследствие захватившей ее в Пскове общественной работы.

⁶⁸ Его дочь Е. Г. Смирнова писала мне 27 июля 1963 г., что она, тогда еще ребенок, вместе с отцом приехала и жила у бабушки в Пскове довольно продолжительное время.

⁶⁹ См.: К. Иеропольский. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Е. Г. Бартеневой, стр. 180.

Григорьевну с тех пор до самой ее смерти, делит ее жизнь в Пскове на два периода: первый, продолжавшийся года три, когда она жила замкнуто, занимаясь исключительно переводами, и второй, когда Екатерина Григорьевна стала центральной фигурой и для местной прогрессивной интеллигенции, и для политических ссыльных, а дом ее — своего рода политическим салоном.

В 1892 г. в Петербурге в изданий Л. Ф. Пантелеева, предпринятом по совету П. Л. Лаврова,⁷⁰ вышел в русском переводе первый том книги французского социолога Ж. Сореля «Европа и французская революция», а затем вплоть до 1908 г. и остальные семь томов этого монументального труда. Огромную работу по переводу этого труда выполнила одна Екатерина Григорьевна, между тем инициалы ее имени не обозначены на этих книгах, над которыми она работала более 6 лет. Что именно ей принадлежит этот перевод, мы знаем только из двух некрологов, посвященных Екатерине Григорьевне, и со слов М. Л. Лихтенштадт и Л. С. Макарьевой.⁷¹

Оживление о общественной жизни в Пскове началось особенно с 1895 г., когда, по словам Г. В. Бартенева, псковское губернское земство завело статистическое бюро и в Псков приехали для работы статистики А. А. Николаев, Н. М. Кисляков, П. А. Блинов, позднее В. А. Оболенский, А. М. Стопани и П. Ф. Лопатин. Тогда революционеры стали использовать земские учреждения для пропаганды, сажая подпольщиков на места фельдшеров или земских учителей. К этому времени в Пскове поселились и бывшие ссыльные: муж и жена Чернецкие, В. С. Турковский, П. А. Красиков, старый знакомый Екатерины Григорьевны В. С. Голубев и старший ее сын В. В. Бартенев. Позднее поселились в Пскове Л. Н. Радченко, А. Н. Потресов и Н. Л. Сергиевский. К той же группе принадлежали и доктор Горошков, женатый на сестре П. Ф. Лопатина, Александров, Серeda, муж и жена Старостины и местный житель Н. Н. Лохов, редактор «Рабочей мысли.»⁷²

Общение со всеми этими лицами наполнило жизнь Екатерины Григорьевны в Пскове новым содержанием, позволило ей удовле-

⁷⁰ См.: Л. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Сб. «П. Л. Лавров», изд. «Колос», Игр. 1922, стр. 434.

⁷¹ Укажем кстати, что Екатерине Григорьевне принадлежит также статья за подписью «Е. Б—ва» в «Северном вестнике» за 1910 г. (№ 10, стр. 91—104) — «Новые материалы к биографии Фердинанда Лассаля» и художественный перевод книги знаменитого немецкого юмориста Жана Поля Рихтера «Цветы, плоды и шипы, или Брачная жизнь, смерть и свадьба адвоката бедных Сибенкейза» (ею же составлен очерк жизни и литературной деятельности автора), а также перевод вместе с М. Л. Лихтенштадт «Арабских сказок». Оба перевода были напечатаны в «Новом журнале иностранной литературы» Булгакова (сообщено мне в письме Г. В. Бартеневым).

⁷² А. В. Гурова в своих «воспоминаниях», «А. М. Стопани в Пскове» («Красная летопись», 1933, № 1 (62), стр. 111—114) указывает, что в 1896 г., когда она проживала в Пскове, Екатерина Григорьевна была ее другом.

творить свою потребность в общественной деятельности. Она участвовала в создании в Пскове воскресной школы, общественной библиотеки и потребительского общества.

П. Ф. Лопатин, бывший довольно богатым человеком, пожертвовал на псковскую общественную библиотеку 20 000 рублей. В библиотеке этой была задняя комната, где под видом ревизионной комиссии по библиотеке собирались местные земцы и ссыльные. Раз в неделю, по средам, кроме того, собирались в доме П. Ф. Лопатина. А у Екатерины Григорьевны ссыльные и местные интеллигенты бывали каждый день, как в штаб-квартире.⁷³

Изредка ссыльные веселились, устраивали вечеринки с танцами. На этих вечеринках Екатерина Григорьевна, которой было уже за 50 лет, поражала подростка — дочь Старостиных своей чисто цыганской удалью, когда она танцевала мазурку. В. Э. Классен помнит ее в ту пору как прекрасную музыкантшу, певшую с изумительной экспрессией «Карманьолу».

Но больше всего в этом кругу занимались политическими разговорами и спорами. По словам старой народницы М. О. Шебалиной, жившей в Пскове в 1898 г., Екатерина Григорьевна была интересной рассказчицей. Н. Л. Сергиевский, живший в Пскове с 1897 г., слышал ее рассказы о Парижской Коммуне, о Лаврове и о многом другом, о чем точных воспоминаний у него не сохранилось. Но в центре тогдашних разговоров были разногласия между народниками и марксистами. Старший сын Екатерины Григорьевны Виктор Викторович, изучавший труды Маркса, разбиравшийся в различных социальных теориях и умевший обо всем прочитанном интересно рассказывать, был не раз докладчиком по наиболее животрепещущим темам. Между прочим, он уже тогда высоко ценил В. И. Ленина, угадывая в нем выдающегося революционного вождя. Н. Л. Сергиевский считал, что Екатерина Григорьевна была в это время революционной социалисткой в духе П. Л. Лаврова. По словам же В. Э. Классена, она была поклонницей Маркса и много о нем говорила. Характерно, что первые фотокарточки Маркса, впервые распространенные в России кружком Классена, были получены от Екатерины Григорьевны.

Во время пребывания Екатерины Григорьевны в Пскове за подписью «Е. Бартенева» были напечатаны в № 12 «Русского богатства» за 1896 г. ее статья «Жан Массе. Страничка из истории народного образования во Франции» и в № 11 «Нового слова» за 1897 г. очерк «В отеле средней руки», где Екатерина Григорьевна передает свои впечатления от встреч со средними буржуа в 1889 г. в парижской гостинице, где она тогда жила.

У. ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1898—1914 гг.)

В конце августа 1898 г. Екатерина Григорьевна переехала в Петербург, где жила, с небольшим перерывом в 1913—1914 г., до самой своей смерти.

Об этом 15-летнем периоде ее жизни сохранилось меньше всего сведений. 29 октября 1898 г. Екатерина Григорьевна писала одной своей приятельнице в Псков, что некоторые издатели предлагали ей писать народные книжки по истории, но цензурные условия таковы, что давать в них правильное освещение фактам нельзя, и она отказалась.⁷⁴

8 февраля 1899 г. по случаю акта в Петербургском университете, который студенты в тот год впервые хотели превратить в политическую демонстрацию, произошел ряд столкновений студентов с конной и пешей полицией. Приехавшего на рысаке начальника охранного отделения Пирамидова студенты чуть было не сбросили в Неву, где полиция еще с утра разрубила лед, чтобы не дать студентам возможности подойти к университету помимо оцепленных ею мостов. Но Пирамидову спасли жизнь два популярных профессора, убедившие студентов, что им не следует топить этого «мерзавца». Эскадрон конной полиции с шашками наголо напал на студентов, и часть студентов бросилась в Неву, где изрядно промокла. Среди участников боя с полицией были и тогдашние молодые студенты Герман Викторович Бартенев и В. Э. Классен, причем последний жестоко побил одного конного городского, запутавшегося в стремени и упавшего с лошади. Когда Классен и Герман Бартенев пришли, промокшие, на квартиру Бартеневых, живших тогда недалеко от места побоища студентов, на Зверинской улице, они узнали, что Екатерина Григорьевна тоже была на демонстрации и издали следила все время за своим сыном и его товарищем, чтобы подать им помощь в случае их ранения.

Екатерина Григорьевна не считала возможным отговаривать своего сына и его товарища от участия в демонстрации, которая могла кончиться для них трагически. Напротив, когда ее сын Герман потом высказывался против всяких революционных выступлений, Екатерина Григорьевна, по словам В. Э. Классена, с жаром говорила об их значении, стараясь внушить сыну понятие о неизбежности революции.

По словам того же В. Э. Классена, в 1904 г., когда во время либеральной «весны», возмущенной Святополк-Мирским, началась серия банкетов, на которых присутствовали и представители рабочих организаций, Екатерина Григорьевна на одном из этих бан-

⁷⁴ См.: К. Иеропольский. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Екатерине Григорьевне Бартеневой, стр. 182.

кетов, в доме Павловой на Троицкой улице, выступала как представительница рабочих.

Со слов Г. В. Бартенева мы знаем также, что Екатерина Григорьевна продолжала передавать сведения о русском революционном движении и о рабочих стачках в заграничную социалистическую печать, но делала это очень конспиративно, через одного американца в Петербурге, с которым связалась через Кеннана.

Во время революции 1905 г. Екатерина Григорьевна содействовала популяризации среди петербургских рабочих пролетарского гимна «Интернационал», который тогда еще впервые стал распеваться в России. Л. С. Макарьева сообщила мне, что, выступая под именем «Веры Петровны» в качестве социал-демократки на петербургских митингах в сентябре 1905 г., она пела «Интернационал» по нотам, которые Екатерина Григорьевна списала для нее из французского источника.⁷⁵

Об отношении Екатерины Григорьевны к революции 1905 г. рассказы знавших ее лиц расходятся. Н. Л. Сергиевский утверждает, что Екатерина Григорьевна была настроена революционно только до 1905 г., а после 1905 г. стала бояться народа и обвиняла большевиков, что они тянут народ бог весть куда. Но в то же время, по его словам, к народолюбцам она продолжала чувствовать уважение. Напротив, В. Э. Классен, впоследствии большевик, в качестве ученого инженера бывший в течение ряда лет одним из ближайших помощников В. И. Ленина по руководству работой Госплана, утверждает, что свое отношение к пролетарской революции он воспринял от Екатерины Григорьевны, которая учила его не пугаться «ужасов» революции и высоко ценить ее. Надо полагать, что прав в оценке политических взглядов Екатерины Григорьевны после 1905 г. именно В. Э. Классен, знавший ее гораздо ближе и дольше, чем Н. Л. Сергиевский, встречавший ее часто лишь в 1897—1898 гг. в Пскове.

По словам В. Э. Классена, Екатерина Григорьевна дала уже после 1905 г. правильную характеристику Н. Чайковского, именем которого был назван один из революционных кружков начала 70-х годов. Известно, что во время Октябрьской революции, т. е. уже после смерти Екатерины Григорьевны, Чайковский стал на сторону контрреволюции. По ее словам, это был очень милый, симпатичный человек, но очень плохой политик. Едва ли Екатерина Григорьевна

⁷⁵ Л. С. Макарьева передала мне русский перевод первых трех строф «Интернационала», переписанный рукою младшего сына Екатерины Григорьевны Германа Викторовича Бартенева, и утверждала, что первый русский перевод «Интернационала» сделан Екатериной Григорьевной. Но это утверждение неправильно, так как известно, что на русском языке «Интернационал» распевался в Сибири среди политических еще до 1905 г. Первым русским переводчиком «Интернационала» является Кош-Данин (перевод Коша был напечатан в заграничном журнале «Жизнь» под редакцией В. А. Поссе). По-видимому, по просьбе Екатерины Григорьевны, ее младший сын переписал для Л. С. Макарьевой перевод Коша.

могла бы дать такую характеристику Чайковскому после 1905 г., если бы стала сторонницей «мирных» путей и чуть ли не «кадетской», как это утверждал Н. Л. Сергиевский.

По словам М. Л. Лихтенштадт, Екатерина Григорьевна сохранила до последних дней своей жизни интерес к революционной молодежи и к тому, что касается революции. В 1913 г. она написала свои воспоминания о Парижской Коммуне.

Екатерина Григорьевна не умела поддерживать связи с редакциями и издательствами и поэтому получала лишь случайную работу. Будучи одной из учредительниц кассы взаимопомощи литераторов и ученых (возникшей в Петербурге в 1890 г. при Литературном фонде), Екатерина Григорьевна сама стала ее стипендиаткой. Помогал ей немного и средний сын Григорий Викторович, хозяйство которого на Кавказе после 1905 г. было разрушено черносотенцами и который вынужден был со своей женой переехать в Петербург, где поселился вместе с матерью. Весной 1913 г., когда Григорий Викторович снова обосновался на Кавказе, Екатерина Григорьевна тоже переехала туда и лечилась в Кисловодске. Но уже весной 1914 г. из-за болезни (рак матки) она была привезена для операции в Петербург. Операцию делать было уже поздно, и 19 августа 1914 г., уже после начала мировой войны, она умерла в Елисеевской больнице для бедных женщин и похоронена на Новодеревенском кладбище, по ее собственному желанию — в простом гробу, без венков и речей. В суматохе мировой войны смерть ее прошла почти незамеченной, хотя, как мы упоминали выше, в печати о ней было 4 некролога.

Сама Екатерина Григорьевна, по словам ее сына Г. В. Бартенева, будучи очень взыскательной, не придавала значения своей литературной работе и потому очень редко подписывала статьи своим настоящим именем. Но судя по «Картинкам парижской жизни», напечатанным в «Русском богатстве» за 1893 г. (№№ 5 и 8) под псевдонимом «М. Прокофьева», можно сказать, что у нее был дар такого яркого изображения действительности, который вполне приближается к художественному. С большим интересом читаются воспоминания Екатерины Григорьевны «Из истории одного детства» (хранящиеся в Рукописном отделе Публичной библиотеки в Ленинграде), охватывающие первые 14 лет ее жизни и ярко рисующие среду, в которой она росла. Анонимно напечатана была в 1870 г. в «Неделе» ее статья «Рабочий вопрос в Швейцарии», состоящая из 5 частей с отдельными заглавиями, из которых особенно интересна напечатанная в № 35 часть «Международное общество рабочих», где изложены устав Интернационала, решения его Базельского конгресса 1869 г. и личные наблюдения автора по поводу деятельности Интернационала.

Но и переводы Екатерины Григорьевны таких капитальных исторических трудов, как работа Сореля, или сочинения Золя, Жана Поля Рихтера, «Мемуары идеалистки» Мальвиды Мейзен-

буг, воспитательницы детей Герцена,⁷⁶ а также перевод двух рассказов Салтыкова-Щедрина для французских передовых читателей имеют немалое значение для характеристики Екатерины Григорьевны как литератора.

Ее обзоры иностранной жизни в русских журналах (в «Женском деле» и «Новом журнале иностранной литературы»), ее политическая хроника в газете «Новости», ее корреспонденции о стачечном рабочем движении и вообще о русском революционном движении, студенческом и рабочем, в немецкой и французской социалистической печати рисуют нам Екатерину Григорьевну как революционную писательницу, внесшую и свою долю в революционизирование широких масс.

Для политического лица Екатерины Григорьевны характерно, что и в юные годы она не была поклонницей Герцена и лишь на короткое время увлеклась идеями Бакунина. По-видимому, знакомство с учениями Чернышевского, Лаврова и Маркса помогло ей уже в начале 70-х годов, когда увлечение бакунизмом среди русских революционеров было почти всеобщим, перейти в ряды первых русских сторонников Маркса. Верность идеям марксизма она сохранила до смерти.

Участие Екатерины Григорьевны в учреждении Русской секции I Интернационала, в Парижской Коммуне и в I марксистском конгрессе II Интернационала и пропаганда ее в первых русских марксистских кружках дает ей право на наше внимание.

Какой бы скромной ни казалась на первый взгляд политическая деятельность Екатерины Григорьевны, трудно переоценить ее общественное значение. Являясь знатоком революционной жизни Европы и вместе с тем русского революционного движения, щедро отдавая свой опыт и знания членам революционных рабочих кружков (как это было в 1889—1891 гг. в Петербурге), политическим ссыльным (как это было в 1894—1898 гг. в Пскове), отдельным представителям революционной молодежи и рабочим (во все периоды ее жизни), она заслужила благодарную память последующих поколений.

⁷⁶ Книга вышла только под инициалами автора: М. М. Мемуары идеалистки. С франц. перевод Е. Г. Бартеневой. СПб., 1905. Издание редакции «Нового журнала литературы, искусства и науки». Тот же перевод напечатан и как особое к этому журналу приложение за 1905 г. (№№ 1—9). В архиве М. К. Лемке, хранящемся в Пушкинском доме в Ленинграде, имеется письмо к нему Григория Викторовича Бартенева от 24 сентября 1912 г., где он пишет, что первый том «Мемуаров идеалистки» был напечатан в «Новом журнале иностранной литературы» в 1902 или 1903 г. (на самом деле в 1905 г.), а второй том остался в рукописи по цензурным условиям.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение

ЕЛИЗАВЕТА ЛУКИНИЧНА ДМИТРИЕВА

I. В семье (1851—1868 гг.)

II. В Женеве. Знакомство с Интернационалом (осень 1868 г.) III. В редакции «Народного национала» (декабрь 1868—март 1870 г.)

IV. Работа в Русской секции. Поездка к К. Марксу (март—ноябрь 1870 г.)

V. Ознакомление с событиями в Париже (декабрь 1870—март 1871 г.)

VI. Работав Парижской Коммуне (29 марта—28 мая 1871 г.) VII. После падения Коммуны. (29 мая—октябрь 1871 г.)

VIII. В Петербурге (октябрь 1871—1878 г.)

IX. Замужество. Жизнь в Сибири. Последние годы жизни (1878—1918 гг.)

Приложения

АННА ВАСИЛЬЕВНА КОРВИН-КРУКОВСКАЯ
(ЖАКЛАР)

I. Воспитание в семье (1843—1863 гг.)

II. Знакомство с нигилизмом. Начало литературного творчества (1863—1864 гг.)

III. Дружба с Ф. М. Достоевским. Первая поездка за границу (1865—1867 гг.)

IV. Встречи с нигилистами и революционерами в Петербурге. «Эмансипация» от семьи (зима 1867/68—весна 1869 г.)

V. Жизнь в Париже. Дружба с революционной писательницей Андре Лео и с членами Интернационала (весна 1869—лето 1870 г.)

VI. Среди русских и французских эмигрантов в Женеве. Работа в Русской секции Интернационала. Отношение к событиям во Франции (июль—август 1870 г.)

VII. Накануне Парижской Коммуны (сентябрь 1870—март 1871 г.) . . .

VIII. Работа в Коммуне (18 марта—28 мая 1871 г.)

IX. Организация побега Жаклара. Жизнь в Берне и в Цюрихе. Переписка с Марксом (июнь 1871—июнь 1874 г.)

X. Снова в России. Новые встречи с Ф. М. Достоевским (1874—1881 гг.)

XI. Последние годы жизни. Писательство. Болезнь. Смерть (1881—1887 гг.)